

Говард Л. Блэкмор

ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ

От Средних веков до двадцатого столетия

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

ББК 63.3(0)
Б70

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Блэкмор Говард Л.
Б70 Охотничье оружие. От Средних веков до двадца-
того столетия / Пер. с англ. С. Федорова. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2006. — 432 с.

ISBN 5-9524-2350-7

В книге представлен широкий перечень охотничьего оружия от копья римского охотника и средневековых стрел, использовавшихся во время охоты на дикого вепря, до применявшегося китобоями гарпунного ружья и винтовок Винчестера. Детально описаны все виды охотничьих сабель, ножей, штыков, луков, арбалетов, ружей и другого оружия от Средневековья до двадцатого столетия. Это исследование будет интересно всем, кто хочет больше узнать об орудиях охоты и о способах их применения.

ББК 63.3(0)

ISBN 5-9524-2350-7

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

*Моему отцу Дудли Блэкмору (1879—1941),
любившему сельские красоты*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге, предназначенной для коллекционеров, я попытался описать все известное мне оружие, использовавшееся на охоте, включая и те разновидности, которые военные историки обычно относят к этнографическим. Описывая, например, арбалеты, невозможно не упомянуть веерный арбалет — основное метательное оружие аборигенов. Оно требует такого же внимания, как и испанский дротик. Если в Англию привезли рогатку, то почему не следует писать о ее использовании и в других странах? К сожалению, до сих пор охотничье оружие пользовалось явно недостаточным вниманием исследователей и собирателей.

В 1890 г. барон де Коссон с горечью писал во введении к своей книге «Старинное охотничье оружие в Гросвенорской галерее», что «в истории древнего оружия нет другой области, к которой бы относились с таким пренебрежением, как к охотничьему оружию. Ни в одной европейской коллекции охотничье оружие не выделено в особый раздел».

Практически ничего не говорят об охотничьем оружии и специалисты по истории оружия и доспехов: В. Бохейм, А. Деммин и В. Диллон. Их интересуют только коллекции, а также искусно отделанные мечи, сабли, арбалеты и ружья, но не скромные палаши и кинжалы.

Первой книгой, специально посвященной охотничьему оружию, стал «Каталог европейских придворных мечей и охотничьих сабель» Б. Дина, вышедший в 1929 г. В нем много полезной информации, хотя автора прежде всего

интересует великолепная отделка охотничьих мечей, а не их применение на охоте.

В 1937 г. П. Каррингтон-Пирс опубликовал небольшой «Справочник по придворному и охотничьему оружию». Написав книгу в то время, когда преобладали «небольшие дома с малочисленной прислугой», он отмечает, что сабли «по-прежнему покупались за ту ничтожную цену, которую могли позволить себе многочисленные собиратели древностей, неохотно отсчитывавшие каждую десятифунтовую купюру».

Спустя тридцать лет после того, как было сделано это заявление, охотничий палаш по-прежнему можно было купить за гроши уже из-за причуд антикварного рынка. В том же 1937 г., когда П. Каррингтон-Пирс опубликовал свою книгу, в Берлине состоялась Всемирная охотничья выставка, способствовавшая развитию интереса к данному виду оружия. В полной мере эффект от ее проведения проявился лишь после войны, когда практически в каждой стране начали создаваться охотничьи музеи. Начали выходить и книги, посвященные охоте и охотничьему оружию. Правда, в большинстве из них давалась история огнестрельного оружия или описывались спортивные или художественно отделанные ружья.

Конечно, тема требовала разработки, поскольку в сотнях книг XVI и XVII вв. подробно описаны способы и обычаи проведения охоты, порядок обучения и ухода за гончими, но почти нет сведений об оружии, например весе и длине копья или форме эфеса сабли. Что же касается красивых гравюр и ксилографий, иллюстрирующих эти книги, то художники чаще всего дают настолько схематичные изображения мечей или копий, что они не могут служить источником каких-либо сведений.

Пытаясь описать все разновидности существовавшего охотничьего оружия, невольно задумываешься над тем, как разместить все сведения в одном томе, ибо необходимо описать все оружие, начиная от каменного топора и деревянного копья до револьвера и ракеты. Поэтому в начале каждого раздела приходится давать краткий исторический экскурс, уповая на то, что читатель уже частично знаком с предметом разговора.

Перечислив главные трудности, которые пришлось преодолеть при написании этой книги, автор приносит извинения за вынужденную краткость и фрагментарность изложения. Кроме того, я должен поблагодарить своих друзей и многочисленных коллег, помогавших мне в розысках необходимых материалов для написания моего труда и подборе иллюстраций, которые читатель увидит в этой книге.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционный взгляд на охоту отражен в песенке из книги «Синегетика» (Лондон, 1788):

Охота — древний, благороднейший досуг,
Равно доступный для господ и слуг.
Он упражняет глаз и дарит телу силу,
И лорду старому он отдалит могилу.

Конечно, человек начал охотиться ради пропитания, но уже в более поздние времена охота стала частью общественной жизни и формой досуга. Она помогала удовлетворить кровожадные военные инстинкты без человеческих жертв и кровопролития. Это был и спорт, и развлечение.

Охота считалась таким же укрепляющим тело и дух делом, как военная служба. У. Сомервиль пишет об этом: «Для великих героев Античности охота была не только забавой. Охотясь, они тренировались перед будущими военными действиями, их поединки с дикими зверями были прологом их будущих побед. Ксенофонт замечает, что почти все древние герои — Нестор, Тесей, Кастор, Полидевк, Одиссей, Диомед, Ахилл — были заядлыми охотниками».

В Средневековье охота стала тем главным событием, вокруг которого вращалась вся жизнь и небольшой деревни, и старинной усадьбы, и королевских дворов. Весной и летом охотились на оленей, осенью травили зайцев, зимой выслеживали кабанов. У каждой охоты были четко разработанные правила и нормы этикета. Егеря и лесничие выслеживали животных, устанавливали их убежища, состав-

ляли маршруты их передвижения, по помету определяли возраст и состояние будущей добычи. В практических руководствах, посвященных охоте, давались советы, как читать эти знаки, чтобы определить время для удачного гона. Помет торжественно приносили на охотничий завтрак, где определялись планы предстоящей днем охоты. В течение дня охотники могли затравить несколько десятков зверей, а сама охота могла продолжаться несколько дней.

Особыми ритуалами обставлялась разделка туши. У животных торжественно вырезались гениталии¹, у птиц изымалась считавшаяся целебной «срединная косточка». Как и олени рога, они считались самыми драгоценными трофеями, становились предметом специальных изысканий и часто изображались художниками. В насчитывающей более сотни листов серии охотничьих гравюр И.Э. Ридингера (1698—1767) запечатлено немало причудливых оленьих рогов.

Огромные собрания подобных трофеев скопились в охотничьих замках. Эрцгерцог Фредерик Саксонский отдал группу гренадеров за голову оленя, застреленного первым королем Пруссии в 1696 г. В рогах этого оленя было шестьдесят шесть зубцов.

Большинство европейских правителей считали охоту делом чести. Император Максимилиан I попытался увековечить собственные подвиги, опубликовав их иллюстрированное описание в *Theuerdank* и *Weisskunig* (рис. 4). Генрих VIII, пытавшийся состязаться с императором по многим вопросам, оказался и страстным охотником. В августе 1520 г. его секретарь Р. Пейс писал Уолси: «Обычно, кроме праздничных дней, король встает рано, в 4 или 5 часов, и охотится до 9 или 10 часов вечера. Искусство охоты он превратил в настоящее мучение всех, кто его окружает».

Очевидно, что из-за подобных пристрастий сильно страдали не только придворные, но и сельские угодья. Деревенским жителям приходилось молча страдать от серьезных

¹ Об их пользе говорится в книге Блума «Отдых джентльмена»: «...Его гениталии оmyваются водами, сии воды выпиваются, тотчас принося облегчение и исцеление, прекращается истечение мочи и другие болезни. Таков благородный афродизиак, используемый для данной цели».

опустошений, производимых во время королевской охоты. Одним из фанатичных охотников считался король Яков I. Однажды он страшно рассердился, поскольку похитили его любимую гончую по кличке Джоулер. На следующий день собака вернулась с прикрепленной к ошейнику запиской: «Досточтимый сэр Джоулер, мы просим Вас поговорить с его величеством, ибо Вы видите его каждый день, а нас он не может услышать, и убедить его величество вернуться обратно в Лондон, чтобы не подвергнуть свою страну полному разорению».

Нам известно, что король не обладал чувством юмора или сочувствием к простым людям и продолжал охотиться со своими гончими. Однако к 1607 г. его страсть начала потихоньку угасать, и сэр Джордж Чеворт отметил, что «его величество уже не так одержим своей страстью, чтобы предаваться ей в любую погоду, — хотя в погожие дни он по-прежнему стремится проводить как можно больше времени в поле, в холодные или дождливые дни предпочитает оставаться дома».

В то время в Европе охота считалась в первую очередь развлечением, в котором не было места для риска или физических трудностей. Организация охоты становилась все более и более утонченной, князья старались превзойти друг друга во всевозможных развлечениях и причудах. Удобно расположившись в специально построенных беседках и галереях, они уничтожали сотни оленей, кабанов и множество разнообразной дичи, которую к ним подгоняли загонщики. Отчасти такому отношению способствовало и широкое распространение огнестрельного оружия.

Следуя этой общепринятой моде, И. Солер, автор «Полной истории охоты в Мадриде» (1795), прежде всего превозносил достоинства охоты, очищающей ум и укрепляющей тело, вскользь упомянув о сопровождавших ее трудностях: «Участие в охоте является самым приятным, полезным и забавным способом отдыха, потому что она будоражит сознание и заставляет забыть обо всех заботах и жизненных невзгодах, укрепляет тело и способствует развитию ловкости, вызывая при этом небольшую усталость».

Однако в Англии в начале XX в. продолжало доминировать спартанское отношение к охоте как к спорту, в ко-

тором не было места роскоши. Отсутствие удобств и физическое напряжение считались неотъемлемой составляющей преследования дичи. Охотник должен был находить удовольствие в том, что он мог охотиться в любую погоду, независимо от результата.

Ружейные охотники, такие как полковник П. Хокер (1786—1853), были привычны к зимним ночам на болотах, они могли промокнуть и продрогнуть до костей ради единственного выстрела по дичи на утренней тяге.

В своем дневнике 1820 г. Хокер сообщает в записи от 15 января, что «нынче ночью два человека замерзли до смерти в своих плоскодонках». Ничтоже сумняшеся он подготовил свою лодку к 28-му числу и просидел в ней «с 7 часов вечера до 7 часов утра... так и не сделав ни одного выстрела. Никогда более мне не приходилось попадать в такой переплет».

Охотникам и писателям викторианского периода¹ нравилось говорить о физических трудностях и опасностях, подстерегавших каждого, кто отправлялся на охоту, правда неизменно подшучивая над собой. Так, Г. Камминг, приобретший известность после публикации своей книги «Пять лет жизни охотника в далеких просторах Южной Африки», заявлял своим читателям, что превосходным охотником на львов может стать лишь тот, кто «не боится смерти, обладает особой выдержкой и самообладанием, хорошо изучил привычки и места обитания львов, неплохо разбирается в охотничьем оружии».

Другой известный охотник, Х.А. Ливсон, писал под псевдонимом Старый Шекари. Страдая, как и Хокер, от военных ран, Ливсон продолжал вести активный образ жизни и охотился по всему миру. Его рассказы, написанные как роман, необычайно увлекательны, временами волосы шевелятся от страха и перехватывает дыхание.

В книге «Охота в разных странах» (1877) Ливсон, например, выступает в основном как типичный охотник, «привыкший к смерти, которая подстерегает его в любой момент, но он готов встретиться с ней лицом к лицу». Правда, весь эффект пропадает от описания последующих событий. Рассказа-

¹ Период правления королевы Виктории.

зывается, как Ливсон вместе со своим компаньоном основательно подкрепляется за завтраком (приводится полный перечень съеденного).

Захватив с собой несколько жестянок с паштетом из утиной печени (фуа-гра) «на тот случай, когда они не смогут в достаточном количестве достать еды во время путешествия», они, к счастью, находят удобное пристанище. Здесь они получают прекрасный обед и встречают красотку, которая «очарована его прекрасным спутником». Но все кончается хорошо: натянув лосины и вооружившись своим драгоценным карабином Уитфорта, Ливсон убивает все живое в радиусе 300 ярдов.

Восхищенный прекрасно организованными охотничьими экспедициями, Т. Рузвельт во вступлении к книге Бейли-Громана «Мастер охоты» (1904) писал, порицая тех, кто не «требует от охотника ни физического, ни духовного напряжения»: «В свое время подобное отношение оказывалось вполне возможным, однако сегодня считается совершенно неприемлемым. Отсутствие трудностей и лишений превращает охоту в приятное времяпрепровождение в автомобиле, палатке или вагончике. Выстрелы в заранее приготовленную дичь в специальные дни сопровождаются изысканным угощением из всевозможных лакомств, привезенных в специальных фургонах или с помощью мулов. Сама же охота не требует никаких усилий от ее участников, представляя плохую пародию на суровую охотничью жизнь, когда мужчина был вынужден полагаться только на свою выносливость, зоркий глаз и необычайную выдержку. Только они становились залогом его безопасности и помогали выжить в поединке с дикой природой».

Храбрость и самоотверженность, честное соперничество подменялись жадой крови и ничем не оправданной жестокостью. Первыми такие качества стали проявлять римляне: сражавшиеся с животными люди и животные с животными должны были добивать друг друга на арене, окруженной орущей толпой.

В XVI в. возродили подобную искусственную разновидность охоты. В Англии она проявилась в виде преследования быков и медведей. Иоганн-Георг I, эрцгерцог Саксонский, был заядлым приверженцем аренных боев, используя

для этой цели в качестве сцены большой открытый рынок в Дрездене. Именно сюда привозили зубров из диких лесов Польши и выставляли их против медведей, кабаны сражались с волками и оленями.

Сам эрцгерцог иногда также выходил на арену, чтобы пронзить животное своим копьем. Похожие придворные развлечения достигли своей кульминации в отвратительном развлечении по подбрасыванию лис. Оно происходило следующим образом: два человека, стоявшие друг от друга на расстоянии 20 или 25 футов, удерживали концы широкой тесьмы или веревки. Натянута средняя часть лежала на земле. Как только испуганное животное прогонялось через арену, державшие канат натягивали концы, подбрасывая животное в воздух. Поверхность арены специально покрывалась опилками или песком, чтобы искалеченное животное не сразу умерло.

Использовали также и смешанные пары животных, стравливая которых удовлетворяли жажду к жестоким развлечениям. В Дрездене во времена герцога Саксонии Августа Сильного (1694—1733) ради потехи однажды подбросили и предали смерти 687 лис, 533 зайца, 34 барсука и 21 дикого кота. В конце 34 молодых борова и 3 волка были помещены в загородку «к великому удовольствию кавалеров и ужасу благородных дам, которым дикие кабаны повредили платья с кринолинами, изрядно повеселив всю честную компанию».

В опубликованном в 1794 г. «Руководстве для развлечений» описывается, как в венском амфитеатре устраивались битвы между львами, леопардами, медведями, волками и рысями. Чтобы пройти на свободные места, горожане приносили своих собак, нападавших на животных на арене.

Свои садистские наклонности охотники проявляли не только по отношению к животным. Согласно суровым законам сельчане были обязаны предоставлять свои уголья для развлечений своего помещика, хотя браконьеры жестоко преследовались. В 1537 г. обнаружили фермера с мертвым оленем на его собственном поле. Тогда архиепископ Михаил Зальцбургский приказал, чтобы его зашили в шкуру животного и отдали на растерзание голодной своре его

собак, сам же он с наслаждением наблюдал, как изголодавшиеся звери раздирали человека на куски. Если у крестьянина находили зайца, то привязывали к горлу. Если в XVIII в. в Англии ловили голодного батрака, ставившего силки на кроликов, то его могли выслать на семь лет. Для защиты угодий от крестьян нередко использовались ловушки на людей и ружья-самострелы.

Конечно, люди жили по законам своего времени. Малообразованное население безучастно относилось к бессмысленному умерщвлению животных. К своей добыче охотник относился со смешанными чувствами восхищения и бессердечности. Оленя превозносили за благородство, кабана — за храбрость. В качестве примера можно привести тост Мастера охоты, опубликованный в книге Ливсона «Охота в разных странах» (1877). Вначале он превозносит «прекрасных дам, их сияющие глаза и пышную грудь», затем продолжает:

Я поднимаю тост за того,
От кого бегут могучие звери,
А он, самый благородный из нас,
В горных зарослях выросший,
Быстрее, чем самый стройный олень,
Живущий на просторах Декканского плоскогорья.
Кто может остановить его гордый бег?
Кто дерзнет его превзойти?
Чуть ниже он пишет о страсти, охватившей охотника:
Кабан, могучий кабан, меня влечет,
Вопреки голосу рассудка,
Я думаю о нем с утра до вечера,
Вижу его во сне.
За днями дни, я с неугасимой страстью,
Орлиным взором, твердою рукой
Гонюсь за ним,
Стремясь его убить!

Отметим, что выдра, считавшаяся небольшим и очаровательным существом, могла нападать практически с маниакальной яростью. Именно поэтому в поэтических текстах ее награждают такими эпитетами, как «жестокий тиран», «полуночный убийца», «тонконогий застенчивый скиталец». Английский поэт У. Сомервиль подробно описывает охоту на выдру в поэме «Погоня» (1735), заканчивая ее следующим образом:

И снова нападает толпа. Копье попало в шею,
Его зубцы впились ей в плоть,
Пурпурная кровь струится из раны.
Тяжелое древко мешает убежать,
Как тяжкий груз влечет его в глубины.
Но облегченья нет в прохладных водах,
И крик о помощи его никто не слышит,
Он к берегу стремится, чтобы скрыться в зарослях,
Но тщетны ее надежды,
Там ждут ее враги — охотники и гончие собаки.
Она мечется затравленно, но нет ей спасенья,
На заостренных пиках поднята высоко над толпой,
Извиваясь, она висит, и скалится, и кусается, но все тщетно,
Трубят громко в рог, весело воспевают случившееся,
Приговоренный к своей участи, он умирает, умирает.

И все же животные изображались необычайно подробно и любовно, их образы использовались в качестве украшения на охотничьем оружии.

Только к XVI в. у отдельных сограждан начала пробуждаться совесть, и стали раздаваться первые протесты против жестокого обращения с животными. Правда, не обошлось и без крайностей. В 1780 г. «джентльмен» (Ричард Гардинер) опубликовал «Сентябрь, сельскую поэму», памфлет, в котором он клеймит позором охотников, убивающих птиц во время выведения птенцов:

Куда податься их несчастным деткам?
Не скрыться от охотника ни в чаще, ни в кустах.
Отказавшись от борьбы, сбившись с дыхания,
Они закрывают глазки и умирают в агонии.
Но это ли триумф?
И можно ли содеянным гордиться?
Тем, что калечишь иль лишаешь жизни
Живое существо, создание Божье?

В 1818 г. Дж. Лоуренс в «Охотничьем календаре» призывал «к милосердному обращению со всеми дикими животными», считая его «священной обязанностью» охотника. В октябре 1825 г. леди Кеннеди, ревностный поборник этих идей, посетила соревнования охотников и расстроилась, увидев, что в качестве мишеней там используют живых голубей. Побуждаемая личными намерениями, она привязала небольшой кусочек белой бумаги вокруг лапки каждой птицы, что-

бы та полетела зигзагами и тем самым увеличились ее шансы на спасение. На самом деле это помешало полетам птиц, и «зрители просто умирали от смеха». В 1847 г. миссис Ханбери опубликовала «Один день из жизни оленя», где попыталась выступить против жестокой современной охоты на этих животных.

Однако большинство охотников продолжали проявлять невероятную жестокость к животным. В качестве примера можно привести избиение быков (более подробно об этом говорится в главе «Оружие», раздел «Ружья, заряжавшиеся с казенной части»). Случались и отдельные происшествия. В 1825 г. лорд Мидлтон решил соревноваться с егерем, причем тот, кто совершал удачные выстрелы, должен был нести добычу партнера. Поскольку егеря оказался более удачливым, лорду Мидлтону пришлось изрядно попыхтеть, ноша оказалась тяжелой, поэтому он преднамеренно убил молодого осла и заставил егеря нести его.

Даже добродушный П. Хокер не колеблясь застрелил своего молодого необученного пса, когда тот помешал ему во время охотничьей экспедиции во Францию. Некоторые доблестные авторы невольно выдавали себя своими собственными сочинениями. Нельзя не испытать тошнотворные чувства при прочтении описания Г. Камминга, посвященного убийству самого большого из встреченных им самцов слона. Первым выстрелом он обезножил животное, заставив того хромать и укрыться под деревом, откуда он смотрел на своих мучителей «покорно и философски».

Камминг продолжает рассказывать: «Прежде чем уложить слона, я решил немного понаблюдать за этим благородным животным. Поскольку я уже расседлал своих лошадей и разместил их в тени дерева, где собирался остановиться на ночь и следующий день, то быстро разжег огонь и поставил на него свой котелок, так что через несколько минут мой кофе был уже готов. Затем я устроился в моем лесном доме, спокойно попивая свой кофе в компании с одним из прекраснейших слонов Африки, находившимся под соседним деревом, предвкушая то наслаждение, которое было у меня впереди.

Вволю насладившись зрелищем поверженного слона, я решил исследовать наиболее уязвимые точки. Приблизив-

шись к нему насколько возможно, я выпустил несколько пуль в различные части его огромного тела. Они не причинили ему ни малейшего вреда, он просто махнул своим хоботом, воспринимая как досадное недоразумение, только мягко дотрагиваясь до раны осторожными движениями.

Удивленный и потрясенный, я понял, что только мучаю и продлеваю страдания благородного животного, которое с достоинством несло выпавшие на его долю муки. Решив закончить со всем этим как можно быстрее, я начал стрелять в него с левой стороны, соответствующим образом устроив мое оружие. Но прошло еще много времени, прежде чем мои пули начали оказывать свое воздействие.

Сначала я сделал шесть выстрелов из двустволки, которые могли оказаться смертельными, но также не нанесли видимого вреда. Тогда я выстрелил еще три раза из голландского шестифунтовика. Теперь из глаз животного полились огромные слезы, он медленно открывал и закрывал их, наконец его огромная туша дрогнула, упав на бок, он дернулся в конвульсиях и испустил дух».

Не станем сгущать краски и отметим еще одну составляющую охоты, которая позволит закончить это введение на более оптимистичной ноте. Насколько нам известно, охота всегда шекотала нервы. Многие полагали, что подобное возбуждение можно было испытать, занимаясь сексом. Возможно, в сказанном есть доля истины, ведь и тут и там налицо преследование, борьба и завоевание с кровопролитием. Рассуждая о капелях крови, оставленных раненым животным, Ч. Бонер в «Охоте на серну» (1853) сравнивает кровь с цветком:

Алое пятно радует охотника
Более, чем самая красная роза,
Он трепещет от восторга,
Как любовник, сорвавший цветок невинности.

Охоту часто посещали придворные дамы, предлагавшие в конце дня развлечения мужчинам, разгоряченным гоном. Их присутствие превращало наказание «клинком» в шумное и оживленное событие (об этом более подробно говорится в главе «Ножи и штыки», раздел «Охотничьи приспособления»). На гобелене XV в., хранящемся в Музее Виктории и

Альберта в Лондоне, известном как Девонширский гобелен, изображен олень, которого потрошит охотник, и гончая, с радостью копошащаяся в окровавленном месиве. А на втором плане другой охотник страстно ласкает грудь женщины.

В парижском Лувре находятся гобелены, известные как «Охота Максимилиана» (ок. 1525), на которых изображена парочка, занимающаяся любовью, в то время как на заднем фоне собираются охотники. Во французском любовном романе «Венера» де Фуллу (1561) встречается описание устройства кареты для охоты. Полагалось, в частности, посадить туда прыткую девицу шестнадцати или семнадцати лет, чтобы она услаждала сеньора во время путешествия.

В стихотворении «Как я стану жить в отставке в деревне», написанном около 1680 г., встречаем такое начало:

Если я доживу до старости, я отправлюсь в деревню,
Такова моя судьба. В селе,
Может быть, у меня будет теплый дом с каменной оградой
И чистая молодая девушка, которая станет почесывать
мою лысину.

Отметим, что в стихах охота и занятия любовью постоянно обозначались сходными образами. В охотничьих песнях обычно использовали непристойные каламбуры, как, например, в песне «Охота на венок зайца». «Поиск кролика» или «зайца» означал наружные женские половые органы, иногда упоминалась сиппу (шкура). Сказанное относится и к лани. «Раненый» олень считался легкой добычей, поэтому его образ символизировал девушку, уступившую своему любовнику. На подобных метафорах построена известная баллада о горбатом леснике:

Жил-был лесник, стрелок отменный,
Всегда носил с собой припас,
Чтобы в цель попасть тотчас,
Едва завидит самку
В густом-густом лесу.
Джек, пой свою песню,
Вместе со мной, со мной,
Вместе со мной, со мной.
Но в первый раз он не попал,
Вторую он обнял и поцеловал,
А третья от него ускользнула,

ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ

В зеленый лес, в зеленый лес,
Четвертую самку поймал он в силки,
Объятыя его страстны и крепки,
В зеленом, зеленом лесу.

Пятая самка резвухой была,
Прыгала как коза,
Но быстро ее он поймал, укротив,
На зеленой-зеленой траве.
Джек, пой свою песню,
Вместе со мной, со мной,
Вместе со мной, со мной.

Приведенные отрывки дают хотя и фрагментарное, но достаточно яркое представление о пороках и недостатках мужчин и женщин, использовавших оружие, о котором пойдет речь в следующих главах. Ввиду ограниченного объема в нашей книге возможны определенные недочеты.

Кровавые оргии королевских охот удовлетворяли потребности в жестокости и похоти. Не отставали от них и колонисты, осваивавшие заморские земли. Опьяненные властью, которую давало им огнестрельное оружие, они забивали всех животных, попадавшихся им на глаза. Профессиональные охотники, китобои, охотники на тюленей или морских котиков, бизонов и слонов безжалостно проšliсь по землям и морям и истребили множество видов диких животных. Их кровожадность совершенно затмила скромных охотников, добывавших дичь ради пропитания своей семьи, а не ради удовольствия и спортивного тщеславия.

Встречались также те, кто изучал жизнь в сельской местности и, как следствие, начинал любить животных, гордясь тем, что никогда не причинял им страданий. Приведем слова сэра Самуэля Уайта Бейкера: «Все охотники, с которыми мне доводилось встречаться, на самом деле оказались весьма сентиментальными: оставаясь жестокими по отношению к животным, они были готовы расплакаться от лубой душещипательной истории».

Глава I

МЕЧИ

Самым распространенным охотничьим оружием древности считались лук и копье, позволявшие охотникам держаться на безопасном расстоянии от своей жертвы. На египетских и ассирийских настенных изображениях, скульптурах и фресках изображаются охотники с луками или копьями, надежно укрывшиеся в своих колесницах, но практически не встречаются изображения охотников с мечами. Что же касается личной защиты, то охотник полагался на существовавший в его время боевой меч, хотя сегодня он кажется абсолютно неэффективным.

На ассирийском барельефе, датируемом примерно 884 г. до н. э., находящемся в Британском музее, изображен на колеснице правитель Ассурнасирипал, охотящийся на львов с помощью лука и стрел. На поясе у него висит прямой меч в затейливо изукрашенных ножнах. На ритуальном щите, обнаруженном в гробнице Тутанхамона (ок. 1350 до н. э.), изображен сам правитель, убивающий львов ударом хопеш — округлой сабли, распространенной в Средиземноморье в конце бронзового века.

Встречаются и другие изображения оружия. На мозаиках (в Пелле и Помпее) и росписях античных ваз (ок. 300—100 до н. э.¹) можно увидеть воинов с копри и махайрой — односторонним мечом, похожим на кукри (оружие непальского племени гуркхов). Обычно они использовались, чтобы разрубать пополам туловища львов или кабанов (рис. 1).

¹ Прекрасное изображение можно увидеть на мозаике, выложенной из гальки, находящейся в древнем греческом городе Пелла (Македония).

Рис. 1. Греческий охотник с махайрой, нападающий на дикого кабана. Рисунок на этрусской вазе V в. Коллекция Галлатина

Скифские воины на лошадях, вооруженные луком и стрелами, служившими в качестве основного оружия, использовали акинак — короткий меч в изысканно украшенных ножнах. На сарацинском серебряном изделии примерно 400—500 гг. н. э. можно разглядеть королевских охотников, закалывающих и разделывающих львов прямыми обоюдоострыми мечами. Пожалуй, художник несколько преувеличил их деяния, поскольку практически подобные действия были трудноосуществимы. Все приведенные нами примеры касаются боевого оружия, тогда как по имеющимся изображениям видно, что специальный охотничий меч появился не ранее XV в.

Во многом невозможность использовать мечи обусловлена тем, что ранние бронзовые и железные изделия были слишком короткими и непрочными, чтобы их можно было без риска использовать против огромного разъяренного животного. Поэтому как охотничье оружие меч начали использовать только тогда, когда достаточно усовершенствовалась технология обработки металла. Первыми на охоте начали использовать появившиеся в Средневековье длинные и ши-

рокие обоюдоострые мечи, прорубавшие кольчугу и пластинчатые доспехи. Первоначально они использовались как рубящее оружие, но в XIII в., когда пластинчатые доспехи усовершенствовались и стали прочнее, меч стали использовать преимущественно для удара, а не разрубания противника. Тогда использовали прямые обоюдоострые мечи с слегка изгибающимися лезвиями. Для достижения необходимой жесткости применяли многослойную ковку и закалку. В результате лезвие приобрело ромбическое сечение. На иллюстрациях в рукописных изданиях изображены конные или пешие охотники, использующие такие мечи.

БОЛЬШОЙ ОХОТНИЧИЙ МЕЧ

На рисунках в книге У. де Мильмета *De Nobilitatibus, Sapientiis et Prudentiis Regum* (1326—1327) изображены медведи и львы, на которых нападают с помощью большого охотничьего меча. В одной из первых печатных книг, посвященных охоте, «Книге королевских манер», опубликованной в 1486 г., изображен сидящий верхом охотник, бросающий остроконечный меч в медведя (рис. 2). Автор приводит подробные инструкции по использованию меча длиной 4 фута со специально затупленным левым краем, чтобы случайно не поранить левую ногу всадника. Вскоре подобное длинное, более тяжелое лезвие было повсеместно введено, хотя и не встречаются указания на то, что в то время специально затупляли один из краев меча.

В 1381 г. М. де Турне, оружейник короля Франции, изготовил два «больших разных меча... для правителя и монсеньора де Валуа, чтобы убивать кабанов». К сожалению, сколько-нибудь подробного описания самих мечей для охоты на кабанов не сохранилось. Тем не менее к концу XV в. уже существовал тщательно разработанный тип охотничьего меча для конного охотника. Одним из самых совершенных образцов можно считать меч Максимилиана I, находящийся в Историческом музее в Вене (фото 1).

Скорее всего, он был изготовлен в 1497—1498 гг. мастером из Галле Г. Шумерспергером. Это обоюдоострый меч из вороненой стали, украшенный религиозными надпися-

Рис. 2. Охотник с мечом в руках.
Гравюра из «Книги королевских манер» (1486)

ми и сценами. Отметим прямую плоскую гарду и красивую рукоятку из дерева с костяными накладками, а также серебряный зажим, украшенный крупной жемчужиной. В рукоятке хранился набор столовых ножей. На гравюре в Theuerdank изображен Максимилиан, поражающий кабана ударом меча, который он держит обеими руками.

Другие мечи данного класса не столь великолепно отделаны, хотя практически не отличаются от него. Большинство имеют трехслойный клинок треугольного сечения с одним лезвием, который подходит и для рубящего и для колющего удара. Гарда усилена специальным приспособлением для указательного пальца и зажимом для большого пальца, чтобы меч можно было надежно удержать в одной руке. Чтобы держать меч двумя руками, над эфесом прикреплялась дополнительная рукоятка (так называемый *ras d'ane*¹). Трубчатые зажимы имели головку в форме рыбьего хвоста. Типичные образцы можно найти в Коллекции Уоллеса (в Лондоне), в Дрездене и в Музее оружия в Золингене².

¹ Шаг осла. (Примеч. пер.)

² Коллекция Уоллеса — лондонский музей выдающихся произведений искусства и французской мебели, носит имя основателя и бывшего владельца. (Примеч. пер.)

Рис. 3. Максимилиан I, убивающий кабана ударом двуручного меча. Гравюра из книги Theuerdank (1517)

Отметим и другой тип меча, встречающийся в той же группе, когда гарды и зажимы плоские и украшены сквозным декоративным орнаментом. Известен только один меч со щитком для большого пальца. Такой меч можно увидеть в замке Святого Ангела в Риме, другой прекрасный образец с изящно отделанными ножнами находится в Арсенале в Берлине. Более простые мечи имеют две пластинки из оленьего рога, приклепанные с каждой стороны лезвия, которые выполняют роль зажимов (фото 2).

Такие рукоятки с приклепанными головками и специально декорированными шайбами характерны для охотни-

Рис. 4. Охотники с полутораручными мечами. Фрагмент гравюры неизвестного немецкого художника

чьих сабель и ножей, их можно увидеть и на гравюре Дюрера «Мученичество святой Екатерины».

У того же самого Дюрера на его самой известной гравюре «Святой Евстафий и чудесный олень» (ок. 1505) святой вооружен тем, что сегодня называют «полутораручный» меч. Обычно в ножнах такого меча хранились комплект столовых ножей и стилет. Его лезвие, позволявшее наносить как колющие, так и рубящие удары, было достаточно длинным, чтобы конный охотник мог поразить крупное животное не спускаясь с лошади. Удобная рукоятка позволяла хорошо держать меч и одной, и двумя руками.

На гравюрах начала XVI в. со сценами охоты можно увидеть и богатых и бедных охотников, вооруженных такими мечами (рис. 4). В Немецком национальном музее в Нюрнберге находится автопортрет каппенбергского мастера примерно 1500 г., где художник изобразил самого себя в охотничьем платье с одним из таких мечей. На картине Лукаса Кранаха-старшего «Охота, которую давал император Карл V для герцога Саксонского в 1550 г.» оба короля изображены с прекрасными двуручными мечами с длинными рукоятками¹.

В «Реестре» оружия императора Карла V, сделанном после его смерти в 1558 г., описывается один из таких мечей: «охотничий двуручный меч с позолоченным эфесом и ножнами, украшенными бархатом, в ножнах находятся небольшие ножи».

В то время наибольшей популярностью пользовалась загонная охота, то есть варварское преследование дичи по сельской местности, когда собаки выгоняли оленя, кабана или медведя на охотников. Убийство осуществлялось ударом тяжелого меча. Чтобы поразить такое крупное животное, как кабан или медведь, приходилось вонзать меч достаточно глубоко, так что охотник оказывался в пределах досягаемости зубов и когтей животного, а узкое лезвие могло легко выскользнуть из туловища. Поэтому последний удар охотник нередко наносил не мечом, а крепким копьем. Тем не менее именно полутораручный меч оказался самым удобным, и такие рукоятки приделывались к разным типам клинков, предназначенных для охоты.

¹ Сегодня картина хранится в музее Прадо (Мадрид).

МЕЧИ ДЛЯ ОХОТЫ НА КАБАНОВ

Самые ранние мечи такого типа появились в первой половине XV в. и имели треугольное, квадратное или восьмиугольное сечение по всей длине. Во Франции они назывались «длинная шпага», в Британии — «рапира», использовались как для конного, так и для пешего боя. Поскольку таким оружием можно было не только колоть, но и нанести сильный рубящий удар, его стали использовать во время охоты.

В 1514 г. во Франции во время охоты на медведей, организованной дофином, сообщалось следующее: «Милорд Саффолк встретился с первым (медведем) и нанес ему такой удар своей рапирой, что она согнулась в его руках в трех местах, после чего заколол зверя».

В описи оружия и доспехов Генриха VIII, сделанной после его смерти в 1547 г., указаны следующие предметы: «две заостренные сабли в бархатных ножнах» и шесть «копьевидных мечей в кожаных ножнах».

В «Списке изобретений» за 1611 и 1619 гг. они названы «рапирами для охоты на дикого вепря». Самый необычный образец рапиры, находящийся в коллекции Генриха VIII, описан как «длинная позолоченная шпага в ножнах из черной кожи». Возможно, меч такого типа хранится в лондонском Тауэре. У него тисненные ножны, лезвие ромбического сечения длиной 4 фута и 2 дюйма, рукоятка длиной 1 фут и 10 дюймов и прямая гарда. В Описи арсенала Гонзага в Мантуе за 1542 г. указаны «две охотничьи рапиры (estocs)» круглого сечения, сделанные по образцу тех, что принадлежали его королевскому величеству. Здесь же отмечается «охотничий меч типа рапиры» («un arma da caccia in foggia de stocho»).

Тонкое упругое лезвие такого оружия позволяло гораздо лучше поразить крупное животное, чем обычное широкое лезвие меча. Отличие заключалось также в том, что не наносилась большая рана. Однако вполне могло случиться, что лезвие могло вонзиться так глубоко, что охотник оказывался в опасной близости от клыков разъяренного зверя. Поэтому на рапире появился широкий граненый конец, как у копья, предназначенного для охоты на кабана, или ограничитель, не позволявший вонзить ее слишком глубоко.

Рис. 5. Охотники с мечами для охоты на кабанов. Фрагмент гравюры из книги «Триумф императора Максимилиана» (1526)

Первые образцы такого оружия появились около 1500 г. В 1512 г. император Максимилиан I продиктовал своему секретарю Марку Трейзауену детали триумфальной процессии, которую должны были провести в его честь. Позднее она была запечатлена в сериях гравюр, выполненных Х. Бургмайером и другими художниками. Проект завершился в 1519 г., когда умер император, однако первое издание книги «Триумф императора Максимилиана» появилось не ранее 1526 г.

Сюжетами гравюр стали одержанные императором победы и сцены различных развлечений. Император всегда находится в окружении охотников, слуг на турнирах, музыкантов. Одна группа состоит из пяти конных охотников на кабана, в руках у них находятся «новые мечи и пики для охоты на вепря» (рис. 5). Мы видим, что это полуторачные мечи с прочными четырехгранными лезвиями, увенчанные копьевидными расширениями или имеющие отражатель.

Лишь у одного из пяти персонажей изображен меч со вставленным в него поперечным прутком (рогом). Очевидно, что мечи данного типа не пользовались широким распространением. Если на копье, предназначенном для охоты на вепря, рог не причинял особых неудобств владельцу, то на мече его следовало прикрепить так, чтобы меч можно было вкладывать в ножны.

Для этого применяли различные приспособления. В самой простой конструкции поперечина при необходимости вытаскивалась в специальное отверстие в лезвии. Некоторые мечи оснащались оригинально устроенными складными перекладами, которые раскрывались, когда лезвие вытаскивали из ножен. У третьих имелись шарнирные или поворотные переклады (рис. 6).

На мече, хранящемся в Немецком музее охоты в Мюнхене, имеется ограничитель в виде диска, а форма клинка напоминает копье с шилом. Известно, что одно из таких копий упоминал Максимилиан в книге «Фрейдал», панегирическом описании своих подвигов, опубликованном в 1512 г. Копья появились также и в красочно иллюстрированном каталоге его арсенала «Книга инструментов». Место расположения перекладыни могло отличаться, но в большинстве случаев она вставлялась в древко непосредственно над лезвием, что-

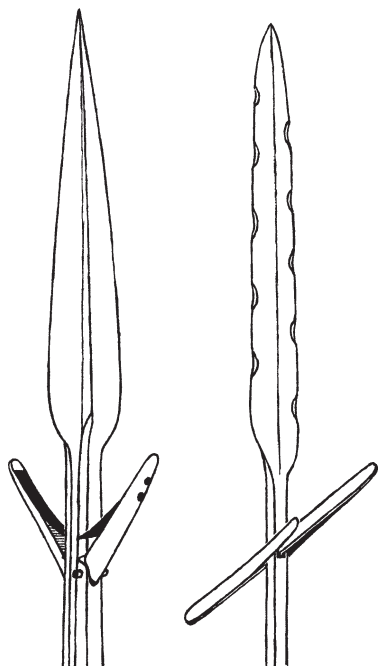

Рис. 6. Мечи для охоты на кабанов с поперечными ограничителями. Слева: складные пластины с пружиной, раскрывающиеся при извлечении меча из ножен. Франция, ок. 1500 г. Музей Баргелло, Флоренция. Справа: съемная перекладина с фиксирующей пружиной. Дания, ок. 1550 г. Тойгус-музеум, Копенгаген

бы обеспечить в дальнейшем полное вхождение оружия в туловище животного.

Следуя за Г. Фебом, изготовители большинства мечей оставляли верхнюю часть лезвия незаточенной, так что она имела круглое, квадратное, треугольное или шестиугольное сечение. Что касается длины и формы лезвия, то они значительно разнились. Так, меч Филиппа Красивого, герцога Бургундского (1482—1506) и короля Испании (1504—1506), находящийся сегодня в Музее изящных искусств в Вене, имел короткое широкое лезвие. В Коллекции Уоллеса находится немецкий меч, который, напротив, имеет узкое копьеподобное лезвие. На некоторых лезвиях края затачивались волнообразно, чтобы облегчить их втыкание в тушу.

Несмотря на необычный дизайн, пикообразные кабаныи мечи пользовались необычайной популярностью. Их изоб-

ражения можно увидеть на многих полотнах и гравюрах. Интересное копьё запечатлено на костяной пластине, укрывающей ружье с колесцовым замком, подаренное герцогом Баварским Фердинанду II в 1626 г. (оно хранится в Музее Баргелло во Флоренции). На стволе имеются инициалы мюнхенского мастера Иеронима Борштоффера, а на пластине изображен поражающий медведя охотник, который держит меч необычным способом.

Клинок кабаньего копьевидного меча подходил практически для любой разновидности эфеса, даже для рапиры, поэтому мечи продолжали использоваться до конца XVII в. Как и другие предметы, имеющие утилитарное назначение, охотничьи мечи обычно не отделялись, за исключением лезвия, и почти всегда входили в комплект охотничьего вооружения. Известно, что в арсенале Гонзага в 1543 г. находилась «медвежья сабля с гравированным лезвием и стальной головкой».

Возможно, самым изящным можно назвать меч из собрания Государственного исторического музея Москвы, раньше хранившийся в берлинском Арсенале. Его рукоятка отделана и позолочена Даниэлем Садлером, а лезвие изготовлено Ульбрихтом Дифстеттером, мастерами, жившими в Мюнхене в 1615—1620 гг.

КОРОТКИЕ МЕЧИ

Все вышеописанные мечи представляли собой огромные изделия, в среднем достигавшие 4—5 футов в длину, они прекрасно служили во время финальной схватки с огромным диким животным, но явно оказывались неудобными во время длительной погони по лесистой местности. Поэтому многие всадники предпочитали большой охотничьей сабле Максимилиана оружие меньшего размера.

Один из таких мечей, возможно сделанный в Северной Италии, имел короткий захват с чашеобразной рукояткой, прямую, иногда слегка закрученную дужку гарды, горизонтально закрученное обоюдоострое лезвие, суживавшееся к концу. Такие мечи можно увидеть на картине «Юдифь» В. Катено в галерее Квирины Стампалиа, в Венеции. В сво-

ей великолепной картине «Ночная охота» (ок. 1465), хранящейся в Эшмолеанском музее в Оксфорде, Паоло Учелло вооружает конных охотников малыми мечами.

Описанные нами картины подтверждают, что короткие мечи изготавливались в Италии, но были распространены и в других частях Европы. Дюрер изображает их в гравюрах «Прогулка» и «Знаменосец» (ок. 1500). Образцы таких мечей можно увидеть и в лондонской Коллекции Уоллеса, и в Немецком национальном музее в Нюрнберге. Короткий меч был практичным и недорогим оружием, поэтому им пользовались и ландскнехты, и придворные, и чиновники, и горожане.

Слуги, выполнявшие во время охоты различные поручения, предпочитали еще более короткие мечи. Им требовался меч, которым можно было ударить исподтишка и нанести смертельную рану. В результате появилось нечто среднее между короткой широкой кривой саблей с загнутым лезвием, встречающейся на многих рисунках и гобеленах, и крестьянским ножом, который служил для выполнения различных работ в лесу, в поле и дома.

Охотник использовал арбалет или копье как основное оружие, а короткую саблю держал для личной защиты. Это видно на одном из девонширских «охотничьих гобеленов» примерно 1425—1450 г., находящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Изображено, как загоняют медведя и как смятый животным охотник делает выпад, отчаянно выставив вперед саблю с загнутым лезвием. У нее четко видна прямая поперечина и плоский клепаный зажим.

Похожий меч изображен на портрете Дженкина Вирола, наемного лесника, находящемся в Ньюлендской церкви в Глостершире. Охотники в «Медвежьей охоте» герцога Бертольда фон Царингера из «Бернской хроники» Дибольда Шиллинга 1484 г., хранящейся в Государственной библиотеке в Берне, вооружены похожими мечами. В издании 1486 г. — «Книге королевских манер» — охотники носят короткий меч с широким рубящим клинком, рукоятка имеет приклепанные пластины и прямую гарду с изогнутым концом (рис. 7).

Начиная примерно с 1500 г. большинство коротких охотничьих мечей получают более изысканный эфес. На фламанд-

Рис. 7. Разделка туши.
Гравюра из «Книги королевских манер» (1486)

дской серии гобеленов, известных как «Охота на единорога», датированной примерно 1500 г. и сегодня хранящейся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, один из охотников носит короткий прямой меч, в ножнах которого находится небольшой нож. У рукоятки имеется щиток для костяшек пальцев, наклонная гарда и асимметричный эфес.

В книге «Травля волков» Жана де Кламоргана, опубликованной в 1563 г., изображены несколько охотников, носящих короткую широкую кривую саблю. В «Отборных войсках» Хеннеля представлены несколько таких сабель, различающихся по изгибам, весу и ширине, форме эфеса и рукоятки, круглой или прямой гарде. Совсем недавно в арсенале Эрбхата в Оденвальде (Германия) находилась прекрасная короткая широкая сабля с рукояткой из оленьего рога, серебряными с позолотой ножнами с футлярами для меньших по размеру ножей. Сегодня она продана на аукционе Фишера в Люцерне, и местонахождение ее неизвестно.

Интересен и небольшой охотничий нож, принадлежавший Генриху VIII, сегодня он находится в коллекции ее королевского величества в Виндзоре (фото 2). Его изготовил Диего де Кайас в честь захвата Болоньи в 1544 г. В длину он чуть больше 2 футов, имеет изогнутое лезвие, в ножнах находится еще один небольшой нож. Эфес имеет щиток для костяшек и загнутую вниз гарду. Вероятно, именно этот нож

указан в «Реестре королевского гардероба», составленном в 1547 г., где среди перечисленного оружия Генриха VIII названы «два больших ножа для охоты... сделанных Диего, в крытых бархатом ножнах, с ножами и шилом».

Современные определения коротких охотничьих сабель не отличаются точностью. Так, в описаниях правления Генриха VIII часто появляется английское определение «лесной нож», «нож для охоты». Более полно и подробно изделия характеризуются в «Реестре» 1547 г., упомянутом выше. В разделе, посвященном оружию, хранящемуся в Вестминстере, буквально говорится следующее: «...два охотничьих ножа с позолоченными рукоятками, один в ножнах из зеленого бархата, другой в ножнах из черного бархата, украшенных бронзовыми позолоченными накладками, с перевязью из зеленого бархата, украшенной круглыми заклепками и бронзовыми позолоченными подвесками».

Несомненно, король гордился такими красивыми «игрушками» и требовал, чтобы их содержали как можно лучше. К Рождеству 1538 г. мастер Джон Банк доставил в Гринвич 132 предмета, среди которых были «королевские мечи, охотничьи ножи и кинжалы», которые он вычистил и починил, получив по 4 пенса за каждый. Существуют некоторые основания утверждать, что под «охотничьим ножом» в некоторых случаях подразумевали тяжелый рубящий нож и используемые вместе с ним инструменты, которые сегодня обычно описывают как «охотничий комплект» (более подробно об этом говорится во второй главе).

В счете торговца ножевыми изделиями, представленном Генриху VIII в 1547 г. незадолго до его смерти, отмечается «охотничий нож с двумя столовыми в ножнах». Видимо, здесь упомянуты ножи одного из вышеуказанных комплектов. Практически все разнообразные охотничьи или предназначавшиеся для кавалеристов мечи имели на ножнах один или два футляра для столовых ножей. Обычно в таких футлярах помещались небольшие ножи или нож вместе с шилом или стилетом. Нередко такие же футляры делались и на ножнах обычных поясных ножей.

Используемое в «Словаре» Ги французское слово *braquemart* или *braquemard* означает «короткий, тяжелый меч с одним лезвием, обычно правосторонним и слегка изогнутым к

острию» и часто относится к тому виду оружия, которое мы сегодня назовем *couteau de chasse* (нож для охоты), или охотничий меч.

В известном «Словаре» Котгрейва, изданном в 1612 г., *braquemard* переводится как «охотничий нож, кортик или кинжал». Он также переводит *malchus* (еще одно обозначение короткого рубящего меча) как «короткий охотничий нож». Очевидно, что понятие «охотничий нож» широко использовалось. В «Компендиуме» Мишно (1625) слово *Whineyard* (шотл. *whinyard*) переводится как «кинжал». Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начали, — самым близким к охотничьему мечу оказался «кинжал». Попробуем дать его характеристику.

КИНЖАЛЫ

Одно из первых упоминаний кинжала содержится в завещании Томаса де ля Мара Йоркского от 1358 г. («мой нож или, точнее, кинжал»). Слово «кинжал» можно найти во многих английских завещаниях XV в. Например, в документе 1427 г. назван «золотой кинжал». В другом завещании, от 1450 г., упомянуты «охотничий нож» и «кинжал с рукояткой из слоновой кости». В наши дни это слово используется только для обозначения оружия, у которого гарда и рукоятка точно сбалансированы с лезвием, однако раньше оно имело и дополнительные значения. В завещании Джона Эстерфилдского от 1504 г. указан «нож, именуемый кинжалом». В Описи 1579 г. движимого имущества сэра Томаса Батлера перечислены «кинжалы или ножи». Спустя восемь лет Роберт Брайен описывает свою любимую саблю и называет ее «мой ножик или кинжал».

В Описи Генриха VIII, о которой говорилось выше, там, где упоминаются его ножи для охоты, также включены (в Вестминстерском собрании) «короткий кинжал с костяной рукояткой в ножнах из белой замши, защелкой и двумя серебряными обоймицами». В королевском гардеробе хранился «один небольшой короткий кинжал с бронзовыми кольцами, прямой гардой, блестящей рукояткой и ножнами из замши с ножом и шилом». В 1532 г. в качестве но-

Рис. 8. Возвращение с охоты. Изображен охотник с коротким охотничьим мечом. Из книги Ander Theil des neuen Kunstbuchs (1580)

вогодного подарка лорд Рошфор подарил королю два кинжала с бархатными портупейми.

Несмотря на многочисленные упоминания, не совсем ясно, какая разница существовала между кинжалом и охотничьим ножом, и если она действительно существовала, то в чем же она заключалась? В завещание сэра Уильяма Волстонкрофта 1518 г. включено следующее пожелание: «Я передаю

Рис. 9. Гравюра на памятной медной дощечке, находящаяся в Уолтоне на Темзе, в графстве Суррей. Увековечен подвиг Джона Селвина, когда тот сумел оседлать и убить оленя в Отлендском парке, демонстрируя свое искусство перед Елизаветой I в 1587 г.

Кристоферу Борингу мой кинжал, или охотничий нож». Точно так же два обозначения встречаем в Описи арсенала в Стамфорде от 1557 г. Под заголовком «кинжалы» там помещены следующие изделия:

- охотничьи ножи в бархатных ножнах, один длинный, один короткий;
- один кинжал с инструментами от моего отца;
- один кинжал с ножом, шилом, компасом и молотком.

Очевидно, что слово «кинжал» использовалось широко и применялось ко всем разновидностям коротких мечей или длинных ножей, которые применялись во время путешествий или охоты.

Особое распространение кинжалы получили у англичан. Французский посол маршал де Вьевиль так описал английские развлечения в письме Генриху II (1547—1559): «Англичане вовсе не так искусны в охоте на оленя, как в морских сражениях. Они повезли меня в огромный парк, где обитало множество оленей. Верхов на роскошно убранном сардинском коне я охотился в сопровождении сорока или пятидесяти лордов и джентльменов. Мы убили порядка пятнадцати или двадцати животных. Меня страшно позабавило, как англичане серьезно относились к охоте, с кинжалом в руке они кричали так громко, как будто преследовали врага в тяжелой битве и с трудом добивались победы».

В приходской церкви в Уолтоне на Темзе находится гравированная медная дощечка, на которой запечатлен подвиг Джона Селвина, лесничего Отлендского парка. Во время охоты он перепрыгнул со своей лошади на спину оленя. Направив животное к королеве, он затем вонзил свою саблю ему в шею, так что тот замертво упал к ее ногам (рис. 9).

В других частях Европы по-разному относились к идее создания удобной сабли для охоты. Так, сабля эрцгерцога Фердинанда II Тирольского, датируемая примерно 1560 г., находящаяся в Музее искусств в Вене, имела ту же самую длину и форму, что и сабля, принадлежавшая Генриху VIII и находящаяся в коллекции в Виндзоре, однако ее рукоять была выточена из куса ярко-алого коралла и увенчана весьма непрактичной кисточкой. Такая же рукоятка и у небольшого ножа, находившегося в ножнах. Похожие рукоятки имели и нож, вилка и ложка, изготовленные в 1579 г. и хранящиеся в Историческом музее в Дрездене.

Очевидно, что описанные нами эксцентричные проявления причуд состоятельных хозяев явно отражали стремление превратить охоту в красочное зрелище.

САБЛИ С КАЛЕНДАРЯМИ

В первые десятилетия XVI в. появились интересные мечи, на лезвиях которых выгравированы или вырезаны календари с перечнем имен святых, иногда дополнявшиеся зодиакальными знаками. Большинство таких мечей оказа-

лись именно охотничьими. В 1532 г. в качестве новогоднего подарка сэр Эдвард Сеймур (его сестра Джейн позже вышла замуж за короля) подарил Генриху VIII саблю с позолоченным эфесом и календарем, нанесенным на поверхность клинка.

В лондонском Тауэре хранится охотничий меч со стальным эфесом XVI в., украшенный золотым и серебряным цветочным орнаментом. Позже по этому орнаменту был выгравирован григорианский календарь, на отдельных квадратиках изображены священные дни, отделенные картушами со знаками зодиака. Внутри круга рядом с эфесом содержится инструкция по пользованию календарем на примере 1686 г. Зажим изготовлен из оленьего рога.

Скорее всего, в то время, когда был преподнесен подарок, календарь в виде рисунка наносился достаточно часто. Ряд таких лезвий подписаны или имеют инициалы Амброзиуса Гемлиха, мастера из Мюнхена. Среди его работ отметим нож, объединенный с пистолетом с колесцовым замком, хранящийся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (фото 64), похожий нож (только без пистолета) находится в Национальном музее в Кракове, кортик, хранящийся в Музее искусств в Вене, охотничий нож, находящийся в Национальном музее в Мюнхене, и еще один, раньше бывший в Цейхгаузе в Берлине. Все изделия были изготовлены с 1528 до 1540 г.

Появление календаря на орудиях для охоты объяснить непросто. Известно, что человек издревле связывал успех на охоте с благоприятствованием тех или иных потусторонних сил. В языческие времена это были духи леса и соответствующие боги, а позже успешную охоту связывали и с расположением святого, покровительствующего охотнику. Джон Ди в «Тройном альманахе на 1591 год по христианскому исчислению» приводит праздничные дни римского и григорианского календарей и зодиакальные знаки наряду с информацией о фазах Луны, восходе и заходе солнца.

Одновременно называются «правильные дни», подходящие для посадки и рубки деревьев, кровопусканий и т. д. В одной заметке говорится, что «для очищения желудка более всего подходит время, когда Луна находится в треугольнике Ватри, то есть в созвездиях Рака, Скорпиона или Рыб». Хотя там нет рекомендаций, когда проводить охоты,

но очевидно, что хорошо тренированный охотник мог провести необходимые подсчеты исходя из собственного календаря.

На лезвиях мечей календари гравировали вплоть до XVII в. Меч из собрания Кречмара фон Кинбуша в Нью-Йорке с выгравированным на лезвии календарем датируется примерно 1630 г., а другой, из Метрополитен-музея, представляет собой широкий нож с плоским лезвием и рукояткой из опрессованного в серебро оленьего рога, имеет выгравированный на лезвии календарь, относящийся к 1678—1700 гг.

КОМБИНИРОВАННЫЕ МЕЧИ

Среди других интересных новинок XVI в. отметим соединение сабли и ружья, в котором обычно использовался колесцовый замок.

Выше уже говорилось о комбинации охотничьего меча и пистолета с колесцовым замком, однако известно не много образцов такого оружия. Создавая оружие двойного действия, мастера хотели максимально защитить охотника, дав ему возможность в случае необходимости убить животное.

Несмотря на все очевидные преимущества подобных соединений, их введение ограничивалось несовершенством пистолета и его большим весом. Колесцовый замок имел сложное устройство, и никто не был уверен в том, что в нужный момент он сработает так, как нужно. Чем дольше исследуешь такие изделия, особенно образцы с длинными охотничьими рапирами и копьевидными мечами для охоты на медведей, тем более склоняешься к мнению, что они относятся к механическим безделушкам и диковинкам.

Более простой и, несомненно, полезной новинкой можно считать зубчатую заточку задней стороны некоторых мечей. Она сильнее травмировала животное, при необходимости ее можно было использовать для распиливания дерева или кости. Поэтому зубчатый край обычно делался у небольших охотничьих сабель, которые носили слуги, обслуживающие охотников. Прорубание тропы через подлесок или заготовка дров для костра считались рутинной работой, и благородные охотники вовсе не стремились ею заниматься.

Как мы сможем убедиться в дальнейшем, охотник с большей радостью занимался разделыванием туши. Именно для этого предназначались большие рыцарские охотничьи мечи, снабженные пилообразными зубцами. Иногда зубцами снабжались и широкие мечи с большими рубящими лезвиями.

Интересные образцы хранятся в лондонском Тауэре и в Немецком музее охоты в Мюнхене (фото 39—40). В Описи Генриха VIII 1547 г. указывается на охотничий нож с рукояткой из слоновой кости, позолоченной рукоятью в форме головы грифона и «задней частью лезвия в виде пилы».

Примерно в то же время, когда ввели пилообразный задник, наступил период возрождения опущенного вниз полукруглого клапана, который можно найти на некоторых больших мечах XV в. Они служили прикрытием для убиравшихся в ножны ножей и инструментов. Одним из первых образцов такого меча, имевшего обе особенности — особый вид защиты и пилообразный конец, является охотничий меч из коллекции герцога Брунсвикского.

Над лезвием расположены плоская, повернутая вниз гарда, щиток для пальцев и отражатель в форме завитка раковины, нависающий над лезвием. Имеется также одно прямое лезвие с пилообразным задником. Костяная рукоятка покрыта гравировкой с охотничьими сценами, металлические части эфеса также гравированы, кроме того, позолочены и инкрустированы серебром.

ОТДЕЛКА МЕЧЕЙ

Во все времена оружейники стремились применять богатую отделку. В начале XVI в. художники начали печатать эскизы для изготовителей ружей и торговцев мечами, чтобы они смогли использовать их для украшения и рекламы своих изделий. Так, Ганс Гольбейн-младший, чей рисунок «танца смерти» (ок. 1530) представлен на ножнах ряда шведских и южнонемецких кинжалов, сделал несколько рисунков пером для эфесов и ножен рапир, кинжалов, кавалерийских или охотничьих сабель.

Другие мастера того же периода, Генрих Альдеграфер, Урс Граф и Ганс Зебольд Бехан, также делали свои рисун-

ки. В «Книге образцов» Филиппа Орсо из Мантуи, датированной 1554 г., содержатся несколько выразительных рисунков, предназначавшихся для украшения эфесов мечей. Один из таких его рисунков с рукояткой эфеса в виде фигурки орла на головке скопировал Лука Пенни (прозванный Романо) в своей известной гравюре «Орион и Диана» (1563).

Вошедшее в моду приобретение больших комплектов вооружения, выполненных по эскизам одного художника, стимулировало интерес к отделке охотничьего оружия. В Копенгагене сохранились остатки трех комплектов охотничьих сабель, изготовленные для Фридриха II Датского между 1584 и 1586 гг. Сегодня они разделены на два комплекта и хранятся в Тойгусмузее (фото 13) и в Розенборге. Каждый комплект состоит из двух кинжалов (один с прямым лезвием, у другого лезвие слегка закруглено), эстока и короткого меча или рапиры с рубящим и прокалывающим лезвием.

Хотя гладко отполированные стальные эфесы мечей покрыты золотым и серебряным орнаментом, рукоятки украшены золотыми насечками и розетками, весь ансамбль производит впечатление сдержанной элегантности, сравнимое только с необычайными комплектами, изготовленными для эрцгерцогов Саксонии. Некоторые из них и сегодня можно увидеть в Историческом музее в Дрездене.

Самые удивительные чувства испытываешь при виде изумрудного гарнитура. Он состоит из охотничьей сабли и ножа для разрезания туши, сумки, охотничьего рога с ремнем, охотничьих ремешков для обвязывания небольшой дичи и собачьего ошейника. Все металлические части позолочены и оживлены прямоугольными вставками из изумруда, образующими охотничьи сценки.

В свое время изумрудный гарнитур и еще два комплекта из бирюзы были заказаны Кристианом II, эрцгерцогом Саксонским, у золотых дел мастера Габриэля Гипфеля и затем подарены братьям Иоганну-Георгу и Августу между 1607 и 1609 гг. в качестве рождественского и новогоднего подарков.

Среди самых великолепных из когда-либо изготавливавшихся видов оружия считаются те, что изготовлены группой

мастеров, трудившихся при дворе баварских герцогов. Они отделаны совершенно иначе, совсем не так, как предполагала ренессансная роскошь, отличающая саксонское оружие. Мастера были известны своей чеканкой по железу, высекали рисунок или сценку на металле и затем делали его выпуклым с помощью позолоты, наносившейся как фон.

Первым мастером, применившим такую технику, считается Эммануэль Садлер, или Саттлер, сын антверпенского мастера-ножовщика, переехавший в Мюнхен, чтобы стать придворным мастером по металлу при герцоге Вильгельме V в 1594 г. После его смерти в 1610 г. его сменил на этой должности младший брат Даниэль, который до этого состоял мастером у императора Рудольфа II Габсбурга в Праге.

Именно Даниэль изготовил необычный подбор, состоявший из замковых ружей, пистолетов, мечей, фляжек для пороха и других аксессуаров, со временем подаренный эрцгерцогом Максимилианом Баварским герцогу Карлу Эммануэлю Савойскому в 1650 г. Сильно напоминающая другие его изделия сабля хранится в Историческом музее в Дрездене.

Мастерская Садлера была захвачена в 1635 г. Каспаром Спатом, работавшим в похожей манере и по тем же рисункам. На изготовленном им охотничьем кинжале, хранящемся в Венском музее искусств, имеется покрытый чеканкой эфес, позолоченный в соответствии с традициями мастерской Садлера.

В первой половине XVI в. в Восточной Европе развились разные типы отделки мечей, но особого разнообразия искусство украшения оружия достигло в Англии. В данном случае металлическая поверхность оставалась гладкой, декоративные мотивы в виде цветочного орнамента, розеток, херувимов и изображений правителей наносились в форме инкрустации и покрывались серебром, иногда золотом.

Хотя именно иностранные мастера познакомили английских кузнецов с этим видом отделки, правительство всячески поощряло местных умельцев, чтобы они смогли превзойти иностранных конкурентов. В соответствии со Статутом 1563 г. был строго запрещен ввоз «поясов, рапир, кинжалов, ножей, эфесов, рукояток, запоров, лезвий для кинжалов, рукояток, ножен, уже изготовленных и

приобретенных в любом месте за пределами острова». Из имеющихся реестров королевского гардероба и отчетов лорда — управляющего двором короля ясно, что работавшие в Хонслоу и Лондоне ножовщики должны были, если использовать язык Статута, «не допускать никакого чужеродного влияния, чтобы ничего не заимствовать».

Отмеченная нами тенденция обуславливалась личными пристрастиями правителей. В начале своего правления Яков I Английский был страстным поклонником охоты. Один из его придворных, граф Вустерский, иронически писал своему другу в 1604 г.: «Сев в седла с рассветом, уже в восемь часов утра, мы начали загонять одного зайца за другим, пространствовал до четырех часов вечера».

В 1606 г. королевскому ножовщику Роберту Сауту заплатили за охотничий меч, эмалированный и покрытый серебром, описанный на ломаной латыни: «Рукоятка меча стальная, покрыта эмалевым узором, клинок железный, украшен серебрением, ножны из зеленого бархата».

Другой ножовщик по имени Натаниэль Мэтью представил королю в 1614 г. охотничий меч, покрытый серебром и золотом следующим образом: «На клинке дамасское изображение херувима с позолотою, рукоятка серебряная с позолотою, ножны крыты зеленым бархатом, устье и носок позолочены».

Поскольку в Европе были широко распространены тяжелые инкрустированные и покрытые серебром рукоятки, не так-то просто выделить изделия именно английского производства. Обычно характерной особенностью считают шарообразное навершие рукояти. Так, односторонний меч с эфесом от рапиры из лондонского Тауэра, скорее всего, является образцом большого охотничьего меча.

По рисункам и гравюрам в книгах и рукописях XVII в. можно сделать вывод, что практически все типы мечей использовались в качестве охотничьих. Некоторые изделия, отличающиеся великолепием отделки, с изображениями охотничьих сцен, вряд ли имели практическое применение. Так, охотничья сабля императора Фердинанда II, датируемая 1633 г., теперь находящаяся в Венском музее искусств, имеет крестообразный эфес, на конце высечен двуглавый орел, а также защелку, гарду и большие щитки

Рис. 10. Отрывок из немецкой записи, посвященной охотничьим подвигам, и календарь XVII в. На листах отмечены количество и породы использовавшихся во время охоты собак. Собрание Вадестона, Британский музей

в виде створок раковины из оленьего рога. Трудно представить, как можно было пользоваться такой саблей, она бы сразу же поранила руку.

Любопытную группу образуют охотничьи сабли, украшенные специальными счетными таблицами. Неизменным компонентом любой охоты было соревнование в количестве убитой дичи и величине пораженных животных, поэтому велись самые тщательные подсчеты. В Британском музее хранится исключительный образец немецкого охотничьего меча с календарем и счетчиком. Он состоит из восьми медных, прикрепленных на шарнирах страничек,

большинство из которых посвящены определенным разновидностям охоты — на обыкновенного оленя, кабана, вожака стаи и т. д.

На каждом листе вырезана табличка, причем желобки заполнены красным воском, и пронумерованные шкалы. Нанося на шкалу отметки в определенных местах, можно было зафиксировать количество убитых животных, общий вес, количество миль, которые успел пробежать заяц, спасавшийся от охотников. Фиксировалось и время восхода и захода солнца, длина дня и ночи для каждой недели года. Другие секции оставлены для записей применяемых средств, например, указывалось количество использованных во время охоты собак.

Для ведения подобных записей использовались практически все разновидности сабель с прямыми лезвиями и небольшими гардами. Круглые таблички размещались в специальном футляре. У сабли, находящейся в коллекции Скотта в Глазго (фото 37), и той, что раньше была в собрании принца Карла Прусского, имелись три таких счетчика.

АНГЛИЙСКИЙ КИНЖАЛ

К середине XVII в. ружья вытеснили арбалеты и копья и в большинстве случаев меч как основное атакующее охотничье оружие. Заметим, что хранящийся сегодня в Историческом музее в Дрездене прекрасный охотничий гарнитур Иоганна-Георга II состоит из ружья с колесцовым замком и двух пар кремневых пистолетов, причем один носился в кобуре, а другой в кармане. Из клинкового оружия в него входили только кинжал и широкий нож. Но в Англии кинжал продолжал пользоваться популярностью именно как охотничье оружие.

В качестве примера сошлемся на комментарий XVI в. некоего английского спортсмена, любившего охоту и верховую езду. Иностранные путешественники поражались страсти англичан к охоте. Один из них так описывал землевладельца из Кента: «Он проводит все время в седле, не снимая сапог для верховой езды со шпорами и плисовых штанов».

Кинжал оказался самой удобной разновидностью меча для защиты во время путешествия, а также и для охотника, который в основном гонялся за оленями и зайцами с помощью своры гончих. В данном случае ему оказывался полезным именно короткий клинок, в отличие от континентальных охотников, чаще сталкивавшихся с кабаном, медведем, волком и даже зубром.

В 1629 г. Генри Хоппи и Петр Инглиш открыли в Хонслоу мастерскую по изготовлению сабель. Об этом свидетельствует поданное ими прошение, хотя сама мастерская могла начать работать и раньше. Вскоре подобные предприятия организовали и другие мастера — Бенджамин Стоун, Ричард Хопкинс, Иоганн Киндт, или Кеннет, Джозеф Дженкс. Как и лондонские мастера-ножовщики, они сосредоточились на изготовлении трех основных разновидностей клинкового оружия. Рапиры отличались завитыми гардами и длинными рукоятками с бороздками. Мечи для кавалерии имели эфесы корзинчатого типа и были известны как «разящие наповал». Кинжалы, или кортики, отличались наличием или отсутствием зазубренного заднего края.

Что касается эфесов, то рукоятки первых групп обычно представляли собой плоскую железную конструкцию, не украшенную даже примитивной гравировкой. Однако большинство кинжалов были украшены серебряной инкрустацией, характерной для английских оружейников, использовавших ее в начале XVII в. Такие изделия находим в лондонском Тауэре, в Музее Виктории и Альберта, Коллекции Уоллеса и частных собраниях, где размещены изделия 1630—1650 гг. с типичными плоскими шляпообразными рукоятками с завитком в том месте, где прикреплена чаша.

У одного меча тройная гарда, прикрепленная к вазообразной чаше. Большие по размеру секции закручены справа налево, меньшие — наоборот. Лезвия кинжалов слегка закруглены, отличаются по размеру, их длина составляет от 20 до 30 дюймов. Разнообразие отметок не позволяет их точно идентифицировать, одни изделия могли изготовить лондонские ножовщики, другие — золингенские кузнецы. Часто изделия подписаны и датированы как «Лондон» или «Хонслоу», что означало лишь место поставки.

Накладки рукоятки сделаны из оленьего рога, иногда посередине разделяются железной лентой. Если они изготовлены из дерева, то связаны железной или серебряной проволокой. В лондонском Тауэре (фото 14) хранится прекрасный образец, где рукоятка покрыта разноцветным контрастным серебряным узором, а гарда — пересекающимся орнаментом из серебряных точек. О распространенности подобного типа изделий свидетельствует объявление, данное в «Лондонской газете» в 1679 г. Томасом Хафпенни и сообщающее о потере кинжала с рукояткой, покрытой серебряным узором.

Скорее всего, другую разновидность рукояток изготавливали ножовщики Хонслоу. Их кинжалы легко узнать по наваршиям рукояток в виде головы льва. Приведем в качестве примера меч из Тауэра, датируемый 1634 г., другое изделие имеет надпись «Меня изготовили в Хонслоу». К характерным особенностям относят использование медных головок, сильно выступающие вниз шейки над рукоятками отполированы, имеют бороздки. Такое сочетание медных головок с железными гардами необычно и связано с особой историей.

Рассказывают, что в тот период компании кожевенных и кинжальных дел мастеров, озабоченные тем, что их привилегии ограничены небольшой территорией города, обыскивали места изготовления сабель и конфисковывали товары иностранного производства. Они руководствовались Статутом 1563 г.

Однако им пришлось не только соревноваться с иностранцами, но и представить новую методику изготовления, начать украшать рукоятки и аксессуары бронзой. Фактически гильдия кожевников 12 января 1633 г. смогла получить Королевскую прокламацию от Карла I, в которой запрещалось производство поясных подвесок для кинжалов и бронзовых пряжек, на основании того, что «бронзовые пряжки слишком ломкие и не такие удобные, как железные».

Настоящая причина опасений мастеров заключалась, как они сами признавались, в том, что те, «кто украшает медными пряжками, в один день делает их вдесятеро больше, чем железных пряжек».

Закономерно, что в свою очередь гильдия ножовщиков решила, что они обладают похожими возможностями, и начала конфисковывать все разновидности эфесов и части изделий, изготовленные из бронзы. В мае 1650 г. суд присяжных подтвердил их позицию, обнаружив распоряжение, что «все эфесы и рукоятки, выделанные в бронзе или сплавах из этого металла, для мечей, рапир, кинжалов, кортиков и скейнов непрактичны, неудобны и их изготовление противозаконно».

Решение было принято из-за ложного убеждения, что оно соответствует ранним Статутам Генриха IV и Генриха V. Его влияние оказалось настолько значительным, что в течение нескольких лет никто не осмеливался противоречить этому распоряжению, кроме мастеров из Хонслоу, спокойно работавших в отдаленных землях.

Однако решения гильдии ножовщиков имели и другие последствия. В 1670 г. Коллегия по техническому и вещевому снабжению, в обязанности которой входило обеспечение оружием британской армии и флота, обязала лондонских ножовщиков выпускать штыки с бронзовыми креплениями и гардой. Комиссия была прежде всего озабочена тем, чтобы использовавшееся в армии оружие было дешевым и удобным.

Оказалось, что медные изделия отвечают обоим требованиям, поэтому начиная с 80-х гг. XVII в. поясное клинковое оружие повсеместно начали оснащать рукоятками из меди или других мягких металлов. В распоряжении коллегии, датированном 30 апреля 1686 г. и адресованном Питеру Инглишу, говорится о рукоятках сабель с оплеткой.

Одним из ведущих подрядчиков оказался лондонский ножовщик Томас Хаугуд, чьи мастерские постоянно обывались чиновниками гильдии. К 1683 г. их сопротивление достигло такого накала, что коллегии пришлось вмешаться, подтвердив свое прежнее решение. Стало очевидно, что согласно старым уложениям просто запрещалось серебрение или золочение меди, чтобы нельзя было выдать получившееся изделие за предмет, изготовленный из драгоценного металла. После отмены ограничений изготовители сабель смогли сами выбирать методику, которую использовали в своих мастерских.

Необходимо заметить, что, хотя некоторые английские кинжалы с железными рукоятками датируются последним десятилетием XVII в., большинство все же имеют рукоятки из бронзы или серебра. В основном мастера следовали имевшимся старым образцам и изготавливали короткие, слегка загнутые мечи с рукояткой из оленьего рога и повернутой вниз гардой с отражателем. Однако гарда в форме раковины не всегда отделана, рукоятка совершенно плоская, без традиционных выпуклых спиралей.

Самыми примечательными считаются серебряные рукоятки, на многих стоит клеймо изготовителя, а также, что особенно важно, обозначение Лондона как места производства. Так, клеймо с буквами «ІН» в сердечке (неопределенное) проставлено на авторском мече (фото 22), на кинжале, находящемся в Музее Виктории и Альберта, и еще на одном изделии, описанном П. Каррингтон-Пирсом в «Справочнике»¹. Рукоятки с клеймами 1702—1703 гг. можно увидеть в Музее Виктории и Альберта, в Виндзорском замке (1697—1698) и в Национальном морском музее в Гринвиче (1702—1703).

Необходимо отметить характер отделки на серебряных и медных рукоятках. Необычайно выразительны те изделия из серебра, где отливка покрыта гравировкой (фото 20). Бронзовые рукоятки, напротив, не отличаются особым разнообразием декоративных мотивов, поскольку отливались в одних и тех же формах, где варьируется только расположение узоров.

Например, батальная сцена с чаши одного меча могла затем повториться на отражателе другого. Обычно на головках устанавливались сочетания тюдоровских роз, лилий, херувимы или головы королей. И снова отлитые в одних и тех же формах головки отличались только своими комбинациями на гардах. Взаимозаменяемость декоративных отливок присуща не только разнообразным кинжалам, стремление к разнообразию и созданию разных вариантов базового узора отличает байонеты, малые мечи и боевые сабли. Отметим необычный мотив, изображающий музыканта,

¹ «Справочник» издан в Лондоне в 1837 г., но некоторые исследователи ошибочно считают его немецким.

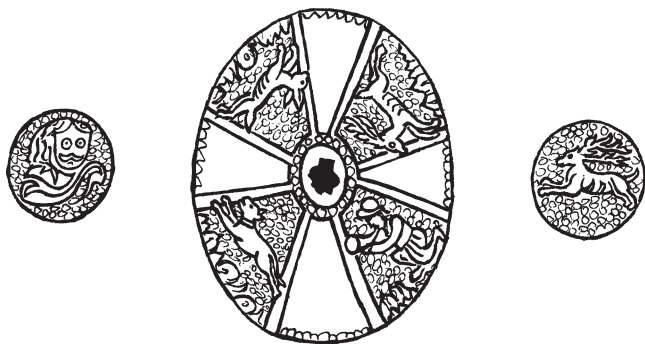

Рис. 11. Литой бронзовый ограничитель с гравировкой и украшение для гарды (оба конца) английского охотничьего кинжала. Ок. 1700 г.

играющего на флейте, на гарде меча, что хранится в лондонском Тауэре. Точно такой же мотив мы обнаружили на кинжале и кавалерийской сабле, находящихся в частной коллекции.

Среди покрытых серебром кинжалов конца XVII в. отметим небольшую группу, которую раньше относили к изделиям, сделанным в Шотландии. Несомненно, такая разновидность кинжалов была популярна как в Шотландии, так и в Англии. Они упоминаются в отчетах гильдии ножовщиков и дворцовых описях. Именно с таким кинжалом сэр Джон Рамсей бросился защищать Якова VI во время нападения Александра Метвена в церкви Святого Джонсона.

Кинжалы данной группы отличаются рукоятками из оленьего рога и гардами, покрытыми плоскими серебряными чашами. Необычен серебряный футляр у основания рукоятки, прикрывающий рикассо (фото 18—19). Однако не следует утверждать, что вся группа имеет шотландское происхождение, как это делает Драммонд в книге «Старинное шотландское оружие» на основании того, что на одном мече встречается клеймо «WS», принадлежащее абердинскому мастеру. Подобные мечи широко производились и использовались в Англии.

Попробуем высказать свои суждения по данному поводу. Роговые рукоятки напоминают изделия английских масте-

ров. Вспомним портрет сэра Фрэнсиса Виннингтона (1634—1700), написанный сэром Питером Лили, выставленный в Южном Кенсингтонском музее в 1866 г., где он изображен в охотничьем костюме с одним из мечей с роговой рукояткой. Вероятно, кинжалы, изготовленные на севере, мало чем отличались от тех, что производились на юге. Редкий кинжал, который можно определить как кинжал шотландского типа, изготовленный около 1680 г., обладает множеством общих особенностей, свойственных обычным английским кинжалам того же периода.

Сохранившиеся английские кинжалы свидетельствуют о том, что они были популярны. Следует признать, что многие образцы, которые сегодня обозначаются как охотничьи мечи, первоначально использовались как боевые или в качестве защиты гражданских деятелей. В начале 1682 г. кинжалы были табельным оружием артиллеристов британской армии.

Правда, документально подтвержденных описаний нет, за исключением докладной записки, поданной лондонскими ножовщиками Томасом Хаугудом и Джоном Хиллом:

«Для артиллеристов новые сабли с рукоятками из оленьего рога, медными отражателями и гардами в ножнах с медной оковкой;

для матросов новые кортики с медными рукоятками и гардами, в ножнах с медной оковкой у каждого».

Скорее всего, эти сабли были такими же, как выдававшиеся артиллеристам. К сожалению, их описание совпадает с описаниями так называемых охотничьих сабель, поэтому пока что это поясное оружие еще толком не описано. «Новые кортики» с рукоятками, целиком изготовленными из бронзы, вполне могли быть теми, которые позже определяли как кортики с львиными головами или собачьими головами на рукоятках.

В 20-х гг. XVIII в. они были заменены ножовщиком Томасом Холлиером. Затем сотни изделий послужили для украшения стен Виндзорского замка, Тауэра и Хэмптон-Корт. Некоторые сабли были покрыты голубой, черной или белой эмалью (фото 17).

В большинстве европейских армий кинжал с небольшой медной рукояткой сначала ввели в качестве дополнитель-

ного оружия для пехоты и затем включили в качестве оружия в специализированные войска разведчиков и стрелков и стали использовать как штык. Похожие кинжалы, но более высокого качества носили пехотные и морские офицеры. На портретах работы Майкла Дала и сэра Годфри Кнеллера, находящихся в Национальном морском музее в Гринвиче, изображены несколько морских офицеров, имеющих при себе как прямые, так и украшенные кинжалы, внешне неотличимые от охотничьих сабель.

Как отмечает Лакинг, на гравюре «Открытие галереи П. Абрахамса в Санта-Кларе», напечатанной в Нюрнберге в 1702 г., изображен английский адмирал с кинжалом. В коллекции Джона Винсбери сохранился английский кинжал с железным посеребренным эфесом примерно 1640 г. На ножнах прикреплен кусок пергамента, в котором сообщается его история и родословная хозяина — капитана Джона Джексона, носившего его в битве при Ла-Хойе в 1692 г.

Кинжал, который с гордостью носили во время битв, на охоте получал совершенно иное применение, что сегодня кажется просто отвратительным. После того как оленя убивали, соблюдался определенный ритуал. Прежде всего давали понюхать крови молодым гончим, чтобы в будущем, как писал Ричард Блум в «Отдыхе джентльмена» (1686), они пьянели от нее. Затем он описывает дальнейшие действия: «Взяв в руки кинжал, охотник мощным ударом пытается обезглавить оленя. Если голова не отсекалась, каждый мог попробовать сделать то же самое. Обычно охотник или лесник для этого выбирал не только самый острый, но и самый результативный кинжал, чтобы он лучше справился, каждый из присутствующих давал ему по шиллингу». В качестве примера в книге «Отдых джентльмена» приведена вклейка, озаглавленная «Охота на оленя и расчленение его головы».

Фуллер, считавший такой вид развлечения чисто английским, не упоминает его в «Псовой охоте» (1573), но Джордж Тюрбервилль, чья книга «Благородное искусство псовой охоты» на самом деле представляет собой всего лишь перевод книги Фуллу, упоминает об этом обычае в одном из немногих принадлежащих лично ему пассажей: «Им нравилось отрубать его голову своими охотничьими кинжалами, скейнами

или саблями, чтобы испытать их остроту и показать силу своих рук».

Хотя в те времена люди были не такими брезгливыми, как сегодня, все же раздавались протесты против подобных обычаев. Один из авторов с едкой иронией пишет о чрезмерном увлечении охотой: «Думая о тех, для кого музыкой становятся звуки рога и тявканье гончих и кто заболевает, если хоть день не выезжает на охоту, начинаешь понимать, почему высшей добродетелью они считают собачье дерьмо. На охоте они испытывают такие же чувства, как азартные игроки! Мясник, не задумываясь, ежедневно убивает коров и овец, а истинные джентльмены обставляют убийство издевательством над бедными животными. Сняв шляпы, они восторженно встают на колени и, вытащив специальный кинжал (обычный нож оказывается недостаточно хорош), совершив несколько действий, рассекают животное на части, как заправские анатомы. Собравшиеся вокруг сосредоточенно наблюдают за тем, как новичок делает то, что они уже делали множество раз. Окунув палец в свежую кровь, новичок вдыхает ее запах, который считает лучшим ароматом на свете».

Правда, не все ощущали то же самое. Охота продолжала оставаться национальным видом досуга, которым с удовольствием наслаждались во многих странах.

ДЕКОРАТИВНЫЕ ОХОТНИЧЬИ САБЛИ

В начале XVII в. модель охоты в Европе начала меняться. Пока одни охотники сохраняли свое охотничье снаряжение и получали удовольствие от грубой и беспорядочной беготни по сельским просторам, многие джентльмены старались изменить весь порядок действий. Охоту стали проводить на специально разбитых замкнутых участках, в центре которых стояли стенды для стрельбы или павильоны. Некоторые из них имели весьма причудливую форму (об этом пойдет речь в шестой главе).

Освободившись от естественных тягот и лишений, сопровождавших охоту, благородные охотники, сопровождаемые своими дамами и группой поклонников, могли с

удобствами отстрелять большое количество самой разной дичи, не запачкав руки. Теперь каждый лорд-помещик стремился превзойти своего соседа размахом и великолепием охоты. Постепенно охота из тяжелой работы стала превращаться в светскую забаву. К началу XVIII в. входит в моду ношение всеми участниками охоты — от слуг и лесничих до самих охотников и их гостей обоих полов — специальной униформы, соперничавшей с самыми изысканными военными мундирами.

В серии из шести картин Иоганна Тишбейна (1722—1789), заказанной ландграфом Фридрихом II Гессен-Кассельским, можно рассмотреть малейшие детали великолепных платьев и костюмов, расшитых красным шелком и украшенных прекрасной парчой и золотым шнуром. Такую одежду носят все участники охоты, организованной ландграфом. На фоне изысканных одежд сабли и другие приспособления кажутся не более чем декорацией.

Охотничий комплект Иосифа II, изготовленный около 1765 г., хранящийся сегодня в Музее искусств в Вене, состоит из позолоченного кинжала с костяной рукояткой, свисающего с зеленой кожаной перевязи, отороченной золотым шнурком. Ему соответствует изготовленный из рога охотничий нож на такой же перевязи.

На картине 1785 г., находящейся в городском музее в Неаполе, изображена охота Фердинанда IV на медведя. Охотники и лошади облачены в зеленые одеяния, отделанные золотом. В тот же тон окрашены ремни для сабель и ножны. На портрете Ксавери Аерманна «Человек в охотничьей форме курфюрста Баварского» (1796), хранящемся в Немецком музее охоты в Мюнхене, изображен охотник в темной форме, щедро украшенной серебряным галуном, поясом, значками, шнурками и эполетами. Соответствующий темляк подвешен к серебряному эфесу его охотничьей сабли.

Украшенные подобным образом охотничьи сабли иногда могли использоваться и по назначению, хотя их владельцы ничего не предпринимали для этого. Очевидно, что функциональное оружие XVI—XVII вв. в XVIII в. стало составной частью парадного гардероба. Английский историк Башфорд Дин в своем «Каталоге» характеризует их не иначе как урод-

ливые придворные изделия, «слишком маленькие, чтобы они надежно служили во время охоты, в тех редких случаях, когда их владельцам приходилось защищаться от разъяренных кабанов или оленя, ими можно было только пустить кровь, но не расчленив тушу животного». Замечание автора не лишено здравого смысла, правда, отказывая оружию в практической ценности, нельзя забывать о его значении как произведения искусства.

Как обычно, художники, гравировщики и ювелиры охотно выполняли все прихоти состоятельных заказчиков. Во Франции и Германии печатались книги с гравированными рисунками, предназначавшимися для украшения сабель, ножовщики по всей Европе копировали их, с точностью передавая мельчайшие детали. Примером подобного сотрудничества художника и оружейника может служить охотничья сабля, хранящаяся в Виндзорском замке. Вместе с парой пистолетов и ягдташем, изготовленными Мишелем Батистой из Неаполя, она составляла охотничий гарнитур Карла III Испанского.

Смонтированная в Неаполе венским мастером Францем Буржуа примерно в 1775 г., сабля имеет стальной позолоченный эфес с чеканкой. Отделка, включающая традиционные мотивы военных и охотничьих трофеев, выполнена по эскизам французских художников де Лаколомба, де Марто и Кристофа Юэ, выполненным между 1730 и 1750 гг. Перед кузнецами и граверами иногда ставились очень сложные задачи. Им приходилось выполнять становившиеся все более изысканными рисунки по железу, поэтому часто узоры наносились по накладным серебряным или медным пластинам, они чеканились, золотились и даже усыпались камнями. Следовательно, золотых дел мастера и ювелиры играли более значительную роль, чем кузнецы, изготавливавшие сабли.

Самым известным конструктором и изготовителем великолепных по качеству охотничьих мечей и аксессуаров считался Иоганн Мельхиор Динглингер (1690—1731), работавший в Дрездене вместе со своими братьями Георгом Фридрихом и Георгом Христофором, позже к ним присоединились его сыновья Иоганн Фридрих и Мориц Конрад.

Иоганн возглавил семейное предприятие, известное своим применением драгоценных металлов, камней и эмали.

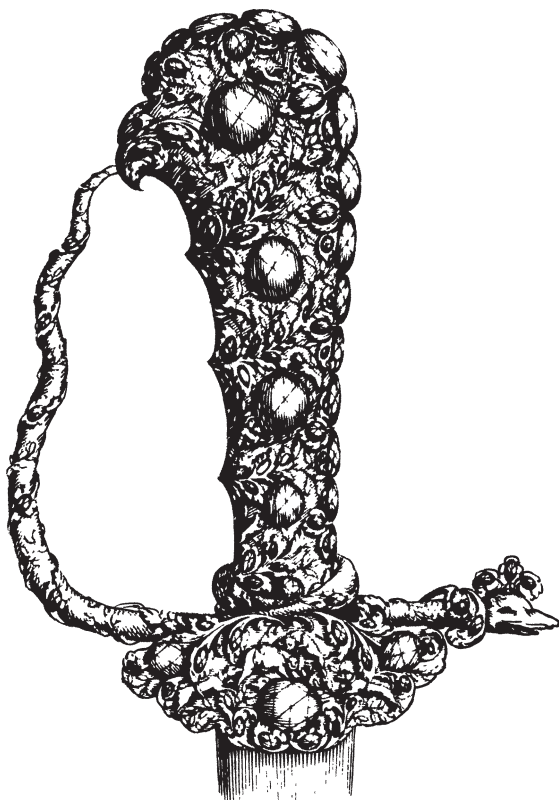

Рис. 12. Рукоятка кинжала, украшенного драгоценными камнями, изготовленного Фридрихом Якобом Морисоном. 1697 г.

Для своего хозяина Августа Стронга он делал красивые, хотя и немного фривольные гарнитуры, состоявшие из охотничьего оружия и аксессуаров. Так, гарнитур, находящийся сегодня в Сокровищнице Дрездена, состоит из кинжала, ножа, прогулочной трости, кнута, подвески для часов, плюмажей и комплектов пуговиц и застёжек. Все они сделаны из драгоценных металлов и отделаны сердоликами. Кроме того, мастер сделал серебряный и другие гарнитуры, отделанные сапфирами, изумрудами и агатами. Камней было так много, что

сабля, входившая в большой бриллиантовый гарнитур, вполне могла поранить руку, если бы кто-то решил воспользоваться ею без перчатки. Столь же красивыми и непрактичными были две сабли, отделанные жемчугом, изготовленные примерно в 1720 г. для короля Дании Фридриха IV и его брата принца Карла. Динглингер также придумал и изготовил Большой охотничий набор, предназначенный для охотничьего праздника, — он состоит из различных ножей, столовой посуды, предметов для сервировки и украшения стола.

Рассматривая невероятное разнообразие охотничьих сабель XVIII в., легко разделить их на группы по материалу, использовавшемуся для изготовления эфесов. Прежде всего, мастера отказались от необработанного рога оленя или антилопы, из которых изготавливали практичные и удобные рукоятки мечей в XVI—XVII вв.

Немецкий кинжал, изготовленный примерно в 1775 г., из парижского Музея армии является наглядным примером того, до какой степени совершенства можно было прийти при изготовлении эфеса из оленьего рога. Рукоятка вырезана в виде головки аспиды — чешуйчатого чудовища, из глотки которого выходит раздвоенный язык. Для изготовления рукояток использовался любой материал животного, растительного или минерального происхождения, который можно было приспособить: кость, агат, стекло, фарфор, раковины, жадеит, эбеновое дерево.

Однако самым популярным материалом оказалась кость, использовавшаяся с давних времен, но особое распространение получившая в начале XVII в. Лондонские ножовщики оказались среди тех, кто проявили особенное мастерство в изготовлении столовых ножей и вилок с резными рукоятками. Автор «Путеводителя по Лондону за 1633 год» Стоу не без основания похвастается, что «во времена короля Якова I в Лондоне делались самые лучшие и самые красивые ножи в мире».

Заметим, что почти все большие производственные центры в Европе, особенно те, что находились в Голландии и Саксонии, имели своих токарей и резчиков. Один из наиболее значительных центров торговли слоновой костью находился в Дьепе. Историк Массевиль в своей «Общей истории Нормандии» пишет: «Дьеп превосходил все другие

города мира своими изысканными изделиями из слоновой кости».

В XVII в. форма рукоятки из слоновой кости часто копировалась с так называемого шотландского эфеса из оленьего рога или антилопы (об этом мы говорили выше). Обычно использовали два куска материала: из одного делали рукоятку, а из другого — гарду. Что касается эфесов из слоновой кости, то они покрывались изысканной резьбой на охотничьи темы, например собаки, нападающие на зайцев, оленей, медведей и львов. Их тела сложно переплетались в едином возбужденном порыве. Похожая техника использовалась и для группы круглых пороховниц, которые использовались вместе с определенными мечами и ружьями.

Прекрасные образцы первых саксонских сабель с рукоятками из слоновой кости выставлены в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Если на рукоятках XVIII в. из слоновой кости встречается резьба, то она всегда превосходного качества. Отметим, что деликатные гарды из слоновой кости, подверженные механическим воздействиям, легко ломались и часто заменялись металлическими (фото 31).

На изделиях XVIII в. воспроизводились похожие сценки сражающихся животных, однако на некоторых рукоятках отразились и веяния времени, они впечатляют столбцами в духе барокко или рисунками в стиле рококо. На самых простых по модели, но искусных по форме рукоятках встречаются накладные пластинки из слоновой кости или рога, прикрепленные к хвостовику как захваты (фото 34).

Среди других материалов, охотно использовавшихся и становившихся предметом создания скульптурных работ, отметим рог и дерево. Самый необычный эфес из рога носорога прикреплен к сабле, изготовленной для Кристиана V Датского перед его восшествием на престол в 1670 г. Скорее всего, он был создан под влиянием рукояток с изображениями животных. Его создателем считается резчик по слоновой кости Якоб Йенсен Нордманд, который являлся и смотрителем Королевского арсенала, находившегося в замке Розенборг.

В европейских мечах не часто использовали рог носорога, поскольку этот материал, добывавшийся в Африке и на

Востоке, ценился очень дорого, ибо считалось, что он обладает необычайными свойствами. Верили, что он способствует потенции и может помочь распознать яды, и именно этим объясняется широкое распространение чаш из рога носорога. Го Хун, известный даосский ученый IV в., полагал, что «когда человека ранят стрелой, пропитанной ядом, и он находится на пороге смерти, то следует слегка коснуться его раны рогом носорога, и тогда из раны появится пена, сам же он почувствует себя значительно лучше». В императорском хранилище в Токио хранятся тосу (поясные ножи) с рукоятками из рога носорога и ножны. Рукоятки кривых абиссинских мечей иногда также изготавливались из рога носорога.

Для изготовления европейских сабель использовались рога разных животных, правда, они редко покрывались резьбой. Так, у охотничьей сабли королевы Софии-Амелии, хранящейся в Розенборге, изготовленной примерно в 1650 г., великолепная золотая рукоятка, украшенная эмалью, однако сам захват сделан из простого полированного рога. В Розенборге также находится прекрасный покрытый серебром кинжал с захватом из черного (эбенового) дерева, он был подарен молодому Кристиану VII во время его визита во Францию в 1768 г. королем Людовиком XV.

Обычно деревянные рукоятки состояли из двух пластин, прикрепленных заклепками к хвостовику, и редко покрывались резьбой. На покрытом серебром кинжале, хранящемся в Виндзорском замке, стоит лондонское клеймо с обозначенным на нем 1809 г. На нем имеется захват, изготовленный из двух эбеновых пластин, прикрепленных посеребренными заклепками. По записям в «Каталоге» Лакинга, этот кинжал носил «мистер дю Паскуэ, когда занимал должность конюшего у принца Уэльского». Однако в Метрополитен-музее хранится сабля с захватом из орехового дерева, покрытым сложной резьбой.

Все перечисленные нами материалы легко подвергались обработке, но были достаточно непрочными и требовали регулярного ремонта. Поэтому ряд ножовщиков предпочитали использовать более твердые материалы, например халцедоны или агаты. В XVII и XVIII столетиях большинство поделочных камней добывались в шахтах Идер-Оберштейна, находившихся в Германии, поэтому считается, что

большинство сабель с каменными рукоятками были изготовлены в немецких мастерских.

Однако мастера, способные полировать и шлифовать камень, предназначенный для изготовления рукояток ножей и сабель, расселялись по разным странам. В Дании ножовщику и золотых дел мастеру Каспару Гербаху в 1662 г. была пожалована лицензия, чтобы он смог открыть мельницу вместе с магазином полированных камней в Лингбю. Позже Бендикс Гродшиллинг, смотритель Кунсткамеры в Розенборге, заказывал у него агатовые рукоятки для рапир и охотничьих сабель. В 20-х гг. XVIII в. под руководством Мишеля Бекера в Фредериксверте учредили полировальную мельницу, где занимались шлифовкой агатов, и, возможно, именно здесь изготовили покрытую золотом агатовую охотничью саблю для Фридриха IV.

Начиная с XVII в. полировщики поделочных камней, обеспечивавшие потребности ножовщиков, появились и в Лондоне. В приходских книгах церкви Святого Гилберта, находившейся в Криплгейте в Лондоне, начинают упоминаться резчики по камню, гранильщики алмазов и ювелиры. В 1628 г. Джеймс Мейс, ученик придворного ножовщика Роберта Саута, перешел к Конраду Питерсу, лондонскому ювелиру и резчику по камню, со временем (1635) став полноправным членом гильдии ножовщиков.

Большое количество сохранившихся изделий свидетельствует о том, что производство агатовых рукояток стало одной из главных специализаций ножовщиков. Обычно ими украшались кинжалы, а также мечи и сабли. На большинстве изделий имеются серебряные накладки и лондонская датировка (фото 27). В объявлении, помещенном в «Лондонской газете» от 10—14 июля 1690 г., читаем: «В наемной карете забыты... новая серебряная сабля с агатовой рукояткой и кенингсмаркская сабля в ножнах, рукоятка помечена буквами «R.Y.».

У нескольких кинжалов с агатовыми рукоятками встречались большие рукоятки, в качестве примера можно привести малый охотничий меч, хранящийся в Коллекции Уоллеса, — хвостовик клинка закреплен в специальном отверстии, высверленном в камне. Видимо, изготовители подобных изделий подражали образцам, вывезенным с Востока. Кинжа-

лы отделялись серебряными и золочеными лентами, украшались бирюзой и рубинами, опоясывающими рукоятку и гарду.

Иногда к английским клинкам приделывались индийские и персидские эфесы из яшмы или нефрита. Несколько превосходных образцов хранятся в Оружейной палате в Москве. В Сокровищнице в Мюнхене хранится французский кинжал примерно 1740 г. с нефритовой рукояткой и гардой, покрытой золотом и серебром и отделанной бриллиантами. В комплекте с ним имеются расшитый золотом пояс и петля, также украшенная серебряными фигурками и россыпью бриллиантов.

У некоторых декоративных охотничьих мечей имелись фарфоровые рукоятки, раскрашенные сценками на охотничьи темы. Так, захват французского, покрытого серебром кинжала 1778 г., выставленный в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (фото 33), расписан очаровательными виньетками, изображающими охотника с собакой, окруженного дамами. Такие изделия обычно выпускались на французских фабриках в Шантильи и Сен-Клу.

Как и следовало ожидать, самые претенциозные рукоятки мечей данного типа были изготовлены на мейсенской фабрике, находившейся под Дрезденом. На кинжале примерно 1750 г., находящемся сегодня в Тойгусмузее в Копенгагене, рукоятка имитирует копыто животного. Входящие в тот же комплект нож и вилка также имеют фарфоровые рукоятки.

На фабрике Боу в Лондоне в середине XVIII в. изготавливали огромное количество фарфоровых рукояток для ножовщиков, но не сохранились документальные свидетельства, подтверждающие, что такие же рукоятки делались и для мечей. К тому времени они встретились с сильной конкуренцией со стороны более прочной продукции, производившейся на эмалевой фабрике в Южном Стаффордшире.

Большая потребность в производстве декоративных охотничьих мечей и аксессуаров ощущалась в Германии. Берлинские эмалевые фабрики стали изготавливать изделия с нерасписанной белой поверхностью. Затем домашний живописец мог нарисовать на ней узор в соответствии с желаниями заказчика. В качестве примера приведем прекрасный образец

кинжала, находящегося в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, в кожаных ножнах с петлей на поясе. Кожаные изделия также покрыты эмалевыми пластинами на медной основе, на которых изображены охотники и разные виды охоты (фото 32).

К концу XVIII в. в Европу начали импортировать панцири морских черепах, обитавших в азиатских тропических водах. Основным преимуществом этого материала было то, что ему легко придавались нужная форма или объем. Отличительной особенностью изготовленных из панциря табакерок и ювелирных изделий стало прокалывание, когда рисунок накладывался полосками или в виде точек из серебра или золота. В «Обзоре шотландского искусства» (1956) В. Рейд сообщает, что им зафиксированы только двадцать восемь образцов пистолетов, отделанных шпоном из панциря черепахи.

Правда, такая техника почти не применялась при изготовлении сабель и ружей. Известны только несколько прекрасных образцов охотничьих мечей, где использовалась данная техника. Первый находится в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и представляет собой изделие, покрытое серебром с зажимом в форме раковины, украшенной охотничьей сценкой. Облицованная панцирем черепахи рукоятка покрыта серебряной сеткой и накладками с рисунками, напоминающими оформление немецких табакерок середины XVIII в. Обычно считают, что щедро украшенные завитками и сетчатым узором панели изготавливали в Неаполе, где с XVIII в. эти изделия пользовались большим спросом.

В 1722 г. для императора Карла VI изготовили великолепное охотничье ружье с кремневым замком. Хотя ствол и замок подписаны мадридским придворным оружейником Диего Вентурой, ствол покрыт кусочками панциря черепахи, золотыми накладками и рядом камней, скорее всего сделанных неополитанским золотых дел мастером и ювелиром. В комплект к этому ружью входит кинжал, возможно изготовленный в 1740 г. и хранящийся ныне в Венском музее искусств. Кинжал имеет бронзовую позолоченную рукоятку, украшенную накладками из панциря черепахи, инкрустированными золотом (фото 28).

В трех последних типах эфесов гарда, головка и спираль являлись своеобразным оформлением для орнаментальной центральной части, рукоятки. Если рукоятка изготавливалась из цельного куска металла, то вся ее поверхность отделывалась одним сюжетом. Данная особенность свойственна большинству изделий XVIII в.

В 1727 г. аугсбургский мастер Иоанн Яков Баумгартнер напечатал серию гравюр под общим заглавием «Новейшие охотничьи ножи и кинжалы». Рисунки Баумгартнера, предназначавшиеся для золотых и серебряных дел мастеров, представляли собой сложные шаблоны из переплетающихся орнаментов и листьев, виньетки из классических бюстов и охотничьих сцен.

Одним из первых представителей стиля рококо считается французский гравер Гюстав Мессонье (1693—1750). Среди множества сделанных им листов с орнаментами встречается и образец рисунка, использованного для золотой сабли, изготовленной в честь женитьбы короля. Более легко приспособивались для отливок и вырезания рисунки Иеремии Ваксмута (1712—1779), другого аугсбургского мастера. Композиция представляет разнообразные варианты завитков, переплетающихся и закручивающихся в асимметричные спирали. По рисункам Ваксмута во Франции были изготовлены множество бронзовых позолоченных и серебряных рукояток, гард и отражателей для охотничьих мечей.

Ярким примером стиля рококо является кинжал, выставленный в Национальном музее в Мюнхене, который входит в группу декоративных мечей со спрятанными или прикрепленными к рукояткам часами. Так, на бронзовой позолоченной рукоятке сабли имеются часы, подписанные «Бено Хубер 1619 Вена», установленные в центре гарды. Находящийся в Метрополитен-музее кинжал с серебряной рукояткой отделан витым орнаментом, выполненным четко и ясно.

Немецкие и датские серебряных дел мастера пытались подражать и другой аугсбургской школе с более ярко выраженными элементами рококо. Английские мастера серебряных дел предпочитали два типа эфесов. Первый представляет собой тяжелую, покрытую серебром рукоятку с огромным отражателем в форме раковины (фото 26).

Изгиб чаши, составная головка и задняя полоска гарды накладываются, образуя овал. На чаше, головке и гарде помещались литые или барельефные головы горгулий. Рукоятка в большинстве случаев изготавливалась из рога с желобками. На клинках имеются клейма второй четверти XVIII в.

Второй тип кинжала имеет более легкую конструкцию. Две небольшие гарды из перфорированных спиралей с близко расположенными завитками соединены цепью с головкой в форме головы льва или собаки. Рукоятка часто делалась из слоновой кости и красилась в зеленый цвет. В основном изделия датируются первой половиной XVIII в., известно, что они пользовались популярностью не только у охотников, но и у военных и морских офицеров.

Сделанные на континенте охотничьи сабли отличались большим разнообразием отлитых из бронзы рукояток, некоторые были весьма простыми по форме с накладками из раковины, другие имели головки и гарду в виде копыта животного, иногда на дуге прикреплялась сложная по форме фигурка, а на гарде вырезалась охотничья сценка. Прилагавшиеся в ножнах вилка и нож были достаточно стандартными.

Отметим одну весьма примечательную группу литых рукояток. Хотя по форме они явно европейского типа, рукоятки отделаны в китайском стиле, изготовлены из японского сплава меди и золота шакудо. Одно время считали, что их изготавливали в Тонкине, провинции Аннама, находившейся под китайским влиянием, но нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту версию. Среди выполненных в той же манере рукояток для тростей, коробочек для табакерок иногда встречаются фигурки, одетые в японские одежды. Скорее всего, сам по себе сплав, из которого они изготовлены, относится к первоклассным японским изделиям. Правда, имеются некоторые сомнения, может быть, эти рукоятки были изготовлены под влиянием японской техники и предназначались для экспорта на европейский рынок. Косвенным свидетельством сказанному может быть тот факт, что они были изготовлены для голландской Ост-Индской компании на фабрике, находившейся в Дешиме в Японии.

Рис. 13. Фрагмент гравюры «Загонная охота на оленя» И.Э. Ридингера (1698—1747). Охотник использует характерный для своего времени кинжал

В Метрополитен-музее в Нью-Йорке хранятся три прекрасных образца кинжалов. Один из них полностью покрыт пейзажами и охотничьими сценками, выгравированными на позолоченной рифленой поверхности. У другой сабли интересна рукоятка в виде счастливого «драконьего зуба», вырезанного из бивня мамонта. Она дополняется белыми ножнами из шагреновой кожи. Интересен также кинжал с рукояткой из шакудо, находящийся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, имеющий шагреновые ножны (фото 16). В Дрезденской оружейной палате хранится

гарнитур из подвески, кинжала и прогулочной трости, украшенных накладками из шакудо. Нужно отметить, что кинжал очень похож на тот, что хранится в Нью-Йорке, не менее примечательна и его характеристика в дрезденской описи 1716 г., где он назван «малым московитским серебряным».

Еще один клинок из данной группы находится в Венском музее искусств, на его лезвии имеется надпись:

Любовь сладка и не горька,
Когда она взаимна.

Некоторые лондонские ножовщики XVII в. находили, что выгравировать изысканный рисунок на меди и серебре гораздо легче и дешевле, чем пытаться нанести его на железную или стальную поверхность. Возможно, поэтому число прекрасных сабель с железными рукоятками, изготовленными в XVIII в., гораздо меньше, чем с рукоятками из более мягких металлов.

Кинжалы с рукоятками, изготовленными в технике шакудо, являлись фактически жалкими подражаниями железным рукояткам с чеканкой и позолоченными задними частями, выпускавшимися великими мастерами-оружейниками таких центров, как Тула в России. Они проявили свое мастерство и в изготовлении разнообразной домашней утвари, канделябров и столов, личных предметов — табакерок и сабель.

Другим центром считался Карлсбад. Побывавший там путешественник писал в 1768 г. «о мастерах в Вейзе, изготавливавших прекрасные золотые накладки на охотничьих мечах, рукоятки для тростей и разные рабочие коробки для дам... Какое удовольствие получаешь, посещая множество мастеров, работающих в Вейзе с бронзой, сплавом олова со свинцом, сталью, а также видя, что по мастерству карлсбадские мастера не только равны большинству английских, но даже и превосходят их».

Согласимся с тем, что английские мастера были весьма искусны в своем деле, однако до нас дошли только несколько превосходных охотничьих сабель второй половины XVIII в. со стальными рукоятками. Мастера Франции и Германии также создавали великолепные образцы рукояток. Обычно она была плоской пистолетной формы или

цилиндрической, расширяющейся к головке. Гарды были короткими, приземистыми и направленными вниз. Стальные рукоятки данного типа часто украшались чернью или золотились, имели несколько медальонов с портретами или декоративные овальные накладки, наложенные поверх покрывавших всю поверхность геометрических узоров.

Не менее распространены были и металлические полски, наложенные на захват. Так, охотничья сабля, дарованная королем Фердинандом Неапольским Густаву III Шведскому в 1784 г. и находящаяся сегодня в Ливрусткаммере в Стокгольме, представляет собой выдающийся образец этой группы.

Следует включить в обзор и охотничьи сабли XVIII в., которые нельзя рассматривать только как детали костюма. Несмотря на то что их рукоятки были достаточно слабыми, клинки практически всегда оказывались отменного качества. Так, на картине Дж.П. Хоремана изображена придворная охота, где конные охотники в великолепной голубой форме разделявают кабана своими кинжалами.

В описании медвежьей охоты, устроенной королем Фридрихом I Шведским в 1737 г. в окрестностях Шонберга, рассказывается, как гигантский медведь задрал пятерых или шестерых людей и отчаявшийся король «повелел, чтобы все собаки, которые имелись в распоряжении охотников, числом около шестидесяти, были выпущены на него, что и было вскоре проделано. Медведь тотчас убил шесть или семь собак, но был затем побежден остальными. Так что и сам король не смог нанести ему удара своим кинжалом, что положило бы конец не только его жизни, но его неистовости и свирепости». Чтобы вступить в подобную стычку, охотнику нужна была не только отвага, но и прочный клинок.

ОХОТНИЧЬИ КЛИНКИ

В начале XVIII в. сабельных дел мастера из Золингена практически стали монополистами, поставлявшими лезвия почти для всех изготовителей рукояток в Европе. В соответствии с потребностями покупателей они производили изделия практически любой формы и величины. Лезвия от-

личались длиной (от 18 до 30 дюймов), некоторые были прямыми, другие закругленными, но все они редко доходили до величины сабли. Большинство оказывались черными, наиболее практичные образцы имели зазубренные края. Количество, глубина и длина желобов различались в каждом изделии.

Обычно изготовители клинков оставляли свои отметки или писали имена, но встречается и множество фиктивных надписей. Скорее всего, они просто отпечатывались на лезвиях, причем вид штампа зависел от прихоти покупателя. Во многих странах некоторые марки, например изображение бегущего волка, рассматривались как гарантия качества лезвия. Во время сражений и охоты от клинка требовалась гарантия прочности.

Сабля должна была обладать и мистическими свойствами, позволявшими пронзать больших оленей и совершать великие подвиги или хотя бы приносить удачу. С этой целью на лезвие сабли наносились магические знаки или числа (рис. 14). Их можно определить как стандартные астрологические символы. Так, один комплект был специально сконструирован как «талисман, чтобы заставить влюбиться и отгонять все дурные помыслы врагов».

На других изделиях имеются каббалистические знаки, известные только владельцу или тому чародею, кто продал заговор. На лезвиях XVII—XVIII вв. часто штампуются цифры «1414», которые трактуются различным образом — как сочетание счастливого числа семь или как дата смерти божьего героя Яна Гуса. К сожалению, другие подборки цифр типа «1441», «1506» и «1515», которые также используются, не поддаются никакому логическому объяснению.

Большинство магических знаков встречается на охотничьих саблях, изготовленных в Германии или первоначально использовавшихся именно там. Обычно охотничьи сабли определяются по выгравированным на них охотничьим сценкам и соответствующим девизам. Во второй половине XVIII в. отделка на саблях часто ограничивалась лентой пересекающегося орнамента с небольшими веточками с листьями или изображениями военных трофеев.

В Музее Виктории и Альберта в Лондоне находится книга образцов, скорее всего выполненных английским худож-

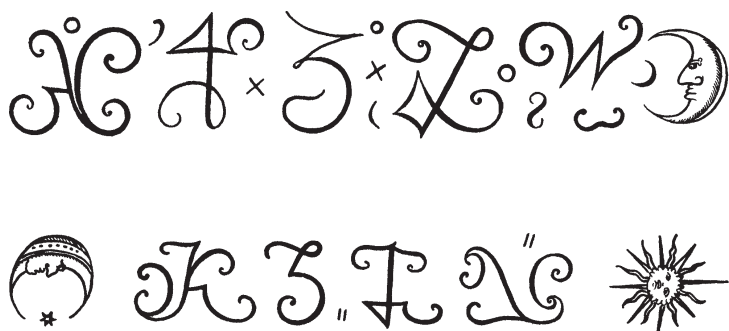

Рис. 14. Магические знаки, выгравированные на лезвии немецкого кинжала XVIII в.

ником Робертом Уилсоном. В ней содержатся порядка сотни рисунков для сабель. К тому времени сложился обычай создания универсальных изделий, поэтому в таких общепризнанных центрах по изготовлению клинков, как Золинген, Клингенталь, Бирмингем, рукоятка оставлялась часто неотделанной. Отделка завершалась после приобретения изделия по желанию заказчика. Обычно, выгравировывая узоры, французские и немецкие мастера помещали свои имена на клинках, а английские ножовщики гравировали их на задней стороне верхнего медальона футляра.

Распространение в XVIII в. оружия с колесцовым замком и небольших пистолетов с кремневым замком побудило оружейников создать комбинацию из пистолетов и клинкового оружия.

Из множества разновидностей сабель чаще всего такой тандем представлен в виде кинжала и пистолета. На некоторых из них ствол пистолета прикреплялся к одной из сторон лезвия, а затворный механизм устанавливался на рукоятку так, чтобы не соприкасался с захватом (фото 38). Только два пистолета того времени не имеют описанной конструкции. Такая двойная конструкция требовала разработки подходящих ножен, способных обеспечить должную защиту и не выглядевших слишком громоздкими, что являлось определенной проблемой. Поскольку у многих не оказывалось подходящих захватов, некоторые мастера ору-

жейники просто прикрепляли пистолет к лезвию кинжала. В результате получалось нескладное оружие, с помощью которого можно было только нанести грубый режущий удар.

ОХОТНИЧЬИ САБЛИ XIX В.

В начале XIX в. Наполеоновские войны вызвали временный перерыв в производстве прекрасных охотничьих сабель. Сам Наполеон учредил мастерские по производству представительского оружия на Государственной военной фабрике в Версале. Здесь возродили великолепие Римской империи, проявившееся в убранстве сабель, изготовленных для трех консулов главным мастером Никола-Ноэлем Буте. Правда, изготовивший до этого несколько превосходных охотничьих ружей, Буте не смог подняться до таких же высот в создании каких-либо охотничьих сабель.

Под патронажем Наполеона появилась и другая фабрика, находившаяся в Клингентале в Эльзасе. В 1792 г. ее назвали «Фабрикой по производству парадного оружия для войны», в 1805 г. ее посетил Жозеф Бонапарт. Затем фабрикой управлял подрядчик Жюльен Куло. После Реставрации семья Куло основала компанию и наряду с другими европейскими производителями перешла на изготовление прекрасных охотничьих сабель. Они ввели рукоятки из оленьего рога, сохранявшие грубую природную поверхность, на которой гравировались барельефы с охотничьими сценками. Фон подкрашивался таким образом, что фигурки выступали необычайно четко. Предприниматели также возродили производство гард XVII в., изготовленных из рога с вырезанными из кости фигурками животных.

Точно такие же рукоятки изготавливали и в фирме Вейерсберга из Золингена. Немецкие и французские фирмы воссоздали практически все старые стили декорирования охотничьих сабель. Так, например, у сабли, находящейся в Коллекции Уоллеса, имеется рукоятка из отделанной стали, которую можно считать подлинным шедевром XVIII в.

Ножны из слоновой кости покрыты сложной рельефной композицией, повторяющей старую саксонскую тему с

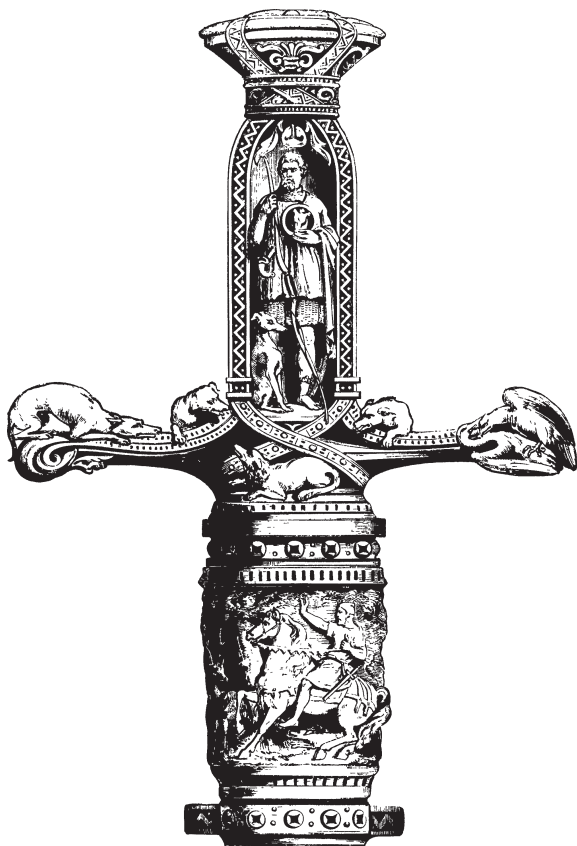

Рис. 15. Эфес парадного охотничьего меча, изготовленный Марелем (Париж). Выставлялся на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 г. (в настоящее время находится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне)

борзыми, загоняющими диких животных. На лезвии выгравированы узоры, явно свидетельствующие о работе XIX в. Ножны вполне могут представлять собой работу одной из дьепских семей резчиков по кости, которые сохранили традиции своего мастерства и специализировались на имитации стиля XVI—XVII вв.

Когда дело дошло до изготовления специальных сабель, предназначенных для презентаций или выставок, то разработчики как бы сняли все ограничения. На французской охотничьей сабле, подаренной Наполеоном III маркизу Хертфорду примерно в 1860 г. и находящейся сегодня в Коллекции Уоллеса, рукоятка выполнена из серебра в виде фигурки американского индейца, борющегося с горным львом, у его ног лежит второй лев, пронзенный стрелой. Ножны выполнены из окисленного серебра в пару с эфесом.

На Всемирной выставке, проводившейся в Лондоне, Париже и Берлине во второй половине XIX в., показали изделия с придумками Викторианской эпохи. В 1851 г. на выставке в Лондоне представили серебряную охотничью саблю, изготовленную Маррелем Фрером из Парижа, с литым эфесом, украшенным изображениями персонажей легенды о святом Губерте, а также другими символами охоты. Она вызвала всеобщее восхищение и была приобретена для постоянной экспозиции за сумму в 200 фунтов.

В викторианский период изготовители сабель давали простор своей фантазии. Появление небольших доступных и надежных пистонных пистолетов побудило изобретателей изготавливать причудливые сочетания из сабли и огнестрельного оружия.

Хотя основная часть изделий направлялась прямо на военный рынок, но охотничьему кинжалу было суждено претерпеть многочисленные усовершенствования. В 1840 г. Джозеф Селестен Дюмонтье из Парижа оформил французский патент за номером 11875 и зарегистрировал «нож для охоты с пистолетом». Выданный в Англии В. Дэвису патент признавал его автором сабли, оснащенной револьвером под патрон Боксера, ножны были с шарнирным устройством, чтобы можно было поместить ружейный ствол.

СОВРЕМЕННЫЕ ОХОТНИЧЬИ САБЛИ

Внедрение массового производства не проявилось на фабриках по изготовлению сабель так же, как и в других областях. Они по-прежнему стремились следовать традиционным методикам и индивидуальным образцам, в ката-

Рис. 16. Охотничьи мечи из Каталога 1908 г. Карла Эйкхорна, Золинген. Слева направо: саксонский меч для охоты на оленя, саксонский усиленный меч, олений кинжал из Брауншвейга

логах таких фирм, как «Карл Эйкхорн» из Золингена, приводятся многочисленные образцы охотничьих сабель, доступных и широкой публике. Отмечаются две базовые группы, одна с защитой для пальцев и другая без. Манера отделки менялась в соответствии с местом изготовления в одной из земель Германии — Баварии, Саксонии, Гессена, Брауншвейга. Изделия различались по качеству, отделка соответствовала статусу и той сумме, которую мог выложить будущий хозяин. Следует отметить охотничий кинжал Эйкхорна 1908 г., во многом сходный с английским кинжалом XVII в. (рис. 16).

Приход нацистов к власти стал огромным стимулом для ношения церемониальных сабель и кинжалов, что сильно вдохновило изготовителей сабель из Золингена. Возрождение охотничьих сабель и кинжалов произошло благодаря необычайному интересу к охоте Германа Геринга. Среди множества других титулов он носил звание рейхсфюрера. Под его началом находились Национальная лесная служба и Национальная охотничья ассоциация. Именно по его инициативе в 1937 г. в Берлине прошла большая Всемирная охотничья выставка. Страстно любивший помпезность и украшательство, Геринг лично разработал факсоны многих церемониальных изделий, которые носили члены обеих ассоциаций.

Основное различие сабель двух этих организаций было в том, что чиновники Национальной лесной службы имели сабли с чашей, а у чиновников Национальной охотничьей ассоциации стандартные сабли имели лишь небольшие гарды в виде копыт животных. На рукоятках «лесников» имелись заклепки в виде желудя, национальный орел и знак свастики, оправа имела золоченую окраску. Ножны изготавливались из черной кожи. Эфесы кинжалов «охотников» имели только эмблему общества из серебряной головки оленя и свастику. Подложка отделялась серебром, а цвет самых ножен был зеленым. Младшие члены обеих организаций отличались по захватам из слоновой кости или белого пластика, а не по стандартным захватам из оленьего рога.

Естественно, что каждый производитель представлял свои версии основных вариантов. Встречается множество специальных презентационных моделей сабель и полуофициального оружия. Все лезвия гравировались общим сюжетом, представляющим собой различные охотничьи сценки. Единственным обязательным приспособлением оказался правосторонний захват, изготавливавшийся из слоновой кости или рога оленя, его следовало отделять в соответствии с рангом его владельца.

Неясно, станет ли когда-либо производиться такое множество охотничьих сабель в одном месте, но золингенские кузнецы продолжают торговать своими изделиями, и именно в Германии сегодня производится основная масса охотничьих сабель.

ВОСТОЧНЫЕ САБЛИ

В отличие от европейских изделий у нас нет документальных свидетельств того, что восточные сабли применялись только для охоты. Так, на японских гравюрах, изображающих сцены охоты на кабана и оленя, можно увидеть охотников с традиционным самурайским мечом. Обычно для охоты использовали рубящие сабли или ножи для джунглей, типа дао из Ассама или малайского паранга. На персидских и индийских иллюстрациях представлены в основном самые распространенные восточные сабли, изогнутый тальвар и шамшир. Лезвия последних украшены изображениями животных или охотничьими сценами, отчего и сабли именуются охотничьими, но на самом деле они ничем не отличаются от остальных.

Восточные оружейники особенно гордились качеством своих клинков. Если судить по индийским и персидским источникам, то охотники великолепно с ними обращаются, на иллюстрациях видно, как они наклоняются с седла, чтобы нанести сильные резкие удары, которые почти пополам рассекают животных. На портрете Умеда Сингха, бундского раджи из Северной Индии (1749 — ок. 1773), хранящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, он изображен верхом на лошади, разрубающим глотку гигантского медведя своим тальваром, до этого он неудачно нападал на него с луком и стрелами. Отметим и другое бундское изображение примерно 1820 г., на котором изображена охотница, придворная дама, ударяющая тигра тальваром с широким лезвием.

В 1840 г. английский чиновник в Индии писал: «У сикхов встречается любопытный обычай ловли диких свиней, с которым мне не доводилось встречаться ни в одной другой части Индии. Они делают нечто вроде западни из прочных прутьев и, спугнув боровов и заставив их бежать, обычно ловят прекрасные экземпляры. Когда же, разъяренные, не видя ничего, они устремляются из этих ловушек, к ним приближается охотник, которому достаточно нанести всего лишь один удар саблей, чтобы покончить с боровом».

К восточным рукояткам часто приделывались европейские лезвия, существовала достаточно динамичная торговля

между золингенскими кузнецами и колониальными рынками. Вот что говорит преподобный Дж.Г. Вуд о сабле хамранских арабов: «Она прямая, с двойным лезвием, оснащена перекрестной рукояткой, наподобие тех, что были у древних крестоносцев, откуда пришла эта традиция. Арабы считаются истинными знатоками стали, ценя хороший клинок превыше всего остального. Обычно они доводят лезвия до остроты бритвы и доказывают это, бреясь саблями...

Длина лезвия составляет 3 фута, рукоятка длиной примерно в 6 дюймов, так что оружие выглядит очень внушительно. Если сильно ударить, то его острым лезвием можно перерубить человека пополам... Вооружившись только саблей, эти царственные охотники нападают на любую дичь и весьма хладнокровно атакуют слона, носорога, жирафа, льва или антилопу.

Обычно на слона нападали два вооруженных охотника, один заманивал, гарцуя перед слоном, второй нападал из засады, наносил колющий удар по передней ноге животного, обездвиживая его.

Во время охоты в Абиссинии с арабами сэр Самуэль Бейкер одолжил покрытую серебром семейную саблю у возглавлявшего экспедицию Тахира Нура, который попросил его обращаться с саблей аккуратно и не наносить ею удары по камню. Когда на него неожиданно напал молодой носорог, Бейкер нанес подобный молнии направленный вниз удар с помощью любимой сабли Тахира Нура. Молодой носорог упал замертво как подкошенный. Все арабы подбежали. Тахир Нур аккуратно вынул саблю из моей руки, вытянул ее во всю длину и осмотрел края, затем вытер кровь о тело носорога. Чтобы доказать, что его оружие безукоризненно, он сбрил несколько волосков со своей обнаженной руки. С облегчением вздохнув, он воскликнул: «Аллах велик!» — и вновь поместил саблю в ножны».

Бейкер обнаружил, что сабля перерубила позвоночник или шею объемом до 15 дюймов, причем голова продолжала висеть на тоненькой полоске кожи.

Глава 2

НОЖИ И ШТЫКИ

Характерной особенностью большинства бронзовых критских кинжалов XVI—XVII вв. считаются охотничьи сценки, выгравированные или нанесенные на лезвие посредством интарсии золотом или серебром. Однако не следует придавать этому слишком большое значение. Дело в том, что мастера часто пользовались уже готовыми изделиями для своих собственных работ. Так, известное лезвие, украшенное изображением охоты на львов, найденное в Микенах (шахтная могила IV), сегодня хранящееся в Национальном музее в Афинах, возможно, принадлежало церемониальному кинжалу. Сам же плоский бронзовый кинжал, безусловно, составлял часть охотничьего вооружения минойской культуры. Он представляет собой защитное колющееся оружие, подходившее как для развлечения (охоты), так и для битв (войны). Ни в доисторическое время, ни в начале новой эры еще не появились ножи или кинжалы, специально предназначавшиеся для охоты.

СКРАМАСАКС

Предком средневекового охотничьего ножа, использующегося и сегодня, считается скрамасакс, длинный универсальный нож, известный в Северной Европе по крайней мере с VIII в. до н. э. Его прочный однолезвийный клинок треугольного сечения позволял легко наносить не только колющие, но и режущие удары.

Лезвие прекрасно защищало его владельца и от людей, и от зверей, им можно было не только убить зверя, но и

Рис. 17. Скрамасакс в ножнах. Так называемый охотничий нож Шарлеманя, хранящийся в Кафедральном соборе Ахена

освежевать его, расчленив дичь или срубить дерево. В случае необходимости ножом пользовались и для еды. Незаточенная кромка ножа шла параллельно лезвию, образуя в передней части острие. Длина лезвия варьировалась от нескольких дюймов до размеров короткой сабли, на некоторых прекрасных образцах выгравированы надписи или геометрические узоры.

В качестве примера можно привести небольшую по величине саблю примерно 900—1000 г., хранящуюся в Британском музее, на которой надписано имя изготовителя Biorhtelm (Биорхелм) и владельца Sigebereht (Зигиберехт). С косым концом, медными и серебряными накладками она удивительным образом напоминает сингальский кинжал-нож XVII—XVIII вв. (пиха-кета). Загнутый хвостовик скрамасака вставлялся в деревянный рог или рукоятку из кости и имел металлическую головку, обычно у него не было гарды.

У некоторых скрамасаксов лезвия слегка вогнуты, с небольшим вырезом в конце, имеют также углубленные в клинок желобки или пазы вдоль краев. Хотя у них отсутствовал соответствующий ложный край, все же они удивительно походили на длинный охотничий нож XIX в. Ряд таких скрамасаксов обнаружили в погребениях VII—VIII вв. в Нидершторцингере в Германии.

Лучше других сохранился образец так называемого охотничьего ножа Шарлеманя, хранящийся в Кафедральном соборе Ахена, ножны которого надписаны «*Byrhtsige mec fecit*» («меня сделал Бирхсиг») (рис. 17). Сделанный с задней части надкос стал отличительной особенностью изделий, изготавливавшихся вплоть до XV в. С такой разновидностью лезвий мы встречаемся, например, в алтарных изображениях XV в., в Северной Германии и Скандинавии.

Правда, к тому времени появились и другие разновидности ножей с присущими им особенностями рукояток. У некоторых появляются сферические гарды и обоюдоострые лезвия, в основном они применялись как поясное оружие. Другие же формы, использовавшиеся гражданскими лицами, были более удобны для защиты, чем для хозяйственного применения.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НОЖИ

В конце Средних веков наиболее распространенной формой гражданских кинжалов по-прежнему оставались однолезвийные кинжалы, использовавшиеся в качестве оружия и для домашних надобностей. Лезвия скрамасаксов стали шире и тоньше, конец закруглялся к обуху. В большинстве случаев остроконечный хвостовик скрамасака заменялся плоской рейкой, к которой приклепывались две пластинки подходящего материала (из кости или дерева), образуя рукоятку. Такую форму ножа можно увидеть на изображении магазина торговца ножевыми изделиями из рукописи 1476 г., хранящейся в городской библиотеке в Нюрнберге.

Особое значение придавалось рубящим и проникающим способностям ножа, поэтому и от рукоятки требовалась поддержка удара. Когда приделывалась головка, то она часто была асимметричной, с выступом на конце, защищая пальцы от соскальзывания с захвата во время работы. Пальцы отчасти защищала также небольшая гарда, выступающая с боковой стороны рукоятки. Опираясь на нее, можно было увеличить давление на нож. К этой гарде часто приделывали небольшой диск. Он становился частью гарды и прикрывал малые ножи, находившиеся в ножнах. Концы гарды слегка отгибались вверх, к концу рукоятки. Трудно сказать, какое это имело значение, скорее всего чисто декоративное, но традиция сохранялась, отделка такого типа продолжала появляться на охотничьих ножах вплоть до конца XVIII в.

Типичные ножи-кинжалы конца XV и начала XVI в. можно увидеть и на гравюрах Альбрехта Дюрера («Повар и его жена», «Три крестьянина», ок. 1495) и Урса Графа («Танцующая крестьянская пара», 1525). Похожими характеристика-

Рис. 18. Охотник, успокаивающий свою собаку. На его поясе кинжал с клепаной рукояткой и прикрепленным к ножнам столовым ножом. Фрагмент гравюры из книги Weisskunig (1526)

ми обладают и ножи у охотников на гобелене, известном как «Охота Максимилиана», вытканном примерно в 1525 г., сегодня хранящемся в Лувре в Париже. Ножны всех ножей дополнены меньшими по форме футлярами для столовых приборов.

На поясах у охотников на серн и каменных козлов с гравюры Х. Бургмайера «Триумф императора Максимилиана» висят дополнительные футляры, позволяющие хранить специальные лезвия для дротиков. Такие ножи-кинжалы использовались как крестьянами в их повседневной жизни, так и охотниками, преследовавшими животных. Доказательство сказанного можно найти в некоторых немецких и шведских документах XVI в. Сегодня их обычно называют Hauswehr (рис. 18).

ШОТЛАНДСКИЕ КИНЖАЛЫ И НОЖИ ДЛЯ СНЯТИЯ ШКУРЫ

В литературе об охотничьих ножах, особенно английской, употребляется множество разных терминов, что порождает определенную путаницу, особенно при обозначении отдельных разновидностей. Впервые охотничьи ножи упоминаются в 1386 г., когда лондонский золотых дел мастер Джон Боттшам поставил Ричарду III позолоченную саблю и «нож, чтобы использовать на охоте» за 25 фунтов 17 шиллингов 4 пенса.

Обширную информацию об оружии содержит Описание арсенала Генриха VIII и его гардероба, в который входило множество разных ножей. Безусловно, к охотничьим ножам можно отнести тот, о котором говорится следующее: «Короткий нож для охоты с рукояткой из черного рога и черненой крестовиной в ножнах с кожаной перевязью». Сложнее понять, что подразумевалось под обозначением «ножей для охоты»: мечи, ножи или резаки.

Некоторые ножи обозначаются как «ножи для охоты, типа скейнов», другие как «кривой нож с золотыми накладками». Третьи ножи просто называются «скейнами» и упоминаются вместе с одним или двумя меньшими по размеру ножами и шилом. Скорее всего, такая разновидность ножа имеет ирландское происхождение.

В 1592 г. в пьесе «Солиман и Персида», приписываемой Томасу Киду, появились такие строки:

Выйдя против ирландцев быстрых,
Своим кинжалом отразил удар их скейнов.

В завещании Джона Бедсворта, ректора Лакстона, составленном в феврале 1472/1473 г., указан «басселард, или ирландский скейн, украшенный золотом и серебром». Название «басселард» позволяет предположить, что по длине скейн напоминал короткий меч, а не нож. О том же свидетельствуют и более поздние описания. В 1646 г. длина скейна была обозначена в «один локоть», что приблизительно составляло 1 фут и 6 дюймов. В 1607 г. за 2 фунта 10 шиллингов лондонский ножовщик Роберт Саут изготовил для Якова I прекрасно отделанный скейн для

охоты «с серебряной рукояткой, украшенной позолотой и бирюзой».

Сегодня скейн (гэльское *sgian dubh*) используется для обозначения небольшого ножа, который шотландцы носили в носках. Полагают, что раньше такое небольшое оружие носили под мышкой. Шотландским эквивалентом длинного ирландского скейна считался дирк — длинный кинжал с прямым лезвием. Одно из первых упоминаний о таком ноже-кинжале содержится в дворовой книге абердинского шерифа 1597 г., где указан «дирк, или длинный кинжал». Ричард Джеймс (1592—1638) описывает дирк как «длинный нож, с широким обухом и острым лезвием», то есть как кинжал с односторонним лезвием.

Скорее всего, речь идет о местной разновидности охотничьего ножа, известного в Северной Европе уже в начале XIV в. Чопорные европейские антиквары XIX в. называли его кинжалом из-за резной гарды с двумя закругленными долями и фаллосообразным захватом. Он оказался самым популярным оружием, носившимся как гражданскими лицами, так и военными. Прекрасный образец можно отчетливо разглядеть на поясе крестьянина на картине Распятия (одна из Страстей Христовых) из алтаря 1429 г. францисканской церкви в Бамберге, сегодня хранящемся в Национальном музее в Мюнхене.

В своем завещании, датированном февралем 1437/1438 г., горожанин и торговец мануфактурным товаром из Йорка оставляет своему сыну Ричарду «один дирк, охотничий нож». Ткач из того же города Джон Падси в 1442 г. упоминает свой «дирк». На портрете Волдемара Аттендага, находящемся в церкви Святого Питера в Нестведе, Дания (ок. 1375), он изображен в доспехах, с саблей и кинжалом. Такая же разновидность кинжала представлена и на нескольких английских мемориальных латунных дощечках с изображениями вооруженных людей (например, сэра Томаса Брукса, 1529 г., Гобхэм, Кент), и на некоторых скульптурных портретах рыцарей (Джона Фитзейлена, 1434, Арандель, Суссекс; Питера де Грандисона, ум. в 1358 г., Херефордский собор).

Хотя большинство охотничьих ножей были однолезвийными с прямыми обухами, все же они были слишком узкими, чтобы эффективно использоваться как в виде рубя-

Рис. 19. Охотник в доспехах и с кинжалом, нападающий на медведя. Фрагмент гравюры из книги Страдана *Venationes* (1630)

щих ножей, так и кинжалов. Правда, нет правил без исключений. На рисунке Иеронима Босха «Блудный сын» примерно 1490 г., хранящемся в Музее Бейнингена ван Боймана в Роттердаме, изображен охотничий нож с широким рубящим лезвием.

На многих ножах вся поверхность ручки была покрыта резьбой, а вместо круглой головки к хвостовику припаива-

лась плоская накладка или металлический диск. С такой разновидностью ножа в ножнах мы встречаемся на иллюстрации начала XV в. из австрийского перевода «Путешествия сэра Джона Мандевиля». На картине XV в. «Охота герцога Бургундского», хранящейся в музее Версаля, изображены приятели Филиппа Доброго, герцога Бургундского (1419—1467), все они носят у пояса охотничьи ножи.

О древнем происхождении этого типа ножа свидетельствует бронзовый кинжал с почти идентичной рукояткой, хранящийся в Национальном музее в Копенгагене. Он представляет собой образец хорошо известной группы коротких мечей и ножей бронзового века, которые обнаружили в Скандинавии и Северной Германии. Именно из этой группы ножей, как считают некоторые, и происходит баллок — длинный шотландский кинжал с прямым лезвием.

Хотя первые шотландские кинжалы имеют гарду с типичными закругленными долями, во второй половине XVII в. их начали делать расплюснутыми, по бокам сделаны параллельные линии, соответственно расширяющиеся при основании. Таким образом захват потерял всякое сходство с фаллосом, и плоская головка изменилась по величине.

Баллок нередко изготавливали из бракованных широких лезвий, они оказывались достаточно прочными и могли использоваться как кинжалы для сражений и охоты. Несколько шотландских кинжалов XVII в. сделаны с пилообразными задниками, прикрепленными к лезвиям. Такая форма получила распространение в XVIII в., тогда задник шотландского кинжала обычно зазубривался и отделялся желобками, захват филигранно гравировался кельтскими знаками.

Французский путешественник, побывавший в Шотландии в 1799 г., пишет, что на рукоятке шотландского кинжала так «элегантно и с большим вкусом переплелись стебли и грозди, переходящие и находящиеся друг на друга». В большинство ножен помещались прилегающие к кинжалу нож и вилка, один предмет над другим. С первой четверти XIX в. шотландский кинжал постепенно превращается в составляющую костюма, захват гравировался изображениями чертополоха или вставками из дымчатого топаза или желтого кварца, в качестве украшения исполь-

зовалось и цветное стекло. Для изготовления ножей продолжали использовать клинки старинных мечей, а многие прямые, но вполне пригодные клинки просто использовались слугами в качестве охотничьих ножей.

ОХОТНИЧИЙ КОМПЛЕКТ

Английский баллок, ирландский скейн и шотландский дирк использовались именно для охоты, нам же интересны прежде всего наиболее распространенный тип такого ножа — хозяйственный нож (hauswerh) — и большие охотничьи комплекты, которые появились благодаря ему. На иллюстрациях XV в. этот нож всегда присутствует вместе с двумя или тремя вспомогательными ножами. Однако в XVI в. их количество нередко увеличивалось. Сохранившиеся экземпляры существенно различаются по размерам, от простых, с накладками из железа и захватами из оленьего рога, до высокохудожественных изделий, свидетельствующих о мастерстве ножовщиков и золотых дел мастеров.

Упомянем серебряный декоративный охотничий нож Иоганна-Фредерика, герцога Штеттин-Померании, хранящийся сегодня в Историческом музее в Дрездене. Его изготовили примерно в 1590 г., на нем имеется отметка штеттинского золотых дел мастера Эгидиуса Бланке. Клинок двусторонний с параллельными сторонами, что позволяет использовать его и как кинжал, и как тяжелый нож. В ножнах находятся четыре маленьких ножа.

Отметим также серебряный разукрашенный охотничий нож герцога Генриха Святого, указанный в Описи Дрезденского арсенала 1567 г., до настоящего времени там и хранящийся, в его ножнах располагаются пять небольших ножей. У его клинка широкий тупой задник. Такой образец охотничьего ножа во многом напоминает резак мясника. В XVI в. его носили в кожаных ножнах и дополняли множеством разнообразных приспособлений, размещавшихся в них.

Подобные наборы ножей для путешественников вовсе не были новинкой в охотничьей области. Уже в начале 1380 г. в Описи Карла V французского упоминается набор из двух

ножей, шила и пары щипцов, который следовало носить на серебряной цепочке вместе с кошельком. В Описи герцогов Бургундских, сделанной в 1420 г., упоминается большой немецкий нож, к которому прилагались шесть меньших по форме ножей, напильник, шило и пинцеты.

В конце XV в. складываются два основных типа комплектов для охоты. Первый состоял из наборов ножей для отрезания и подачи приготовленного мяса. Они представляют собой более изысканную версию наборов XIV в., которые состояли только из пары огромных ножей мясников, размещавшихся в специальных футлярах на кожаных ножнах. Рукоятки делались плоскими, чтобы уменьшить вес.

Сохранились несколько очень красивых комплектов, отметим пару ножей, изготовленных около 1355 г., хранящихся в Вене (фото 54), а также серебряную и покрытую эмалью пару, находящуюся в Британском музее, изготовленную для Иоанна Смелого, герцога Бургундского, между 1385 и 1404 гг.

В 1496 г. королевский ножовщик Ганс Шумерспергер из Галле, что в Тироле, изготовил для Максимилиана I великолепный набор ножей, сегодня он хранится в Штифт-Кремсмюнстере. Набор состоит из двух тяжелых однолезвийных ножей (большой предназначался для разрубания костей и сухожилий, меньший — для снятия шкуры с животного и разрезания мяса), столового ножа и большого ножа с тонким лезвием в форме языка (фото 55).

Последний известен как «охотничий лист» или «приспособление для подачи» (поскольку использовался для отрезания и подачи поджаренного мяса). О применении одного из таких наборов говорится в описании домашней утвари герцога Бургундского 1474 г.: «Слуга должен был нарезать и разложить на столе хлеб, затем он должен был вынуть ножи из футляра и разместить два больших ножа, при этом кротко поцеловав их, перед тем местом, где должен был сесть принц; повернув острие по направлению к принцу и прикрыв их материей. Затем он должен был положить маленький нож, повернув его рукояткой в сторону места принца по той причине, что большие ножи предполагалось использовать обслуживающим трапезу дворянам. Таким образом, все лезвия оказывались повернутыми в направлении принца, а маленький нож отвернут в противо-

положную сторону, поскольку им должен был пользоваться сам принц. После этого стременной должен был отрезать мясо, положить на свой нож и предложить принцу».

На гравюре Михаэля Вольдемунга из Сокровищницы (Нюрнберг, 1491) изображена именно такая сценка.

Однако самая распространенная разновидность набора, который использовался вместе с прочным рубящим ножом, состояла из столового ножа и вилки. Изящное трио такого типа примерно 1600—1610 гг. находится в Музее искусств в Вене. Этот набор с агатовыми рукоятками был сделан для императора Рудольфа II. Похожий набор, датируемый 1619 г., хранится в музее Банф в Шотландии. Подбирая более точный термин, Чарльз Берд называет его обеденный набор («trousseau de diner»). Рукоятки данного набора украшены янтарем. Другой комплект с янтарными рукоятками имеется в Музее искусств в Вене, он состоит из ножа для подачи, режущего ножа и вилки, сюда же входит целый ряд других ножей и инструментов.

Вторая группа охотничьих ножей предназначена для добывания и разделки животных. Как уже отмечалось по поводу кортиков, английские дворяне, не желавшие заниматься этой грязной работой, предпочитали отдавать ее на милость своих охотников, оставляя себе только церемониальную часть.

На гравюре в книге Джорджа Тюрбервиля «Благородное искусство псовой охоты» (1575) изображена королева Елизавета, которой лесничий протягивает острый нож, чтобы она сделала первый разрез на туше только что загнанного оленя (рис. 20). Однако на континенте охотник благородного происхождения обычно был вооружен большим охотничьим мечом, а в ножнах к нему носил тяжелый разделочный нож, не говоря уже о хранившихся там же инструментах и столовых приборах. Отделанный точно так же, как и сабля, резак в Германии именовался «охотничьим». Один из первых подобных ансамблей, включающий меч и соответствующий нож, сделанный около 1520 г., хранится в Дрездене.

С именем императора Максимилиана обычно связывают особый тип меча с мозаичным захватом и асимметричной головкой, широкой прямой гардой и длинным одно-

Рис. 20. Охотник, протягивающий королеве Елизавете I нож, чтобы она могла расчленить оленя. По гравюре из книги Дж. Тюрбервиля «Благородное искусство псовой охоты» (1575)

сторонним лезвием. Интересно заметить, что в Описи 1671 г. этот меч упоминается как двуручный. К нему предлагаются набор в виде ножа с односторонней гардой, тяжелым режущим лезвием и подбор меньших по форме ножей, оснащенных похожим захватом и головкой.

Комплект, названный в Описи Дрезденского арсенала 1668 г. охотничьим, можно увидеть на портретах князей и их свиты, выполненных Л. Кранахом-старшим в 1544 и 1545 гг., где изображена охота на оленя. Крапах-младший соответственно изобразил на своей картине 1551 г., хранящейся в Дрезденской галерее, спящего Геркулеса и гномов.

Представление о практическом использовании этих комплектов позволяют получить иллюстрации из «Кобургской хроники», серии из 21 охотничьей картинки, нарисованной Вольфом Пиркнером для герцога Иоганна-Казимира Сакс-Кобургского (1564—1633). На этих картинках изображены олени туши в различной степени разделки, расчленения и снятия шкуры.

В первой главе уже говорилось о знаменитых изумрудном и бирюзовом охотничьих комплектах, хранящихся в Дрездене и состоящих из мечей и ножей. На миниатюрном портрете Иоганна-Георга I работы Даниэля Бретшнейдера, датированном 1647 г., находящемся в Национальной библиотеке Дрездена, можно увидеть принадлежавший ему простой меч. Другая версия той же самой миниатюры находится в коллекции Кречмара фон Кинбуша в Нью-Йорке.

На этих портретах принц одет в охотничий костюм, слева расположен длинный меч и нож справа. На поясном ремне висит круглая фляжка для пороха. В коллекции Кинбуша также есть меч и нож, похожие на те, что мы встречаем на миниатюрах, только с инициалами, датировка 1662 г. свидетельствует о том, что он принадлежал эрцгерцогу Иоганну-Георгу II, наследнику Иоганна-Георга I.

Из той же самой мастерской вышел гарнитур, хранящийся в лондонском Тауэре (фото 10). На мече и ножах имеются захваты из оленьего рога, железные накладки украшены охотничьими сценками. Перед нами тяжелое практичное оружие. Такой же нож находится в коллекции Скотта (Глазго). Металлический прибор ножен украшен резными панелями с изображением гербов Саксонии и Брабанта, лежащего оленя и охотника с собакой.

Большие ножи с рукоятками из оленьего рога в окованных железом ножнах весьма характерны для немецкого охотничьего снаряжения, изготавливавшегося в XVII в. На охотничьих сценках, вытканых на гобеленах по рисункам

Питера Кандида (1548—1628), хранящихся в Национальном баварском музее в Мюнхене, изображено, как их конкретно использовали (рис. 21).

На натюрморте Корнелиуса Гийсбрехта 1611 г., хранящемся в Розенборге, изображен другой набор, состоящий из двух охотничьих рогов и кинжала. Такой набор, изготовленный около 1630 г. и принадлежавший принцу Кристиану Датскому, и сегодня можно увидеть в Розенборге. Там же хранится более легкий и декоративный охотничий меч с ножом из королевского комплекта. Рукоятки основного оружия имеют агатовые захваты серого и красного цвета с накладками из серебра и золота. В ножнах меча и резака располагались небольшие ножи с одинаковыми рукоятками.

Хотя местные мастера из Копенгагена могли производить подобные прекрасные изделия, временами делаются попытки приписать изысканную работу золотых дел мастеров на ножнах некоему неизвестному парижскому ювелиру, которого посетил Кристиан V Датский в 1662—1663 гг. Отметим также, что модные рисунки быстро распространялись из одной страны в другую, поэтому сложно выделить отдельные стилевые особенности отдельной местности. Трудно проследить и эволюцию развития конкретных декоративных узоров.

Лезвия ножей варьируются от длинных узких остроконечных (как, например, нож, хранящийся в Коллекции Одескальчи, в Риме, изображенный на фото 53) до широкого, с квадратным концом, изготовленного в XVII в. и сегодня находящегося в музее Каподимонте в Неаполе.

Похоже, что асимметричные головки и пестрые захваты комплектов скопированы с рисунков XVI в. Обычно клинки поздних охотничьих ножей или резаков имели широкие лезвия с квадратными или закругленными концами, в то время как у более ранних оказывались узкие остроконечные лезвия. Так, у немецкого резака, сделанного около 1750 г., хранящегося в коллекции Кинбуша, имеется большая ручка с железной головкой и гарда, украшенная головами львов.

Большинство поздних образцов имеют необычные пропорции и тщательную отделку. В Коллекции Уоллеса хра-

Рис. 21. Фрагменты гравюр Йозефа Антона Циммермана (1705—1796) по рисунку Питера Кандито (1548—1628) для гобеленов «Двенадцать месяцев», выполненных Гансом ван дер Бистом. Сегодня находятся в Баварском национальном музее в Мюнхене. Оба охотника носят тяжелые охотничьи ножи, изображенный слева — ружье с колесцовым замком

нится охотничий комплект, где нож имеет бронзовую позолоченную рукоятку в форме оленя, на которого нападает гончая. Среди аксессуаров отметим шило и напильник, увенчанные рукоятками, вырезанными в виде головок или передней части гончих (рис. 57). На лезвии выгравирован герб Бранденбурга и инициалы Георга-Фридриха-Карла, маркграфа Бранденбург-Кульмбаха. Комплект датируется 1732 г.

Один из последних датированных экземпляров — комплект с серебряными накладками, в который входит и большой нож с рукояткой, выполненной в виде оленя, — хранится в Виндзорском замке и подписан Антоном Рудольфом Швертфегером из Ганновера, 1789 г. Тяжелые ножи такого рода, вероятно, носились как знак отличия лесников различных рангов и охотников. Подписанный комплект, скорее всего, привез из Ганновера сам Георг IV или один из его егерей, когда он был еще принцем Уэльским, отсюда и высеченные на лезвии инициалы «G. P.» с короной.

Интересно отметить, что в 1823 г. ножовщики И. и Р. Каффы поставили королю комплект приспособлений для охоты, состоящей из:

- стального охотничьего резака с молотком, клещами и пилой;

- рукоятки с накладкой из рога самца оленя, тщательно отделанной;

- футляра для резака из воловьей кожи с ремнями и пряжками;

- широкого пояса с креплениями для вышеперечисленных предметов и плаща;

- комплекта карманных инструментов с ключами для охоты;

- кожаного футляра для хранения всех перечисленных выше предметов и резака с ремнями и пряжками для седла.

Хотя резак не сохранился, в ту же коллекцию входит и другой нож с позолоченной головкой и гардой с головками орла; скорее всего, все изделия относятся к началу XIX в.

К тому времени главную роль в охоте играло огнестрельное оружие, если было желание, то состоятельный

охотник мог устроить настоящую оргию с массовым истреблением дичи. Многие охотники лишились удовольствия от длительной погони и последующей схватки с животным. Возникла потребность пощекотать нервы другим способом. Именно поэтому в XVII в. появилось множество формальных правил и обычаев, соблюдаемых с фанатичной тщательностью. Они не имели ничего общего с пресловутым кодексом чести. В «Кобургской хронике» (о ней говорилось выше) представлена методика охоты, которую применял герцог Иоганн-Казимир Сакс-Кобургский, а также наказание «клинком» за нарушение правил. Любой, кто нарушал сложные правила охоты, вынужден был наклониться над тушей оленя, после чего его трижды ударяли плоской частью охотничьего резака.

Эта экзекуция сопровождалась распеванием ритма, который приблизительно можно перевести так:

Йо-хо-хо за короля, принцев и лордов,
Йо-хо-хо за рыцарей, охотников и обслугу,
Йо-хо-хо, а это за добрый старый закон охоты.

В конце XVIII в. соблюдение подобных правил было обязательно даже для женщин, правда, охотницы, принадлежавшие к высшим слоям общества, могли выступать в роли наказывающих. Вот чем объясняется появление большого числа привлекательных женщин в окружении охотников, изображенных на охотничьих рисунках того времени.

Охотничьи комплекты с вместительными ножами иногда приспособлялись и для других целей. Об этом нам известно из Описи гардероба Генриха VIII, составленной в 1547 г.: «Короткий нож в бархатных ножнах с бронзовыми позолоченными застешками и парой обоймиц, где размещены компас, молоток, нож с посеребренной рукояткой, пара ножниц с позолоченной головкой и серебряная позолоченная чернильница». Возможно, речь идет о «маленьком коротком ноже», указанном в Описи королевского гардероба, выполненной в 1537 г.

Упомянутый нами походный нож, вполне подходивший путешественнику, инженеру или землемеру, скорее всего, не сохранился, однако похожий набор предметов встречается в охотничьем комплекте Иоганна-Георга I, храняще-

гося в Дрездене. Это резак, который отличается от большинства аналогов тем, что выполнен как фальчион (короткая широкая кривая сабля) с закругленным в задней части лезвием, обрубленным фальшивым концом и гардой в форме буквы S. Рукоятка из черного дерева имеет серебряные накладки с надписями «Gottes gute und trew ist alle morgen paw» («Милость Господня и вера в Него да усилятся с каждым днем»).

На ножнах стоит клеймо дрезденского золотых дел мастера Михаэля Ботце. Инициалы изготовителя «C. T. D. E. M.» (для Кристофа Трешлера-старшего, часовщика) и дата (1619 г.) видны на других инструментах. Значение четырех делений не совсем ясно, но такая же группа из четырех делений есть и на гравюре Вольфа Траута примерно 1517—1518 гг. с изображением Максимилиана I, как покровителя оружия и артиллерии.

Инструменты, изготовленные Трешлером и датируемые 1617 г., находятся и в ножнах рапиры короля Фредерика II из Розенборга. Инструменты с нанесенной разметкой, без сомнения, предназначались для использования в артиллерии. Правда, не следует связывать тяжелый охотничий нож с вооружением артиллерийского офицера, но И. Фуртенбах в «Оружейной книге» 1627 г. рекомендует, чтобы генералы носили длинный остроконечный охотничий нож. Его можно было использовать при вытесывании кольев для закрепления артиллерийских орудий или мортир, а тупой конец — как молоток для их забивания.

В ножнах можно было переносить следующие инструменты: железную мерительную рейку, три булавки для прочистки запальника, две прямые линейки, угольник, две мерки для калибра, два делительных циркуля, две ручки, одна с красными, другая с черными чернилами, нож с задником в виде пилы, чертилку и уровень.

Осталось рассказать о последней группе ножей и инструментов, которые иногда описываются в каталогах охотничьих принадлежностей. Полный набор состоит из большого и малого ножа, небольшой рамочной пилы, шила, соединенных вместе напильника и долота, молотка, пары небольших ножниц, пинцетов и небольшого разделочного ножа. Иногда включался еще нож с круглым лезвием.

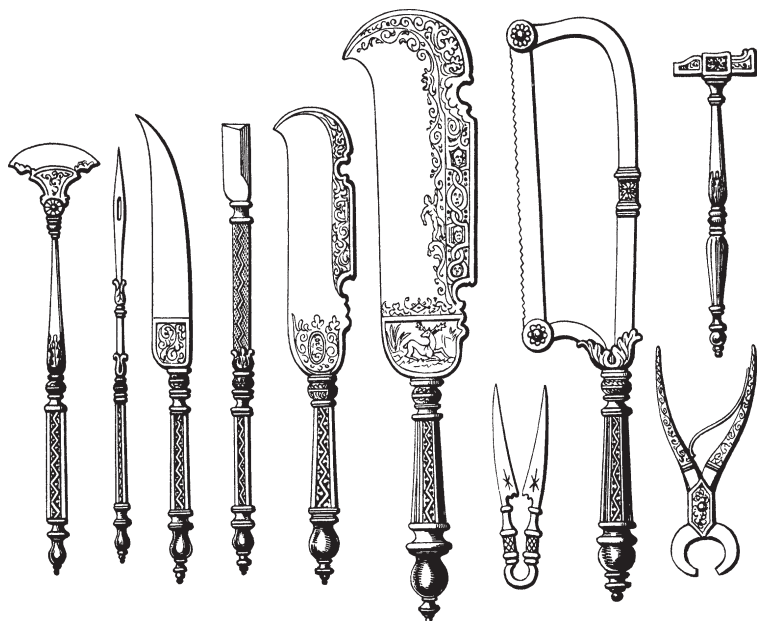

Рис. 22. Набор охотничьих или ветеринарных (?) инструментов. Франция, XVI в. Раньше находился в коллекции Лондесборо. Рисунок из книги Файрхолта «Альбом графики» (1857)

Один комплект находится в коллекции лорда Лондесборо (рис. 22), а другой в музее Царского Села. Последний комплект с гербом Саксонии представлен в каталоге 1835 г. как ветеринарный набор XVI в. Похожие наборы имеются в Галерее искусств в Глазго и в лондонском Тауэре, в них только нет молотка, пинцетов и больших ножниц. Набор, хранящийся в Золингенском музее клинков, также не содержит пинцета и ножниц. Большой нож, хранящийся в Тауэре и датирующийся 1581 г., покрыт гравировкой с охотничьими сценами. Входящие в состав комплекта секачи, или клювообразные крючки, весьма схожи с ножами для обрезания, которые использовали виноградары, из-за чего некоторые исследователи не совсем справедливо отнесли их к инструментам садовника.

БАЙОНЕТЫ (ШТЫКИ)

До изобретения многозарядного оружия охотнику приходилось затрачивать много времени и сил на перезарядку ружья для второго выстрела. Обычно он упускал дичь или ранил ее, подвергаясь во время охоты на медведя или дикого кабана большой опасности. Поэтому возникла насущная необходимость в создании оружия, с помощью которого можно было добить или отогнать раненое животное. В начале XVI в. некоторые охотники, оказавшись в столь сложной ситуации, вставляли в ствол ружья нож подходящей величины, превратив его в копьё. Так и был изобретен втыкаемый байонет.

Сегодня этим словом обозначают все разновидности клинков, которые прикрепляются к дульной части ствола, название происходит от французского города Байонна. Относительно небольшой городок, расположенный на самом юго-западе Франции около испанской границы, всегда был важным центром производства клинкового оружия, и байоннские мастера-ножовщики славились своими изделиями начиная с XIV в.

В Описи Гильома де Монморанси 1591 г. встречается описание «двух кинжалов из Байонны, отделанных желтым золотом». В «Словаре» Коттрейва 1612 г. появляется следующее определение: «Байонет — разновидность небольшого плоского карманного кинжала с ножевым лезвием или большой нож, носимый на подвеске как кинжал».

В 1655 г. Пьер Борель так писал о байонете: «В настоящее время лучшие кинжалы называют байоннскими или просто байонетами». Правда, он не упоминает о том, как они использовались. Однако сеньор де Пейсегюр, описывая в своих мемуарах военные баталии 1647 г., рассказывает, что его солдаты несли байонеты, длина которых, включая рукоятки и лезвия, достигала 2 футов, «их рукоятки были изготовлены таким образом, чтобы соответствовать ружейным стволам, вставляя их таким образом, чтобы при необходимости они могли защитить себя».

Трудно сказать, насколько Пейсегюр точен, очевидно одно: к 60-м гг. XVII в. «короткие сабли, или байонеты» использовались в голландской, бельгийской, британской и

других армиях. В 1670 г. сэр Джеймс Тернер смог констатировать в своем труде *Pallas Armata*: «Ножи с лезвием длиной в 1 фут, пригодны как для рубки, так и для протыкания (причем их захват сделан так, чтобы его можно было вложить в ствол мушкета)».

Охотничий байонет оказался несколько короче военного, его длина редко превышала 1 фут и 6 дюймов. Гладкий круглый захват постепенно поднимался по направлению к гарде, так что ручка могла легко входить в ствол оружия достаточно далеко, образуя надежное соединение, а также легко выниматься. По крайней мере, случаи заклинивания оружия не зафиксированы.

Почти все байонеты наделялись короткими прямыми гардами. Поскольку военные были больше озабочены практическими свойствами оружия и возможностью стрелять вместе с укрепленным байонетом, их не волновала реакция спортивных обществ, обсуждавших достоинства и недостатки новой системы. Поэтому от вставляемых они быстро перешли к байонетам, закрепляемым на стволе посредством хомута, а затем и к соединению сабли и байонета.

Вместе с тем континентальные охотники, особенно те, что проживали во Франции, Испании и Италии, на удивление долго продолжали носить традиционные втыкаемые байонеты. Правда, иногда пытались подхватить и идеи, апробировавшиеся вначале военными. Так, в 1706 г. французский инженер Исаак де ла Шометт разработал складной нож с кольцами, который можно было носить на поясе и при необходимости надеть на дуло охотничьего ружья. В 1718 г. М. Дешамп, повинувшись современной моде, изготовил нож с впадиной, который можно было установить на дуло ружья или поместить на ручку, чтобы использовать как поясной нож. В XVIII в. были сделаны несколько моделей охотничьих ружей с выемкой, куда помещали байонет, когда его не использовали.

Отметим и другой опытный военный образец — складной байонет, представленный в шведской армии в последней четверти XVII в., апробированный на нескольких видах дичи. В Музее искусств в Вене хранится прекрасно отделанный нож, изготовленный около 1700 г. и выполненный в силезском стиле; его рукоятка украшена большими накладками из сло-

новой кости и перламутра, длинный байонет в виде копья прикреплен на петлях, чтобы при необходимости складывать его параллельно стволу.

Трудно сказать, можно ли было выстоять с таким оружием против разъяренного кабана. Скорее всего, для охоты на большое животное более подходил выемчатый байонет, хотя некоторые изготавливались с широкими копьеобразными лезвиями, явно предназначаясь для охоты на кабана и медведя. Очевиден тот факт, что большинство существовавших охотничьих выемчатых байонетов богато украшались, поскольку байонеты, как и многие сабли более позднего времени, оказались частью дресс-кода.

Даже не такие роскошные и отделанные всего лишь плоскими планками или захватами из рога байонеты не настолько изношены, чтобы можно было говорить об их практическом применении. Рукоятки из слоновой кости или металла настолько изящно разукрашены, что рука буквально не поднимается, чтобы вставить их в дуло ружья. Отметим прекрасный испанский байонет с отделанным сталью захватом, к которому прилагался оригинальный расшитый пояс, подписанный Якобом Лаво, Мадрид, датированный 1778 г. и хранящийся сегодня в Музее декоративного искусства в Париже (фото 68). О его предназначении говорят вышитые сценки на поясе, где изображены охотники, атакующие кабана с ружьями с установленными в них байонетами. Другой аналогичный байонет того же самого мастера хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

В целом же байонеты представляли собой полностью металлическую конструкцию, покрытую настолько изысканными узорами, что их можно было повредить, просто начав использовать, не говоря уже о тех повреждениях, которые вызывались прикосновениями к дулу оружия. Поэтому выскажем предположение, что с самого начала они задумывались как выставочные экземпляры.

Испанские мастера продолжали изготавливать подобные изделия и в XIX в. В арсенале Джона Вудмена Хиггинса хранится ствольный байонет, изготовленный испанским оружейником Еусебией Зулоагой в 1845 г. и украшенный изысканными золотыми и серебряными узорами. Очевидно, что его никогда не предполагали использовать. Укра-

шенные эмалью и золотом байонеты делались толеданскими оружейниками для международных выставок, проводимых с середины XIX в.

Трудно сказать, почему ствольный байонет никогда активно не использовался. Испанский художник Франциско Гойя (1746—1828) часто включал их изображения в свои охотничьи картины. Его портреты короля Карла III, выставленные в Прадо в Мадриде, и Карлоса IV в Каподимонте в Италии изображают обоих монархов стреляющими птиц. Они одеты в охотничьи костюмы с плоскими байонетами у пояса. В Прадо находится и рисунок Гойи на картоне для гобелена с охотничьей сценкой (1771), где охотники с байонетами на поясах стреляют в летящих птиц.

Испанские охотники редко использовали ружья со ствольными байонетами, хотя на многих ружьях имеется надрез, чтобы байонет можно было легко оттуда вытащить. Побывавший в Риме в 1835 г. англичанин заметил, что «рукоятки вилочной формы обычно использовали для ножей, применявшихся при охоте на кабанов, чтобы их можно было поместить в дуло ружья. Нельзя признать это приспособление оправданным, ибо при использовании байонет так глубоко застревал в стволе, что его практически невозможно было вытащить одной рукой».

Джеймс Лавин высказал предположение, что большинство ствольных байонетов фактически представляли собой доработанные охотничьи ножи (*cuchillos de monte*). Некоторые действительно изготавливались с рукоятками, которые можно было привинтить, чтобы удобнее использовать их в качестве ножей (фото 69).

К еще одной интересной группе байонетов относится прекрасный образец, хранящийся в Музее искусств в Вене, в его рукоятку вмонтированы небольшой молоток и отвертка. По-видимому, образцом для мастера стали байонеты XVII в.

ПЕРВЫЕ КОМБИНИРОВАННЫЕ НОЖИ

Потребность в создании практичных охотничьих ружей настолько возросла, что сделанный по военному образцу байонет начал постепенно выходить из употребления. Ска-

занное относится и к немногочисленным двустольным ружьям, дополненным прикреплявшимся сбоку байонетом с сабельным клинком. Введение в обиход унитарного патрона с металлической гильзой, предназначавшегося для разных целей, положило конец эпохе охотничьих байонетов.

На ранних этапах развития огнестрельного оружия, когда мастера изощрялись в создании различных механических приспособлений, появились комбинации ножей или байонетов с пистолетами. Один из первых сохранившихся образцов такого ножа относится к XVI в., он хранится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге и отличается тем, что его лезвие оснащено пистолетом с колесцовым замком (фото 63).

Похожий нож, только с меньшим захватом, хранится в коллекции Скотта в Глазго. Оба изделия явно одного типа, относятся к оружию, указанному в Описи лондонского Тауэра за 1599 г. как «позолоченный кинжал, изготовленный в форме ножа для охоты в ножнах из бархата». Отметим и большой нож-резак с колесцовым пистолетом, украшенный гравированным календарем, датируемый 1540—1546 гг. и хранящийся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (фото 64).

Похожий прекрасный нож с колесцовым пистолетом имеет широкую гарду, более подходящую для поединка на саблях, чем для охоты, недавно находился в коллекции принца Карла Прусского (вся коллекция была перенесена в Берлин). В той же самой коллекции находился байонет, оснащенный аккуратным пистолетом с колесцовым замком.

Появление позолоченных байонетов с колесцовыми пистолетами косвенно свидетельствует о том, что байонеты раньше были ножами или кинжалами. С ножом или байонетом также нередко соединяли кремневые пистолеты.

Некоторые ножи с пистолетами оказывались во многом непрактичным оружием, ибо пистолет располагался на клинке впереди рукоятки. По той же причине пистолеты никогда не соединялись с байонетами. Мы не располагаем сведениями о том, что они имели практическое применение (фото 66).

Все типы изысканных по форме наборов ножей и причудливых комбинаций, о которых шла речь в этой главе, нельзя сравнивать по удобству применения или практической пользе с прямыми охотничьими ножами. К XVIII в.

в декоре и оформлении охотничьих ножей начинают проявляться национальные особенности. Приведем некоторые примеры.

Немецкие ножовщики по-прежнему предпочитали грубые рукоятки из оленьего рога с железными заклепками и накладками. Следуя старинным образцам, французские охотничьи кинжалы имели захваты из отполированной кости или дерева, гравированные самым изящным образом. В обеих странах влияние моды рококо можно проследить на некоторых ножах самого лучшего качества с бронзовыми посеребренными клинками. Совершенно необыкновенный образец хранится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге: стальное лезвие кинжала, хранящегося в зеленых ножнах из шагреновой кожи, покрыто гравировкой и позолоченным орнаментом. На нем имеются двойная монограмма Людовика XV (1715—1774) и надпись:

Для охоты и для стола
Да не дрогнет рука,
Которая направляет мой острый нож,
Способный разрубить на куски,
Вызывающий страх у всех, кто на него смотрит.

В европейских странах, граничащих с северной береговой линией Средиземного моря, — Испании, Южной Франции и Италии, — развилась совершенно иная форма ножа-кинжала. Независимо от формы клинка (однолезвийного или двустороннего) он представлял собой колющее оружие, часто немногим отличающееся от большого стилета. Рукоятка изделия обычно делалась из цельного куска дерева или рога, часто имела выемки на конце. Хвостовик лезвия прокалывался, к нему припаивалась небольшая металлическая шапка, занимавшая место головки. Гарда часто отсутствовала, между рукояткой и лезвием располагалось колончатое рикассо, тщательно отшлифованное или отполированное. На лучших образцах основание лезвия также оттачивалось, покрывалось гравировкой или орнаментом.

Отдельную группу составляли ножи, в рукоятку которых было вмонтировано шило, входившее в охотничий комплект. На некоторых экземплярах хвостовик оформлен как инструмент, рукоятка привинчена на основании лез-

вия (фото 59). На одном ноже, хранящемся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, хвостовик лезвия выполнен в виде винта, на который навинчена рукоятка. Внутри винта просверлено узкое отверстие, выходящее на поверхность клинка. Считалось, что в таких кинжалах в прошлом носили яд или бациллы чумы.

Отметим еще одну разновидность, производившуюся в Альбасете — испанском центре по изготовлению ножей, — навахо, особую форму длинного складного ножа, использовавшегося в основном не на охоте, а как оружие для сражения, дуэлей и метания. Примерно в 1930 г. лондонские ножовщики, в частности известная фирма Уилкинсона, представили свою версию ножа в Каталоге охотничьих и спортивных ножей.

НОЖИ XIX В.

Одновременно с распространением цивилизации в Европе потребность в ношении универсального ножа практически сходит на нет, и охотничий нож превращается в специализированный инструмент. Иная ситуация сложилась в Новом Свете, где американские и канадские поселенцы продолжали вести жизнь полную опасностей и необходимости защищаться от разных врагов, как людей, так и животных. Поэтому производители ножей в таких центрах, как Шеффилд в Англии, Шательро и Тьер во Франции и Золинген в Германии, теперь сконцентрировались на новых странах, возникших по ту сторону Атлантического океана.

Часть изготовленных ими изделий предназначалась в качестве подарков индейским племенам, к началу XIX в. такие компании, как Гудзонская, изготавливали для этих целей различные по качеству типы ножей: богато украшенные, где заказчик выбирал форму и отделку рукоятки, с накладками из рога, дерева или меди; обдирочные, или скорняжные, с рукоятками из рога или красного дерева; большие главные ножи с остроконечными колющими лезвиями, напоминающие ножи из охотничьих комплектов XVII в.

Рис. 23. Охотничьи ножи из Каталога 1901 г. «Х.Г. Лонг и компания». Шеффилд. *Крайний справа* — «зеленый речной нож»

В основном изделия изготавливались в Шеффилде компанией Джукса Кулсона, на них ставилось соответствующее клеймо предприятия с изображением лисы. Подобные прямые мясные, обдирочные или охотничьи ножи также изготавливались и в самой Америке начиная с 30-х гг. XIX в. фирмой Джона Рассела, находившейся на Грин-Ривер, в

Гринфилде, Массачусетс. Чтобы привлечь покупателей, названия фирм проставлялись на лезвиях, и вскоре ножи с Грин-Ривер стали настолько известны и ценились так высоко, что шеффилдские ножовщики оказались вынужденными проставлять свои собственные штампы вместе с выгравированными именами. Фактически ножи с Грин-Ривер продолжают изготавливать и сегодня (рис. 23).

В 30-х гг. определенный стимул в изготовлении ножей возник в связи с ношением на поясе длинных охотничьих ножей типа боуи. Их называли по охотничьему ножу, изобретенному солдатом по имени Джеймс Боуи (1795—1836). Хотя трудно установить точное происхождение конструкции ножа, само название боуи стало употребляться по отношению ко всем большим однолезвийным ножам, которые можно было использовать для сражений, охоты, очистки земли, рубки дров. Оригинальные ножи изготавливались американскими кузнецами в районах Миссисипи, Арканзаса, Луизианы и Техаса.

Ножи отличались следующими особенностями. Лезвия обычно заканчивались ложным концом, варьировались по длине, составлявшей от 9 до 15 дюймов, и доходили до 2 дюймов в ширину. Гарда представляла собой металлическую полосу, иногда согнутую в виде буквы S, прямой формы захваты изготавливались из дерева, кости или рога.

После того как нож типа боуи прочно закрепился в своих правах, английские ножовщики начали экспортировать свои собственные модели. Так, Джордж Вольстенхольм, основатель завода Вашингтона в Шеффилде, оказался одним из первых, кто отправил английские ножи боуи со своей торговой маркой в виде знаков IXL. Другие шеффилдские фирмы, в частности Джозеф Роджерс с сыновьями, В. и С. Батчеры, компания Ибботсона, оказались достаточно подвижными и смогли присоединиться к торговым операциям. Некоторые изготовители также использовали похожие цифровые отметки типа «NON XL I» и «XCD».

Поскольку каждый производитель находился в постоянном поиске покупателей, это коснулось и изготовления и оформления рукояток. Начинали использоваться новые материалы, большинство природных материалов, таких как

дерево, рог, кость обычная и слоновая, заменялись пресованным рогом, целлулоидом, гуттаперчей, пока в конце концов все они не были заменены синтетикой.

Конечно, для ножей экстра-класса использовались накладки из серебра, немецкого нейзильбера и других сплавов. Чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей, особое внимание обращали на отделку, гравировались охотничьи сценки, патриотические мотивы и лозунги («Америка — земля свободных»). На лезвиях появлялись имена и названия компаний: «Американский охотничий нож», «Охотничья компания», «Надежная защита», «Для кабанов и буйволов».

Английские производители стремились попасть не только на американский рынок. Обширные и разнообразные колонии Британской империи манили к себе викторианских охотников. Их воображение распяляли книги писателей-путешественников, таких как сэр Самуэль Бейкер, Гордон Каннинг и Х.А. Ливсон (Старый Шекари). Бесчисленные отставники и состоятельные любители отправлялись охотиться на разнообразную живность, обитавшую в самых различных ареалах: на горных террасах, в ближних джунглях, на бесплодных равнинах и в горах.

Старый Шекари в своих «Ценных советах охотникам и путешественникам» (Лондон, 1874) стремился, чтобы его читатели отправлялись на охоту полностью экипированными, независимо от того, сколько весила их амуниция. Он рекомендовал надевать охотничий пояс (рис. 24), на который кроме огромного пистолета и полевого бинокля надо было подвесить подсумки для патронов, охотничий и разделочный ножи от Торнхилла с лондонской Бонд-стрит. По его словам, этот разделочный нож имел такое прочное лезвие, что им можно было разрубить доллар. Для закалывания свиньи он советовал удобный охотничий нож с семидюймовым лезвием, который следовало носить на поясе сзади, чтобы при необходимости его легко можно было достать (рис. 24).

С ножом Старого Шекари во многом схож образец, изобретенный примерно в 1860 г. Генри Шекспиром, который изготовили Уилкинсоны из Лондона. Правда, у него нет гарды, имеется только плоский наборный захват. В своей книге «Дикая охота в Индии» (Лондон, 1862) Шекспир описывает

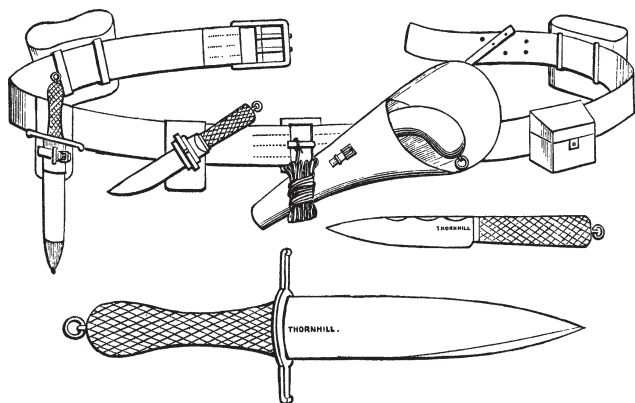

Рис. 24. Охотничий пояс с аксессуарами. Из книги Старого Шекари «Ценные советы охотникам и путешественникам» (1874)

его примерно следующим образом: «Порядка 7 дюймов длиной, примерно полтора дюйма шириной в области лезвия, частично обоюдоострый, сужающийся к концу, максимально остро наточенный. В ножнах имеется пружина, которая удерживает лезвие. Когда нож нужно использовать, пружину нажимают мизинцем, одновременно захватывая рукоятку». Отметим, что именно такой нож описывает и рекомендует капитан Дж.Х. Болдуин в своей «Большой и малой дичи в Бенгалии» (Лондон, 1883).

Конечно, можно иронически отнестись к списку оружия, которым стремились воспользоваться охотники викторианской поры, но, поскольку лагерная жизнь того времени не отличалась такими же удобствами, какими пользуется охотник во время современного сафари, охотнику почти наверняка грозило близкое столкновение с животными. В цейлонском разделе Колониальной и Индийской выставки, проводившейся в Лондоне в 1886 г., выставлялись леопарды, убитые мистером Р. Бишампом-Дауналом из Барнесс-Холл с помощью охотничьего ножа во время охоты на лося вместе со сворой гончих.

Более известный своими охотничьими подвигами сэр Самуэль Бейкер хвастался, что убил 400 оленей с помощью ножа или только при поддержке собак. Он описывает свои

деяния в книге «Ружье и гончая на Цейлоне» как «тяжелый, но благородный вид спорта, когда пользуются только охотничьим ножом, бесспорно ради того, чтобы почувствовать специфику охоты на дичь. Возможно также охотиться на лося, оленя, кабана или леопарда, и по-прежнему нож и добрая гончая помогут тебе прежде всего».

Его любимый нож изготавливался из усеченной широкой шотландской сабли (со штампом Андре Фаррара), составлявшей 1 фут и 6 дюймов в длину и 2 дюйма в ширину, примерно фунт веса, обоюдоострой и заточенной как ланцет. Однажды именно таким ножом он остановил разъяренного кабана, бросившегося на него, четко ударив его в спинной хребет и плечо, пройдя до жизненно важных органов.

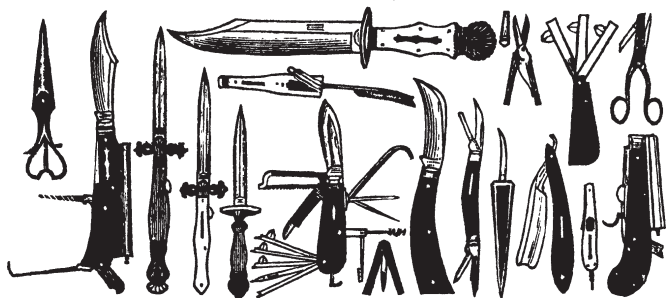
Только со своим ножом охотился на дикого кабана португальский охотник по имени Дж.П. Фалькао. Обычно он прыгал на спину вепря, хватал его за жирный загривок, а затем погружал свой охотничий нож между первым и вторым ребром. Обычно он использовал изготовленный в Шеффилде боуи уже описанного нами типа. Потребность в нем оказалась настолько велика, что местные оружейники, всегда готовые скопировать европейское оружие, представили свою собственную линию охотничьих ножей.

Среди них самыми популярными оказались ножи типа боуи, изготовленные в Южной Индии фирмой «Арнахалум и компания», причем настолько искусно, что их даже принимали за американские изделия. Мастера подписывали свои лезвия «ARNACHELLAM SALEM». Любопытную характеристику дает в «Индийском и восточном оружии» (1896) Эгертон, который называет этих индийских мастеров «самыми известными оружейниками во всей Индии за последние пятьдесят лет».

КОМБИНИРОВАННЫЕ НОЖИ

Скорее всего, среди всех прочих мастеров викторианские мастера отличались особой страстью к безделушкам. Самым типичным примером комбинированного оружия оказался запатентованный баллок, нож с копьем, изготовленный корпорацией «Уолтер Лок» или шеффилдским мастером Джей-

**UNWIN AND RODGERS,
CUTLERY MANUFACTURERS,
23, BURGESS - STREET, SHEFFIELD.**

**Inventors and sole Manufacturers of the Patent
Sliding Pencil Knife, to imitate which is felony.**

 *From Twenty to Thirty Thousand Dozens of the above Articles
generally in Stock.*

Рис. 25. Объявление фирмы «Унвин и Роджерс».
Из книги «Торговля в Шеффилде» (1845)

мсом Диксоном и сыновьями. По форме это был нож с лезвием частично зазубренным в конце и полый металлической рукояткой, которую можно было защелкнуть на конце специально сделанного древка, образовав тем самым копье. Множество самых разнообразных сложных ножей были изготовлены в середине XIX в., о чем свидетельствуют объявления таких фирм, как «Унвин и Роджерс» из Шеффилда. Наряду с массой типов ножей перечисляются и американские бои, индийские охотничьи ножи и уже известные нам ножи с пистолетами (рис. 25).

Хотя нож с пистолетом был известен уже в XVI в., на самом деле популярность он приобрел лишь после введения ударного пистолета. Одним из первых, кто воспользовался преимуществом небольшого и удобного механизма, оказался Джордж Элгин из Нью-Йорка, получивший в 1837 г. американский патент 254 за нож с пистолетом. По форме оружие представляло собой одноразовый ударный пистолет, укрепленный на лезвии, самые большие экземпляры доходили почти до 18 дюймов в длину.

Хотя Элгин считал, что пистолет станут прикреплять к кортику или к боуи, в большинстве моделей, изготовленных для американской исследовательской экспедиции, которая проводила изыскания в южных морях между 1838—1842 гг., использовались именно ножи с лезвиями типа боуи. В финансовом плане эта идея не принесла Элгину практически никакой выгоды, но он ввел новую традицию и открыл новый этап в истории развития комбинированного оружия.

Во Франции кинжалы с пистолетным стволом, размещенным по обеим сторонам лезвия, и с механизмом, спрятанным в рукоятке, делались разной величины. Похожий на нож Элгина пистолетный нож изготавливался в той же Франции с использованием в качестве огнестрельного оружия пистонного револьвера. Его запатентовал в 1864 г. в Англии Г.А. Бонневиль.

Дальнейшее развитие идеи находим в компании «Унвин и Роджерс», начавшей производить карманный нож со складным лезвием кинжального типа и небольшим ударным пистолетом, встроенным в рукоятку. В объявлении 1839 г. производители представляют оружие длиной в 6 дюймов и заявляют, что оно позволит сохранить жизнь его обладателю. Посредством крепления в форме шурупа, устанавливаемого на спусковой крючок, карманный нож можно было врезать в дверной косяк, чтобы использовать для защиты от взлома. Согласно рекламной листовке при стрельбе с руки он имел убийственную дальность не менее 50 ярдов. Правда, непонятно, кого именно можно было убить на таком расстоянии. Однако благодаря охотничьим байкам такие ножи считались самыми популярными среди прочих совершенно необходимых атрибутов снаряжения, таких как крючок для вынимания камней из копыт лошадей.

В 1860 г. был запатентован изготовленный компанией «Унвин и Роджерс» пистолетный нож под патрон, заряжающийся с казенной части (патент 2081). В 1862 г. радиус его действия составлял от 100 до 130 ярдов. Другим распространенным охотничьим ножом можно считать тот, который изображен в издании 1860 г. «Книги полевой охоты» Ганса Баска. Он представляет собой карманный нож и отвертку, к которому полагался съемный комплект инструментов, состоявших из бутылки для масла, шомпола, скобы

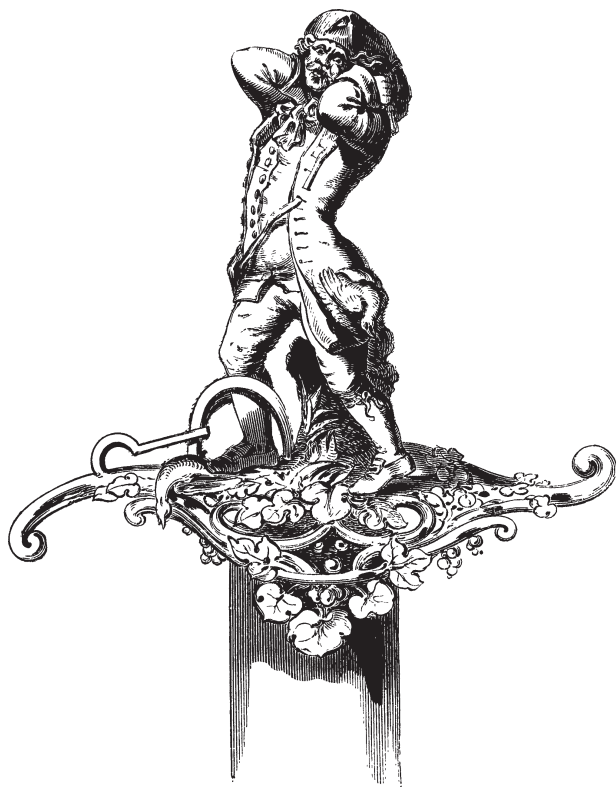

Рис. 26. Браконьер, угодивший в капкан для ловли людей. Рукоятка парадного охотничьего ножа работы Фроман-Мэриса, Париж. По Официальному каталогу Всемирной выставки. Лондон, 1851 г. № 1720

извлекателя, то есть всего, что нужно было для чистки оружия или удаления застрявшего патрона.

Обратим внимание и на разыгравшееся воображение. Авторы XIX в. тяготели к декоративности. Здесь доминировала Франция, оказывавшая определенное влияние и на остальные страны своим пристрастием к неоклассическим линиям, захватам в виде колонн с урнами, украшенными трофеями. В 40-х гг. XIX столетия начавшиеся в Лондоне

и Париже эксперименты с новыми технологиями позволили произвести литые металлические рукоятки с рисунками в любом стиле от барокко до современности.

Выделим охотничий нож императора Франца-Иосифа I (1848—1916), хранящийся в Музее искусств в Вене, с рукояткой, выделанной в виде фигурки кабана. Особое приращение король Фридрих VII Датский имел к саблям и кинжалам с литыми железными рукоятками. Выделанный таким образом кинжал он носил во время своего падения с лошади в 1855 г. в Розенборге. В Официальном каталоге Всемирной выставки, прошедшей в Лондоне в 1851 г., изображены несколько рукояток, представленных парижским мастером по металлу и дизайнером Фроман-Мэрисом. Рукоятка охотничьего ножа выполнена в виде фигурки лисы, попавшей в капкан (рис. 26).

Следует подчеркнуть, что экстравагантность отделки допускалась прежде всего для той одежды, которая предназначалась для парадных герцогских или праздничных охот. Обычный охотничий нож оставался традиционным изделием с захватом из оленьего рога или дерева, с приклепанным хвостовиком.

Однако накладки европейского ножа, если они делались из меди или серебра, обычно предполагали отливки в виде голов собак, оленя или кабана. В отличие от своих американских собратьев европейские охотники вовсе не стремились заниматься добыванием зверя, потрошением туши или просто выделиться своими доспехами, поэтому большинство ножей имели обоюдоострое кинжальное лезвие и предназначались только для самообороны (фото 61). В последние годы наблюдается отход от императорской и нацистской формы охотничьего оружия назад к разработкам XVII в., для которых характерно использование тяжелого рубящего клинка, поддерживаемого небольшими ножами.

ВОСТОЧНЫЕ НОЖИ

Сведений о восточных охотничьих ножах крайне мало, поскольку далеко не всегда возможно выделить среди множества восточных ножей те, что употреблялись только для

Рис. 27. Молодой охотник, вооруженный мушкетом с фитильным замком, фляжкой для пороха и необычайно длинным кардом, ножом с прямым лезвием и без гарды, захват наполовину ушел в ножны. По персидскому рисунку ок. 1600 г., сделанному Хабибом Аллахом из Мешхеда. Исламский музей, Берлин

охоты. Если на индийских и персидских охотничьих картинах XVII—XVIII вв. изображался охотник с ножом, то он мог использовать его для каждодневных нужд (рис. 27). Чаще других для охоты использовался арабский кинжал джамбия, имевший закругленное и рубящее лезвие. Он распространен во всех мусульманских странах, от Северной Африки до Турции и Персии, а также в Индии. В эту же группу ножей входит индо-персидский ханджар с прекрасными рукоятками из жадеита или украшенными драгоценными камнями, а также пешкабз с рукояткой из слоновой кости. Выше мы сравнивали сингальский нож-кинжал пиха-кета с скрамасаксом. Отметим и разновидность местного ножа с лезвием не вполне похожим на европейский резак, но имеющего такую же явно выраженную рукоятку с огромным круглым наконечником, его называли горг или тамил-пихангатти.

Несколько иную конструкцию имеет моплах с малабарского побережья. Кукри, местный нож и основное оружие гуркхов, воинов из одноименного непальского племени, скорее всего, происходит непосредственно от греческого копья, да и использовались они точно таким же образом. Чаще всего о кукри пишут как о боевом оружии, известны многочисленные достоверные истории о том, как гуркхи перерубали человека надвое одним ударом.

Известно, что кукри использовался и как нож для охоты, а также для работы в джунглях. Гуркхи-охотники настолько верили в его силу, что не боялись нападать в одиночку на тигра. Происходило это следующим образом. Подкравшись поближе к хищнику, охотник ударял его по лапе, почти отрубая ее или, по крайней мере, перерезая сухожилия. После этого тигр почти терял подвижность и начинал слабеть от потери крови. Убедившись, что с поврежденной лапой он почти не мог двигаться, гуркх подходил ближе и наносил завершающий удар в шею или в горло (рис. 28).

Малайцы использовали другую разновидность резательного ножа, голок. По форме он представлял собой нож с круглым загнутым рубящим лезвием. Другой разновидностью однолезвийного ножа, по своим очертаниям больше напоминавшим копье, оказался баронг, национальное ору-

Рис. 28. Гуркх, убивающий тигра своим кривым ножом кукри. Показана поврежденная правая лапа тигра. По гравюре из книги Дж.Г. Вуда «Человек и его деятельность» (1886)

жие море с островов Сулу и Северного Борнео. С помощью этих ножей можно было нанести рубящий удар, достаточный, чтобы обездвигить крупное животное. Такие лезвия ценились за свою эффективность и качество наравне с японскими. Скорее всего, в Японии именно для охоты был

изображен ната, небольшой резак с зазубренным лезвием и тупым или закругленным концом.

В заключение нашего обзора известных разновидностей охотничьих ножей следует упомянуть и о метательных ножах, бытовавших в Северной Африке и использовавшихся как для охоты, так и во время военных действий. Конечно, бросить можно было любой нож, даже наваху (большой испанский нож). Но африканский метательный нож, встречавшийся в Конго и Северном Камеруне, представлял собой нечто иное.

Местные жители называли его «тот, что наносит сильный удар», «тот, кто может убить», «тот, кто сам встает», его происхождение достаточно древнее. Такой нож держит ливиец на стенной скульптуре в Тель-эль-Амарне примерно 1400—1300 гг. до н. э. Его изготавливали из нескольких лезвий, прикрепленных к центральному стрижню асимметричным образом. Хвостовик заключался в плоскую рукоятку цилиндрической формы или просто обматывался кожей или ремешками.

Обычно нож бросали по горизонтали на достаточно большое расстояние, доходившее до 100 ярдов. Конечно, на такой дальности он не мог нанести серьезной травмы, но на более коротких дистанциях вполне мог подрезать сухожилие или даже отрубить ногу. При современном испытательном броске с расстояния 15 ярдов нож смог пробить разделочную доску. Хотя лезвия отличались по форме, отметим базовую форму — обычно они походили на букву F. Е.С. Томсон выделял восемнадцать разновидностей лезвий.

Среди банту, жителей Конго, были распространены метательные ножи восбеле, которые вырубались из листов корабельного железа, а затем обрабатывались местными умельцами. Они высоко ценились и даже использовались в качестве платежного эквивалента.

Глава 3

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ

КОПЬЕ

Копье является старейшим охотничьим оружием. Заточив деревянную палку или привязав к ней куски кремня или кости, первобытный человек мог серьезно ранить большое животное, оставаясь на какое-то время защищенным от возможного удара клыком или укусов. Ведь не всегда удавалось вонзить копье достаточно глубоко, многое зависело от силы удара или от подвижности животного, стремившегося наброситься на охотника.

Конечно, мы никогда не узнаем, когда охотники впервые поняли, какие преимущества им дают приспособления, позволяющие удерживать лезвие в туловище животного. Возможно, уже экспериментировавший с деревом и костью охотник времен неолита впервые стал приспособливать поперечину к своему копыю.

Наверняка можно утверждать, что уже в период бронзового века ряд охотников оценили преимущества подобного приспособления. В оксфордском Эшмолеанском музее хранится бронзовое копье с удивительно сложным устройством. Чтобы утяжелить наконечник и сделать его более прочным, к центру приделаны два выступающих остроконечных лезвия и два ограничительных колышка у основания. Похожую разновидность бронзового копья обнаружили и в Плейстоу, в графстве Эссекс. Здесь ограничительные колышки заменены длинным стержнем.

В Британском музее хранится персидская печать цилиндрической формы, на которой изображен охотник на лошади, преследующий кабана, причем поперечина на копье

тщательно вырисована. Давая советы по поводу того, как лучше охотиться на дикого кабана, Ксенофонт сообщает примерно в 400 г. до н. э.: «Копья должны быть примерно в 15 дюймов длиной, их короткие зубья следует расположить с разных сторон вокруг наконечника так, чтобы они выступали в разные стороны. Самые прочные боевые копья делали из кизилового дерева. Представим себе, как охотник пользуется этим копьем, стремясь избегать резких движений, учитывая любые неожиданности, он подбирается к кабану как можно ближе. Воткнув копье до основания лезвия со стороны горла, он должен протолкнуть его как можно глубже. Когда кабан попытается вытащить его и схватится за копье зубами, острые лезвия причинят ему боль и сломают его зубы, так что он не сможет дотянуться до человека, держащего копье».

Несмотря на то что основная форма охотничьего копья сложилась достаточно давно, никакой единой конструкции не существовало. Если рассмотреть изображения этрусской охоты на кабана, выгравированные на алебастровой урне, хранящейся в Археологическом музее во Флоренции, то окажется, что этрусские охотники совершенно не следовали рекомендациям Ксенофонта. Они противостояли кабану с копьем, имевшим достаточно прочное древко и небольшой утолщенный и остро заточенный наконечник, позволявший глубоко воткнуть его в туловище животного.

Обычай охотиться на львов изображен на известной мозаике, находившейся в Пелле, Македония и относящейся примерно к 300 г. до н. э. В сцене охоты один из охотников поражает хищника копьем. Похожее копье изображено и на римской мозаике, находящейся в Большом дворце в Константинополе.

Встречается и другая ситуация: на одной из мозаик, находящихся в римской вилле на пьядца Армерина в Сицилии, изображен охотник, нападающий на кабана с помощью прочного копья, за лезвием которого находится ограничитель в виде перекладки, загнутой с обеих сторон.

На фреске в римских «Охотничьих банях» в Лепсис-Магна в Триполи также изображены охотники, использующие копья с перекрестными загнутыми перекладками, на сей раз для охоты на леопардов. Похожие копьеобразные лезвия,

Рис. 29. Римский bestiarius (гладиатор, борющийся с дикими животными). По мозаике, находящейся в Реймсе

датируемые IX—XII вв., нашли и в Финляндии. По крайней мере, у одного копья концы ограничителя грубо выделаны в виде собачьих голов. Другие разновидности перекладин на копьях запечатлены на римских росписях и мозаиках, изображающих bestiaries — гладиаторов, борющихся с дикими животными (рис. 29).

В Герфордском городском музее находится любопытная головка копья, которую обнаружили во время раскопок одного из строений на территории римской фермы примерно в 300 г. н. э. У узкого лезвия в форме листа имеется длинный ограничитель, заканчивающийся двумя лангетами. К лангетам припаяны остатки железной перекладины. Он не относится к тому типу копий, которые обычно ассоциируются с римскими артефактами, и вовсе не похож на железные наконечники копий, которые находят в ломбардских погребениях IX—X вв.

В иллюстрированных рукописях этого периода практически не встречаются ни информация об охотничьих копьях, ни их изображения в сценах охоты, ибо внешне эти копья не отличались от тех, что использовались в сражениях. В большинстве случаев мы встречаемся со стилизованными изображениями оружия. Так, например, нарисованный под лезвием диск, возможно, обозначает выступ, или плотный «воротник», или металлический хомут для закрепления на древке. Трудно поверить, что две или три горизонтальные линии, которыми перечеркнуто древко под лезвием, означают такое же количество перекладин.

Даже на гобелене из Байе, который является одним из ценных источников информации, нет практически ничего о копьях. Нет никаких различий в изображениях копий, которые несут охотники, вестники, пешие или конные воины. Изображения одной, двух или трех перекладин являются причудами вышивальщиц. Исследуя разнообразные источники начала Средневековья, не удалось выявить никаких разновидностей охотничьих или боевых копий в зависимости от наличия или отсутствия перекладин.

Исследование бывших в употреблении экземпляров не подтверждает существование каких-либо копий с множественными лезвиями. Большинство распространенных видов копий имеют длинное узкое лезвие с углублением, из которого с каждой стороны выступает плоское треугольное «крыло» или «ухо» с плоским концом.

Поскольку некоторые из них имеют большие, сильно выступающие припаянные головки, они могут представлять тот тип копья, который художники пытались нарисовать, причем многократно повторяя одно и то же изображение. Такие копья с «крыльями» с обеих сторон, не допуская слишком глубокого проникновения лезвия, как, например, *lansea unkata*, о которой пишет Аполлинарий Сидонский, сегодня обычно обозначаются как копье-хлыст. Оно было широко распространено в Каролингскую эпоху и встречается среди археологических находок по всей Европе. На некоторых наконечниках даже сохранились остатки золоченого или серебреного орнамента.

В XIV в. лезвие данного копья начало меняться, приобретая треугольную форму. Одновременно крылья станови-

Рис. 30. Охотник, закалывающий попавшего в сети кабана.
Гравюра из «Книги королевских манер» (1486)

лись более заостренными и увеличивались в размере. Такое копьё с ярко выраженными крыльями сегодня иногда обозначается как богемская ушная ложечка. Название вовсе не говорит о том, что оно относилось именно к данной области Европы.

В то же время появились специальные формы копья, предназначенные именно для охоты. Примерно в 1300 г. французскому охотнику на вепря рекомендовали брать прочное и острое копьё с перекладиной. В 1394 г. в Англии встречаются упоминания о «кабаньем копьё». В Описи 1407 г. арсенала Гонзага в Мантуе указано «одно охотничье копьё».

К концу XV в. формируются несколько типов крылатых копий, различавшихся по величине и форме лезвий и крыльев. Так, с одной стороны линии находился протазан (алебарда), его длинное треугольной формы обоюдоострое лезвие имело только два перевернутых «уха» или рудиментарные крылья у основания. С ним контрастировала рунка (gawson, gauseur, runka или corseque), у которой крылья располагались симметрично по обе стороны центрального лезвия, расходясь от основания или загибаясь, как вилы у трезубца.

Анализ ранних гравюр на дереве и эстампов позволяет сделать вывод, что в зависимости от потребности исполь-

зовались самые разные типы древкового оружия, чаще всего изображались охотничьи копыя типа ушной ложечки. Скорее всего, именно об этом копье пишет в 1387 г. Гастон Феб, давая охотнику следующий совет: «Следует взять копье испытанное, но не слишком старое, хорошо заостренное и достаточно прочное».

На девонширских охотничьих гобеленах 1425—1450 гг., хранящихся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, весьма точно изображено охотничье копье XV в., иначе называемое *knebelspiess*. Такое же копье можно увидеть и в печатной версии «Книги королевских манер», опубликованной в 1486 г. (рис. 30). Есть еще два прекрасных образца копий, среди которых изделие, принадлежавшее императору Фридриху III (1415—1493), хранящееся в Музее искусств в Вене (фото 47), и копье, возможно английское по происхождению, недавно находившееся в коллекции Мейрика, сегодня хранящееся в Метрополитен-музее. Лезвие последнего копия выполнено с накладками из бронзового зигзагообразного орнамента, крылья гравированы охотничьими сценками (фото 48, в центре). В похожем стиле и, возможно, тем же мастером выполнено и копье, хранящееся в Музее Стибберта во Флоренции.

На иллюстрации из рукописного трактата Гастона Феба, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже, представлено не только крылатое копье, но и разновидность копия с прямым соединительным лезвием и перекладиной, возможно, с выступающей частью, чтобы можно было приделать или прикрепить ее под основанием лезвия. Такая разновидность копия считается самой старой формой крылатого лезвия, она оказывалась более легкой в носке, дешевле в изготовлении и практически не требовала усилий при эксплуатации, поэтому стала необычайно популярной в XVI в.

Во фламандском рукописном календаре начала XVI в., хранящемся в Британском музее, содержится весьма интересная иллюстрация. На сценке запечатлен момент возвращения с охоты на оленя. Один из охотников несет копье, чье лезвие прочно приковано к перекладине. Источником необычайно интересных деталей вооружения может служить «Триумф императора Максимилиана», например изображе-

Рис. 31. Охотники на медведей. Отметим ряд небольших ножей, расположенных на ножнах охотничьего кинжала. Фрагмент гравюры Бургмайера из книги «Триумф императора Максимилиана» (1526)

ние группы охотников на медведя, несущих копьё с широкими лезвиями и перекладинами, которые явно привязаны к древку сразу под наконечником (рис. 31).

Копья, предназначенные для охоты на медведей, отличались более мощными пропорциями, чем остальные изделия, лезвия некоторых из них могли иметь длину до 2 футов. Длина обычного охотничьего копьё, применявшегося во время всех разновидностей охоты, колебалась между 6 и 7 футами, лезвие составляло где-то 12—18 дюймов.

В книгах XVI в., посвященных охоте, отмечается, что для охоты на оленей, волков, лисиц и даже зайцев использовались одни и те же копьё. Обычно животных преследовали с помощью своры собак или гнали к огороженной территории, где и убивали (рис. 32). Гастон Феб советовал своим читателям приближаться к кабану верхом, рысью, но не галопом,

Рис. 32. Деталь гравюры, изображающей Актеона и Диану, созданной неизвестным немецким художником. Обычно такой сюжет использовался для украшения охотничьего оружия. Из книги Дж. Хирта «Великие иллюстраторы»

ослабив поводья и используя короткие шпоры, чтобы можно было легко маневрировать. Он предупреждал, чтобы для охоты не использовали турнирные копыя.

Феб также писал о том, что приближаться к кабану опасно: «Держите копые за середину, чтобы разъяренное животное не ударило вас своими клыками. Как только острый конец войдет в его тело, навалитесь на древко изо всех сил и постарайтесь вонзить его как можно глубже, но ни в коем случае не отпускайте древко. Если зверь окажется сильнее вас, то старайтесь поворачивать древко из стороны в сторону, держа его как можно сильнее и не отпуская, пока к вам не придут на помощь или Господь не услышит ваши мольбы».

На Цейлоне встречается «акробатический» способ охоты на кабанов с помощью копыя под названием И-ития. Это копые имеет прочное семифутовое древко, на конце которого располагается лезвие длиной в 6 дюймов и 2,5 дюйма в ширину. Загонщики гнали кабана к охотнику, который бросался на разъяренного зверя, пронзал его своим копьём, затем приподнимал его, чтобы зверь давил своим весом на копые, и наконец нес его домой. Нам, правда, неизвестно, имело ли это копые перекладину или ограничитель.

На индийском рисунке конца XVIII в., хранящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, изображена охота на тигра. Загонщик держит копые с остроконечным лезвием в форме листа, закрепленным широким ободом. Похоже, что лезвие с каждой стороны центрального ребра имеет полость, вероятно, чтобы облегчить его вес. Похожим образом выполнено японское копые для охоты на кабана.

Следует отметить, что в XVI в. охотничье копые также рассматривалось и как военное оружие, о чем свидетельствует тот факт, что нанятые Генрихом VIII в 1544 г. для своей армии, находящейся во Франции, альмейнские конники были вооружены ручными ружьями и копьями, предназначенными также и для охоты на кабанов. Одним из источников стало сообщение о пьяной драке, во время которой один из наемников пронзил своим копьём горло английского солдата.

Известно, что Генрих VIII был большим любителем охоты на кабанов и, как и все короли, предпочитал использо-

вать оружие лучшего качества. Приведем в качестве примера выдержки из Описи оружия и доспехов, хранящихся в лондонском Тауэре:

«копья для охоты на свиней вместе с древками, обитыми красным бархатом и отделанными красным шелком;

копья для охоты на кабанов причудливой формы, покрытые кожей;

копья для охоты на кабанов с обожженными древками, отделанными кожей;

копья для охоты на кабанов резные и позолоченные».

Приведем также выдержку из другой описи для арсенала в Гринвиче:

«копья для охоты на кабанов с белыми рукоятками;

копья для охоты на кабанов с гравированными и позолоченными рукоятками;

копья для охоты на кабанов с рукоятками мавританской работы».

Сегодня в Тауэре можно увидеть прекрасное французское копьё для охоты на свиней примерно 1630 г., задняя часть лезвия которого покрыта орнаментом из золота и серебра. Другое лезвие с выгравированными гербами и лозунгами принадлежало королю Карлу V (фото 49, 52).

Большинство национальных коллекций, особенно те, что собраны в Дрездене, представлены образцами декоративных охотничьих копий. Возможно, самое прекрасное из них — гравированное и покрытое золотом копьё для охоты на кабанов — изготовил в 1559—1560 гг. для эрцгерцога Фердинанда II Джованни Батиста Серабальо. Сегодня оно хранится в Венском музее искусств. Похожее копьё хранится в Британском музее.

Оба копья отличаются тем, что «уши» на них образованы двумя прекрасными гравированными головами кабанов. Иногда такие экземпляры дополнялись пистолетом с колесцовым замком, чаще — двумя. Они прикреплялись стволами к боковым лезвиям, так что механизмы размещались по обе стороны.

Копьё Николая Лорренского примерно 1565 г., хранящееся сегодня в Музее армии в Париже, имеет лезвие тре-

угольного сечения и пистолеты с колесцовым замком, расположенные с каждой стороны. В Описи 1576 г. оружие представлено следующим образом: «Копье с трехгранным наконечником, покрытое золотом и серебром, окруженное тремя небольшими пистолетами». Обычно такие копыя с колесцовыми пистолетами изготавливались на немецких фабриках. Как все комбинированные изделия, они оказывались необычайно неуклюжими, несбалансированными и гораздо менее эффективными, чем обычное прямонаправленное копьё.

Использовавшиеся каждый день копыя не могут похвастаться подобными усовершенствованиями, однако материалы, из которых изготавливались перекладины, методика, с помощью которой они прикреплялись к древку, не менее интересны. Сначала отметим, что в XV в. перекладина представляла собой кусок дерева или рога, плотно закрепленный в нужной позиции ремнями. Тогда же поняли, что гораздо удобнее и безопаснее будет убирающаяся перекладина, ибо она расширяет сферу применения копыя. Кроме того, тогда нельзя будет нанести даже случайное повреждение носителю копыя или его товарищам.

Обычно кусок рога часто только приблизительно заострялся, он прикреплялся к древку с помощью кожаного ремешка, проходившего через отверстие в наконечнике, или приплетался к оплетке, которая обычно крест-накрест пересекала верхнюю часть древка, составляя с ней одно целое. Иногда рог украшался знаками или благопожелательными надписями. В коллекции Кинбуша находится копьё с роговой перекладиной, украшенное гравированным гербом герцога Христиана Саксен-Вейсенфельского и датированное 1727 г.

Несколько похожих копий хранятся в Историческом музее в Дрездене. Чаще отдавали предпочтение железным, а не роговым перекладинам, которые отличались большей надежностью и прочностью. Их прикрепляли к отверстию с помощью шарнирных или вращающихся приспособлений (рис. 33).

Охотничье копьё с ярко выраженной перекладиной продолжали использовать на протяжении всего XVII в., и только к середине XVIII в. их почти полностью вытеснили ру-

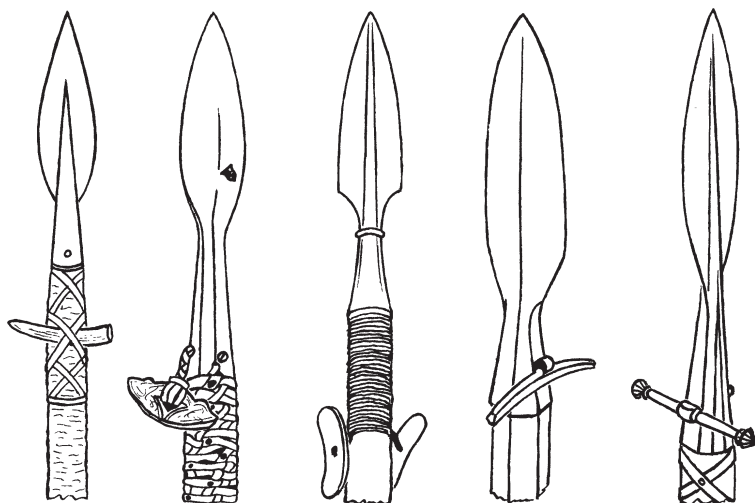

Рис. 33. Наконечники охотничьих копий. Слева направо: соединенный с черенком клык животного, украшенная гравировкой пластина из слоновой кости, удерживаемая завязками, Германия, XVII в.; две костяные пластинки, удерживаемые ремнями (Музей народоведения, Вена); железный прут на шарнире, Италия, ок. 1560 г.; вращающийся железный прут, Германия, ок. 1600 г.

жья с кремневым замком, которые стали основным оружием для всех видов охоты во всех странах Европы. Копье быстро превратилось в декоративное оружие или церемониальный знак обслуживающего охоту персонала.

Но его продолжали рекомендовать пресытившимся дворянам для захватывающего рукопашного поединка между человеком и зверем. Правящая элита Германии и России, следуя обычаям предков, поощряла преследование кабана с помощью копий.

Энтузиасты продолжали поддерживать эту разновидность охоты. В 1938 г. золингенский изготовитель ножей Эйкхорн предлагал своим покупателям на выбор две разновидности копий для охоты на кабанов: № 1780 — тяжелая разновидность — 45 рейхсмарок; № 1447 — легкая разновидность — 28 рейхсмарок.

Производство продолжает функционировать и сегодня.

ПИКИ

Первоначально понятие «пика» употребляли как синоним понятия «копье», однако начиная с XVII в. его стали применять только к копью с длинным древком и небольшой головкой или наконечником. Сегодня пики относят исключительно к боевому оружию, но первоначально их часто использовали и для охоты. Так, скажем, на рисунках из рукописи XIII в. изображено животное, которого убивает человек в кольчуге, вооруженный пикой (рис. 34).

В качестве охотничьего оружия пика обладала ограниченными возможностями. Однако с ее помощью конный охотник имел определенные преимущества во время долгой охоты. Догнав добычу, он обездвигивал ее ударом пики, чтобы можно было пустить в ход саблю или копье. На картине Лукаса Кранаха «Охота эрцгерцога Фридриха Мудрого на оленя», хранящейся в Музее искусств в Вене, изображен олень, преследуемый по берегу реки, в то время как на другой стороне потока располагаются королевские охотники со своими самострелами. Одни охотники завлекают оленя, другие держат наготовку сабли или длинные пики.

На иллюстрации Страдана (1578), воспроизводящей охоту на медведя, изображены конные охотники, подгоняющие пиками зверя к сетям, около которых его поджидают пешие охотники с пиками в руках. На другой картине того же художника мы видим конного охотника с пикой в руках, окруженного собаками. Лорд Атри изображен на портрете Тициана (1550) в прекрасном охотничьем костюме брусничного цвета с золотым шитьем. Он держит в руке пику, древко которой покрыто таким же материалом. Маленький наконечник использовался начиная со Средневековья до Нового времени. Хотя в XVI в. конструкция пики усовершенствовалась, наконечник остался практически без изменений.

Встречалась и другая разновидность пики, пропорции которой показывают, что она предназначалась только для охоты. Это пики для охоты на серну и каменного козла. Прекрасную иллюстрацию находим в «Триумфе императора Максимилиана» (рис. 35). На ней изображена группа охотников на серн под командованием Конрада Цуберле,

Рис. 34. Охота на единорога с помощью копья. Фрагмент рукописи XIII в. Бодлеанская библиотека, Оксфорд

который обещал, что обеспечит своего императора «самыми прекрасными горными козлами и сернами из тех, на которых охотились в мире».

Заметим, что в зависимости от условий охотникам было необходимо самое разнообразное оборудование. Так, во время охоты в горных районах они носили прочные кожаные туфли и надевали металлические шипы, чтобы не скользить по ледяной поверхности. Для хождения по снегу охотники надевали снегоступы в виде деревянных колец, на которых были закреплены конструкции, напоминавшие круглое решето (рис. 35).

В качестве вспомогательных приспособлений для подъема в горы использовали тонкие копья длиной в 3—4 м. С них снимали острые наконечники, укладывая в ножны наравне с поясными ножами. На многочисленных гравюрах можно увидеть охотников на серн, взбирающихся на горные уступы, чтобы поразить животных, находящихся внизу. Они использовали копья и как метательные снаряды, и для того, чтобы столкнуть серну с обрыва, и как средство для переноски убитых животных вниз, в долину. Интерес-

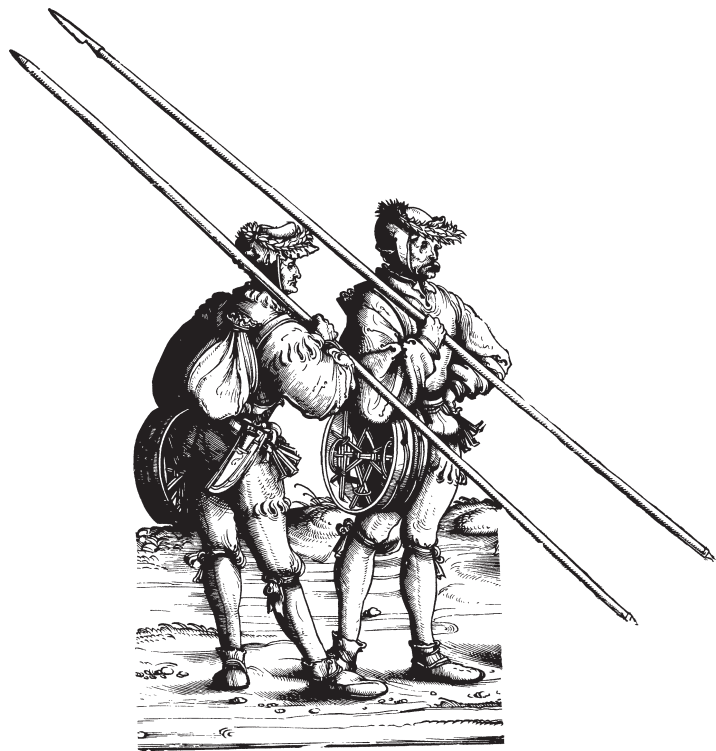

Рис. 35. Охотники на серну. У охотника слева лезвие копья находится в ножнах для ножа. Фрагмент гравюры из книги «Триумф императора Максимилиана» (1526)

но, что искусный охотник на серну мог бросить свое копье на расстояние до 40 м.

Похоже, что именно данная разновидность охоты привлекала Максимилиана. В рукописи «Тайные наставления по охоте», написанной для его внуков Карла и Фердинанда, он пропагандирует пики длиной в 4 клафтера, то есть более чем 6 м длиной. Чтобы не повредить древко, пики полагалось хранить в специальных коробках, висевших на хорах в церкви. Один из таких редких образцов пики сохранился в замке Тратцберг в Австрии.

КОПЬЯ ДЛЯ ОХОТЫ НА КАБАНОВ

По мере того как в XVII в. получали распространение ружья с кремневым замком, превращавшие охоту в один из способов массового истребления животных, многие дворяне склонялись к участию в охоте, где животное могло выжить, а охотник только чувствовал опасность, но не испытывал ее. Такие возможности предоставляла охота на кабана с помощью пик или легких копий.

На картине Веласкеса «Охота Филиппа IV Испанского на кабана», написанной около 1640 г., сегодня хранящейся в Национальной галерее Лондона, изображена лесная поляна, окруженная сетями наподобие арены, на которую можно было выгнать кабана. Всадники подгоняли кабана с помощью коротких пик, небольших остrokонечных сабель или двойных копий с зазубринами (горгулий). Стоявшие вокруг сетей слуги вооружались обычными копьями для охоты на кабанов, имевшими широкое лезвие и перекладину.

В 1674 г. граф Амадео ди Кастельмонте опубликовал в Турине свою «Настоящую охоту». Хотя он и заявляет, что собирается говорить об охоте на оленя, медведя, кабана, лисицу и зайца, о ней он сообщает минимальные сведения, иллюстрации приведены только для того, чтобы польстить правителям Савойи и представить портреты членов королевской семьи, их жен и любовниц.

Правда, одна вклейка заслуживает внимания, поскольку на ней изображены эрцгерцог и эрцгерцогиня Баварские во время охоты на кабана с помощью коротких пик или дротиков. Эрцгерцог изображен замахивающимся или почти бросающим свое копьё в кабана, а его супруга едет верхом в дамском седле. Она одета неподобающим образом — в парадные одежды, поэтому пику держит параллельно земле. Их обращение с пиками почти такое же, как у индийских охотников на кабанов, нарисованных почти на 200 лет позже.

На картине Якова Филиппа Хакерта, хранящейся в музее Каподимонте, где изображена охота Фердинанда IV Неапольского на кабана, показан более традиционный способ охоты на это животное. Охота проходила в Кассано, где со-

баки подняли кабана и погнали его по отмеченному флажка-ми маршруту по ровной долине.

Верховые охотники подгоняли собак с помощью коротких легких пик, которые в случае необходимости можно было вонзить или бросить в разъяренного кабана. Отсутствие прикрытия, бег вдоль флажков, группы слуг, следящие за собаками, и длинные ряды тщательно выстроенных зрителей показывают, до какой степени деградировала охота, постепенно превращаясь в зрелище.

Прошло немного времени, и охота переместилась в пыльные, покрытые кустарниками равнины Индии, где превратилась в опасную игру, требовавшую определенных навыков и волновавшую кровь. В нее с удовольствием играли в британских колониальных сообществах.

Похожим образом организовывалась охота на лис в Англии, когда в XVIII в. количество оленей начало уменьшаться. Поэтому копья для охоты на кабанов, столь популярные в Индии, уже в начале XIX в. получают распространение в Англии, вытесняя другие разновидности оружия, предназначенные для преследования больших животных, таких как медведи.

Обычно на медведей в Индии охотились конные всадники, вооруженные коротким копьем с широким лезвием, которое бросали наподобие дротика. Другие животных преследовали с помощью пик. Для этого использовали восточную разновидность оружия, применявшуюся как на охоте, так и во время военных действий, длиной от 2 до 3 м. Древко изготавливалось из длинного бамбука, часто украшалось лаком, парчой, серебром или золотом, оно выделялось и своим тяжелым металлическим наконечником с шарообразной головкой, заканчивающейся острием. Этот груз действовал как противовес, обеспечивающий дальность броска. Острие обычно представляло собой небольшое лезвие треугольной или листовидной формы. Однако у некоторых очень коротких пик, использовавшихся как дротики, имелись длинные остроконечные лезвия.

Когда европейцы в Индии обратили внимание на передвижавшиеся по стране огромные стада диких свиней, то стали использовать то же самое прочное, но легкое бамбуковое древко. Специализировавшийся на описаниях охоты

Рис. 36. Капитан Генри Шекспир, охотник-писатель, любивший охотиться на кабанов с лошади, что приводило к множеству непредвиденных ситуаций. Рисунок из книги Дж. Гринвуда «Охота на диких животных в разных странах мира» (1862)

Х.А. Ливсон так писал о способе их производства: «Бамбук для военных пик следует срезать в конце жаркого сезона, когда сок еще хранится в корнях, затем его следует подвесить на стропила вместе с грузом в 14 футов, чтобы он в течение нескольких месяцев висел в распрявленном положении. Местные жители говорят, что если бамбук срубить во время новой луны, то он прослужит долго, если же во время полной

луны, то он сгниет за два или три года. Если бамбук срубить в дневное время, то он просто пересохнет, а не высохнет».

Европейские пики для охоты на кабанов редко украшались, они оснащались самыми простыми разновидностями лезвий и наконечников. Практически встречаются пики двух основных размеров.

Длинная пика составляла 4—6 м в длину и весила 1,5 кг. Ее держали одной рукой, захватив примерно за две трети древка от заднего конца, суставы были повернуты вниз, а большой палец располагался вдоль древка. Следовательно, когда рука висела свободно, оставался простор для маневра с помощью запястья, локтя и плеча. Кабана удавалось удерживать на безопасном расстоянии, и тогда человек и лошадь, слившись в единое целое, как бы выстреливали вперед. Неудобство длинного копыя, равно как и пики, заключалось в том, что им неудобно было пользоваться, оно оказывалось слишком громоздким в кустах, среди деревьев и длинной травы.

Подобных препятствий удавалось избегать, используя короткое копые с прочным древком, примерно 2,5 м в длину, имеющее на конце свинцовый груз. Здесь использовалась техника захвата, когда удерживали копые за конец, вывернув суставы вперед и подняв вверх большой палец. Затем копые придерживали локтем и вонзали в спину кабана, нанося смертельный перпендикулярный удар.

Обе разновидности копыя и сама методика использовались с древнейших времен. В качестве примера приведем изображение на ассирийской стене 653—651 гг. до н. э. из Северного дворца города Ниневии. Этот фрагмент хранится сегодня в Британском музее. При правильной эксплуатации и относительно небольшом весе копыем удавалось сбить даже могущественное животное. Так, на индийском рисунке примерно 1840 г., хранящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, можно увидеть раджу Рама Синха из Котана, нападающего на бизона описанным способом.

Отметим, что такой способ использования копыя требовал большого искусства, кроме того, кабан мог приблизиться к лошади на опасное расстояние и нанести ей увечья. О подобных рисках сообщалось в описании встречи, состоявшейся в Калькуттском шатровом клубе в марте 1860 г. в Соверра-Бу-

реа около Тамлука. Для этой цели собрали 15 охотников, у каждого из них было 4 лошади. В качестве загонщиков использовали 11 слонов. Перед лицом такой небольшой армии у свиней практически не оставалось никаких шансов, однако после трех дней преследования удалось убить только 37 боровов, при этом 9 лошадей покалечились, а 13 человек были сброшены или выбиты из седел.

Выражая точку зрения большинства британских охотников, Старый Шекари пишет: «Охота на кабанов, или прокалывание свиней, которая происходит в Индии, является действительно королевской охотой, олицетворяющей все самое восхитительное. В ней соединяются привлекательность охоты на лис с возбуждением от накала страстей во время преследования и в то же время необычайное очарование, возможное только при ощущении опасности».

Отметим, что местные вкусы сказывались в выборе лезвий для копий, среди которых следует отметить две основные разновидности. Одна назвалась бодрадж и представляла собой глубокий наконечник с плоским, похожим на лист лезвием примерно 10 см длиной. Оно часто имело усиление в виде гребешка или ребра. Его в основном изготавливали в Аурунгабаре в Бомбее.

Другое, более длинное лезвие было сделано по форме европейского байонета с тупым или заостренным концом, треугольного сечения, 15—20 см длиной.

Его поставляли такие лондонские фирмы, как «Уилкинсон» с Пэлл-Мэлл, «Хилл» с Хеймаркет или «Торнхилл» с Бонд-стрит. Старый Шекари хвастался, что мог разрубить таким лезвием доллар, даже не повредив его край. Копье с байонетной головкой, хранящееся в лондонском Тауэре, имеет клеймо «Ментон» — фирмы известных оружейных мастеров из Калькутты (рис. 37).

Расцвет охоты на кабанов с копьями связывают с развитием небольших ударных и патронных пистолетов. После их появления прошло совсем немного времени, как некоторые охотники стали экспериментировать с ними и пробовать прикреплять пистолеты к лезвию копья. Подобные комбинированные копья, несомненно, оказывались более удобными и эффективными, чем их предшественники, где использовался тяжелый пистолет с колесцовым замком. Обычно писто-

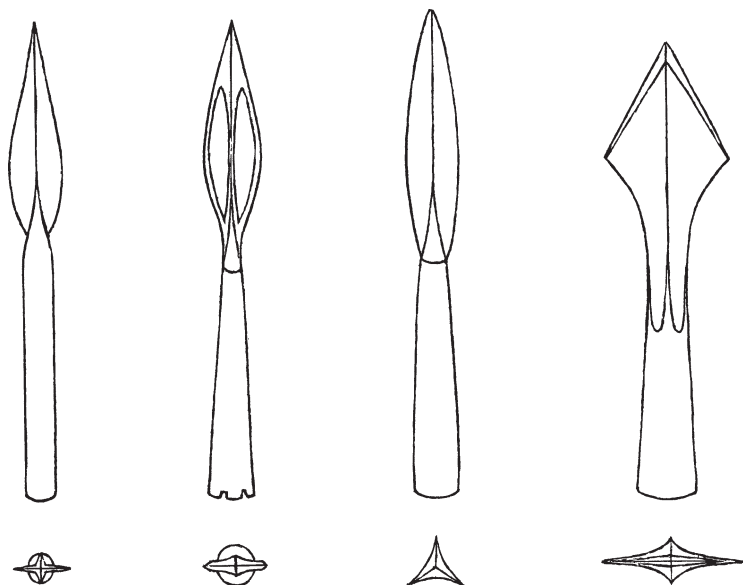

Рис. 37. Четыре разновидности головок копий для прокалывания кабанов. Слева направо: головка из Бодраджа, охота в Декане, головка байонета, головка в форме ромба. По образцам, хранящимся в лондонском Тауэре

ленты новой формы прикреплялись таким образом, чтобы при давлении на лезвие пистолет автоматически выстреливал. К сожалению, так происходило не только осознанно, под воздействием человека, но и вследствие соприкосновения с веткой или кустом. Тогда пистолет легко разряжался.

МЕТАТЕЛЬНОЕ КОПЬЕ, ИЛИ ДРОТИК

Метательное копье, или, как мы его сейчас называем, дротик, было едва ли не самым популярным оружием Древнего мира. Длинные копья с тонкими древками можно увидеть на многочисленных изображениях охотничьих сенок на греческих вазах. На хранящихся в Британском музее римских мозаиках изображены всадники, вооруженные коротки-

Рис. 38. Греческий охотник, бросающий копье с помощью петли, или анкулы. Рисунок с лекифа (сосуда для масла) ок. 480 г. до н. э., хранящегося в Бостонском музее изящных искусств

ми копьями с листовидными наконечниками или с наконечниками, заостренными наподобие стрел. Они использовали их как колющее оружие, которое держали за середину древка и прижимали под мышкой или бросали наподобие дротиков (рис. 38).

Фактически слово «дарт» (дротик) ввели англичане, обозначавшие им короткие легкие копья. На иллюстрациях в рукописи XV в. Гастона Феба изображены всадники в соответствующей позиции, готовые бросить дротики в оленей или кабанов. На девонширских охотничьих гобеленах примерно 1425—1450 гг. применявшиеся для охоты

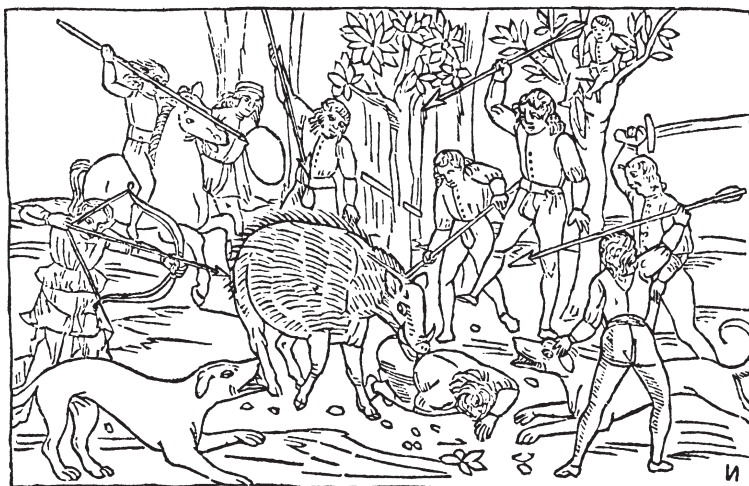

Рис. 39. Бросание копий или дротиков в кабана. Гравюра по венецианскому изданию книги Овидия «Метаморфозы» (1509)

на медведей дротики имеют тяжелые, заостренные, как у стрел, головки и прикрепленные под ними перьевые хвостовики. Они похожи на тот экземпляр, который несет рыцарь на алтарной картине из храма Святого Ламбрехта, написанной Хансом фон Тюбингеном около 1430 г. и хранящейся сегодня в музее Иоганнеум в Граце (Австрия). В издании 1509 г. «Метаморфоз» Овидия изображены метательные дротики с заостренными, как у стрел, концами, которые кидают в вепря (рис. 39).

Легко предположить, что если Генрих VIII прекрасно владел всеми видами оружия, то он был метким метателем дротиков или легких копий. Эразм писал в 1529 г., что он (король) «имеет такую грацию и подвижность, что, бросая дротики на скаку, превосходит многих». В 1532 г. Анна Болейн подарила Генриху VIII «несколько богато украшенных бискайских дротиков». Возможно, именно они перечислены в Описи 1547 г. как «дротики с позолоченными наконечниками». В огромном арсенале короля хранились самые разнообразные дротики, в основном пред-

назначенные для церемониальных выходов. Среди них отметим «дарды, или усеченные дротики», которые бросали с надстроек военных кораблей при abordажной схватке. Они появились примерно в конце XV в. и обозначались как «испанские дротики». При испанском королевском дворе были популярны упражнения и игры конных всадников с мавританскими дротиками.

Что же касается первых европейских дротиков, то сохранились всего несколько экземпляров, которые, по всей вероятности, предназначались для церемониальных целей. Так, в Королевской оружейной палате в Мадриде находится стальное метательное копье, или дротик, конца XV в., которое явно использовалось как охотничье оружие. Оно представляет собой уменьшенную копию копья для охоты на медведя, оснащенное переключиной. Это копье вызывает особый интерес, поскольку точно такой экземпляр указан в Описи арсенала Карла V, сделанной примерно в 1540—1550 гг. (рис. 40).

Филипп II Испанский приобрел несколько рисунков охотничьих сенок у итальянского художника Тициана. На одном из них, «Диана и Каллисто», примерно 1556 г. (Национальная галерея, Эдинбург), и на более ранних рисунках того же Тициана, в частности «Венера и Адонис» (1545—1546, Прадо, Мадрид), представлено охотничье вооружение, куда входит и тяжелый дротик с перьевым наконечником.

Именно на Востоке искусство бросания дротиков достигло наивысшего совершенства. Так, французский ювелир Джон Шарден, путешествовавший по Персии в 70-х гг. XVII в., писал с восхищением: «Народ Персии так хорошо сложен и так искусен в данном упражнении, что может бросать дротик или метательное копье на шестьсот или семьсот шагов».

Хотя трудно точно сказать, когда появились первые персидские или турецкие дротики, но совершенно точно известно множество образцов XVII—XVIII вв. Их называли по-разному — джерид, джарид или джеред, длина колебалась от 1 до 1,5 метра, а лезвие составляло от 10 до 20 см. Обычно оно имело треугольное или квадратное сечение, прямые и ромбовидные формы неизвестны.

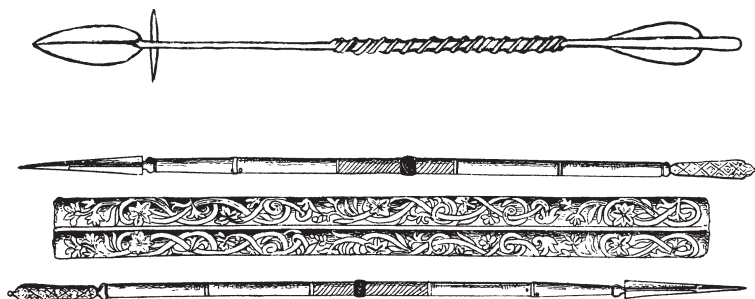

Рис. 40. Метательные копья (дротики). *Наверху*: испанский дартс с перекрученным древком. Ок. 1540—1550 гг. *Внизу*: пара стальных персидских дротиков с ножнами. XVIII в. Иллюстрации из книги Эгертона «Индийское и восточное оружие»

Древки обычно изготавливали из дерева, украшая декоративными накладками из серебра, были также популярны и дротики, полностью изготовленные из стали. Обычно у них были плоские наконечники с остро отточенными лезвиями и оперение на задней части наподобие перьев стрел. Поверхность древка украшали гравированным или вырезанным орнаментом в виде арабесок (рис. 40). Обычно дротики переносили по три штуки в колчанах, где они подвешивались к серебряным петлям, чтобы защитить острые лезвия. Иногда один или два дротика переносились в ножнах вместе с саблей, причем все они отделялись одинаково. Заметим, что японский дротик макура уари имел самое маленькое лезвие (порядка 5 см).

Трудно сказать, когда дротик начал использоваться в качестве короткого копья. Известно, что национальные разновидности, как, например, африканский ассегай, использовались как для метания, так и для нанесения колющих ударов. Самыми искусными метателями считались кафрские воины и охотники. Рассказывают, что они метали их так быстро, что три копья находились в воздухе одновременно. Происходило это следующим образом: вначале воин раскачивал в руке самое легкое копье, заставляя его вибрировать, а затем метал его на расстояние 50—70 ярдов, «как будто изящная змея грациозно взвивалась в воздух». Затем он переходил к более тяжелым копьям.

Для усиления броска и увеличения дальности полета использовали простое приспособление в виде веревочной петли, прикрепленной к середине древка. Такую разновидность дротика греки называли *ankule*, а римляне *amentum*. В данном случае дротик удерживали в руке и бросали с помощью двух пальцев, пропущенных через петлю. Аборигены Новой Каледонии (Новая Гвинея) и Гебридских островов использовали похожую петлю, которую прикрепляли таким образом, что она соскальзывала с древка при резком толчке сразу же после броска.

Самой эффективной среди разновидностей метательных копий оказалась метательная палка, обнаруженная этнографами в Австралии, Центральной Америке и в районах Арктики, где лук был или неизвестен, или почти не использовался из-за нехватки материала. Почти все палки были деревянными, 60—80 см длиной и отличались разнообразием конфигураций. По форме они представляли собой ровный, несколько расширяющийся к одному концу стержень с захватом с одной стороны и выступающим острием с другой. Последнее представляло собой зуб или кусок кости и помещалось на толстом конце копья. При метании копье располагалось вдоль руки и поддерживалось пальцами.

Обычно при бросании копья рукой захватывали середину древка. Сила броска направлялась к основанию, так что палка выступала в качестве продолжения руки метателя. В большинстве случаев так усиливался радиус броска копья. Привезенные в Европу аборигены демонстрировали свои палки в Кенсингтоне, бросая их на 30—40 м.

КОПЬЯ С НЕСКОЛЬКИМИ ЛЕЗВИЯМИ

Все виды копий или пик, описанные ранее, независимо от своей длины, формы и конструкции, основывались на одной разновидности лезвия. Достаточно давно поняли, что при охоте на небольшого или слишком подвижного зверя было гораздо легче поразить цель с помощью двух и более лезвий. Конечно, цель удавалось поразить, однако возникали новые проблемы, ибо соответственно увеличивался вес и снижалась маневренность копья.

Одним из самых первых образцов копья с множеством лезвий считается хранящийся в Британском музее бронзовый трезубец из города Ура (Месопотамия) и датируемый примерно 3000 г. до н. э. С незапамятных времен использовались и классический трезубец, как у Нептуна, всегда предназначенный для охоты на рыбу, и копье для ловли угря. Бронзовые трезубцы обнаружены при раскопках поселений доисторических озерных жителей Швейцарии. Их находили и по берегам озера Гарда, а железные предметы — в селении Ла-Тен, давшем название одноименной археологической культуре.

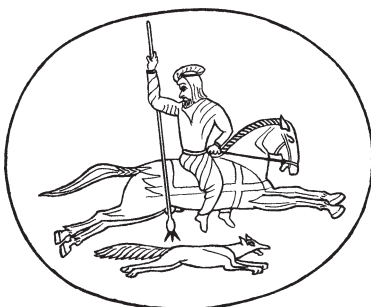

Рис. 41. Персидский охотник, использующий копье в виде трезубца во время охоты на лису. Гравировка на гемме из халцедона. Из книги Рихтера «Гравированные геммы греков и этрусков»

На мозаике Барберини I в. н. э., хранящейся в Национальном археологическом музее Пренестина в Палестрине, изображен рыболов, держащий на изготовку трезубец. Заметим, что подобные копья с множеством лезвий использовались не только против морских существ. На персидской печати IV или V в. выгравирована сценка с конным охотником, бросающим в лису удлиненное копье с тремя зубцами (рис. 41).

Встречаются и другие охотничьи сценки, например на мозаиках императорской виллы на пьядца Армерина, заложенной во II в. н. э. Здесь изображен другой всадник, преследующий зайца и вооруженный копьем с двумя зубцами. Выше уже говорилось о похожем оружии, которое использовали для охоты на медведя. В Германии известно двузубое «волчье копье», которое использовалось прежде всего для охоты на волка. На картине из часовни Берланга (Кастель), находящейся сегодня в частной коллекции в Нью-Йорке, изображена охота на зайца, где конный охотник умело обращается с трехзубым копьем.

В основном копье с множественными лезвиями, с помощью которого оказывалось возможным преодолевать опти-

ческий обман, возникающий от преломления света в воде, предназначалось для охоты на обитателей подводного мира. Большинство из них составляли выдры, на которых охотились с поразительной жестокостью. На иллюстрациях в рукописях XV в. Гастона Феба и Страдана изображены копыя с тремя лезвиями, на девонширских охотничьих гобеленах (1425—1450) и в «Отдыхе джентльмена» Ричарда Блума (1686) изображены двузубые пики, применявшиеся для охоты на выдр (рис. 42).

В современной литературе, посвященной охоте, такие копыя редко описываются подробно, однако Д.В. Карлтон в своей «Записной книжке об охоте» (1842) дает следующее описание необычного копия для охоты на выдр: «Длинный, гибкий ясеневый шест заканчивается тщательно подогнанным наконечником. Он закреплен на узком конце пики с помощью винта с гайкой, вставленных в специальное отверстие. Из прочного наконечника выходят два крючка, которые не дают возможности животному освободиться от вонзившегося в него копия».

Более раннее по времени употребления копые для охоты на выдр представляло собой небольшие грубо сделанные вилы, появившиеся из-под молота какого-нибудь местного кузнеца. Поэтому такой невзрачный элемент вооружения не заслуживал внимания, и его не включали в описи. Однако в арсенале Генриха VIII находятся 25 «трехгранных крытых бархатом палок частью с позолоченными концами». В Гринвиче также находились «трехзубые позолоченные вилы», которые, возможно, предназначались для охоты на выдр.

Чтобы охотиться на выдр, копые обычно делали с тремя и более зубцами. Местные охотничьи копыя делались из самых разных материалов. Так, на Фиджи у копия имелось четыре деревянных острия, каждое более 3 футов в длину, соединявшиеся ремнями с древком. Таитяне использовали длинные кости, расщепленные с одного конца, чтобы получился трезубец со съемной головкой. На Борнео головную часть копия образовывали четыре железных зубца. Эскимосы придумали любопытное копые. В обычной точке, где крепились зубцы, находился ряд костяных зубцов, выходивших из середины древка.

*Рис. 42. Фрагмент гравюры «Охота на выдру»
из книги Р. Блума «Отдых джентльмена» (1686)*

В Европе применялись три способа установки зубцов. Сначала отметим разновидность, когда колющие зубцы припаивались к стреле, плоской опорной пластине накопечника. Во-вторых, железные зубья выходили из центрального стержня или древка или приваривались к нему. Третья разновидность предполагала, что зубья и основание выделялись из плоской металлической пластины (рис. 43). Во всех разновидностях использовалось свое количество зубцов.

Приведем несколько примеров. Страдан (рис. 44) изображает рыбаков с четырех- и шестизубыми копьями. В 1843 г. В. Скоропе пишет о копье для охоты на лосося с пятью зубцами. Изготовители копий считали, что чем больше зубцов вставить, тем легче попасть в цель и удержать самую маленькую рыбку.

В мемориальной коллекции Джадкина в Бате хранится копье, у которого центральное острие окружено пятью зубцами крючкообразной формы. Возможно, его использовали для охоты на угря (рис. 43). На картине американского художника У. Маунта (1807—1868) «Охота на угря с копьем в Сетакете», находящейся в коллекции Нью-йоркской исторической ассоциации, точно такое копье показано в действии. Громоздкое на вид копье из замка Блэр (Пертшир) имеет головку с одиннадцатью колючками, вырезанными из плоского куска металла.

В Шотландии особой популярностью пользовалось копье для охоты на рыбу или, точнее, на лосося, на диалекте обозначавшееся как *leister* или *walster*, а на гэльском *Muirghheadh*. Это было самое короткое и одновременно самое тяжелое копье, которым кололи, но не метали. Обычно его прикрепляли к длинному линю или веревке. Некоторые рыбаки достигли такого искусства, что Дж. Логан в книге «Гэльский сборник, или Шотландцы у себя дома» (1848) пишет о человеке, который попадал в лосося девять раз из десяти на расстоянии до 40 ярдов.

В Англии охота с гарпуном или острогой была запрещена уже в 1533—1534 гг. (билль Генриха VIII), в Шотландии — в 1601 г., в Ирландии — 1714. Однако, несмотря на запрет, охота с гарпуном и острогой продолжала существовать вплоть до XX в. Яркие картины охоты с гарпуном описывает

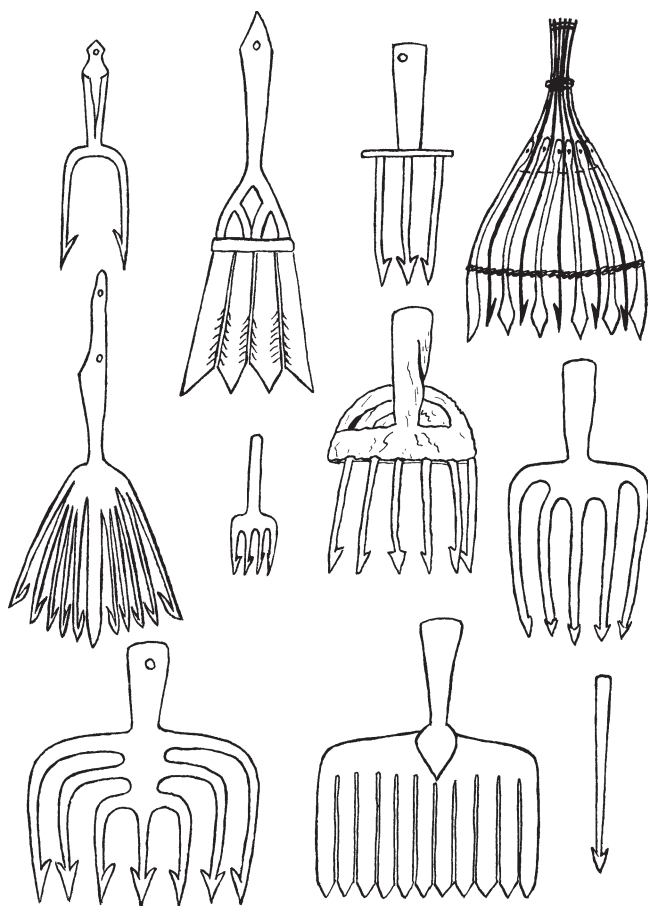

Рис. 43. Гарпуны для охоты на рыбу XVII—XIX вв. *Верхний ряд:* шотландский, два зубца (Национальный музей, Эдинбург); английский, четыре зубца (Бридвельский музей, Норидж); датский, семь зубцов (Копенгагенский музей). *Средний ряд:* американский, семь зубцов (коллекция Джадкина, Бат); шотландский, четыре зубца (Национальный музей); итальянский, четыре зубца (один потерян) (Музей Фиорони, Леньяно); шведский, пять зубцов (раньше находился в коллекции Буассона). *Нижний ряд:* шотландский, семь зубцов, острога Патрика Робертсона (замок Блэр, Шотландия); шотландский, семь зубцов (замок Блэр); шотландский, один зубец (Музей Стирлинга)

сэр В. Скотт в романах «Хью Меннеринг» и «Красная рукавица». В последнем романе он пишет об охоте на берегах эстуария реки Сольвей, когда начинался отлив, и река сильно мелела, появлялись конные охотники, преследовавшие лососей: «Они гнались за рыбой во весь опор, ударяли ее своими копьями с колючками, точно так же, как и охотники, коловшие медведя на старых гобеленах. Конечно, лосось относился к своей участи более спокойно, чем медведь, разъяренный причиняемой ему болью, бросавшийся на охотников. Однако лосось настолько быстро перемещался, что его могли поразить только искусные наездники, обладавшие зорким глазом, твердой рукой и полным контролем как над своим конем, так и над оружием».

ГАРПУНЫ

Встречается одна рыба, точнее, млекопитающее, которое не могло не вызывать пристального внимания со стороны охотников. Это кит, на которого охотились с тех пор, как человек смог построить подходящую для этого лодку. Скорее всего, охота на китов в неолитические времена была похожа на то, что делали эскимосы в то время, когда их впервые увидели европейцы. Как эскимосы, так и индейцы использовали гарпуны с концами в виде колючек, сделанных из кости или обсидиана. Они были настолько острыми, что могли пробить шкуру кита. Обычно их прикрепляли к головке гарпуна, древко могло натягиваться, выполняя функцию маяка или буйка.

Когда в кита попадало множество гарпунов, он слабел от боли и не мог погрузиться в глубину. Охотники терпеливо выжидали, пока он устанет и потеряет подвижность, после чего приближались и добивали его пиками и ножами. Обычно охотники тщательно следили за тем, чтобы не подплывать к киту слишком близко на своих хрупких суденышках, лодках и каноэ.

Жители Алеутских и Курильских островов применяли более безопасную систему. Наконечник копья с колючками пропитывали ядом и бросали его в кита, после чего охотник быстро уводил свое неповоротливое суденышко с

Рис. 44. Фрагмент гравюры «Охотники с острогами» из книги Страдана Venationes (1630)

места охоты. Затем через несколько дней умершего от яда кита подбирали с баркаса.

Создание более прочных лодок и появление железных копий, или гарпунов, привело к развитию в Европе иной техники охоты. Как только гарпун стал прочно удержи-

ваться в туловище животного, возникла настоятельная потребность в том, чтобы суметь удержать его привязанным к лодке с помощью длинного выпущенного каната на расстоянии в 200—300 фатомов (морских саженей). Применение буксировки лодок позволило загонять кита, он уставал, и появлялась возможность подойти к нему и добить с помощью пик.

Забивание китов в промышленных масштабах началось в Бискайском заливе, и началась хорошо организованная торговля, которую с успехом вели французские и испанские баски. В 1160 г. король Наварры Санчо Мудрый оказал свою милость городу Сан-Себастьян, передав ему список подлежащих таможенному обложению товаров, среди которых перечислен и китовый ус.

Ряд городов, расположенных на баскском побережье, включили изображение китов в свои гербы. Когда после интенсивного промысла стада китов в заливе начали истощаться, баски перенесли свою охоту к побережью острова Ньюфаундленд. Именно здесь английские, французские и португальские рыбаки уже добывали треску.

Успешные технологии промысла распространялись от рыбаков почти всех стран Северной и Западной Европы, к XVI в. они всячески соперничали друг с другом, не чуждаясь никаких средств, поскольку их самым большим призом оказывался огромный кит.

В книге Хеклю «Путешествия» (1575) описано китобойное судно с водоизмещением в 200 тонн и командой в 55 человек. Рекомендовалось использовать следующее снаряжение:

- 15 больших метательных копий;
- 18 маленьких метательных копий;
- 50 гарпунных крюков;
- 5 полубаркасов;
- 5 человек, чтобы бить с помощью гарпунных крюков.

Интересно, что к снаряжению отнесены и люди, забивающие китов. В начале XVII в. Московская компания в Лондоне собиралась установить монополию на ловлю китов, но встретила сопротивление других торговцев. При-

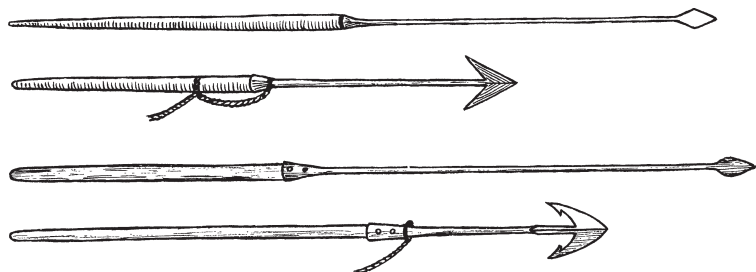

Рис. 45. Копья и гарпуны из книг Ф. Мартена «Сообщение о нескольких путешествиях» (1694) и А. Маркхема «Китобойный промысел в Баффиновом море и заливе Бутия» (1874)

крываясь шотландским патентом, выданным Натаниэлю Эдвардсу в 1626 г. для рыбалки в Гренландии, они выступили единым фронтом.

Московская компания повторно обратилась за разрешением в Тайный совет, основное содержание жалобы состояло в том, что противники «нарушают принципы гарпунеров и охотников на китов». Ведь именно от гарпунера, обычно «бискайца», зависела удача всего мероприятия. Профессия относилась к «закрытым», консервативным занятиям, поэтому в XVIII в. ощущалась потребность в специально обученных людях. Так, 3 марта 1731/1732 г. Совет Лондонской южной морской компании информировал, что семь судов, готовых отплыть в пролив Дэвиса, задержаны в Грейвсенде, «поскольку нуждались в голландских гарпунерах, обработчиках ворвани и матросах других профессий».

После введения гарпунного оружия (об этом подробнее говорится в шестой главе «Ружья») орудия охоты практически не изменились. Как пишет Мартен в 1694 г., метательное копье или пика практически ничем не отличаются от гарпуна Маркхема (рис. 45).

К длинной, с углубленным древком пике приваривалось остроконечное лезвие в виде листа и присоединялось к короткому деревянному шесту общей длиной 10—15 футов. Гарпун имел огромный наконечник, происходивший от римского пилума и франкского или меровингского ан-

гона. Как писал Мартен, у него «два острых лезвия, отточенных на конце, и широкая задняя часть, почти как у резака». Считалось, что лучшие гарпуны надо делать из стали, сочетающей прочность и гибкость. С этим не соглашался Уильям Скорсби, великий английский капитан-китобой. Он так характеризует черенок гарпуна: «Поскольку гарпун подвергается резким усилиям и изгибам и должен быть очень острым, его следует сделать из самого лучшего и гибкого железа... Чтобы испытать прочность гарпуна, его стержень сгибают на железном болте толщиной в дюйм, затем снова разгибают и выпрямляют. Если все это проделать не нагревая гарпун, то результат окажется просто превосходным».

Стержень гарпуна не был длинным, а вот длина и вес пики зависели от фантазии гарпунера. Иногда на гарпуне выбивали название корабля. Существовали и некоторые приметы: например, чтобы охоте сопутствовала удача, следовало прикрепить к веревке ленты и подвязки.

Методика охоты на китов, представленная в описаниях XVII в., практически без изменения сохранилась вплоть до XIX в. Когда кита замечали на горизонте, тотчас с основного корабля спускались пинасы (полубаркасы) или шлюпы (ялики). Команда каждой лодки состояла из гарпунера, рулевого и четырех или шести гребцов. После спуска лодка начинала спокойно маневрировать, чтобы гарпунер получил возможность выстрелить. Остальное лучше воспроизвести со слов писателя XVII в. Самуэля Пуршаса: «Стоявший на носу гарпунер бросает свой железный гарпун в кита обеими руками, как только тот окажется на расстоянии броска. Как только гарпун попадает в кита, тот старается уйти в глубину. Чтобы не потерять его, к древку гарпуна привязывают веревку длиной не менее 200 фатомов. Ее раскладывают на дне лодки, чтобы она могла свободно вытянуться, не мешая киту скрыться в глубине. Когда веревка вытянется, кита начинают тянуть вверх, заставляя подняться, веревку аккуратно сматывают, чтобы она не запуталась. Когда кит поднимается над водой, китобой ударяют его пиками, то из одной шлюпки, то из другой, ибо обычно для охоты на кита используют две лодки. Они колют до тех, пока кит плавает во-

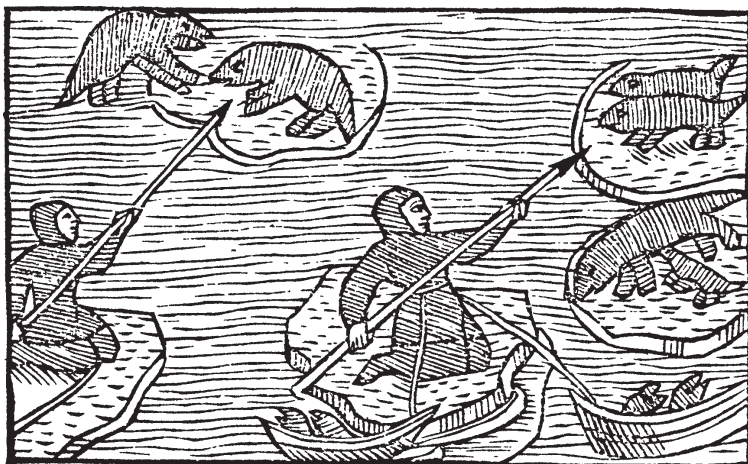

Рис. 46. Морские охотники с копьями. Из книги О. Магнуса «История готов, шведов и вандалов» (1555)

круг них, и пытаются достичь под водой его живота... Получив смертельную рану, кит выплевывает кровь (раньше он выбрасывал воду), постепенно силы оставляют его, и прежде, чем он умирает, он иногда может оттянуть шлюпку на 3 или 4 мили от того места, где его впервые ударили».

Пуршас предупреждает своего читателя, что во время агонии кит иногда разламывает лодку своим хвостом. Поэтому он высказывает мнение, что «охотники на китов обязательно должны быть искусными пловцами».

Похожим образом охотились на моржей, тюленей и иногда полярных медведей. Несмотря на введение гарпунных пушек, разрывных наконечников, моторных лодок, на Азорских островах продолжали использовать традиционную методику охоты на китов с ручными гарпунами и гребными лодками.

И наконец, следует упомянуть о гиппопотаме — еще об одном животном, которое привлекало внимание гарпунеров. До недавнего времени некоторые местные жители Центральной Африки охотились на этого обитателя рек и озер прак-

Рис. 47. Прокалывание гиппопотама после того, как его загарпунили (отметим веревку, запутавшуюся в его зубах). Из книги Дж. Вуда «Человек и его деятельность» (1886)

тически так же, как египетские охотники 3 тысячи лет тому назад. Используемый для охоты на гиппопотама гарпун имел древко порядка 3—4 м в длину. На один его конец надевался наконечник с большим количеством шипов и тщательно закреплялся кожаными жгутами. К другому концу гарпуна прикреплялась прочная веревка.

На гиппопотама нападали точно так же, как и на кита, с лодки. Даже если он сбрасывал тяжелый шест, все равно не мог перекусить все веревки, которые его удерживали. Гиппопотам напрасно пытался выпутаться, его движения были ограничены, и он ничего не мог поделать, наконец, устав, он опускался на дно реки, где его и добивали копьями (рис. 47).

Хамранские арабы использовали другую разновидность гарпуна, где головка прикреплялась к легкому бамбуковому шесту, который можно было бросить одной рукой. К веревке прикреплялся легкий деревянный поплавок, похожий на

поплавок из тюленьей кожи, изготовленный эскимосами. Затем в гиппопотама бросали другие гарпуны, пока он не падал от изнеможения.

Если гиппопотам пытался найти убежище на земле, то он попадал в ловушку. Она представляла собой деревянное бревно 4—5 футов, снабженное острием или головкой от копья и висевшее на веревке над тропой, по которой часто пробегал гиппопотам. Конец веревки спускался и устраивался таким образом, чтобы животное попало в него, освободив тем самым бревно, копье падало и пронзало спину гиппопотама. Такие тяжелые копья часто дополнялись камнями и тогда использовались во время охоты на слонов.

Глава 4

ЛУКИ

ЛУК В АНТИЧНОСТИ

Хотя до сих пор не найдены луки, которые можно было бы наверняка идентифицировать как оружие человека периода палеолита, не приходится сомневаться, что история лука начинается именно в этот период. Доказательством могут служить многочисленные каменные головки для стрел и другие артефакты. Начиная с неолитических времен встречаются многочисленные наскальные изображения, не только такие известные, как охотник на олених со скалы Валторта на Пиренейском полуострове, достоверные изображения луков можно восстановить и на основе артефактов, найденных в поселениях Швейцарии.

Почти все упомянутые изделия представляли собой плоские палки длиной от 1,5 до 2,5 м (в обычном состоянии), изготовленные из тиса. Такая длина обуславливала особую толщину лука, чтобы его можно было аккуратно согнуть, не повредив при этом. Их считают предками известных длинных луков Средневековья. В современной терминологии луки, изготовленные из цельного дерева, обозначаются как самострелы.

На наскальных изображениях эпохи неолита в Салавруге (Белое море) изображены охотники с более короткими, приблизительно 1 м длиной, луками. Огромное количество аналогичных луков, появившихся в период неолита и позже, также не более 1 м в длину, было найдено в азиатской части России, особенно к востоку и северо-востоку от озера Байкал. Чаще всего их делали из дерева, усиленного планками из оленьего рога.

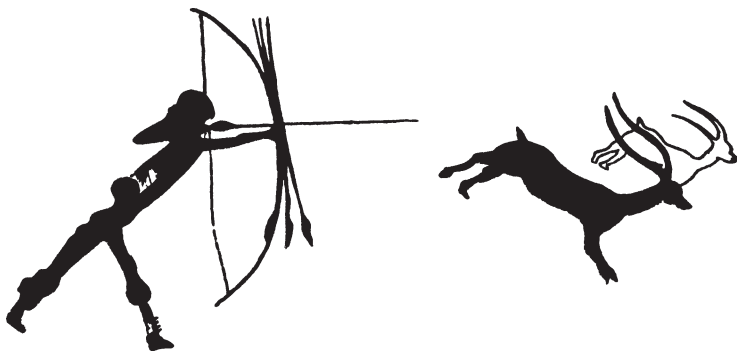

Рис. 48. Доисторические изображения в пещерах Валторта. Горж, Испания

На других луках периода неолита видны признаки того, что когда-то их обвязывали ремешками или полосками из сухожилий, чтобы не допустить растрескивания дерева и придать ему большую эластичность. Это не только древнейшие короткие, но и первые комбинированные луки. Обычно при их изготовлении использовали рог, как упругий материал, которым укрепляли внутреннюю часть ветвей лука. В средней части использовалось более твердое дерево, а концы, или «уши», лука укреплялись сухожилиями, обладавшими прочностью и эластичностью.

Вначале рог и сухожилия просто привязывали к дереву, а после изобретения рыбьего клея все три материала: рог, сухожилия и дерево — стали соединять в прочное слоистое образование, которому придавалась соответствующая форма. Затем в нем вырезались выемки для натяжения тетивы. Покрытие из коры березы или кожи помогало сохранить лук от чрезмерного перегрева или влаги.

Вот что писал некий арабский лучник около 1500 г.: «Как человек состоит из четырех частей (костей, плоти, артерий и крови), так и лук изготавливается из четырех составляющих. Используемое для конструирования лука дерево соответствует скелету, рог — плоти, сухожилие — артериям, а клей — крови. Если у человека есть живот и задняя сторона, и у лука встречаем те же самые части. Если человек может согнуться

вперед и не повредить свой живот и, напротив, может поранить спину, если резко откинуться назад, то нечто подобное может произойти и с луком. Его можно сгибать к средней части, но если попытаться согнуть поперек волокон, то он наверняка переломится».

Конечно, некоторым приведенные сравнения покажутся не совсем удачными, потому что составной лук сгибался в любую сторону. Чтобы усилить его силу или натяжение, части лука специально конструировались таким образом, чтобы он сгибался при установке тетивы, а при ее снятии распрямлялся. Отсюда и происходит естественный изгиб лука при установке тетивы. Именно данная особенность и считается характерным признаком составного лука.

В арктических районах не сохранились документальные свидетельства использования и совершенствования лука. И напротив, в более теплых и лучше заселенных землях Египта и Месопотамии имеются многочисленные археологические свидетельства того, что использовался как прямой деревянный, так и составной лук. Так, на египетской «охотничьей дощечке» выцарапаны изображения охотников, стреляющих из луков, к концам которых прикреплена тетива. По контуру лук получил название «двойковыпуклый».

Анализируя египетские и ассирийские изображения лучников, очень сложно определить, насколько точны изображения луков, созданные художником или скульптором. Нередко они дают достаточно приблизительные или просто условные очертания лука, по которым практически невозможно сделать какие-либо выводы о его устройстве и тем более о приемах изготовления.

Хотя обычный вытянутый самострел представлен фрагментами, встречаются образцы египетских луков из акации, имеющие упругие концы, слегка загнутые внутрь даже при ненатянутой тетиве. В частности, двойковыпуклые луки, запечатленные на «охотничьей дощечке», явно повторяются в скульптурах и рисунках начиная с 2000 и вплоть до 1500 г. до н. э. Скорее всего, это были простые деревянные изделия.

Примерно с 1500 г. до н. э. начинают развиваться другие виды лука. Среди них так называемый треугольный

лук, сконструированный в форме плоского равнобедренного треугольника, стороны которого сходились в области захвата под углом в 120° . Изготовленный по такой схеме простой деревянный лук оказался бы настолько непрочным в точке захвата, что при сильном натяжении он просто сломался бы. Отсюда следует вывод, что луки такого типа обязательно должны были изготавливаться из специально укрепленного дерева.

На рельефах на одной из сторон колесницы, обнаруженной в гробнице фараона Тутмоса IV (1411—1397 до н. э.), изображены обе разновидности лука и части лука, который использовали египетские, сирийские или палестинские воины. Концы фрагментов луков обычно слегка загибались назад. Поэтому нет никаких сомнений в том, что к тому периоду большинство используемых луков имели составную конструкцию.

Для египтян главной проблемой оставался поиск подходящих материалов, из которых можно было изготовить луки. Известно, что они искали эти материалы и старались приобрести их у своих ближайших соседей. Об этом свидетельствует интересный документ, обнаруженный в Угарите:

Пришлите мне кедровое дерево из Ливана,
Пришлите мне сухожилия диких быков,
Пришлите мне рога диких козлов,
Пучок бычьих жил.

Высказывалось предположение, что составные египетские луки были только привозными, но на самом деле встречается изображение мастерской по изготовлению луков, сделанное на основании рисунка, обнаруженного в гробнице Менхепера в Фивах (XV в. до н. э.). Отметим и скульптуру на рельефе из гробницы Пуймоя того же самого времени, позволяющую наглядно представить процесс изготовления составных луков.

Обширную информацию о методике охоты можно получить на основании изображений правителей и их придворных, охотившихся с луками и стрелами из колесниц.

Одно из таких известных изображений встречается на крышке деревянного сундука, обнаруженного в гробнице Тутанхамона. На ней представлен королевский лучник,

Рис. 49. Фрагмент рисунка на деревянном сундуке, обнаруженном в гробнице Тутанхамона. Любопытное положение лука и тетивы объясняется тем, что художник следовал традиции, согласно которой лицо фараона не должно быть заслонено или искажено. Фивы, ок. 1350 г. до н. э.

стоящий в колеснице и обернувший вокруг талии поводья таким образом, чтобы освободить руки и иметь возможность воспользоваться мощным составным луком. Колесница оснащена коробом для стрел и колчанами.

В самой гробнице обнаружили множество стрел с именем фараона. Хотя анализ луков затруднен, потому что рог или сухожилия превратились в желеобразную субстанцию, все же сохранившиеся остатки позволяют сделать вывод, что речь идет именно о составных заостренных луках, когда-то покрытых чем-то похожим на кору березы.

Если рисунки и рельефы гробницы действительно точны, то оказывается, что Тутанхамон использовал те же самые стрелы с заостренными, как у пик, головками во время охоты на птиц, львов и страусов. Нижняя половина его левой руки прикрыта кожаной гардой, или «нарукавником», что позволяло защититься от ударов тетивы.

Другой составной лук обнаружили в гробнице Аменхотепа II (1436—1411 до н. э.), великого воина-фараона, который хвастался, что смог натянуть лук, который никто из его солдат не мог использовать по назначению. У лука была центральная часть из твердой древесины, вид которой не удалось определить, с двух сторон были приклеены полоски из рога, а сверху он был также покрыт корой березы.

В обеих гробницах встречаются изображения разных видов охоты от кроликов до львов, которых преследуют с колесниц. Подвиги некоторых королевских охотников тщательно фиксировались. Так, на надписи, сделанной в Калху Ашшур-насирапалом II (884—859 до н. э.), царь хвастается: «Своим луком и стрелами убил 30 слонов. Я убил 257 диких быков, я убил 370 гигантских львов с помощью своего копья». Тиглат-пилесер I (1170—1090 до н. э.) заявлял, что убил 4 диких быков, 10 слонов и 920 львов, и всех из лука. Он также заявлял, что убил зверя, «дующего носом», возможно кита или дельфина, когда выстрелил в него со своего корабля «Арвад» близ сирийского побережья.

В Центральной Азии между 1000 и 500 гг. до н. э. разработали другую форму составного лука, которой было суждено войти в историю под названием «скифский лук», поскольку именно скифы использовали его чаще других народов. Роджер Ашем так писал о них в 1544 г.: «Народ Скифии известен тем, что из всех других народов отдавал предпочтение и использовал луки. Скифы считали богатым того, кто имел хозяйство, состоявшее из вола, плуга, коровы и собаки, сюда же относили лук и меч. Именно от скорости стрельбы из лука зависело не только выживание человека, но и возможность уцелеть в постоянных военных баталиях».

По форме лук не отличался большими размерами, имел хорошо загнутые концы, утопавшие в рукоятке и отогнутые назад по краям или «ушам». После падения Ассирийской империи заостренный лук впал в немилость, и тогда скифский лук повсеместно распространился на запад, пройдя через Персию в Грецию и затем в Италию. Он считался классическим луком, о нем пишет Гомер в Илиаде и Одиссее. Широкое распространение получил благодаря греческим воинам и колонистам. К счастью, сохранились описания его свойств.

Рис. 50. Скифский лучник. Рисунок Эпиктета на тарелке (пинакс). Обнаружен в Вулчи. Датируется ок. 520 г. до н. э. Британский музей

В качестве примера приведем надпись III в., сделанную в Ольвии, в ней говорится: «Я утверждаю, что известный Анаксагор, сын Демагора, выстрелил на 282 орга». Принимая орг как синоним фатома (сажени), получаем приблизительно 564 ярда, или 516 м. Такой лук во время стрельбы можно увидеть на рисунке, сделанном на основании росписи греческой керамики (рис. 50).

Если луки становились более мощными, из них оказывалось все труднее стрелять и их было также трудно натянуть. В это время в западной части Центральной Азии развилась другая разновидность сложного лука. У данной модели концы — «уши» — лука выпрямлялись и связывались костяными планками. Фактически длинные «уши» действовали как рычаги, равнодействующая более длинная тяга облегчала натягивание тетивы и помогала преодолеть сопротивление рога. Такая форма лука начала доминировать в качестве основного оружия в Центральной Азии,

Рис. 51. Маньчжурский лучник с составным луком. По настенной росписи из гробницы танцующих фигур. Тун-Гоу, V—VI вв. н. э.

распространившись на восток в Китай, на запад в Турцию и на юг в Индию.

На настенной росписи V—VI вв. в «гробнице танцующих фигур» в Дунчжоу в Маньчжурии имеются охотничьи сценки, на которых конные всадники со своими луками преследуют тигра и оленя (рис. 51). Сасанидские серебряные чаши также покрыты выгравированными охотничьими сценками, на них можно различить данную разновидность лука с длинными угловатыми «ушами».

Приведем и другой пример — в Метрополитен-музее в Нью-Йорке можно увидеть изображение правителя Пероза (457/459—484 н. э.), охотящегося на горных баранов. Фигуры охотника, его лошади и барана, выбитые на горельефе, копыта лошади и рога животного оттенены чернением.

Народы Восточной Европы, постоянно подвергавшиеся вторжениям азиатских кочевников, восприняли у них конструкцию составного лука, бытовавшую в Центральной Азии, на основе которой создали похожие разновидности данного оружия. Первыми в Европе появились гунны, завоевывавшие одно царство за другим. Основную силу их армии составляли быстрые всадники-лучники. Один из вождей, Тан-Гу, заметил: «Так все народы, которые умели натягивать лук, объединились в одну семью».

За гуннами пришли авары, чьи луки были отогнуты вперед, чтобы обеспечить большую дальность полета стрелы, а также усилены с помощью костяных планок. Похожим образом укрепляли и захват. Значительно позже появились мадьяры, использовавшие более длинные и прямые луки. Последнюю разновидность составного лука принесли турки, возглавившие последнюю атаку на христианский мир.

АЗИАТСКИЙ СОСТАВНОЙ ЛУК

Турецкий лук произошел от азиатской разновидности, распространенной в Центральной Азии, в результате ее приспособления для конного воина. Его размеры постепенно уменьшались, так что ко времени турецкого вторжения в Малую Азию и Восточную Европу он составлял примерно 40—45 дюймов. Чтобы не потерять в дальности, укоротили «уши», теперь захват больше в них не заходил. В результате всех модификаций получился мощный и необычайно упругий короткий лук.

Турецкие мастера по изготовлению луков достигли наивысшего совершенства в 1451—1566 гг., в правление султанов от Мехмета II до Сулеймана Великолепного. В то время как восточные луки быстро совершенствовались, западное огнестрельное оружие практически не улучшалось. Поэтому вплоть до конца XVII в. турецкие стрелы практически не уступали по эффективности мушкетным пулям.

Искусство и мастерство стрельбы из лука возродилось при Махмуде II (1808—1839), поощряемый им Мустафа Кани опубликовал в Константинополе в 1847 г. «Отрывки из сочинений мастеров стрельбы из лука». Именно из этого подробного описания мы получили некоторые сведения о сложностях производства, а также об использовании луков на Среднем и Ближнем Востоке. Именно такую форму лука использовали арабы, мчавшиеся вдоль северных берегов Африки в Испанию, или персы, совершавшие свои набеги в Индию.

Турки, арабы и персы внесли свой собственный вклад в теорию и методику конструирования, в целом разработав ее основные принципы. Поэтому довольно сложно отличить

арабский лук от турецкого или турецкий от персидского. Обычно у арабских и турецких луков были меньшие по форме «уши», захват не утоплен, как и на изделиях индо-персидского типа. В ненатянутом состоянии «уши» у последнего более загнуты, иногда они даже встречались или пересекались. Очевидно, что внутри каждой национальной группы форма луков отличалась, соответствуя и конкретному климатическому району, и той цели, ради которой они изготавливались.

Одной из первых работ, посвященных мастерству стрельбы из лука, является рукопись, составленная Марди ибн Али аль-Тарсуси в сотрудничестве с главным александрийским оружейником для библиотеки Саладина в 1180 г. Марди разделил все луки на цельнодеревянные, или несоставные, и составные (арабские и персидские), а также описал различие между ручными луками и ножными, или арбалетами.

Отметим и другие источники: мамелюкскую рукопись, написанную Тайбугой аль-Беклемиси аль-Юнани около 1368 г., хранящуюся в Британском музее, трактат неизвестного марокканского лучника начала XVI в., в которых содержится почти вся классификация.

Подробно описывая бедуинские луки, марокканский автор указывает, что они были цельными или состояли из двух продольно склеенных кусков дерева наб, ширьян или шаухат. В группу цельных он включил луки, которые усиливались роговыми накладками и полосками из сухожилий, вероятно привязанных к деревянной основе. Настоящий же сложный лук, и этой точки зрения придерживаются также многие современные исследователи, состоял из нескольких частей, где рог и сухожилия приклеивались к дереву. Затем он добавляет интересный комментарий, поясняя те случаи, когда менялось соотношение данных материалов: «В зависимости от различных климатических условий отдавалось предпочтение той или иной конструкции лука. Так, для районов, отличавшихся необычайно теплыми или холодными условиями проживания, равно как и мест слишком сырых и влажных, подходили луки из широких деревянных полос. Для районов с умеренным климатом, холодных и влажных наиболее пригодными были луки из узких деревянных частей и сухожилий, которые можно

было использовать в зимний период. В районах с холодным и влажным климатом, например в Сирии и Андалусии, самыми подходящими считались луки, в которых преобладали роговые части, а дерево почти не использовалось, тетива была не очень длинной, а клей применялся в ограниченных количествах».

Анализ данного источника позволяет сделать вывод, что у персидских и турецких луков плечи были короче, чем у арабских. Сложный и последовательный процесс изготовления сложного лука подробно описан Мустафой Кани. Основная часть лука изготавливалась из дерева, выросшего в тени, чаще всего клена, который в изобилии рос в районе Кастамуни. Роговые полоски вырезались из темного рога карибу или водяного буйвола. Тетиву изготавливали из ахиллесовых сухожилий скота, их высушивали, скоблили и расчесывали на волокна. Затем они пропитывались костным клеем и наклеивались с задней стороны лука. Некоторые мастера, изготавливавшие луки, предпочитали рыбий клей, который готовили из голов дунайского осетра.

Деревянная основа сооружалась из трех частей, соединенных в виде рыбьего хвоста. Как только роговые пластинки приклеивались к внутренней части лука, его постепенно изгибали, пока он не принимал неестественно изогнутую форму, называвшуюся таджир. Во время всего процесса конструкции тщательно нагревали. Чтобы лук приобрел нужную форму, его изгибали с помощью зазубренного рычага и помещали в самшитовый шаблон.

Операции считались настолько деликатными, что Тайбуга даже предусматривал, в какое время года следовало осуществлять каждую из них. Так, осенью следовало вырезать деревянное основание и приготовить полоски из рога и сухожилия. Зима предназначалась для сборки деревянных частей и накладывания роговых полосок. В начале весны накладывали сухожилия и приступали к формированию кривизны лука, процесс изгиба продолжался все лето. От мастерства создателя зависели сила и надежность лука. Особо оговаривается содержание влаги в готовом луке. В зависимости от ее количества марокканский специалист делит луки на два основных класса: тимарли, который перед использованием надо было сушить, обычно покрывавшийся

кожей, и тимарсиз, который можно было использовать сразу же.

Древние специалисты делят луки на группы в соответствии с их предназначением. Так, военный лук был мощным и не обладал большой кривизной, поэтому на нем было легко перетянуть тетиву. Лук, предназначенный для прицельной стрельбы, был длиннее прочих, и выпущенная из него стрела на коротком расстоянии летела почти горизонтально. Самым коротким был кавалерийский лук, предназначенный для стрельбы на расстояниях, где точность не имела особого значения. Применялись и различные тренировочные луки, требовавшие от лучника мускульного напряжения и быстрой реакции. Отметим, что описания специальных охотничьих луков отсутствуют.

Как персы, так и турки изобрели приспособления, с помощью которых из длинного лука можно было пускать стрелы, сильно натянув тетиву, более короткие стрелы не требовали таких усилий. Это была майджра, или миджрат, — палка с желобком, ширина которого примерно вдвое превышала толщину стрелы и оказывалась на 3 дюйма длиннее ее. Ее соединяли с тетивой лука или с помощью короткой веревки привязывали к пальцу правой руки, чтобы удерживать при выстреле, не помешав свободному полету стрелы.

Короткая стрела удерживалась в щели благодаря силе трения и выстреливалась с увеличенной силой. Тайбуга описал несколько форм миджрата, но основной принцип действия в них был один и тот же — ложная стрела с желобком использовалась для ускорения меньшего по размерам «снаряда».

Возможно, именно лук с таким устройством описан в персидском трактате «Хидаят аль-рами» («Наставление для лучника»), который Мухаммед Будхай составил для правителя Бенгалии около 1500 г. Как и в других восточных документах, перевести технические термины и затем пояснить их значение достаточно сложно. Однако по описанию, которое дает Будхай, нет никакого сомнения, что перед нами именно лук с миджратом. Он описывает его как лук, предназначавшийся для пожилого человека, который больше не мог использовать обычный лук и стрелы, и даже приводит его прозвище — «друг старого человека».

Примерно то же самое мы читаем в марокканской рукописи: «Для стариков и молодых, в чьих руках нет достаточной силы, чтобы использовать тяжелые луки и длинные стрелы, персы создали разновидность лука со стрелами, называемую хусбан или давдар (происходившие от майджры)».

Аналогичное турецкое приспособление для упрощения стрельбы было устроено иначе. Оно представляло собой желоб примерно 6 дюймов в длину, изготовленный из рога, дерева или слоновой кости, иногда его оторочивали кожей, закрепляя с правой стороны лука. Желоб не мешал стрелку натягивать тетиву, направляя полет стрелы.

Гораздо более широкое распространение получило кольцо для натягивания тетивы, которое стрелок надевал на большой палец. Для натягивания тетивы длинных луков и некоторых национальных разновидностей требовалось приложить значительное усилие, оттянув ее двумя или тремя пальцами или зажав между безымянным и большим пальцами. Еще большая сила и специальная техника захвата тетивы требовались для стрельбы из короткого и мощного сложного лука. Обычно тетиву оттягивали большим пальцем, который поддерживали еще одним или двумя. Морс называл такой захват монгольской отмычкой. В марокканской рукописи описаны монгольские, персидские, турецкие и греческие захваты.

Кольцо для большого пальца сильно облегчало эту работу. Его делали из золота, серебра, бронзы, железа, яшмы, халцедона, слоновой кости, рога или кожи. С помощью последнего материала удавалось обеспечить большую точность, поэтому в ряде случаев изготовленные из других материалов кольца для большого пальца покрывались кожей и имели выступающий отворот (kulak). В марокканской рукописи дается следующий совет: «Знайте, что лучник, использовавший железный, медный, серебряный или золотой наконечник, при прочих равных не превзойдет в стрельбе того, у кого имеется только кожаный щиток для большого пальца».

Описывая персидских лучников, сэр Джон Шарден писал в сочинении XVII в.: «На своем большом пальце они носят кольца шириной в дюйм и полдюйма толщиной, которым натягивают тетиву лука. Обычно кольцо изготав-

ливают из рога, слоновой кости или нефрита, то есть разновидности зеленого алебастра. Кольцо правителя сделано из легкой и прочной кости и окрашено в красный и желтый цвета, рассказывают, что оно напоминает яркие перья на голове большой птицы, живущей на острове Цейлон».

Об отличительных особенностях колец известно немного, их датировка затруднена. Можно только сказать, что ближневосточные и индо-персидские кольца имели с одной стороны расширение, чтобы прикрыть кончик пальца (рис. 57). Кольца, изготовленные из жадеита и украшенные драгоценными камнями, имели только декоративное значение. Так, на портрете Селима Пьяницы, хранящемся в Портретной галерее дворца Топкапа, он изображен как раз с таким кольцом на правой руке. Хороший лучник всегда носил свое кольцо в специальной коробочке, прикрепленной к поясу. Отметим еще гоша-гир — любопытное приспособление, которое использовалось для распрямления покоробленных концов лука.

Кроме различных способов натяжения тетивы, существовала не менее сложная техника фиксации и отпускания стрелы при выстреле. Не случайно Марди перечисляет не менее пятнадцати основных и шести дополнительных приемов. Отметим специальные приемы, предназначенные отдельно для конных лучников, стоявших неподвижно или стрелявших на скаку, из укрытия или из-под щита, державших одновременно щит и саблю, стрелявших двумя стрелами и т. д. Один из марокканских авторов дает следующие советы по поводу того, как надо отстреливать львов: «Не следует пытаться стрелять во львов иначе как верхом на хорошо выезженном коне, обученном движению как вперед, так и назад. Его хвост следует тщательно расчесать или, что было бы гораздо лучше, сбрить, чтобы лев не мог вонзить в него лапы. Если лев нападет на вас, бросьте ему плащ или часть одежды. Пока он займется «добычей», вы сможете отъехать от него на безопасное расстояние, впрочем, это уже будет зависеть от скорости вашего коня.

Затем обернитесь и выпустите стрелу. Если лев снова набросится на вас, убегайте от него зигзагами. Тогда ему будет сложнее догнать вас. Если же лев начнет отставать, подпустите его примерно на расстояние в семьдесят локтей и стре-

Рис. 52. Персидский лучник, стреляющий в кабана назад. По иллюстрации XVII в., приведенной в книге Оленина «Очерки костюма и оружия гладиаторов» (1882)

ляйте снова. Если лев попытается в третий раз наброситься на вас, продолжайте убегать от него зигзагами до тех пор, пока он не устанет и не выбьется из сил. Тогда, наконец, вы сможете приблизиться к нему на максимально безопасное расстояние, зависящее от того, насколько он вымотался, и выстрелить. Но и в этом случае вам следует держаться настороже, пока вы не поразите льва стрелами.

Некоторые утверждают, что лев не бросится на охотника до тех пор, пока его хвост остается поднятым. Но как только он опускает хвост, так нападает.

Некоторые полагают, что в том случае, если животное разъярится и соберется напасть, на льва следует набросить сплетенную из волос и пропитанную смолой сеть или аркан. Пытаясь освободить лапы, он еще больше запутается. Тогда и нужно выстрелить, и да пошлет Господь вам удачу».

Персидские и арабские лучники предпочитали стрелять в заднюю часть животного (рис. 52), достигая нужного резуль-

тата после продолжительных тренировок. Одна из методик, связанная с охотой на льва, предполагала, что следовало гарцевать на лошади по мягкой почве, быстро выпуская стрелы в оставленные животным следы. Так обозначали действия льва, рыскающего в поисках охотника.

Приведем рекомендацию марокканца по отстрелу птиц в область крыла: «Есть быстро летящие и медленно летящие птицы. Попасть в быстро летящих птиц, таких как голуби и ласточки, можно только случайно. Поэтому нечего и разрабатывать особую методику. Иначе обстоит дело с медленно перемещающимися птицами с вытянутыми крыльями, такими как аисты, орлы, грифы и тому подобные. Здесь существуют известные приемы стрельбы, освоить которые можно благодаря специальной тренировке.

Они заключаются в следующем. Возьмите два самых длинных шеста, какие удастся найти, вбейте их в землю примерно на расстоянии в двадцать локтей. Протяните между ними веревку и прикрепите к ней плоский предмет величиной в птицу. Это и будет ваша мишень. Сядьте на лошадь и пустите ее между шестами, держа наготове лук. Лучше всего выпустить стрелу, находясь прямо под мишенью, чтобы движения лошади не мешали вам. Научившись прицеливаться и попадать в мишень на тихом ходу лошади, постепенно ускоряйте ее бег, чтобы научиться попадать в цель с бегущей лошади.

Когда вы научитесь попадать в неподвижную мишень первым выстрелом с бегущей лошади, можете переходить к охоте на летящую птицу, поскольку освоенная вами методика позволяет стрелять, когда всадник перемещается, а мишень неподвижна. Соответственно на охоте, при стрельбе в летящую птицу, все происходит наоборот: лучник неподвижен, а мишень движется.

Если у вас нет лошади, проделывайте все упражнения бегом, если вам не нравится бегать, то для достижения намеченного переходите сразу к стрельбе в летящую птицу, пока вам не удастся добиться нужного результата. Теперь несколько советов, как этого лучше достичь. Если речь идет об аисте, орле или грифе, то есть птицах, вытягивающих крылья при полете, то цельтесь в верхнюю часть клюва, быстро натягивайте лук и не мешкая стреляйте.

Если речь идет о птицах, крылья которых обычно не вытянуты, или о птицах, которые не отличаются быстротой перемещения (скажем, о журавле, цапле или вороне), то направляйте лук в то место, которое находится в одном локте от его клюва. Затем быстро и не мешкая спускайте тетиву. И даже тогда не дадим никаких гарантий в том, что вам это удастся, поскольку выпущенная стрела может попасть в крыло».

Птиц и мелкую дичь удавалось сбить с помощью майджры. Иногда пользовались небольшим цилиндрическим удлинителем, прикрепленным к головке стрелы.

Во время охоты на летящие стаи небольших птиц использовалась другая методика, основанная на применении «виляющей» стрелы. Обычно такие стрелы не имели оперения, а на головке у них делалась небольшая зарубка. Вскоре после выстрела такая стрела начинала вращаться, продолжая лететь в сторону цели.

Синдские лучники из Индии применяли этот метод по-своему. Держа лук горизонтально, они устанавливали стрелу под таким углом, чтобы она начала вращаться сразу же после выстрела. Арабы считали такой способ стрельбы неудобным, о чем можно прочитать в уже упоминавшейся нами марокканской рукописи: «Не следует употреблять в пищу птиц, убитых таким образом, поскольку их фактически забивают до смерти. Однако тех, что были поражены головкой стрелы и убиты с благословения Господа, можно есть».

Появляясь перед публикой, турецкие, персидские и русские верховые охотники всегда привлекали всеобщее внимание. С левой стороны у них свисал саадак — футляр для лука и сабля, с другой — колчан. В саадак обычно входила половина лука, как и колчан, он отделялся кожей или расшитой золотом парчой. Иногда саадачный прибор украшался бронзовой, серебряной или золотой отделкой.

В качестве превосходного образца можно отметить посеребренный и позолоченный футляр Георгия Уджлаки, датированный 1627 г., хранящийся в Баденском краеведческом музее в Карлсруэ. Богато орнаментированные колчаны можно увидеть и на персидских рисунках XIV—XVI вв., среди них и изображение хвоста снежного леопарда, который иногда сплетается с выступающими голов-

ками стрел. У колчанов часто имелся наружный карман, явно предназначенный для особых стрел или удлинительных приспособлений.

Достигшие необычайной точности в стрельбе из луков турки не переставали удивлять европейских путешественников. Так, фламандский дипломат де Басбек, с 1554 по 1562 г. служивший послом в Константинополе, так описывает их в своих воспоминаниях: «Турки считаются искусными мастерами в стрельбе из лука. Они начинают обучение в возрасте семи-восьми лет и продолжают его до восемнадцати или двадцати лет, постепенно увеличивая силу своего оружия, и достигают такого совершенства, что могут поразить даже мельчайшую цель своими стрелами. Их луки не намного мощнее, чем наши, но, несмотря на небольшой размер, они чрезвычайно упруги, это объясняется тем, что они изготовлены из дерева, склеенного с бычьим рогом, и обмотаны проклеенными сухожилиями и льняной веревкой.

Такие луки не отличаются большой мощностью и используются для охоты. Тренированные турки легко натягивают их, доставая концом стрелы до своего уха. Заметим, что так может натянуть лук только человек, обладающий соответствующей силой... Точно направив свою стрелу, турки способны попасть человеку в глаз или в любую другую часть тела. Там, где они упражняются в стрельбе, вы можете увидеть, как они искусно это делают, пять из шести стрел попадают точно в яблочко (по размерам оно не больше доллара), причем даже не пробивая и не повреждая его, а точно вонзаясь в цель».

Одним из величайших достижений турок была стрельба по летящей или удаленной мишени. Соревнования по стрельбе проходили на площади, находившейся в окрестностях Константинополя, под названием «Площадь стрел». Имена победителей увековечивались на каменных столбах. Дистанция для стрельбы обычно определялась мерой, приблизительно равной длине турецкой стрелы и в среднем составлявшей 25 дюймов (около 60 см). Именно здесь в 1798 г., используя специальные стрелы, султан Селим III (как говорится в записях) смог выпустить стрелу на 972 ярда. Свидетелем стал английский посол сэра Роберт Эйнсли.

Традиционно лучники стреляли на 600—800 ярдов. Конечно, известная доля вымысла в подобных охотничьих рассказах существует. Очевидно одно: есть и некоторые достоверные источники. В 1794 г. секретарь турецкого посольства в Лондоне заявил, что сделал всего лишь хороший выстрел, хотя он был произведен на расстояние в 482 ярда. Очевидцами его выстрела оказались свидетели, которым можно было доверять. Руководивший серией опытов с турецкими луками сэр Ральф Пейн-Галуэй добился результата в 421 ярд.

Следя за такими «выступлениями» и имитируя действия профессионалов, многие добивались сходных результатов. Неудивительно, что во многих восточноевропейских странах, таких как Австрия, Германия, Венгрия и Польша, которые контактировали с турецкими войсками, население переняло турецкий стиль стрельбы из лука и использования стрел.

На гравюре Леонарда Бека изображен император Максимилиан I верхом на лошади, стреляющий из составного турецкого лука (рис. 53). Альбрехт Дюрер изобразил различные составные луки на своих гравюрах на дереве «Мученичество святого Себастьяна», «Четыре всадника апокалипсиса» и «Святой Михаил, сражающийся с драконом» (ок. 1500).

На рисунке «Геракл и стимфалийские птицы», хранящемся в Немецком национальном музее в Нюрнберге, выполненном в то же время, изображен лучник, натягивающий мощный составной лук, представлен также и турецкий футляр для лука. Известен не только изобразительный, но и письменный источник. Олаф Магнус, автор «Истории готов, шведов и вандалов» (1555), описывает лучников (некоторые из них на лыжах), охотящихся на различных животных, скорее всего с составными луками.

В Италию и Испанию составные луки вполне могли занести арабы, совершавшие свои захватнические набеги вдоль северных берегов Африки¹. На итальянской картине «Чудо быка» из церкви Сан-Анджело в Вико Д'Абате близ Флорен-

¹ Описи арсенала Гонзага, находившегося в Мантуе, 1542 и 1543 гг. включают несколько турецких луков и колчанов.

Рис. 53. Император Максимилиан, стреляющий из составного лука.
Фрагмент гравюры из книги Weisskunig (1526)

Рис. 54. Охотник и охотница на лыжах. Из книги О. Магнуса «История готов, шведов и вандалов» (1555)

ции изображен охотник с составным луком. Считалось, что лучшими в Европе стрелками из составных луков были венецианцы.

Полное и достаточно детальное представление об их устройстве и снаряжении для стрельбы дает картина Витторе Карпаччо, написанная в 1493 г. и хранящаяся в Академии. В Музее Клюни в Париже находится охотничий лук, крылья которого выполнены из рога, вставленного в металлический захват и украшенного серебряными накладками. Скорее всего, он изготовлен западноевропейским мастером XVII в. и является одной из последних попыток превзойти лучшие образцы азиатских луков.

КИТАЙСКИЙ ЛУК

Азиатский лук достиг максимального и воистину гигантского размера, когда начал распространяться на Дальний Восток и появился в Монголии, Маньчжурии и Китае. С глубокой древности и до наших дней лук считался в этом районе одним из основных орудий охоты. В китайских книгах, составленных на основе рукописей XI в., содержится огромный объем информации об истории создания и конструкции

луков. Правда, многие из книг противоречат друг другу или сообщают заведомо неверные сведения.

Все источники сходятся в том, что, например, деревянный лук изобрел император Хуан Ди примерно в 2698 г. до н. э. или тот император, который сменил Хуан Ди на троне. С помощью археологических находок удалось подтвердить, что лук использовался уже по крайней мере во времена бронзового века династии Шан (1550—1025 до н. э.), скорее всего, он был составным.

В описях китайских гарнизонов от 264—330 гг. н. э. «роговой лук» упоминается как семейное оружие. На настенных росписях гробниц периода Хань V—VIII вв. н. э. содержатся многочисленные изображения конных всадников, охотящихся на птиц и животных. Типичный китайский лук Средних веков и современного времени с длинными жесткими «ушами» и выступающими упорами для тетивы по-прежнему в источниках VIII—X вв. н. э.

Китайский составной лук считался одним из самых больших в своей группе. Обычно он состоял из бамбукового основания, внутренняя часть усиливалась кусочками рога, задняя покрывалась сухожилиями, отделывалась лаковым покрытием и серебряной нитью. Длинные «уши» лука обычно изготавливались из тутового дерева. Существовала и своя методика подготовки деревянных частей. Бамбук обычно срубали зимой, поскольку весной и летом он подвергался риску гниения или повреждения насекомыми, рог смягчался и готовился к использованию весной, тетива приводилась в нужное состояние летом, все составляющие обрабатывались и собирались вместе летом.

Вот как об этом пишет Сун Иньсин в книге «Дянь Гун Гай-у» 1637 г.: «Изготовление лука начинается с заготовки ровной бамбуковой планки... Приготовленная бамбуковая планка должна быть узкой в середине, с относительно широкими концами — примерно в два локтя длиной. На одну сторону приклеивали роговую пластинку, другую просто покрывали слоем клея, затем все изделие усиливали, оборачивая вокруг него жилы. Роговая пластина состояла из двух соединенных вместе зазубренных кусков бычьего рога.

Заметим, что северные варвары не имели таких длинных рогов животного, поэтому им приходилось использовать

Рис. 55. Китайский лучник, использующий типичный большой лук с длинными ушами. По гравюре японского художника Тачибано Морикуни. 1727 г.

четыре, а не два куска рога барана, соединенных вместе и образующих роговую пластинку. Изготовители луков из провинции Гуандунь используют рога водяного буйвола.

Роговая пластинка лука укреплялась с помощью плотно обмотанных и проклеенных бычьих жил, а затем обклеивалась корой березы, ценимой за свою гибкость и мягкость, создающей особое ощущение теплоты при прикосновении к луку. Березовое дерево (*betula japonica*), известное в Китае как хуа, произрастает в больших количествах в северных и западных провинциях. Кора обычно использовалась не только для покрытия захватов лука, древкового оружия и рукояток ножей. Из тонких и прочных стволов делались внутренние части ножен сабель и ножей.

Для изготовления лука брали прямоугольные жилы из бычьего хребта, весом примерно 30 унций. После забивания быка жилы сначала высушивали на солнце, затем размягчали в воде и наконец разделяли на ровные волокна. Северные варвары обычно сплетали тетиву лука из сухожилий, поскольку испытывали явный недостаток в шелковых нитях. Известно, что в Китае шелковые нити использова-

лись для защиты и усиления основания луков и плели тетивы.

Обычно клей изготавливали из рыбьих пузырей и кишок. Лучшие мастера по варке встречались в округе Нинго (современная провинция Аньгуй). В Шэньяне, где из Восточного моря вылавливали рыбу *Seiaena schlegeli*, из ее пузырей готовили клей, не уступавший по прочности металлу.

Северные варвары также производили клей, вываривая пузыри морских рыб. Такой клей не уступал китайскому, хотя и имел свои отличительные особенности. Перед началом работы надо собрать все необходимые компоненты, ибо нехватка хотя бы одного из них помешает изготовить хороший лук.

Только что изготовленный лук представлял собой практически заготовку, поэтому он помещался на стропила или на полку в комнате, где постоянно поддерживался разводимый на полу огонь, и постепенно высушивался. Период сушки продолжался от десяти дней до двух месяцев. Окончательно просушенный лук выносился из комнаты, полировался, затем усиливался с помощью воловьих сухожилий, клея и китайского лака для дерева. Так постепенно получали изделия наилучшего качества.

Для изготовления тетивы лучше брать шелковые нити, получавшиеся от гусениц, питавшихся листьями терновника, поскольку они считаются более прочными и жесткими по сравнению с теми, что получались от гусениц, питавшихся листьями тутового дерева. Чтобы изготовить тетиву, основу, состоявшую не менее чем из тридцати шелковых нитей, плотно обматывали несколькими слоями шелковой нити. Тетиву бережно складывали, если она не натягивалась на лук.

Когда-то северные варвары для изготовления разной тетивы для луков использовали воловьи сухожилия, которые легко повреждались от влаги и тумана. Именно поэтому они предпочитали не сражаться с Китаем во время сезона дождей. Сегодня и северные варвары широко используют шелковые тетивы для луков. Иногда тетиву покрывали желтым воском, хотя особой необходимости в том не было.

Находившаяся с каждого конца выемка для закрепления тетивы покрывалась куском толстой воловьей кожи или мяг-

Рис. 56. Определение силы натяжения китайского лука.
Гравюра из книги Сун Иньсина «Дянь Гун Гай-у» (1637)

ким деревом. Такое покрытие называлось подушкой, и оно служило тем же целям, что и колышки на лютне. Когда тетиву отпускали при выстреле и она резко возвращалась на исходную позицию, места ее крепления подвергались огромной нагрузке. Если бы на луке не было мягкой подушки, он мог бы просто сломаться, не выдержав удара».

В некоторых книгах содержатся и более подробные инструкции по изготовлению луков. Так, Чжоу Ли устанавливает пять типов лука, упоминая о семи разновидностях дерева, применявшихся для их изготовления. Он также рекомендует, как следует выбирать рог, по цвету определяя его свойства, описывает лучшие сухожилия. Кроме того, он приводит описания луков, предназначавшихся для различных целей. Так, луки цзя гун и соу гун предназначались для стрельбы по мишеням, птицам и зверям.

Охотничьи луки следовало украшать зелеными лентами. Излюбленным цветом для лаковых покрытий считался красный, хотя иногда его считали отличительным признаком императорских луков. Несмотря на разнообразие типов и качество изготовления луков, они имели и индивидуальные

особенности. В частности, сила натяжения тетивы ориентировалась на физические возможности конкретного лучника (рис. 56). В каталогах луки распределялись по силе натяжения в «катти». Луки в 60, 100, 120 единиц соответственно считались мощными, а в 160 предназначались для охоты на тигров. Боевые луки также распределялись по силе натяжения в 70, 80, 90 и 100 фунтов; самый мощный китайский лук имел силу натяжения в 200 фунтов.

По старым книгам трудно точно определить, как на самом деле выглядели китайские луки. Поэтому выскажем следующее предположение: отличительными особенностями китайских луков были огромные остроугольные деревянные концы или «уши» с выступающими костяными наконечниками. Некоторые «уши» покрывались шагреновой кожей. Большинство китайских луков имели длину от 12 см до 2 м.

С. Поуп так описывает китайский лук, полученный из провинции Шаньси: «Внутренняя часть изготовлена из китового уса или рога водяного буйвола, по краям имелись накладки из какого-то желтого металла. Рукоятка отделана шагренью, кожей акулы. «Уши» или концы сделаны из дерева, скорее всего березы. На концах вставки из рога буйвола. Тетива шелковая, заканчивается с каждого конца длинной петлей. Узел петли был тщательно выделан и защищал тетиву от соскакивания с зарубки в то время, когда тетиву натягивали, и гасил ее вибрацию после выстрела. Описанный нами лук был в 74 дюйма (187 см) длиной, весил около 2 кг, обладая силой натяжения в 30 фунтов (15 кг), когда его натягивали на 28 дюймов (70 см). Стрела летела на расстояние около 100 м».

Как и в других восточных культурах, в Древнем Китае существовали детально разработанные правила стрельбы из лука.

Правило для глаз: никогда не смотрите на кольцо для большого пальца.

Правила для рук: вытяните левую руку вперед, как будто вы отталкиваетесь от препятствия, а правую так, как будто пытаетесь удержать тигра за хвост.

Правила для тела: не напрягайте лицо, не наклоняйте голову, не выпячивайте вперед грудь, не горбите спину.

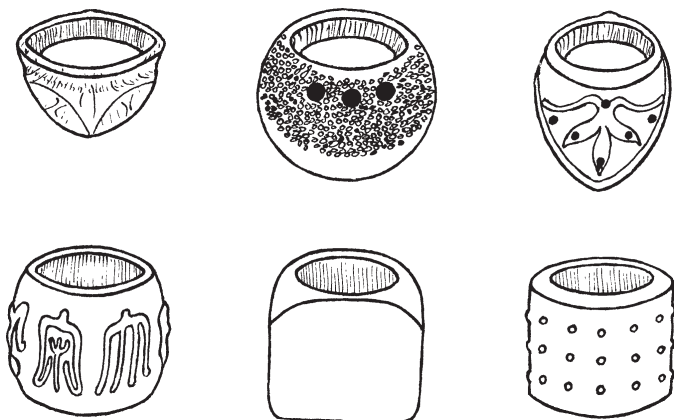

Рис. 57. Кольца лучника. *Верхний ряд:* бронзовое, турецкое, средневековое; подбор из кости с медными гвоздями и бирюзой; подбор из жадеита с корундом, Индия, XVIII в. *Нижний ряд:* жадеит цилиндрической формы, выгравирована древняя надпись, Китай, династия Мин; жадеитовое, в форме буквы D, Китай, династия Цин; жадеит цилиндрической формы, Китай, Цин. Частные коллекции

Китайцы использовали монгольский способ спуска тетивы, но их кольца для большого пальца отличались своим устройством от тех, что использовались в Персии, Турции и Индии. Они назывались цюэ ши или бань цзи, то есть регуляторы для пальцев, и изготавливались из слоновой кости, нефрита, халцедона и рога. Нет свидетельств, подтверждающих использование металла.

Большинство сохранившихся экземпляров цилиндрической формы с выступом на одном конце и выемкой на другом. Некоторые в форме буквы D и похожи на ассирийскую разновидность, более ранние образцы напоминают те, что бытовали на Среднем Востоке. В Британском музее находится кольцо для большого пальца из зеленого нефрита, восходящее к образцам IV—III в. до н. э. Оно похоже на турецкие образцы, но отличается от них тем, что покрыто архаичным узором, кроме того, в узкой части имеется узкий выступ.

Большинство изделий кажутся слишком маленькими и, скорее всего, не предназначались для практического ис-

пользования, а носились в качестве декоративных элементов или амулетов (прежде всего речь идет об экземплярах, украшенных резьбой). Выскажем также предположение, что некоторые кольца входили в состав церемониальных предметов. Среди них и набор императорских колец, хранящийся в Британском музее, куда входит и кольцо для пальца большой руки.

Очевидно, что кольца особенно ценились во времена династии Хань, они вырезались из зеленоватого нефрита, украшенного красными прожилками и зелеными полосками. Красновато-коричневые кольца, которые находили в гробницах воинов, являлись амулетами для защиты от злых духов.

В некоторых древних рукописях, посвященных оружию, также упоминаются кольца из красного шнура (шэ или та), надевавшиеся на три средних пальца левой руки. Использовались также и кожаные напальчники. Китайские футляры для луков аналогичны традиционным восточным образцам: лук входил в них до половины, как и колчаны, они украшались узорами.

ЯПОНСКИЕ ЛУКИ

Японская культура развивалась под сильным китайским влиянием. Интенсивные культурные и торговые связи между двумя странами начали складываться в период династии Тан (618—906 н. э.), принесший в страну мир и процветание, и не могли не затронуть конструкцию различных видов вооружения. Так, у древних японских мечей обнаруживается явное сходство с изделиями из Северного Китая и Кореи. В стихотворении японской императрицы Суико (593—629 н. э.) восхвалялись «украшения из провинции Хэга, что касается сабель, то лучшими были добрые лезвия из Куре (Китай)!». В японском фольклоре сохранились многочисленные сюжеты о подвигах китайских лучников. Они сбивали гусей, летевших выше облаков, прицеливаясь только на крик птицы.

Большая часть древних японских составных луков по конструкции аналогичны китайским образцам. В Императорской сокровищнице в Токио хранится пара огромных

серебряных литавр, датированных 8 марта 767 г. и покрытых гравированными изображениями конных лучников, охотящихся на кабана и оленя. Они используют составные луки с длинными «ушами» явно азиатского типа.

В некоторых коллекциях находятся несколько цельных длинных прямых луков, изготовленных из дерева катальпа или цуки и датировемых тем же периодом. На некоторых луках сохранились следы обвязки. В 764 г. в хранилище находились порядка сотни луков, изготовленных из бересклета и других пород дерева.

По мере ослабления влияния династии Тан японцы стали стремиться к проявлению самобытности в изготовлении практически всех видов оружия, пока наконец не сосредоточились на длинных тонких луках из бамбука. Монгольское вторжение 1274—1281 гг. привело к появлению более мощных и более коротких составных луков, бытовавших на континенте, и в последующее время японцы продолжили изготавливать луки указанного типа.

Обучение стрельбе из лука считалось обязательной частью образования представителя знати, прежде всего тренировали навыки стрельбы с движущейся лошади. Даже после распространения ручного огнестрельного оружия лук продолжал рассматриваться как главное оружие охоты и воспринимался в качестве такого вплоть до второй половины XIX в.

Японские луки мало различались по длине, но по конструкции их можно разделить на пять основных групп:

- маруки* — плоские деревянные луки;
- сигэтоюми* — луки, обмотанные ротангом;
- банкуи* — луки караульных;
- ханкуи* — укороченные луки;
- хокоюми* — луки для стрельбы дротиками.

Первые две разновидности считаются типично японскими, по форме они длинные и изящные, от 7 до 9 футов (от 2 до 2,7 м) в длину (рис. 58). Обычно их ширина доходила до 1 дюйма, они имели круглое сечение по всей длине и почти не украшались. Сигэтоюми, или составные луки, изготавливались из планок каких-либо лиственных деревьев (тутового дерева, сумаха или вишни), укрепленных полос-

ками бамбука, причем кора образовывала внешнюю сторону. Такой трехслойный лук укреплялся обмоткой из колец ротанга. Как и меч, лук имел собственное имя и являлся предметом специального культа.

При натяжении тетивы лук приобретал небольшую кривизну. К отличительным особенностям именно японского лука можно отнести также положение захвата, который размещался не посередине, а примерно на трети длины лука снизу, приспосабливаясь таким образом к низкорослому японскому лучнику, который стрелял со спины лошади или с коленей. Над захватом располагалось одно из ратанговых колец (нигири), использовавшееся как прицельное приспособление.

Лук банкуи был примерно вдвое меньшего размера и использовался прежде всего для стрельбы со спины лошади. К этой же группе относились ханкуи, или церемониальные луки для караула, в основном имевшие декоративное, а не практическое применение.

Самым сложным по устройству был хокоюми, представлявший собой усовершенствованный вариант древнего китайского составного лука. Нередко он усиливался металлическими пластинами. Из него стреляли небольшими дротиками (юмияри) длиной примерно 3—4 дюйма. Чтобы при выстреле тетива не соскакивала, на концах делались специальные выемки с роговыми накладками.

Поскольку длинные луки легко натягивались до уха, что соответствовало японской традиции, японские стрелы были гораздо длиннее европейских и имели крупные наконечники, внешне мало отличавшиеся от наконечников дротиков.

Наверное, известная толика истины содержится в историях о великане-лучнике Тамитомо (1139—1170), который использовал лук длиной в 8 футов и 9 дюймов (более 2,5 м). Рассказывают, что он затонул, когда погрузился в маленькую лодку всего лишь с одной тяжелой стрелой. Изготавливавшиеся из металла японские наконечники для стрел (янонэ) отличались невероятным разнообразием форм и размеров (рис. 59), и все же их можно объединить в четыре основных класса.

Тогари-я — в данном классе головок для стрел отмечается широкое разнообразие форм от длинных заостренных

Рис. 58. Японский лучник. По гравюре Морикуни (1729). Отметим длинный лук, который поворачивается в руке так, что веревка покоится на задней стороне запястья

пикообразных головок до широких плоских в виде сердечек. Большинство из них покрывались резьбой.

Янаги-ха — самая распространенная форма головок для стрел, грубая копия листа ивы, формы и пропорции существенно различались, длина варьировалась от $\frac{3}{4}$ дюйма до 2,5 дюйма.

Каримата — головка, похожая на европейский тип с вилообразными, остро заточенными зубцами. Ширина колебалась от 1 до 6 дюймов.

Ватакуси — ланцетовидная головка с обратными зубцами. Дословный перевод названия «разрывающая плоть», ибо данная головка могла нанести тяжелую рану.

Внутри перечисленных четырех типов было множество вариантов, имевших свои собственные названия. Так, среди тогари-я отмечается головка для стрелы, называвшаяся ринзэцу (драконий язык). Отметим также омодаке (водяной подорожник), наносивший сильные увечья. Большие головки для стрел покрывались изысканными узорами и стихотворными строками. Очевидно, что они предназначались в качестве подношений.

Мы не описываем кабура-я — деревянные стрелы с утолщенной головкой с отверстиями, издававшими в полете свист, поскольку они не использовались для охоты. Вместе с тем обратим внимание на кихоко — расплюснутую деревянную головку, применявшуюся в охоте на собак (инуои) — отвратительном развлечении, введенном в XII в. императором Тобой. Во время охоты собаку выпускали внутрь огороженной площадки, где она становилась мишенью для конных охотников, перемещавшихся по периметру.

Чтобы разместить столь разнообразные виды стрел, разработали огромное количество разновидностей колчанов, многие из них отличались изящной отделкой и предназначались для чиновников, стражей и парадов. Колчан для охоты (кари-йебира) представлял собой сплетенный из тонкого бамбука короб, набитый стрелами. Для большей прочности бамбуковую основу обшивали деревянными планками. Еще один тип охотничьего колчана, изображенный на многочисленных портретах охотников, — уцобу — цилиндрической формы короб, покрытый снаружи мехом или кожей с отверстием спереди в нижней части. Один из самых коротких японских луков изготавливался из кости кита и был всего лишь в 2—3 фута длиной, часто его переносили в открытом покрытом лаком футляре риманку вместе со стрелами.

Отметим, что японские приемы стрельбы из лука сильно отличались от китайских. Лук надо было держать легко, «как будто боясь разбить воображаемое яйцо», так что после выстрела он сильно раскачивался, и тетива могла достаточно ощутимо ударить по левой руке с тыльной стороны.

Японские лучники постоянно находились в поиске приемов идеальной стрельбы и деликатного управления луком, что отражалось и в указаниях по стрельбе, где говорилось

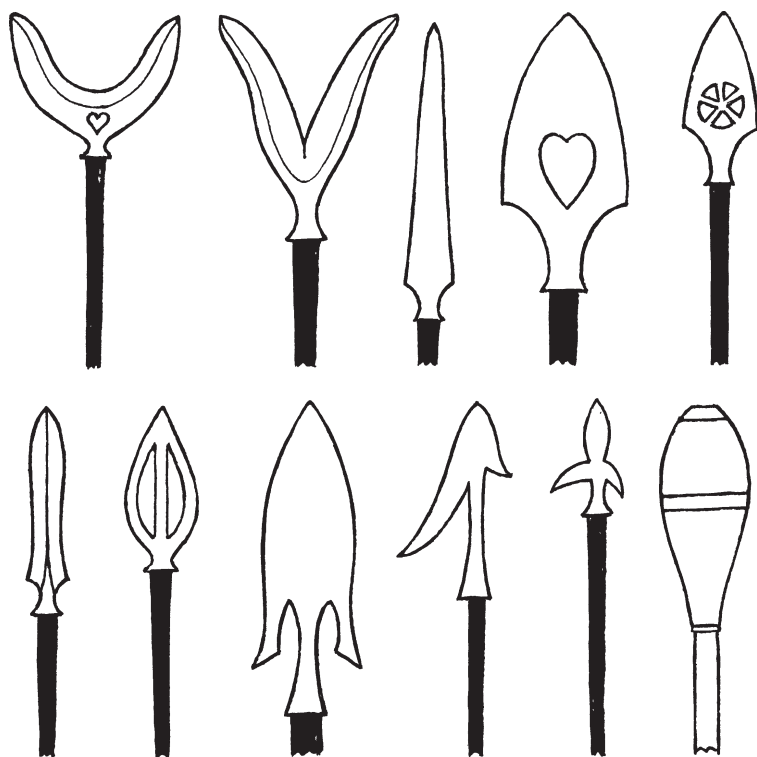

Рис. 59. Японские стрелы. *Верхний ряд:* две вилкообразные головки (каримата), головки копья в виде сердца (тогари-я). *Нижний ряд:* две головки в виде листа ивы (янаги-ха), трехзубая (ватакуси), утолщенная головка (кихоко)

следующее: «Лук никогда не должен знать, когда будет выпущена стрела... сам же лучник не должен знать, когда вылетит стрела... такой выстрел, как считают, вызывает только долгий звук за собой... стрела перемещается так же легко, как дыхание, и действительно кажется живой».

Японцы использовали и монгольскую методику пуска стрелы, когда кольцо для большого пальца замещалось разновидностью рукавицы для стрельбы (югакэ) с подбитым рифленым большим пальцем. Для более официальных слу-

чаев использовали специальные нарукавники (юготэ) и доспехи для груди (томо). Несмотря на большую величину, длинные японские луки не могут сравниться по мощности с более короткими составными луками, ибо из них не удавалось выстрелить дальше чем на 200 ярдов.

ЛУКИ В БРИТАНИИ

Одной из причин, возможно самой значимой, повлиявшей на развитие сложных луков, применявшихся кочевыми племенами Азии, оказалось недостаточное количество дерева, которое можно было бы использовать для изготовления цельнодеревянных луков. Той же причиной можно объяснить предпочтение имевшихся в изобилии рога и сухожилий, применявшихся для производства составных конструкций.

В Европе благодаря иным природным условиям предпочтение стали отдавать деревянному луку. Обычно размер лука составлял от 4 до 7 футов, меньшие по размеру изделия встречались редко. По всей Западной Европе ситуация практически не менялась на протяжении сотен лет. Простой деревянный лук оставался самым распространенным оружием вплоть до конца Средних веков, когда в Британии были изготовлены лучшие экземпляры.

Назовем наиболее интересные находки. Обнаруженный в торфяном болоте близ Кембриджа тисовый лук около 5 футов длиной датируется примерно 1130 г. до н. э. Хотя задняя часть расплющена, остальная поверхность сохранилась, и на ней видны следы обвязки. Похороненный вместе со своим владельцем в Чейсле на острове Уайт саксонский лук имеет такую же длину и простую конструкцию.

В 1188 г. Геральд Кембрийский описывал луки уэльских лучников: «Они изготовлены не из рога, слоновой кости или тиса, а из дикого, необработанного, но прочного вяза. Из него можно выстрелить на значительное расстояние, а на близком расстоянии нанести серьезное увечье».

В рисунок уэльского лучника была вставлена поздняя, относящаяся к концу XIII в., копия договора 1267 г. между Генрихом III Английским и принцем Левлином. Он дер-

Рис. 60. Отстрел птиц с помощью тупой стрелы. Гравюра из книги Уолтера де Мильмета (1326—1327)

жит в руках относительно короткий лук — что вполне можно приписать воображению художника, — задняя часть которого покрыта выпуклостями или узлами.

Первое описание длинного английского лука относится к 1297 г. В нем говорится, что лук был изготовлен из тиса, имел длину 10 футов, в самой широкой части составлял 6 дюймов в охвате и примерно 1 дюйм в узкой.

В «Иллюстрированной Библии» Холкема примерно 1330 г. и книге Уолтера де Мильмета *De Nobilitatibus Sapientis et Prudentis Regum* (1326—1327) представлены несколько изображений таких луков, все они отличаются отсутствием отделки и наличием узлов (рис. 60).

В издании XVII в. «Академия оружия» Рендл Холм называет такие узлы «гарантийными», «они изготавливались специально, чтобы укрепить лук». Отметим и изображение конного королевского охотника с миниатюры в рукописном Апокалипсисе XIII в., хранящемся в Бодлеанской библиотеке; он держит точно такой же грубый резной лук примерно 4 футов длиной с такими же узлами, как и те, что изображены на упоминавшихся выше иллюстрациях.

Однако длинный лук оказался не единственной разновидностью, использовавшейся в саксонские и нормандские вре-

мена, более короткие луки также ценились, особенно охотниками. В саксонских рукописях часто встречаются изображения луков. Если верить схематичным изображениям художников, то самым распространенным среди них был лук размером примерно 4 фута в длину. Конечно, конным охотникам было неудобно использовать длинные луки во время скачки по неровной местности.

Отметим, что, как правило, такие короткие луки были цельнодеревянными, известный нам сарацинский составной лук, видимо, входил в арсенал состоятельного человека. На изображении Христа в «Кентерберийской Псалтыри» XII в. он изображен с оружием, которое с большей степенью вероятности можно определить как составной лук. Такие луки нередко упоминаются в описях XIV в. Именно о данной разновидности лука, изготовленной из китового уса, говорит и Джон Мармадюк, губернатор шотландского города Перт в 1311 г.

Тем не менее в первых трактатах, посвященных охоте, например в уже упоминавшейся нами книге Г. Феба, приводятся иные сведения о длине лука, составлявшей, по его мнению, от 20 до 22 пядей. Переводя в современную систему мер длины, получим от 5 до 6 футов (1,2—2 м), то есть размеры длинного лука. Давая советы охотникам, Феб прямо указывает, что между луком и тетивой существовал промежуток в целую ладонь и еще два пальца шириной. Это расстояние называется фистулой лука.

Что же касается стрелы, то она должна была составлять в длину полную руку, то есть 2,5—3 фута, и иметь бороздки, шедшие параллельно к выемке на конце стрелы. Полагают, что стрелу следовало держать между указательным и средним пальцами, помогая третьим пальцем натягивать тетиву. Такая форма натяжения или освобождения классифицируется Морсом как средиземноморский выпуск.

Большинство наставлений для стрельбы относились к охоте, которая предполагала преследование дичи с помощью собак и конных лесников, направлявших ее к тому месту, где стояли спрятавшиеся пешие охотники. Лучникам рекомендовалось использовать слабые луки, которые можно было большую часть времени держать полунатянутыми. Вооруженному всаднику также рекомендовали ис-

Рис. 61. Охотник, использующий широкую стрелу «ласточкин хвост» против кабана. Из «Книги королевских манер» (1486)

пользовать слабый лук, в основном потому, что оказывалось сложно управлять одновременно луком и лошадью.

Только пешему лучнику, собиравшемуся бить птицу влет, советовали применять сильный лук, «поскольку ему приходилось прицеливаться с большего расстояния, ибо он стрелял в летящую цель, следовательно, ему нужно было натягивать лук на всю длину своей руки, так что он не имел возможности удержать натянутый лук и должен был стрелять, едва успев прицелиться».

Похожие указания находим и у Г. Феба, его описание стрелы оказывается более подробным и особенно интересным, поскольку он обрисовывает величину охотничьей стрелы, известной как «широкая головка»: «Деревянная стрела длиной восемь ладоней, считая от выемки на конце стрелы до головки с шипами, четырех пальцев в ширину и пяти пальцев в длину. Ее следовало хорошенько уравновесить и отточить зубцы». В заключение главы Гастон Феб советует своим читателям: «Я не слишком разбираюсь в луках. Тот, кто хочет побольше узнать о них, должен отправляться в Англию, где находятся настоящие мастера».

Эти слова были написаны в конце XV в. и отражают восхищение французских солдат и охотников искусными английскими стрелками из лука. С начала XIV в. в руках

английских и уэльских солдат длинные луки превратились в самое эффективное оружие. Хотя по устройству и конструкции они мало отличались от лука периода неолита, после суровых тренировок, через которые проходил любой англичанин с детских лет, лук превращался в поистине неотразимое оружие.

Полагают, что расцвет длинных луков в конце XII в. обязан именно успехам уэльских лучников. Геральд Кембрийский пишет, что во время осады замка Абергавенни в 1181 г. стрелы уэльских лучников пробивали набедренник всадника, седло и убивали находившуюся под ним лошадь. Вначале английская армия попыталась противостоять столь мощному искусству стрельбы с помощью арбалетов, однако тот неожиданно потерял свои позиции в XIII в. и перестал быть таким популярным. К концу XIV в. англичане отдали свои предпочтения длинному луку.

Городские шерифы получили поручение создать «достаточный запас прочных луков», белых в 6 футов, раскрашенных в 9 футов. Стрелы к этим лукам были «длиной в эль (37—45 дюймов), из добротного и высушенного дерева, оснащенные прекрасными стальными головками с широкими зарубками на концах». Их продавали в бобинах или связках по двадцать четыре штуки, по 14 пенсов стальные и по 12 пенсов простые.

Успех английских лучников в битвах при Креси (1346) и Пуатье (1356) явился прекрасным примером для всего населения. В 1363 и 1365 гг. согласно распоряжению Эдуарда III все шерифы по всей территории Британии должны были заставить мужчин в возрасте от 15 до 60 лет упражняться в стрельбе из лука во все праздничные дни и в часы досуга.

Неудивительно, что лук стал и распространенным охотничьим оружием, хотя в процессе развития охоты феодальные законы стали ограничивать распространенную забаву. В «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосер так описывает лесничего:

В кафтане с капюшоном,
За кушаком, как и наряд, зеленым,
Торчала связка длинных острых стрел,
Чьи перья йомен сохранять умел,

И слушалась стрела проворных рук,
С ним был его большой, могучий лук,
Отполированный, как будто новый.
Наручень пышный стягивал запястье,
Был меч и щит, и на боку кинжал,
На шее еле серебром мерцал
Истертый лик святого Христофора,
Висел на перевязи турий рог —
Был лесником, должно быть, тот стрелок¹.

Интересно отметить, что и Г. Феб также советовал лесничему или охотнику «летом и зимой носить одежду зеленого или красновато-коричневого цвета, соответствующего убору леса».

Гораздо сильнее различаются взгляды на оперение стрел. Чаще всего авторы наставлений пишут о петушиных перьях, но многие лучники предпочитали пользоваться перьями гуся. Среди описи личных вещей Томаса, архиепископа Кентерберийского, 1397 г. находим «31 бобину стрел, оснащенных белыми, побитыми молю гусиными перьями». В 1391 г. Уильям де Киркби завещал стрелы, отделанные «перьями домашних птиц». В 1457 г. Адам Тилдесли оставил своим наследникам стрелы «с белыми перьями».

В 1475 г. Томас Эме описывает свою лучшую связку стрел «с черными перьями цапли». В описи имущества сэра Джона Фальстафа, сделанной в 1459 г., отмечены стрелы, отделанные перьями лебедя. В книге Роджера Ашема Тохорphilus (1545) содержится подробное описание стрел, в котором указано пятнадцать различных сортов дерева, которые можно было использовать для древка. Среди них бразильский орех, турецкое дерево, верхушка ели, рябина, граб, береза, ясень, дуб, терн, бук, бузина, тополь, осина.

Что же касается перьев, то он приходит к следующему выводу: «Павлиньи перья использовали редко, ибо они были слишком большими и тяжелыми, так что те, кто их покупал, носили их на шляпах или как украшения, но не использовали для охоты, поскольку для этой цели лучшими считаются гусиные перья».

¹ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. И. Кашкина. М., 1988. С. 31—32.

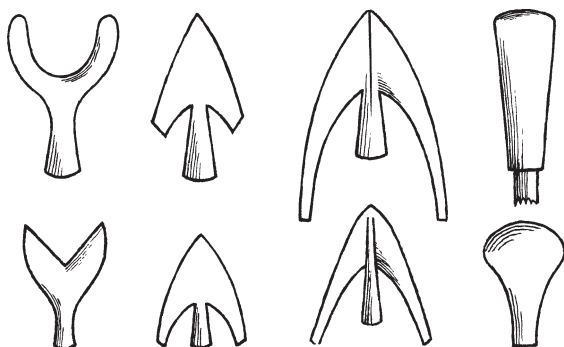

Рис. 62. Разновидности стрел. Слева направо: вилкообразные головки, широкие стрелы, «ласточкины хвосты», тупые головки, или «ворчуны»

Обычно для охоты использовались три основных типа стрел. Во-первых, стрелы с широкой головкой (так называемый «ласточкин хвост»), двумя длинными ребрами, направленными к древку, и массивным утолщением на конце (рис. 62). Несколько стрел необычной формы можно увидеть на рисунках в «Иллюстрированной Библии» Холкема (ок. 1330). В рукописи Г. Феба XV в. изображены стрелы с широкой головкой, которые использовали как лучники, так и арбалетчики.

У головок второго типа ребра направлены вперед и соединены вогнутым заточенным лезвием, наподобие широкой вилки. Такие лезвия наносили сильную травму, поэтому их обычно использовали во время охоты на крупную дичь, но иногда и для других целей. Так, Либо в «Сельском доме» (1620) советовал: «Для охоты на гусей или других больших птиц они [стрелы] должны быть с двойными вилками, настолько острыми, чтобы ими можно было снести крыло или шею. От удара древком редко образовывалась серьезная рана, которая бы тотчас сбила дичь, даже если ее ранили, она улетала и умирала в другом месте».

Во время охоты на птиц и мелкую дичь типа зайца традиционно использовалась третья разновидность стрел. Она имела тупую или закругленную головку, изготовленную из дерева, которая не могла повредить мех или пробить шку-

ру. На мозаике с библейскими сюжетами, размещенной в большой церкви XII в. Монреале, находящейся в Палермо в Сицилии, встречается изображение Исава, стреляющего в птиц тупыми стрелами.

Образцы стрел можно увидеть и в большинстве исследований, посвященных охоте, о которых уже шла речь выше, а также во французском переводе книги П. Креченци «Сельская жизнь» (1471), он хранится в Британском музее. В последней работе стрелы характеризуются как «стрела арбалета с железным наконечником или большой ворчун с надежной передней частью». Далее автор объясняет, как лучше стрелять в птиц, сидящих на дереве: «Тот, кто забавляется убиванием голубей и других птиц, гнездящихся на деревьях, должен использовать стрелы равного веса. Когда он собирается выпустить стрелу, то должен отметить точное место, где будет стоять, а также место расположения птицы. Если он сможет сбить ее, то его желание исполнится и он вернет себе стрелу. Но если промахнется, пусть точно отметит то место, где стоял и где находилась дичь во время стрельбы, пусть вернется и снова выпустит стрелу, тогда, безо всякого сомнения, он сможет и поразить цель, и вернуть себе стрелу».

Полагали, что стрельбой из лука могли заниматься и дамы. В частности, автор «Парижской хозяйки» дает следующий совет охотницам: «В конце сентября или позже, когда закончится охота с ястребами на перепелов и куропаток, и даже зимой вы можете выпускать ястребов на сорок, галок, чирков... черных дроздов и вальдшнепов. Когда черный дрозд укроется в кусте и не станет покидать его, поскольку ястреб кружится над ним и стережет его, дама или девица, владеющая навыками стрельбы из лука, может убить его первой же стрелой».

Ж. Реньяр (1656—1709), совершивший путешествие по Лапландии в конце XVII в., отмечает использование охотничьих стрел с деревянными головками: «Некоторые [стрелы] сделаны целиком из дерева, они предназначены убивать или, скорее, оглушать горностаев, песцов или куниц, тех животных, шкурку которых хотят получить. Встречаются и другие стрелы, покрытые пластинками из кости северного оленя, сделанные в виде гарпуна, имеющие острый конец. Такая стрела всегда оказывалась толстой и тяжелой,

если ее использовали во время охоты на птиц, то она всегда оставалась в ее туловище. Случалось и так, что тяжелая стрела мешала птице улететь и тем самым разрушить мечты охотника. Третья разновидность покрывалась железом и делалась в виде ланцета, использовалась против больших животных, таких как медведи и дикий северный олень».

Несколько слов следует сказать о защите руки стрелка, том «наручнe», о котором писал Чосер. Обычно он представлял собой широкий кожаный ремешок или кусок дерева или слоновой кости, привязанный к левому запястью лучника. При этом поверхность оставалась гладкой. Роджер Ашем так писал о своем приспособлении: «Браслет служит двум целям: он защищает его руку от повреждений тетивой и мешает ее преждевременному снашиванию. С другой стороны, по гладкому щитку стрела движется быстрее, что приводит к более точному попаданию».

В качестве примера можно привести богато украшенный наручeнь, закрывавший половину руки, хранящийся сейчас в Британском музее. Полагают, что он когда-то принадлежал Генриху VIII. В XVI и XVII вв. наручни часто изготавливались из слоновой кости, на которой гравировались соответствующие сценки или девизы.

Что же касается лука Ашема, то ситуация сложилась совершенно иначе. Хотя он упоминает луки из бразильского ореха, вяза, лещины и ясеня, он все же убежден в преимуществах тиса. Ашем так рассказывает своему ученику о правилах выбора лука: «Если ты придешь в лавку и обнаружишь, что он не очень большой, тяжелый и прочный, хорошо шелкает, не извилист, не имеет узлов, сучков, изгибов, выемок или трещин, то смело покупай этот лук, полагаясь на мой опыт».

Без сомнения, Чосер подписался бы под каждым этим словом. Лук из тиса оказывался не таким мощным, как лучшие составные луки, но достаточно сильным в большинстве случаев. В анонимном французском трактате XV в. «Об искусстве стрельбы из лука» утверждается, что обычно из тисового лука можно послать стрелу на 300 шагов и что самые искусные лучники попадали в предмет или дичь на расстоянии в 400 шагов. На более близком расстоянии стрела обла-

Рис. 63. Нарукавный щиток лучника (гравированная слоновая кость). Франция, XVI в. Из книги Лонгмана «Лучник»

дала огромной разрушающей силой. Так, Феб предупреждал своих читателей, чтобы они никогда не стреляли прямо в бок оленя, потому что стрела может пройти насквозь и ранить другого охотника, стоящего с противоположной стороны. При необходимости лучник мог выпустить пять или шесть стрел, в то время как арбалетчику приходилось перезаряжать свое оружие. Лук оказывался относительно дешевым изделием, нетрудным в изготовлении. Если удавалось достичь определенных навыков, то он оказывался идеальным оружием для охоты и войны.

В течение XV и XVI вв. возникли разнообразные гильдии мастеров, которые выработали требования к производству луков и стрел и установили контроль качества продаваемых изделий. В Лондоне за качество оружия отвечали уважаемые компании Боуэров и Флетчеров, удалось обнаружить множеств свидетельств, достоверно подтверждающих, что им удавалось превосходно справляться со своими обязанностями.

Правда, заметим, что мало было произвести хорошие луки, нужны были и превосходные стрелки. К началу XVI в. стало очевидно, что благодаря отступлению от стандартов уровень изделий снизился, уменьшилось и количество лучников. Частично причину следовало искать в высокой стоимости дерева, из которого изготавливались лучшие образцы, ибо обычно для луков использовали испанский тис, который приходилось ввозить.

В Акте парламента, принятом в 1472 г., высказывалось сожаление, что стрельбой из лука «не занимаются и ее практические навыки утрачены», поскольку наблюдается недостаток планок. Поэтому вышло предписание, чтобы некоторое их количество закупили по той цене, которую за него запрашивали. Спустя десять лет максимальная стоимость лука из тиса доходила до 3 шиллингов 4 пенсов.

Назовем и другую причину, приведшую к закату лука. Если в Британии лучникам удалось противостоять арбалетчикам, они все же встретились с достаточно серьезным соперником. Примерно в 1505 г. изобрели колесцовый и фитильный замки, что привело к созданию легкого ручного ружья, аркебузы. Легкое и простое в обращении огнестрельное оружие быстро приобрело популярность среди охотников и начало вытеснять луки. Резкому сокращению числа лучников способствовал и переход армии на мушкеты и пистолеты.

Однако в начале процесс перехода от лука к личному огнестрельному оружию проходил медленно. Английский длинный лук по-прежнему оставался самым уважаемым оружием на континенте. На многих иллюстрациях в Weisskunig изображено, как император Максимилиан и его люди упражнялись в стрельбе из «типично английского двойного лука». Когда Генрих VIII в 1509 г. вступил на престол, он подал пример своему народу, назначив лучших лучников в свою личную гвардию. Одновременно король специальным указом назначил Генри Саутворта и Генри Пайкмана смотрителями за изготовителями луков и хранителями луков в лондонском Тауэре.

Хотя сам Генрих VIII не скрывал своей любви к огнестрельному оружию и собрал прекрасный личный арсенал, он сделал все от него зависящее для популяризации стрельбы из длинного лука среди его подданных, обязав крестьян и йоменов пользоваться этим оружием. Владение ружьями и арбалетами разрешалась только для тех горожан, чьи земли имели особую ценность.

В 1541 г. парламент издал закон, подтвердивший прежний акт от 1512 г. и усиливший меры, которые должны были поощрить использование именно лука: «Каждый, кто является подданным короля, кроме тех, кто хром, стар или увечен, а

также не имеющий законных оснований или обоснованных причин и не осужденный, находящийся в возрасте до шестидесяти лет, обязан постоянно упражняться с длинным луком. Кроме того, каждый родитель должен обеспечить своих потомков мужского пола в возрасте от 7 до 17 лет луками и стрелами. В возрасте 17 лет каждый молодой человек обязан приобрести собственный лук».

Заметим, что никого принуждать не пришлось. Так, известный государственный деятель и поэт сэр Томас Уайетт (1503—1542) наслаждался счастьем в уединении своего поместья в сельской местности:

Как дома чувствую себя я в поле с любимой гончей,
В ненастье с книгой у камина укрываюсь,
Погожим зимним днем по первопутку
Охочусь с луком я в руках
В уединении, никем не нарушимом.

В классической книге Роджера Ашема Toxophilus (1545) содержится множество метких наблюдений о стрельбе из лука. Написав, что «традиционно все английские мужчины искусны в стрельбе из лука», он заметил, что только некоторые из них обучались и потому умеют стрелять правильно. Поэтому в его описании отмечены разные методики: «Одни стреляют выставив голову вперед, как будто собираются броситься на мишень, другие «стреляют» глазами, кажется, что они вот-вот вылетят из орбит. Третьи прикрывают один глаз и смотрят другим. Некоторые корчат такие рожи, что рот перекручивается, и нельзя разобрать выражение лица, казалось, что они хотят сказать вам что-то и не могут. Еще одни высовывают язык. И наконец, последние наклоняются над стрелой.

Когда натягивают лук, то выделывают такие кренделя, как будто собираются стрелять во все стороны сразу. Другие держат лук слишком высоко или слишком низко, как будто боясь повредить его во время стрельбы. Одни упираются луком о землю, другие держат его на весу. Стоят долго, прицеляясь, а потом начинают выпускать стрелу за стрелой, промахиваясь и начиная вновь по сигналу. Некоторые так натягивают свой лук, что кажется, что он выстрелит далеко-далеко, чего на самом деле не происходит. Прочие же способны действо-

вать деликатно, и когда выпускают стрелу, то вам кажется, что еще ничего не произошло.

Некоторые натягивают лук, затем опускают его долу, а потом медленно поднимают, чтобы прицелиться в кружок мишени. Другие садятся задницей на землю, чтобы обрести твердую опору, третьи отставляют ее, как будто ища опору или отталкиваясь от чего-то».

Вместе с тем английские лучники были выше любой критики, как заявляет сам Ашем: «Любой английский лучник заткнет за пояс шотландца».

Иностранные обозреватели часто фиксируют, с каким уважением относились лучники к своему оружию. «Англичане, — писал де Комин, — лучшие среди лучников всего мира».

В 1557 г. Джованни Микеле, венецианский посол, сообщал своему сенату об оружии, применявшемся англичанами: «Из всего оружия англичане предпочитают обыкновенный деревянный лук и стрелы, последние встречаются в огромном количестве, поскольку их использует огромное число людей разного возраста и профессий, этим и объясняется их... вера в лук и уважительное отношение к нему. Так что взаимные отношения, надежность и уважение, и объясняют, почему лук предпочитают всем другим видам оружия, даже аркебузе, которой доверяют гораздо меньше, продолжая считать более надежными луки и стрелы. Это и отличает англичан от командного и рядового состава других стран.

Отметим, что они могут растянуть лук одновременно с такой силой и сноровкой, что даже пробивают, как рассказывают, корсеты и телесные доспехи. Тот же, кто хочет выстрелить на доступную дистанцию, может пробить мишень на дюйм с половиной. Впрочем, некоторые развлекаются тем, что просто выпускают стрелы».

В том же самом году сэр Томас Элиот в «Губернаторе» восхвалял «выгоду, которую можно было извлечь из длинного лука, который использовался для охоты на оленей, полевою птицу и другую дичь, не говоря о тех выгодах и удовольствиях, которые приносит именно стрельба из лука».

Заметим, что знать ревностно относилась к упражнениям из лука, которыми занимались как сами лорды, так и их жены, не жалевшие сил, чтобы достичь определенных

успехов. Об этом свидетельствует Опись арсенала, хранившегося в Баркли-Хаус (Стэнфорд) в 1557 г., в которой указаны следующие предметы:

«Длинные луки — один для меня и другой для моей жены;

кожаный короб для стрел в связках;

колчан со стрелами».

Продемонстрированная однажды особая сила лука была описана в письме, написанном Шоном О'Нилом и отправленном из Ирландии в 1565 г. кардиналу Лотарингии Гизу: «Когда я находился в Англии, то заметил, как Ваш доблестный брат маркиз д'Эльбеф пронзил двух оленей одной стрелой».

Перед нами один из последних случаев процветания длинного лука, за которым (так было суждено случиться) последовал быстрый и удивительный упадок. В 1572 г. компания Флетчера решила сократить число подмастерьев, поскольку стрельба из лука «перестала практиковаться, как было в прошлые времена». Боуэры жаловались на высокую цену деревянных планок, которая за последние сорок лет поднялась с 40 шиллингов до 14 фунтов за сотню.

Конечно, в связи с нараставшей конкуренцией с огнестрельным оружием делались попытки усилить эффективность луков. В частности, в Париже в 1575 г. в 21-й статье Правил изготовителей ружей и байонетов предписывалось его членам изготовить луки, состоявшие из нескольких частей, которые затем надлежало тщательно соединить вместе и пропитать хорошим лаком, образовав таким образом составной лук. Но все эти меры не привели практически ни к каким результатам. В 1583 г. Комиссариат мастеров в графстве Хантингтон был вынужден обратиться в Совет за разрешением оснастить воинов в латах вместо лучников, «поскольку возникла потребность в сильных мужчинах, а способных стрелков не имеется».

В опубликованных в 1577 г. «Хрониках» Холиншед сетует на состояние дел, которое привело к тому, что французы и немцы «стали задирать хвост и насмехаться над англичанами, ибо наконец смогли превзойти их, и все потому, что у нас

искусство стрельбы из луков предано забвению и отложено». Далее он вполне добродушно продолжает, что «если бы некоторые из ныне живущих англичан, которые служили еще королю Эдуарду III, не стали мириться с позором на свою задницу, а, взяв в руки луки, смогли бы послать хорошо оперенную стрелу прямо в цель».

К сожалению, уже в 1664 г. Джон Эвелин писал в своей «Сильве»: «Поскольку луком больше никто не пользуется, никто не заботится о сохранении производства луков из тиса».

Так постепенно лук практически перестал использоваться в Англии как боевое оружие. Но придворные и знать продолжали применять его на охоте. Особенно стрельбой из лука увлекались Стюарты. В 1606 г. Яков I учредил комиссию, стремясь усилить действие уже принятых законов, в которых поощрялась стрельба из лука. В 1616 г. он с удовлетворением отмечал, что «после субботного богослужения люди предаются таким занятиям, как танцы и стрельба из лука для мужчин, отдыхая и упражняясь». В 1621 г. Яков I даровал долгожданные привилегии компании Боуэра.

Сожалея, что для охоты используют огнестрельное оружие, он писал, что самое большое удовольствие ему доставляла погоня со специально обученной сворой гончих, которые могли выгнать оленя и загнать его.

Одно из описаний охоты короля оставил герцог Иоганн-Эрнест Саксен-Веймарский, гостивший у Якова в 1613 г. Он пишет: «...Король неутомимо следует за собаками, пока им не удастся напасть на след дичи. Правда, не вижу, почему следует наслаждаться таким видом охоты... Его величество и тогда и сейчас использует длинные луки и стрелы, и когда выходит на позицию, то стреляет в оленя».

В охоте также принимала участие королева Анна Датская, в том же году было сделано следующее описание: «Выстрелив в оленя, королева ошиблась в расстоянии и убила Джела, любимую гончую его величества. Сначала король страшно рассердился, но когда узнал, кто это сделал, то вскоре сменил гнев на милость и стал сильно жалеть королеву, умоляя ее не беспокоиться о случившемся, поскольку его любовь к ней превыше всего. На следующий день король послал жене алмаз стоимостью 2 тысячи фунтов как своеобразное наследство от его умершей собаки».

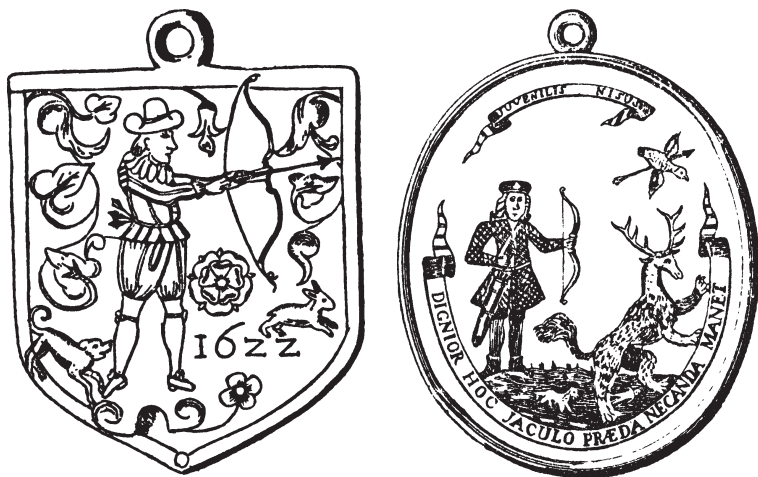

Рис. 64. Медали шотландского лучника. Слева: Роберт, лорд Далкейский, 1622. Справа: Александр Халдейн, 1721. Из коллекции университета Святого Андрея, Шотландия

Карл I подтвердил полномочия комиссии Большой печати, чтобы обеспечить принудительное использование длинных луков, он также даровал новую хартию Артиллерийской компании, учрежденной еще по конституции 1537 г., включающую развитие стрельбы из лука. Косвенным подтверждением того внимания, которое король уделял этой проблеме, может служить посвящение Чарльзу I книги Ж. Маркхема «Искусство стрельбы из лука» (1634), на фронтисписе которой король изображен в виде лучника.

Оба монарха установили должности королевского лучника и хранителя луков. Однако, несмотря на все затраченные усилия, лук продолжали считать охотничьим снаряжением, но не серьезным охотничьим оружием. В 1627 г. Карл I издал указ, по которому «Уильяму Магуну и Джеймсу Мельбурну, нашим двум поставщикам луков, жаловать по 10 фунтов в год за службу нам и обеспечение наших упражнений с помощью длинных луков».

После Реставрации Карл II снова ввел разнообразные придворные должности, назначив Джерваса Прайса хранителем королевских луков. Пьер Генон де Буабюссон оказался

одним из последних, кто занимал этот пост, совмещая его с должностью лорда — хранителя личного арсенала. Именно он в 1691 г. сопровождал Уильяма III в Ирландию.

Искусство стрельбы из лука продолжало развиваться вплоть до конца XVII — начала XVIII в. благодаря поддержке деятельности специальных обществ, таких как «Стрелки Финсбюри» и Общество королевских лесничих в Англии, а также Королевское общество лучников в Шотландии. В самом конце XVIII в. вновь наблюдается большой интерес к искусству стрельбы, хотя в Англии существовало всего несколько обществ, среди них Королевское общество охотников, Королевское общество кентских лучников, охотников из Ардена, лесничих из Хейно, верных лучников. Но именно их деятельность позволила обратить внимание на спортивную стрельбу по мишеням.

В 1798 г. Ричард Мейсон опубликовал свои «Соображения о причинах, которые существуют для возрождения использования длинных луков наряду с пиками, чтобы помочь осуществить те меры, которые намечены министрами его величества для защиты страны». Однако в связи с повсеместным распространением ружей и их очевидной эффективностью его попытка возрождения лука как боевого оружия была заведомо обречена на провал. Похожие усилия, связанные с продвижением лука в качестве охотничьего оружия, также потерпели неудачу.

ЛУКИ ЖИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН

Ни один из великого множества луков, применяемых по всему миру, не может сравниться по мощи с тисовым луком из Европы и составным азиатским луком. В большинстве районов местные луки оказывались слишком маломощными и не могли служить в качестве боевого оружия. Безусловно, их активно применяли как охотничье оружие. Отметим также, что методики изготовления и применения луков необычайно разнообразны и весьма примечательны, поэтому мы коротко перечислим самые интересные образцы.

Во всем мире был широко распространен цельнодеревянный лук, и только недостаточное количество нужной

древесины в местных лесах или неумение ее обрабатывать помешало достичь западноевропейского уровня изготовления луков. Составные луки, появившиеся в северных районах Центральной Азии, быстро распространились в самых отдаленных районах этого региона.

Примитивная разновидность составного лука из деревянных планок с обмоткой из сухожилий, вероятно, пришла из Азии через Берингов пролив в Северную Америку. Возможно, на каждом континенте они появились совершенно независимо именно в тех местах, где встречалось подходящее дерево для их изготовления. Так, эскимосам приходилось использовать только тот лесоматериал, который прибывало к берегу, поэтому часто они конструировали свои луки из оленьих рогов.

В большинстве случаев, проявляя особую смекалку, им удавалось изготавливать перекладину лука из деревянных планок, соединенных вместе и укрепленных с помощью сложного переплетения ремней из сухожилий (рис. 65). В районе Берингова пролива подобное переплетение встречается чаще всего. Отметим также, что внешние очертания лука очень похожи на татарские или китайские изделия. Там, где эскимосам удавалось найти прибитый к берегу лес, или в лесных районах Аляски они изготавливали более мощные луки, используя толстые сучья дугласовой сосны или тсуги тисолистной, усиленные полосками китовой кости и скрепленные прочной обмоткой из сухожилий.

Жившие дальше на юге американские индейцы имели в своем распоряжении множество разновидностей древесины, в определенном смысле они копировали азиатский лук, обмотав деревянную основу сухожилиями и покрывая конструкцию древесной корой или змеиной кожей. Лук был достаточно мощным, но не отличался особым изяществом, ему не хватало отточенности и выразительности азиатского прототипа.

Очевидно, что конструкция индейских составных луков отличается от турецких или персидских луков. Отметим, что лучшими качествами обладали цельнодеревянные луки. Лучшие роговые луки изготавливали мастера из племен кроу и шайенов, они делали их в основном из рогов лося или горных баранов, правда, они стреляли на короткое расстояние.

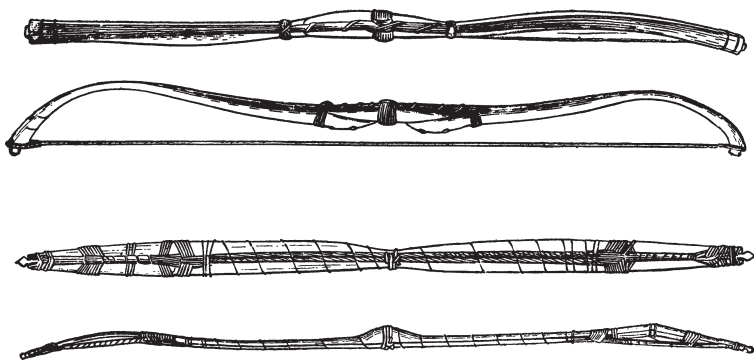

Рис. 65. Цельные луки с усилением. *Наверху*: восточный эскимосский лук из рога северного оленя с соединением из сухожилий. *Внизу*: связанный с помощью сухожилия лук из Восточной Сибири

Однако у индейского охотника всегда оставалась возможность подкрасться к добыче как можно ближе. На рисунках Т. де Бри для «Путешествия по Флориде» (1591) Ле Мойена изображены местные индейцы, подкрадывающиеся к оленю с луками в руках. Они покрыты шкурами, на голове шапки с оленьими рогами.

В 1634 г. Уильям Вуд так писал об индейцах, проживавших в Новой Англии: «В стрельбе из лука они искуснее любых самых метких стрелков и, кажется, могут прострелить глаз вороны и поразить и быстро бегущую лань, и проворного голубя, даже не помешкав ни на минуту и не успев открыть глаз, закрытый для прицела. Во время стрельбы они зажимают стрелу между указательным и большим пальцами, их луки быстры, но не отличаются большой мощностью, поэтому они не могут убить далекую добычу».

Хотя индейские луки не отличались дальнбойностью, они оказывались вполне эффективными для стрельбы с ближнего расстояния. Известны случаи, когда стрелы, выпущенные из луков пауни или шайенов, пробивали туловище бизона. Вождь племени сиу по имени Ванатах рассказывал, что, однажды выстрелив в самку бизона, убил и теленка, стоявшего за ней. Такая охота требовала тщательной подготовки. Вот как ее описывает Уильям Вуд: «Когда он [индейский

охотник] приближается верхом к животным, то выбирает одно, обычно толстую и упитанную самку, держа наготове лук и стрелу. Хорошо обученной лошади не нужно отдавать приказания дважды, она приближается к бизону справа сзади и держится немного поодаль, чтобы не попасть под рога животного, если оно неожиданно остановится и повернет голову.

Такое положение позволяет всаднику занять удобную для стрельбы позицию, чтобы направить стрелу под правое плечо животного. От стрелы, выпущенной опытной рукой, бизон падает, смертельно раненный, упорно цепляясь за жизнь, но вскоре его дыхание гаснет. Оставив стрелу в ране, чтобы обозначить владельца мертвого животного, счастливый стрелок устремляется на поиски другого животного и не прекращает его преследовать, пока не израсходует весь запас стрел».

Рассказывают, что команчи способны разместить лезвия своих охотничьих стрел точно в плоскости тетивы, благодаря чему они легко проходят между ребрами животного, которые располагаются вертикально. Похожего эффекта удавалось добиться, если держать стрелу наклонно или почти горизонтально. Чтобы совсем близко подобраться к бизону, индейские охотники надевали шкуры волков и медленно подкрадывались к ничего не подозревавшему стаду. Специалист по индейцам Джордж Кетлин (1796—1872) оставил нам рисунки обоих способов охоты на бизонов (рис. 66).

Луки из Южной Америки были сделаны грубее и имели небольшой радиус действия. Но эти недостатки всегда скрадывались быстротой и ловкостью охотника, также широко использовались отравленные стрелы. На севере континента для отработки навыков стрельбы использовали движущиеся мишени.

Ханзард рассказывает историю о матросе по имени Александр Кокберн, оказавшемся после кораблекрушения на берегу Дариенского залива в Карибском море. Его поразило искусство двух индейских мальчиков, которые могли сбить в воздухе совсем крошечных птиц. Поразительным Кокбурну показалось умение выстрелить в птицу, кормившуюся на земле на расстоянии примерно в 100 ярдов.

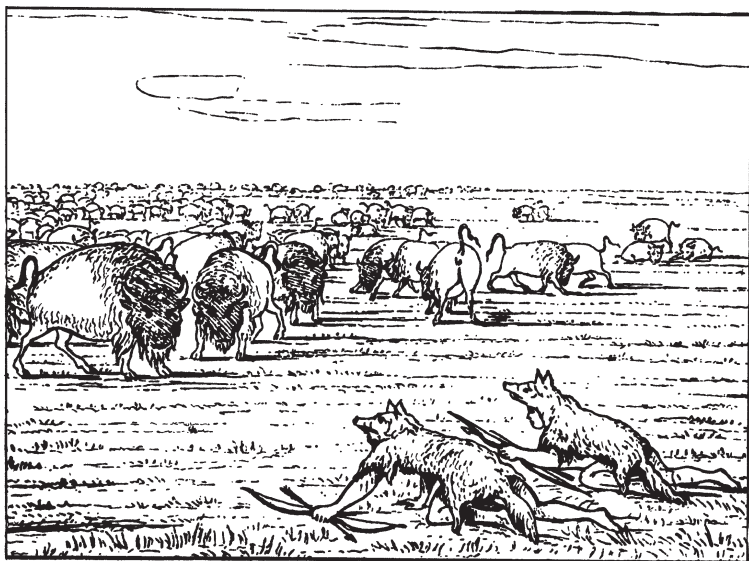

Рис. 66. Североамериканские индейцы, подбирающиеся к буйволам под прикрытием волчьих шкур

При попадании стрела пригвоздила птицу к земле. Мальчики могли проделать тот же прием с помощью древка стрелы, выпущенной в землю перпендикулярно, расщепив ее надвое. Похожим образом охотились на черепахи жители Гвианы. При выстреле в животное стрела падала вертикально на панцирь и застревала в нем, благодаря приделанной съемной головке с шипом (рис. 67). Когда черепаха ныряла, головка соскакивала и позволяла определять, где именно находится животное. Поскольку к головке прикреплялась веревка, с черепахой «играли», как с рыбой, вымучивая ее и добываясь, чтобы она устала, тогда ее извлекали с помощью копья.

За исключением острова Явы, деревянный лук использовался повсеместно на всем тихоокеанском побережье, к югу от тропика Рака. Некоторые луки оказывались весьма любопытной формы. На Андаманских островах лук делался в виде двухлопастного весла, сужаясь к концам (рис. 68).

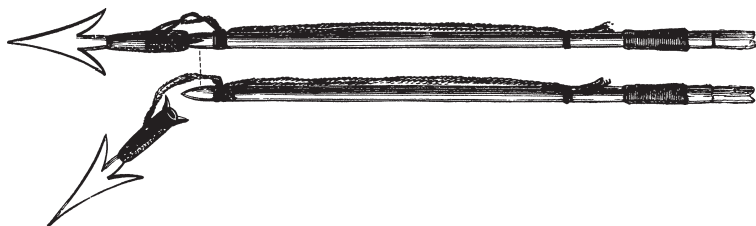

Рис. 67. Гвианские стрелы из панциря черепахи со съемными головками

Луки имели от 4 до 6 футов в длину и использовались как для охоты на рыб, так и для небольшой дичи, населявшей остров. Луки, изготовлявшиеся жителями северного острова, по некоторым соображениям делались таким образом, что верхняя часть сгибалась больше нижней. Такой характерной особенностью отличались луки, обнаруженные на островах Новые Гебриды. Другую разновидность лука в виде лопасти весла, но меньших размеров, обнаружили на юго-востоке Африки (рис. 68).

Иначе обстояло дело на Яве, где не изготавливали традиционных на островах деревянных луков, а делали их из рогов карibu или водяного буйвола. Хотя эти животные распространены по всей Юго-Восточной Азии, техника изготовления луков на Яве отличается рядом особенностей. Рога индийского буйвола (иногда достигавшие 6 футов) оказывались достаточно длинными, чтобы из них можно было изготовить пластины для луков. С одной стороны они прикреплялись к цилиндрической рукоятке, а с другой увенчивались негнущимися «ушами», закрепленными в определенном положении (рис. 68).

Самый маленький лук из рога применяли африканские бушмены из пустыни Калахари. Он представлял собой нехитрое по устройству изделие, изготовленное из куска рога антилопы длиной от 12 до 20 дюймов. Стрелы делались в половину длины лука и не отличались особыми полетными свойствами, хотя обильно покрывались ядом.

В Индии также встречались луки из рога. На Цейлоне такой лук считался самым почитаемым оружием. В сингальском историческом труде «Махавансо» (ок. 160 до н. э.)

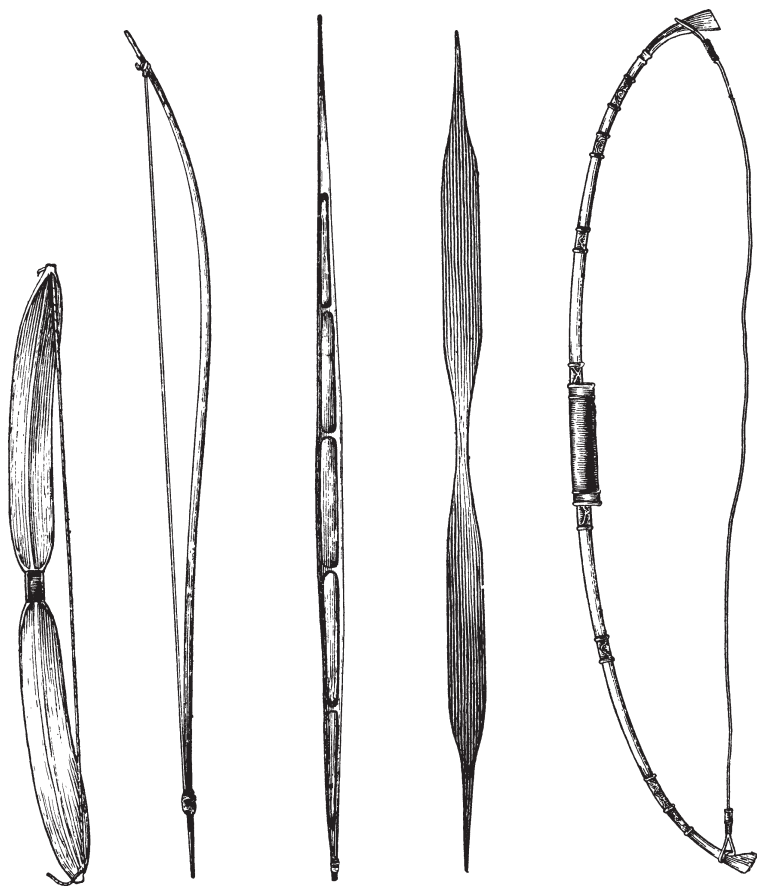
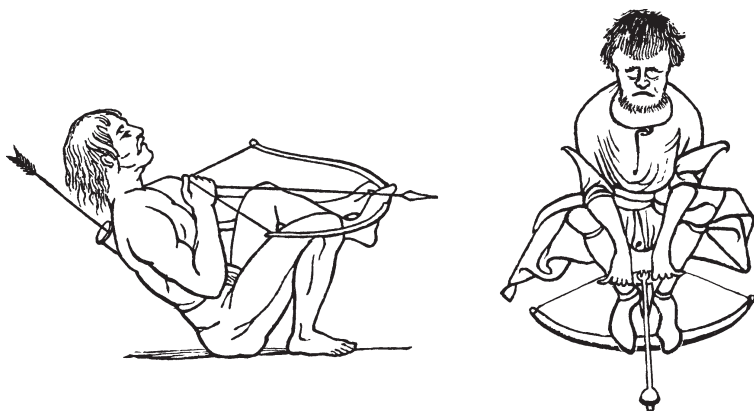

Рис. 68. Местные луки-самострелы. Слева направо: лопатообразное дерево с реки Шир, Восточная Африка; асимметричные деревянные палки, острова Новые Гебриды; бамбуковые палки, Новая Гвинея; дерево в форме весла, Южный Андаман, Индия; рог водяного буйвола из двух частей, Ява (изображен полностью). Из книги Лонгмана «Лучник»

*Рис. 69. Ножные луки. Слева: вендский абориген (Цейлон), натягивающий лук. Из книги Дж. Теннента «Цейлон» (1859).
Справа: английский лучник, натягивающий лук ногой. Из «Латреллской Псалтыри» (XIII в.)*

упоминается один из вождей — Дутугаймуну, считавшийся непревзойденным стрелком. Там говорится, что он мог попасть в цель «по слуху», то есть не видя, а только слыша ее, что он был «стрелком-молнией», чьи стрелы летели быстрее, чем удары молнии, «песочным лучником», способным послать свою стрелу сквозь повозку, наполненную песком.

Описания его подвигов сопровождалось рисунками мощных луков, которые следовало натягивать ногами. Представление об этом способе стрельбы дают рисунки цейлонских лучников из книги Дж. Теннента (рис. 69). Подобная система существовала и во времена Античности. Страбон рассказывает «о любопытном средстве, использовавшемся эфиопами для охоты на слона, — особых подставках. Во время стрельбы из мощных луков привлекали трех человек, двое из которых поддерживали лук, уперев в него ноги, третий натягивал тетиву и направлял полет стрелы».

Ксенофонт пишет о стрелках из племени кардучи (курдах): «У них были луки трех локтей в длину и стрелы длинной в два локтя. Чтобы выстрелить, они клали левую ногу на основание лука и таким образом с невероятной силой

их растягивали, выпуская стрелы с огромной силой. Они пронзали щиты и доспехи воинов, поскольку стрелы были необычайно крупными, их использовали и как метательные копья».

КАМЕННЫЕ ЛУКИ

Эти луки сконструированы таким образом, чтобы из них можно было стрелять камнями или галькой. Ручные луки представляли собой обыкновенные палки с двумя тетивами, удерживаемыми распорками или растяжками из дерева, кости или металла, которые располагались по краям. В середине двух струн прикреплялась кожаная или плетеная пластина, позволявшая удерживать метательный снаряд.

Каменные луки были известны в Европе, по крайней мере в XIV в. В 1327 г. добропорядочным жителям Лондона стали досажать хулиганы, вооруженные арбалетами и луками, стрелявшими камнями. С помощью луков они могли стрелять в переулках и боковых улочках города камнями и глиняными катышками.

В поэме «Книга об Александре», шотландском переводе с французского оригинала, предположительно написанной в XIV в., содержится описание охоты с помощью лука для метания камней:

Рядом с ним шел ребенок
С луком для метания камней в руке,
Чтобы охотиться на птиц и голубей.
Подняв лук, он натягивал его сам
И сбивал их камнями и дробинами.

Во французской версии поэмы каменный лук назван луком из дерева и сказано, что из него стреляют крупной дробью. В финансовых отчетах 1479 г. Людовика XI Французского указана оплата за стальные арбалеты и луки для метания камней, а также за отливку дроби. В 1338 г. Джеймс V Шотландский во время путешествия по Франции купил «лук для метания дроби и форму для их отливки».

Даже такой великий сторонник ружей, как Генрих VIII, не пренебрегал убогими каменными луками. В 1532 г. сре-

ди его личных трат числились и 8 шиллингов, уплаченных французскому лучнику Гильому за «катышки для каменного лука», возможно подаренного ему годом ранее на Новый год. Когда Генрих VIII умер в 1547 г., то в Описи его арсенала, переданного на склад в Гринвич, указаны «два каменных лука из тиса» с кожаной сумкой, в которой были формы, предназначенные для изготовления катышков из свинца или глины. В Вестминстере также хранились «два длинных лука, из которых можно было стрелять камнями, с кожаными мешками при них».

Каменные луки имели ограниченные возможности и предназначались в основном для охоты на мелкую дичь. В XVI—XVII вв. венецианские лагуны стали излюбленными местами охотников, вооруженных именно такими луками. На рисунке Витторе Карпаччо примерно 1500 г. изображены утки или большие бакланы, в которых стреляют из каменных луков.

Прекрасной иллюстрацией стрельбы из каменных луков может служить картина «Охота на уток» Пьетро Лонгьи, хранящаяся в пинакотеке Гверини Стампалиа в Венеции. Необычайно интересна и гравюра Дж. Франко «Деяния человеческие», на которой изображены каменные луки, хотя к этому времени охотниками уже применялось огнестрельное оружие. Причем, судя по стоящей на заднем плане лодке, загруженной дичью, охота с каменными луками иногда оказывалась достаточно успешной.

Европеец, путешествующий по западному побережью Африки в начале XVII в., сообщал, каким огромным успехом пользовалась здесь стрельба из луков: «Своим каменным, или катышковым, луком за два часа я убил двадцать голубей, причем даже неподалеку от жилых построек. Сами же (местные жители) стреляют совершенно восхитительно».

Остается только удивляться, почему столь неповоротливое оружие, мало чем отличавшееся от катапульты, оставалось популярным в то время, когда было доступно гораздо более эффективное оружие. Возможно, причина заключалась в том, что с помощью камня удавалось сбить птицу на землю, не повредив ее, как обычно происходило при применении стрелы или пули, выпущенной из ружья. Выпущавший камни арбалет производил тот же эффект, но

стоил гораздо дороже. Однако по мере того как короткое оружие совершенствовалось, а искусство стрельбы из лука постепенно забывалось, простые каменные луки исчезли отовсюду и встречались только в самых глухих уголках Европы.

В заключение нашего разговора о европейском каменном луке обязательно нужно сказать об интересных экспериментах по переделке обычного лука в каменный, или капканный, лук, которые проводились в Англии в конце XIX в.

В 1792 г. В.М. Мозли описывает их в «Очерке стрельбы из лука» следующим образом: «Небольшие пули или шары выпускаются из лука с помощью специального приспособления, напоминающего стрелу (если можно обозначить это таким образом), с отверстием, сквозь которое пропущена тетива. В головке этого стержня находится металлический ободок, на котором располагается заряд. Тетива для данного вида стрелы плотно обматывается в середине шелком, при отсутствии надобности стрелу просто снимают с лука.

Зарядив это приспособление, производят выстрел. Стрела передает заряду всю силу лука, но из-за некоторой массы стрелы скорость полета заряда уменьшается по сравнению с обычной стрелой, выпущенной из того же самого лука. Для стрельбы используют любые шары, а также мелкие оловянные пули, для удержания которых в головке стрелы устроена специальная мягкая пружина.

Почти такие же луки применялись и в ловушках, только стрела в них была сделана несколько иначе, ибо тогда для увеличения убойной силы применяли более мелкие пули: четыре оловянные пули примерно в дюйм каждая вместо одной. Их следовало расположить почти параллельно, но не совсем точно, поскольку предполагалось, что они разойдутся при стрельбе. Следует также приготовить легкую нить из шелка с небольшой свинцовой пулей, закрепленной на каждом углу, и в таком виде захватить с собой на охоту. При выстреле пули вылетают с такой силой, что могут прихватить с собой и сеть, одновременно растянув ее соответствующим образом по направлению к серой куропатке или любой другой летающей птице. Важно заметить, что сеть не прекрутится и не опустится на землю».

Рис. 70. Отстрел перелетных птиц с помощью ружья и каменного лука (см. рисунок нижней лодки) ок. Венеции. Скорее всего, первое изображение данной разновидности охоты. По книге Дж. Франко «Деяния человеческие» (1609)

Конечно, устройство, которое описывает Мозли, является вариацией старинной арабской метательной сети (мидфа мудаавар).

В Азии каменные луки известны с глубокой древности. На росписях периода династии Шан (ок. 1500—1028 до н. э.) обнаружен рисунок с изображением юноши с похожим луком в руках, на тетиве приделана сумка, предназначавшаяся для круглых камешков. На портрете Сянь Сюаня (1235—1290 н. э.), хранящемся в Британском музее, изображен юный всадник, держащий короткий обернутый ротангом лук с одной тетивой, в середине которой находится небольшой круглый мешочек. В персидской поэме Мифтаха аль-Фузалы 1471—1472 гг. упоминается лук для стрельбы глиняными или деревянными шариками (каман-михре).

В XVII и XVIII вв. азиатское огнестрельное оружие еще не достигло той степени совершенства, что была свойственна европейским изделиям, поэтому луки и стрелы по-прежнему оставались в ходу, и каменный лук наряду с другими разновидностями оставался не менее эффективным оружием. Персидские и турецкие каменные луки часто изготавливались на основе той же составной конструкции, что и обыкновенные луки, и отделялись не менее тщательно.

В Индии, Цейлоне, Бирме и Китае каменные луки (гулайл, гулель, галь дунна) были весьма распространенным охотничьим оружием. О них сохранилось множество восторженных откликов европейских путешественников и охотников. Эти луки оказались более прямыми и не такими разукрашенными, как персидские каменные луки, обычно их изготавливали из прямых полосок бамбука длиной от 3 до 5 футов.

Рукоятки индийских и бирманских луков украшены забавными фигурками животных и демонов, а сам лук тщательно покрывался лаком. Эгертон описывает тщательно изготовленный лук из Лахора, украшенный позолоченным узором по красному или зеленому фону, шарик удерживался в шелковой паутинке. Иногда делалась двойная тетива, но охотник мог использовать и только одну.

Каждый лук отделялся весьма тщательно и отличался своими индивидуальными особенностями. При выстреле следовало повернуть лук чуть влево, чтобы тетива не задела

левый большой палец. Отмечают и необычайную эффективность таких луков. Так, специалист по оружию Генри Уилкинсон писал в 1841 г., что «местные жители могут сбить из него летящую птицу на расстоянии в 40 или 50 ярдов». Естествоиспытатель Генри Форбс заявлял: «Из такого простого лука я лично убил белку, находившуюся от меня на расстоянии в 80 футов, в руках же опытного стрелка они действительно являются опасным и даже смертельным оружием».

Возможно, самое интересное описание индийского лука, стрелявшего шариками, встречается в письме, написанном британским охотником, подписавшимся «N», издателю «Охотничьего журнала» в июле 1830 г. Он пишет, что «убил порядка нескольких сотен летящих птиц, таких как коршуны, вороны, чайки, и попугая, многих с расстояния в 50 и 60 ярдов. Такова скорость того, кто практикуется в искусстве стрельбы. В одном случае, как я вспоминаю, мне удалось сделать три выстрела в чайку, пролетавшую мимо меня, промахнувшись в первый и второй раз и попав в третий.

Не прицеливаемся в конкретную цель, просто удерживаем взгляд на определенной точке, стараясь при этом держать руку как можно прямее. Шарики изготавливаются из голубой или желтой глины с добавлением небольшого количества масла, дабы избежать растрескивания при высушивании.

Шарики не должны получаться слишком легкими. Их следует поместить в специальную форму, причем величина изделия должна оказаться больше, чем мушкетная пуля, но не тяжелее, чем свинцовый шар в отношении 1 к 24 к фунту. Таким шаром можно выстрелить на расстояние в 150 футов, тогда как мушкетная пуля летит на расстояние не более 120, а пистолетная пуля № 24 — на 200 ярдов. Попробуйте для сравнения побросать стальные мушкетные шарики такой же величины.

Глиняная пуля хорошо приспособлена для упражнений в сыром климате, поэтому вполне можете практиковаться с ней и в помещении. Мишенью может служить кусок любой материи, поскольку шарики не причиняют ни шума, ни вреда».

В 1822 г. Джон Мюррей сообщал, что видел необычной формы каменный лук, использовавшийся патагонским пле-

менем абипонов. Это был короткий лук, не превышавший 3 футов в длину, изготовленный из местного дерева нетерге с плоской тетивой шириной примерно в 3 дюйма, с обмоткой из широкой полосы коры лианы или расплющенного бамбука. Он предназначался только для стрельбы глиняными шариками в птиц, тетива была постоянно взведена и отведена назад.

Хотя в древности лук для метания камней использовался как охотничье оружие, во всех известных нам описаниях говорится о том, что его использовали стражники, размещенные на стенах сиамского королевского дворца. Любой прохожий, не отдавший соответствующие почести, тотчас обсыпался шариками!

СТАЛЬНОЙ ЛУК

Когда начинаешь задумываться над тем, что в XVIII в. составной лук типа арбалета был заменен стальными аналогами, то неясно, почему того же не делалось в отношении обыкновенного лука. Мы не знаем, был ли когда-нибудь изготовлен стальной лук той же самой величины, что и составной лук, и который соответствовал бы последнему по эластичности и дальнобойности.

В 1545 г. Роджер Ашем проанализировал возможности использования металла для изготовления луков: «Бронзовые луки упоминаются еще в Библии¹. Длинные железные и стальные луки использовались турками, и все же иногда они оказывались непригодными для стрельбы. Луки изготовлялись из бронзы, железа или стали, они приобретали значительную жесткость, и далеко не всегда находились достаточно сильные люди, чтобы стрелять из таких луков на протяжении длительного времени».

Упоминание о стальных турецких луках заслуживает особого внимания, в Описи арсенала Генриха VIII, сделанной в 1547 г., встречается стальной турецкий лук.

¹ «Убежит ли он от оружия железного, — пронзит его лук медный» (Иов, 20: 24). «Изучают руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук» (Пс., 18: 35).

В Описи знаменитого арсенала Гонзага в Мантуе также указан один металлический лук. Хотя большинство других луков описаны как турецкие, о данном луке говорится только, что он изготовлен из железа. Еще в 1588 г. в Англии встречались сторонники стальных луков. Так, когда битва с испанской армадой достигла кульминации, в Совет поступила просьба «снова ввести лук, арбалет и стальной лук, как мощное оружие, не использовавшееся противником. Лук является нашим национальным оружием, он хорошо известен в нашей стране, но не используется за ее пределами. Стальной лук бьет вдвое дальше арбалета, способного поражать цель, которая находится на расстоянии 200 ярдов, и при этом перезаряжается гораздо быстрее и легче».

Нет подтверждений, что все стальные луки импортировались из Турции. На самом деле Джозеф Скелетон описывает любопытный складной стальной лук, находящийся в коллекции Мейрика, который сам владелец описывает как немецкий лук XV в. Правда, и для этого утверждения нет оснований.

Те турецкие и персидские кузнецы, которые могли создать прекрасные стальные сабли, были вполне способны изготовить и стальной лук, но большинство известных нам изделий индийского производства. Сегодня установлено, что индийские луки встречались уже при Великих Моголах (начиная с 1526 г.). Вот что говорится об этом в «Агнипуране»: «Возможно, у них был небольшой захват, и их средняя часть изгибом напоминала брови красавицы. Их обычно делали из нескольких частей или из одной, а затем украшали накладками из золота».

Встречаются две основные группы стальных индийских луков. К первой относились те, что изготовлены из цельного куска с захватом и «ушами» из рога, дерева или слоновой кости, приклепанными к металлическому основанию. У изделий второй группы конечности делались отдельно и привинчивались к рукоятке. Обе разновидности щедро раскрашивались или покрывались серебром и золотом. Ранние образцы луков трудно идентифицировать. Все те, что находятся в Сандрингемской коллекции, датируются XIX в.

Индийские оружейники изготавливали также стальные луки, состоящие из двойных пружинных полос. К ним близки по конструкции, хотя и немного отличаются от них те изделия, что находятся в Музее Питта Риверса в Оксфорде, их длина составляет от 2 до 2,5 фута. Их изобретение приписывают неутомимому пропагандисту силы упругости Ричарду Эдвардсу Ходжсу. В 1849 г. он получил британский патент на «усовершенствования в механических приспособлениях, которые можно применять как целиком, так и как часть снаряда».

В патенте также упоминается о возможности выбрасывания снарядов из ствола по принципу арбалета, сам Ходжс изготовил несколько таких ружей (см. главу «Арбалеты»). В патенте представлен лук длиной 18 дюймов, изготовленный из желобчатой металлической трубки. Метательная сила возникала не за счет изгиба лука, а от веревки или тетивы, сделанной из «вулканизированного каучука», то есть резины, в невытянутом состоянии он составлял 9 дюймов в длину.

Несколько таких катапультных луков изготовили в Викторианскую эпоху. Обычно их оснащали рукояткой коричневато-красноватого цвета. В патенте также представлена и деревянная чаша, которую можно было удерживать в руке. Чтобы закрепить небольшую стрелу, применялся эластичный специальный шнур.

Глава 5

АРБАЛЕТЫ

По конструкции арбалет представляет собой лук, в середине прикрепленный к деревянному ложу (станку), что принципиально отличает его от лука по способу прицеливания. Перед выстрелом арбалет взводили, отводя назад тетиву до зацепления за спусковой крючок, вмонтированный в станок. Когда тетива удерживалась в натянутом положении, можно было вложить стрелу, навести арбалет на цель и отпустить тетиву, нажав спусковой крючок (похожим образом действует и огнестрельное оружие).

Для стрельбы из арбалета не требовалось ни большой физической силы, ни такой длительной тренировки, как при обращении с луком. Разнообразные приспособления позволяли зарядить даже мощный арбалет, не прилагая больших физических усилий. За многие годы существования арбалетов оружейники разработали различные механические приспособления для взведения тетивы, стремясь облегчить этот несложный процесс.

Трудно сказать, когда появились арбалеты, самые ранние их образцы найдены в Китае. На росписях и рельефах из погребений периода династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) можно увидеть различные конструкции арбалетов с оригинальной формой замка и спускового крючка. В различных районах страны найдены литые бронзовые замки для арбалетов. Замок из гробницы Юй Вана в Сучжоу относится к 228 г. до н. э., то есть к концу династии Чжоу. В другой могиле, обнаруженной в Шаньго, нашли целую рукоятку арбалета с заряженным механизмом.

Устройство арбалетных замков достаточно подробно описано в древних китайских рукописях, в частности там сказа-

но, что они могли действовать и без пружины. Хотя нельзя точно датировать некоторые рукописи, по крайней мере в одной — «Ши цзи», написанной примерно в 100 г. до н. э., сообщается об использовании необычного арбалета во время сражения при Ма-лине в 341 г. до н. э.

В другом абзаце этой книги описаны ловушки с арбалетами, изготовленные для защиты гробницы великого императора Цзин Ши, умершего в 210 г. до н. э. Упоминание о ловушках заслуживает особого внимания, поскольку некоторые специалисты полагают, что арбалеты появились, вероятно, в ходе усовершенствования охотничьих ловушек с самострельными луками. Обычно развитие боевого оружия опережало охотничье.

Скорее всего, арбалеты пришли в Европу с Востока во времена Римской империи, хотя сами римляне использовали данное оружие в основном в виде аркабалист — больших арбалетов, установленных на деревянных станинах. Им была известна и меньшая форма арбалетов, хотя из-за своей достаточно большой величины они вряд ли использовались пехотой или применялись в качестве охотничьего оружия, обычно из них стреляли с упора. Герон Александрийский (I в. до н. э.) описывает конструкцию гастрوفета — небольшого арбалета, который для взвода упирали в область желудка и толкали мышцами живота (отсюда и название). Книга, вероятно, основывается на утраченном сочинении Ктезибия из Александрии, жившего в середине III столетия до н. э. На реконструкции XVII в. видна зубчатая опора, сделанная из двух скользящих частей, а также спусковой крючок, удерживаемый собачкой (рис. 71).

Натяжение гастрوفета требовало большой физической силы. Поэтому Герон замечает, что в его дни луки были гораздо сильнее и прочнее. Далее он переходит к описанию поворотных механизмов, использовавшихся для сгибания очень мощных луков. К сожалению, он не описывает, по крайней мере используя четкую терминологию, из каких материалов изготавливались сами луки. В частности, не указывает, что конкретно использовали: сталь, бронзу (применявшуюся Ктезибием для пружин катапульты), дерево или рог.

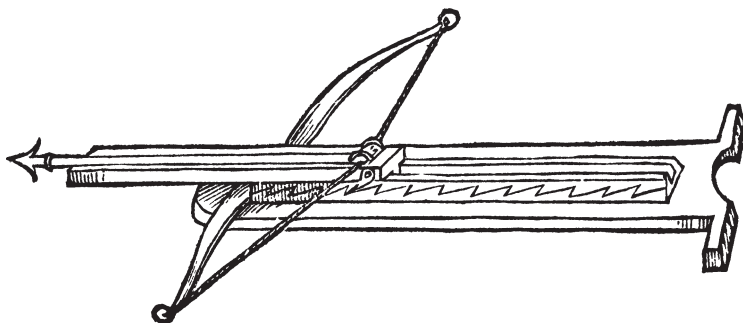

Рис. 71. Греко-римский арбалет (гастрофет) по рисунку из книги Heronis Ctesibii Beleпоеса (1616)

Греческий историк Арриан (ок. 96—180), в течение некоторого времени занимавший командные должности в римской армии, описывает в своем трактате «Искусство тактики» отдельные действия кавалерии: «Они показали стрельбу снарядами различного рода, с помощью легких дротиков или болтов, выпускавшихся не только из луков, но и из машины». Позволим себе предположить, что в последнем случае речь идет о какой-то форме ручного арбалета. Однако большие классические скульптуры, рельефы и мозаика позволяют составить представление обо всех видах оружия от ручных пращей до огромных осадных машин. Однако там нет никаких упоминаний об арбалетах, больших или маленьких.

Первое свидетельство существования арбалетов датировано только несколькими столетиями спустя. На резном камне из галльско-римского погребения примерно 300—400 гг. н. э. из Полиньяк-сюр-Луара (сегодня хранится в Музее Грозетьер в Пюи) представлены изображения предметов охотничьего снаряжения. Среди изображенного оружия находим и очевидный образец ручного арбалета и колчана (рис. 72). Находящийся в том же самом музее галльско-римский каменный рельеф покрыт изображениями охотников, один из которых держит в руках оружие, весьма похожее на арбалет. Толщина и форма луков позволяет предположить, что они были сложной конструкции.

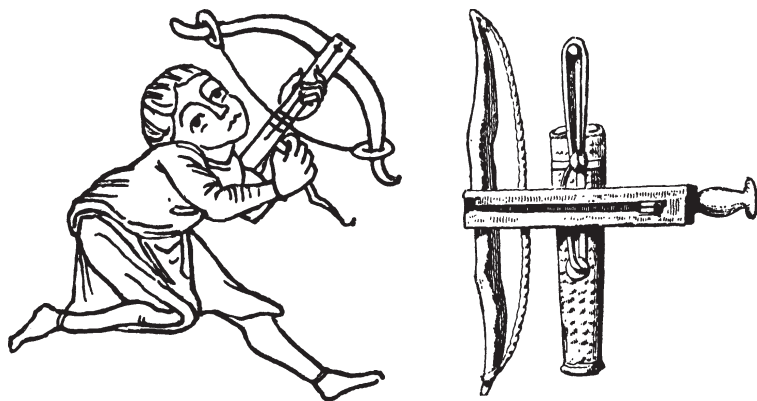

Рис. 72. Слева: Арбалетчик X в. Из Книги пророка Иезекииля (Национальная библиотека, Париж). Справа: из римской могилы ок. 400 г., обнаруженной в Полиньяк-сюр-Луаре (Франция)

Примерно в то же самое время римский военный автор Вегеций в книге «О военном деле» ратует за использование арбалета, полагая, что он подходит для легковооруженных воинов. Именно в это время появляются различные приспособления для взведения арбалета. Самым ранним был приставной железный рычаг, называемый «козья нога». У более мощного арбалета тетиву натягивали зубчатым механизмом, а для самых больших и дальнобойных применяли ворот с блоками и двумя рукоятками. Арбалеты с рычагом для взвода тетивы использовали и как военное, и как охотничье оружие. Поскольку свидетельства о его применении немногочисленны, то можно сделать вывод, что арбалет не пользовался особой популярностью.

Фактически исторические свидетельства о его использовании начиная примерно с 500 г. и позже почти отсутствуют и встречаются только в X в. в рукописной «Истории», написанной французским хронистом Рише. Как он отмечает, арбалеты использовались в битвах при Сенлисе и Вердунне в 947 и 985 гг. соответственно. Первое изображение арбалетов, вероятно, появилось в рукописной Книге пророка Иезекииля работы монаха Хаймо из Оксерра (рис. 72).

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРБАЛЕТЫ

Первые арбалеты появились в вооружении европейских армий в IX в. Хотя на гобеленах из Байе не встречаются изображения арбалетов, Гильом де Пуатье, биограф Вильгельма Завоевателя, утверждает, что они составляли часть вооружения нормандской армии в битве при Гастингсе. В поэме, предположительно написанной Ги, епископом Амьена, известной только по не очень хорошего качества копии XX в., где описывается это сражение, также содержатся упоминания о метких арбалетчиках Вильгельма Завоевателя.

В Книге Судного дня (1085—1086) упоминается «Одо-арбалетчик», являвшийся хранителем королевской собственности, находящейся в Йоркшире. Интересное изображение арбалета находим и в рукописи, которая датируется примерно 1086 г. Это каталанская копия «Четырех всадников апокалипсиса» из комментариев испанского монаха Беатуса Ливанского, составленных в VIII в. (сегодня хранится в Кафедральной библиотеке Бурго-де-Осма). На ней изображен всадник с небольшим натянутым арбалетом в руке (рис. 73).

Полагают, что Вильям Руфус был убит в Новом лесу во время охоты именно арбалетным болтом. Правда, до этого времени по-прежнему имелись только несколько упоминаний, указывающих на то, что арбалет рассматривался как оружие, имеющее особое применение. Однако где-то между 1118 и 1148 гг. византийская принцесса Анна Комнина написала «Алексиаду», где описывает арбалеты, показавшиеся ей новым и ужасным оружием: «Варвары используют арбалет (зангр или цагра), это оружие совершенно неизвестно грекам. Чтобы натянуть его, одни используют правую руку, держа его в левой, другие держат тетиву двумя руками. Этот инструмент войны, который стреляет на огромные расстояния, следует натягивать лежа почти на спине, с силой упершись ногами о соответствующие полукружия лука. Взяв тетиву двумя руками, ее натягивают одним рывком, используя всю силу тела.

В средней части арбалета находится желобок в форме цилиндра, разрезанного пополам длиной примерно в половину стрелы, он идет от тетивы к центру лука. В этот желобок кладут различные стрелы перед выстрелом. В ос-

Рис. 73. Конный арбалетчик со взведенным и заряженным арбалетом. Фрагмент из «Четырех всадников апокалипсиса». Кафедральная библиотека, Бурго-де-Осма, Испания

новном они короткие, но с необычайно толстыми, тяжелыми концами. Во время выстрела тетива толкает стрелу с такой силой, что ее удар неотразим, она пробивает щит или тяжелый железный нагрудник и, пронзив тело, вылетает с другой стороны, продолжая столь же неотразимый полет.

Известно даже, что стрела такого типа сумела пробить бронзовую статую. Когда ее выпускали в стену очень большого города, ее конец или выходил с наружной стороны, или поглощался стеной и тоже исчезал из вида. Воистину эту стрелу можно назвать дьявольской машиной».

Не только принцесса выступала с критикой арбалетов. В 1139 г. на Втором лютеранском соборе, проводившемся под эгидой папы Иннокентия II (1130—1143), приняли 29-й канон, в котором указывалось, что арбалет является «оружием, противным Господу и непригодным для использования христианином». Однако крестоносцы не испытывали мук совести, применяя арбалеты против неверных, и Ричард I оказался одним из тех военачальников, кто поощрял их использование.

Рассказывают, что он лично убил из арбалета нескольких сарацин во время осады Аскалона и сам пал жертвой арбалетного болта при осаде замка Шалу в Нормандии в 1199 г. Тот факт, что это произошло во Франции, показывает, что к религиозным запретам далеко не всегда прислушивались. Папа Иннокентий III (1198—1216) счел необходимым повторить запрет, но к началу XIII в. повсеместно игнорируется декрет, и вскоре арбалеты получают широкое распространение.

Изучение истории оружия позволяет прийти к выводу, что почти все ограничения, выносимые в связи с запрещением конкретных видов оружия, вводились потому, что они считались новым и смертоносным приспособлением. Нередко так реагировали и на известное оружие, которое неожиданно начинали применять в новой сфере деятельности. Примером последнего случая может служить карманный пистолет, который на протяжении XVI в. считали оружием убийц, или пневматические ружья, считавшиеся в XVIII в. оружием снайпера.

Несмотря на действующий в Европе на протяжении XII в. запрет на использование арбалетов, в их внешнем виде происходили значительные улучшения. Нагляднее всего они отразились в конструкции составных луков. Только один факт мешает принять это предположение: из описаний становится ясно, что большинство европейских арбалетов продолжали изготавливать из дерева. Возможно, усовершенствование арбалетов проходило по пути создания более легкого и надежного спускового механизма.

Неизвестно, какое именно устройство замка или фиксатора тетивы использовалось в упоминавшихся нами первых европейских арбалетах, потому что не сохранилось ни

одного полностью укомплектованного экземпляра. Однако из иллюстраций к рукописям XI и XII вв. видно, что у луков имелся длинный нижний рычаг, который нажимался при выстреле. Описание арбалетов приводится и в арабской рукописи «Тафсират», написанной Марди ибн Али аль-Тарсуси около 1180 г. К сожалению, из описаний и рисунков неясно, какой именно спусковой механизм использовался. Как считает Марди, один арбалет натягивался с помощью лаулаба. Но данное слово может означать как рычаг, так и ворот или лебедку.

Приведем описание механизма натягивания арбалета другого типа: «Поместив ногу внутрь лука и зацепив тетиву за поясной крючок, человек тянет его своей спиной до тех пор, пока тетива не доходит до защелки спускового рычага. Подняв рычаг, он закрепляет тетиву специальным поворотным замком, похожим на легкий шкив на железной оси, соединенный с передаточным рычагом, затем, взяв арбалет в руки, вкладывает болт внутрь направляющего желоба. Прицелившись, он нажимает спусковой рычаг, шкив поворачивается, тетива освобождается, болт приводится в движение и вылетает в цель».

Поясним приведенную нами цитату: «шкив» можно интерпретировать как муфту в стволе, «рычаг» означает спусковой крючок. Спусковой механизм устроен по принципу храповика. Вращающаяся на оси муфта была сделана из металла или кости и вставлялась в специальную выемку в верхней части ложа. В его верхней части имелась бороздка, предназначенная для тетивы. Снизу находилась выемка, иногда укреплявшаяся железом, в которую входил конец спускового крючка. Когда спусковой крючок нажимали, муфта поворачивалась и освобождала тетиву, удалявшую по стреле.

В 1893 г. в погребении, раскопанном в Уилтшире, обнаружили скелет человека, захороненного вместе со своим арбалетом, ножом и инструментами. Сохранились только фрагменты арбалета, но в них входит костяная вращающаяся муфта. Могила датируется последними годами пребывания римлян в стране.

Нечто похожее на костяной арбалет обнаружили в крэнноге, или озерном жилище, в Бустоне, неподалеку от озе-

ра Килмор в Шотландии. Одновременно с ним нашли монету VI—VII вв. Следовательно, в Северной Европе спусковой механизм на основе вращающейся муфты использовался в арбалетах достаточно давно.

Самыми первыми образцами европейских арбалетов считаются остатки двух деревянных устройств, обнаруженных во время раскопок замка Лиллё близ Кристианштадта в Швеции, а также деревянный лук XIV в., хранящийся сегодня в Ландсмузеуме в Цюрихе. В ложах данных арбалетов имеется выемка, вырезанная таким образом, чтобы в ней удерживалась тетива, а также специально высверленное вертикальное отверстие для спускового крючка. Скользящий вверх и вниз колышек цилиндрической формы связывается с нижним рычагом. Когда рычаг поднимается, то колышек выталкивает тетиву из выемки.

Возможно, что именно данная форма арбалетного спускового механизма представлена на изображениях арбалетов в Книге пророка Иезекииля (X в.), о которой шла речь выше, правда, по одной детали сложно судить об этом наверняка. Хотя конструкция «колышек—впадина» позволяла создать простой и дешевый арбалет, на изготовление которого в основном шло дерево, все же очевидно, что он никогда не сравнился бы по популярности с вращающейся муфтой, применявшейся в охотничьих арбалетах.

Однако при определенных условиях, например на борту судна, именно такой арбалет обладал определенными преимуществами. Скорее всего, такой арбалет брали с собой голландские и португальские матросы во время своих первых путешествий вдоль западного побережья Африки в XV в. Их заимствовали и скопировали африканские племена, которые до этого использовали похожие по конструкции луки для охоты. Об этом мы еще поговорим.

В начале XX в. скандинавские китобои продолжали использовать такие арбалеты для метания гарпунов. Они представляли собой достаточно грубое, полностью изготовленное из дерева оружие длиной примерно в 4 фута и достаточно мощное, чтобы метать гарпун. Его натягивали воротом с деревянным рычагом и стреляли деревянным болтом, заканчивавшимся железным копьём, иногда напоминавшим миниатюрный гарпун.

В 1368 г. мамелюкский лучник Тайбуга упоминает различные национальные типы арбалетов. К тому времени у франков был ярх, у магрибцев — лакша, персы и турки использовали занбурак, а мамелюки — бандук. К сожалению, как и многие древние авторы, он не описывает их устройство. Поэтому у нас нет оснований для предположения, что в их конструкции преобладал какой-то один тип спускового механизма. Остается неясным другое: почему арбалеты стали так популярны во время Крестовых походов. Очевидно, что возвращавшиеся на родину французские и английские рыцари привозили с собой не только образцы арбалетов, но и людей, обученных обращению с ними.

Свой вклад в распространение этого оружия по всей Европе сыграли и мусульмане, проживавшие в Испании и Сицилии. К началу XIII в. в документах Франции и Англии встречаются многочисленные упоминания об использовании арбалетов. Отмечается, что они изготавливались из дерева, тиса, вяза, а также из рога.

Более интересным предметом изучения являются имена лучников. Говорится, что в 1205 г. Питер, лучник-сарацин, был отправлен к констеблю Нортгемптона (Англия), где ему положили жалованье в 9 фунтов в день. Имена лучников, получавших жалованье и содержание, находившихся на королевской службе, подтверждают их иностранное происхождение: Ламберт Кассельский, Жерар де ла Бар, Питер Лиможский, Никола из Лима, Джон де Грон, Гильом и Питер де Озей, Роже де Гайа, Андре де Памплон, Люс Испанец, Филипп Бретонец.

Заметим, что французские, испанские и сарацинские изготовители арбалетов ревностно относились к своей профессии, в течение многих лет методика изготовления некоторых разновидностей луков, особенно тех, что состояли из нескольких частей, тщательно охранялась, являясь профессиональным секретом.

Сопровождавшие процесс изготовления тайны и загадки привели к тому, что обыватели верили, будто луки изготавливались из фаллоса слонов. В конце XV в. король Рене Анжуйский послал арбалет необычной конструкции маркизу дю Плесси. В сопроводительном письме говори-

лось, что его изготовил один сарацин из Барселоны, отказавшийся передать свое мастерство христианам.

Тщательное изучение конструкции арбалетов XV в. позволило выявить сложную методику их изготовления. Оказалось, что сердцевина лука состояла из слоя китовой кости, на которую с каждой стороны наклеивались полосы из тиса. Все изделие покрывалось обмоткой, изготовленной из сухожилий, пропитанных животным клеем. После высыхания лук приобретал слегка подковообразную форму. Выступавшие части лука защищались изогнутыми кусками рога, остальное закрывалось слоем древесной коры. Поскольку конструкция лука была неизвестна, а сверху он был закрыт, то создавалось впечатление, что он целиком изготавливался из рога. Отсюда и общее название периода бытования такого типа луков — «роговой».

Хотя и очевидно, что рог не использовался как одна из основных составляющих арбалетов, описанных нами выше, все же он относился к тем компонентам, которые применяли для усиления упругости внутренней части арбалетов, точно так же, как и для той же самой части ручных луков. Так, в 1240 г. лондонские шерифы получили указание обеспечить констебля Тауэра сухожилиями, рогом и клеем для создания арбалетов.

В список материалов для создания арбалетов, затребованных Робером д'Артилье из Руана в 1358 г., входят тис, воск, смолистые материалы, колесная мазь, уголь, клей, расщепленные воловьих сухожилия, рог барана и лак. Обратим внимание, что сюда не входила китовая кость. Что касается лака, то он, скорее всего, использовался в качестве покрытия концов лука, заменяя кору.

Другое свидетельство относится к 1226 г., в нем говорится о том, что лучники Генриха III покупали клей и кору, чтобы покрывать королевские арбалеты, но не ясно, какую именно кору они использовали. Сегодня, например, используют кору пробкового дуба. Он в изобилии встречается в разных районах Испании и вполне мог использоваться для этой цели местными изготовителями арбалетов. В документах указывается, что чаще всего в качестве материала для тетивы использовались просмоленные нити.

Однако в больших арбалетах, в которых применялись струнные держатели и другие механизмы, использовали волосы из конских или бычьих хвостов. В 1337 г. Никола Пику и Роберт де Манифилд были специально направлены в районы Кента, Эссекса и Суррея, чтобы достать «как можно больше волос каретных лошадей и других тягловых животных, которые требовались для изготовления тетивы для арбалетов и другого оружия». В качестве достойной замены волос животных рассматривались длинные женские волосы. Так, при осаде Карфагена (146—147 до н. э.) в катапультах защитников применялись волосы рабынь.

Особой проблемой при изготовлении арбалетов была защита всех его частей, а особенно лука и тетивы, от влаги. Набухшая тетива теряла эластичность и натягивалась с большим трудом, а лук мог потерять свою силу. Чтобы избежать попадания влаги, лук защищали с помощью коры и лакового покрытия, а тетиву пропитывали смолой. Хранили арбалет в специальном контейнере, сделанном из холста или кожи. В 1239 г. граф Линкольна, констебль Честера заплатил 5 шиллингов за холст, чтобы сделать чехол для королевского арбалета.

На некоторых охотничьих сценах в «Домовой книге», датируемой примерно 1480 г., изображены такие чехлы, защищающие лук и тетиву (рис. 74). Конкретные примеры находим и в арсенале императора Карла V, а также в серии гравюр, известных как «Иллюстрированная опись», выполненных в 1440 г. Обычно лук арбалета покрывался прямоугольным чехлом с каким-либо рисунком.

Однако на некоторых чехлах не встречается отделка из лака. Когда Людовик Брюггский, или лорд Грютеус, как его именует хронист, посетил Эдуарда IV со специальной миссией от Карла Бургундского, английский король пожаловал его «королевским арбалетом с тетивой из шелка, в бархатном футляре цветов короля, украшенном его гербом и знаками». Во время езды на лошади арбалет переносился на перевязи или наплечном ремне.

Отличительной особенностью арбалета является использование коротких тяжелых стрел, известных под названием болт или кваррел. Они имели длину примерно 30 см и

Рис. 74. Конный арбалетчик с колчаном и подвешенным у пояса арбалетом. Деталь из «Домовой книги» XV в.

диаметр 15—20 мм. Болты изготавливались из хорошо высушенной древесины, причем выбирались прочные сорта: бук, тис, ясень, дуб или береза, оперение делалось из тонких полосок дерева, кожи, рога и иногда бронзы. В 1659 г. один из гостей, побывавших в Дуврском замке, сообщал,

что видел «длинные луки, арбалеты и стрелы к ним с опечением из бронзы».

В зависимости от боевого или охотничьего назначения к арбалетным стрелам прикреплялись железные головки различной формы. Для военных целей предназначались заостренные головки круглого или квадратного сечения с небольшими гранями.

Для охоты на разную дичь было разработано множество вариантов стрел. Для изготовления арбалетных стрел требовалось достаточное количество дерева и металла. Главным центром данного производства в Англии был замок Бриавель в Дин-Форест, где располагались мастерские и склады. Количество производимой здесь продукции с 1223 по 1293 г., в основном представителями семьи де Мельморт, как полагают некоторые исследователи, составляло почти миллион изделий. Приведенная нами цифра позволяет составить некоторое представление об уровне популярности арбалетов в то время.

Многочисленные упоминания об использовании арбалетов в XIII в. также говорят о том, что использовались несколько разновидностей луков. Обычно упоминают два основных вида материалов, использовавшихся для изготовления луков: дерево и рог. Кроме того, в описаниях проводятся особые различия между луками, натягивавшимися одной или двумя ногами.

Оба типа арбалетов встречаются в литературе Западной Европы, включая и Испанию. Обычно принимается следующее объяснение для этих терминов: натягивавшиеся двумя ногами луки относятся к тем, что описаны принцессой Анной Комниной и Марди, мы их упоминали выше. Они натягивались лучником, помещавшим обе ноги на лук и оттягивавшим веревку назад рукой или с помощью поясных крючков.

Что же касается луков, натягивавшихся одной ногой, то у них к передней части ложа прикреплялось металлическое стремя, на которое стрелок наступал ногой, после чего натягивал тетиву руками. Такое стремя часто упоминается, чтобы выделить арбалет как специальную разновидность оружия. Поэтому такой арбалет называли «баллиста со стремяем» или стриподиум (в Англии и Франции),

стрево (в Италии) и эстрибера (в Испании). В 1305 г. в Англии цена лука для одной ноги составляла 3 шиллинга 6 пенсов, для двух ног — 5 шиллингов. В «Ценных бумагах казны» Ф. Девона (Лондон, 1837) мы обнаружили отсылку на «арбалеты в три ноги» по цене 8 шиллингов каждый.

Определенную сложность вызывает идентификация средневековых и современных терминов, обозначающих различные механические приспособления, помогавшие натягивать мощные арбалеты. Уже римляне использовали для этого ворот, полиспасть или лебедку, без сомнения, именно о них идет речь, когда в английских и французских документах XIII—XIV вв. употребляются термины *arbalet-a-tours* или просто *de torno*.

Образцы ранних лебедок не сохранились, а из иллюстраций того времени можно составить только приблизительное представление об их действии. Более простым приспособлением и, судя по частоте его появления на иллюстрациях, самым популярным из ранних натяжных устройств оказался металлический крючок. Вначале его, возможно, держали в руке, затем прикрепляли к поясу, и именно такая форма встречается на рисунках.

Используя такой крючок, лучник зацеплял за него тетиву арбалета, а затем толкал вниз его ложу. При применении другого способа он наступал ногой в стремя, а затем нагибался, удерживая арбалет за основание, пока тетива не зацепится за крюк. Выпрямляясь, он натягивал тетиву до зацепления за спусковой крючок. Документальным свидетельством именно такого использования луков могут служить иллюстрации, приведенные в «Псалтыри Лютера» примерно 1340 г. и «Псалтыри королевы Марии» начала XIV в. (рис. 75).

На иллюстрациях из Библии Велислава, написанной в Богемии около 1340 г., видно, что солдаты носили крюк на небольшом ремешке, протянутом через прорезь в поясе, чтобы он всегда находился спереди. Трудно подобрать современный термин для поясного крючка, но в некоторых немецких описаниях XIV в. встречается обозначение *Ruckambrust*, то есть натягиваемый или схватываемый арбалет, возможно, что это был именно лук, натягиваемый с помощью поясного крючка.

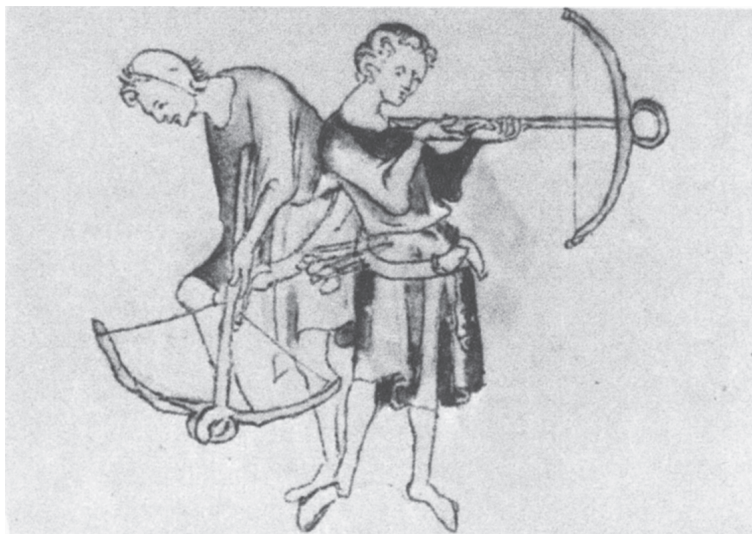

Рис. 75. Охотники с деревянными арбалетами. Один стреляет в птицу, сидящую на дереве, другой натягивает лук, поместив ногу в стремя, поясной крючок прикреплен к тетиве. Деталь из «Псалтыри королевы Марии» XV в.

После усовершенствования методики конструирования и с помощью перечисленных нами механических приспособлений арбалет превратился в важнейший вид боевого оружия. В то же время он не очень высоко котиrowался как оружие для охоты. Средневековый охотник предпочитал догонять свою дичь пешком или на лошади, а загнав зверя, обычно приканчивал его с близкого расстояния с помощью копья или сабли. Заслуживает внимания тот факт, что в изданной в XIV в. «Книге королевских манер» нет ни упоминаний в тексте, ни изображений арбалетов. В относящейся к началу того же столетия рукописи «Псалтырь королевы Марии», где подробно охарактеризована деятельность гончих и использование лука, включено только одно изображение арбалета, который использовался для охоты на сидящую дичь, скажем для отстрела птиц на деревьях.

ПОЯВЛЕНИЕ СТАЛЬНЫХ АРБАЛЕТОВ

Началом XIV в. датируется новая стадия развития оружия — появились стальные арбалеты, и производить их стали кузнецы и оружейники. Теперь охотники перестали зависеть от мастерства одиночек, изготавливавших составные луки. Первоначально стальной лук прикреплялся к основанию с помощью обычных ремней, и лишь со временем им на смену пришли стальные крепления, что позволило изменить радиус действия и привело к созданию как гигантских, так и крошечных разновидностей этого оружия. При стрельбе на небольших дистанциях болт, выпущенный из стального арбалета, летел с большой скоростью и обладал большой пробивной силой.

Казалось, все указывало на преимущества нового оружия, но, как обычно бывает со всем новым, данное изобретение не сразу стало пользоваться особым расположением охотников, многие по-прежнему предпочитали старый составной лук. Кроме того, существовали сложности в производстве из-за необходимости закалки стали. О подобных сложностях говорится в письме, направленном в 1469 г. Джоном Пастоном (1444—1503), защищавшим замок Кастер (Норфолк), своему брату: «И также, сэр, мы распространили среди защитников Кастера арбалеты со стальными луками, до этого они использовали те, что были изготовлены из тиса, эти же принадлежат весьма умелым мастерам из Лондона. Пришли мне деревянный лук, а я пошлю тебе в обмен те арбалеты, которые сломались, среди них и твой собственный зеленый лук, и лук Роберта Джексона, и лук Джона Пампинга. У них так много поломок, что из них нельзя стрелять, хотя они изготовлены совсем недавно».

В 1455 г. Жиль де Буве писал о том, что арбалеты из рога «не ломаются от мороза, напротив, они становятся только прочнее». По той же самой причине Максимилиан I рекомендовал использовать для охоты на серн арбалеты из кости, а не стальные (рис. 76). Первоначальное отвращение к стальным лукам породило и эпизод, изображенный на одной из иллюстраций в книге *Theuerdank* (1517). Там рассказано, что негодяй Унфало одалживает герою книги (Максимилиану) стальной лук, который при первом же выстреле ломает-

ся, срывая шапку с его головы и серьезно ранив одного из слуг. Однако именно с помощью стального лука Максимилиан превзошел в меткости Иорга Пургхардта, стрелявшего из ружья. Тогда Максимилиан убил серну на расстоянии 100 клафтеров, или более чем 200 м.

Рассказывают и другую историю, которую можно считать примером необычайно меткого выстрела из стального арбалета. Два брата — рыцари Ганс и Ульрих Фрундсберги жили в своих замках по разные стороны долины в Тироле. Однажды братья сильно повздорили, и Ульрих убил Ганса. Он выстрелил из арбалета из своего замка и попал в брата, стоящего около окна своего замка. Расстояние между замками было примерно 450—500 ярдов.

КРЕПЕЖНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

К концу XV в. арбалет стал более компактным, появилось множество разнообразных механических приспособлений для натягивания луков, и его повсеместно стали применять на охоте, так как стало возможным перевозить оружие на спине лошади. Механические приспособления можно разделить на пять групп: поясной крючок, рычаг типа «козья нога», ворот, винт с храповиком, полиспасть и домкрат.

Рассмотрим каждый из них. Единичный или двойной крючок, подвешенный на короткую веревку на поясе, оказался самым простым и, вероятно, первым из натяжных инструментов. О некоторых разновидностях мы уже писали выше. В рукописи Конрада Кизера *Bellifortis* примерно 1405 г. предлагается более сложная разновидность крючка: вместо ремешка на поясе крепилась прямоугольная металлическая коробочка с защелкой. В нее вставлялась специальная зубчатая рейка, установленная на ложе арбалета.

Поясным крючком мог пользоваться только физически сильный человек. Чтобы облегчить натяжение тетивы, уже в XV в. появилось полезное усовершенствование — к крючку прикрепляли блок, соединенный веревкой с другим блоком, то есть простейший полиспасть. Арбалетчик, использующий такое приспособление, иногда называемое «поясом Самсо-

Рис. 76. Император Максимилиан, стреляющий в серну из составного арбалета. Фрагмент гравюры из книги Weisskunig (1526)

на», изображен на картине «Мученичество святого Себастьяна» Антонио Поллайоло (1475), хранящейся в Национальной галерее в Лондоне.

Охотники требовали, чтобы оружие было легким, а обращение с ним не требовало большой затраты сил и времени. В рукописи XV в. Гастона Феба, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, изображены использовавшиеся в его время простые поясные крючки. Однако, даже оснащенные полиспастом, поясные крючки оказывались неудобными для натяжения мощных арбалетов со стальными луками. Наиболее эффективным натяжным приспособлением для таких луков оставалась лебедка, то есть ворот, соединенный с храповым механизмом.

В континентальной Европе такое приспособление называли английским воротом. Оно состояло из металлического корпуса, прикрепленного к концу арбалетной ложи. В коробке располагалась катушка с храповиком. На двойной веревке был прикреплен крюк или специальный захват для тетивы. Находившиеся с каждой стороны оси прочные рукоятки позволяли наматывать веревку и натягивать даже самые мощные стальные луки.

Простейшая форма ворота представлена в Bellifortis. У поздних и более сложных форм лебедок имелись двойные и тройные системы блоков и веревок, которые, хотя и позволяли легко натягивать луки, отличались солидным весом и требовали особых навыков. Это приводило в конечном счете к тому, что приспособление оказывалось слишком громоздким и его практически нельзя было использовать на охоте.

Возможно, душеприказчики Ричарда Токи, умершего в 1391 г., описывают именно арбалет с воротом (оцененный в 2 шиллинга): «Один арбалет с лебедкой». Однако именно лебедка оказалась самым подходящим средством натяжения для боевых и прицельных арбалетов. В Описи имущества сэра Джона Фальстафа, составленной в 1459 г., читаем следующую запись: «Пункт III — один большой арбалет со стальным луком и двойной лебедкой».

Одними из самых первых средств натяжения арбалетов считаются винты и ручные механизмы с зубчатыми рейками. Они применялись у первых осадных луков. Захват такого устройства соединялся с концом длинного винта дви-

гавшегося вдоль арбалетной ложи. На конце винта располагалась удобная рукоятка. Само устройство представляло собой прочную нарезную втулку и размещалось на дальнем от лука конце ложи.

При повороте рукоятки начинал вращаться винт, который тянул за собой тетиву. Как только тетива зацеплялась за спуск, рукоятка поворачивалась обратно и тетива освобождалась. В больших арбалетах натяжные устройства встраивались внутрь ложи, становясь их постоянной частью. Пример такого арбалета, установленного на козлах, можно увидеть на иллюстрации к уже упоминавшейся нами рукописи Уолтера де Мильмета 1326—1327 гг.

Большие по размеру арбалеты, натягивавшиеся винтовыми механизмами, запечатлел на своих рисунках Леонардо да Винчи в *Codex Atlanticus* (1505—1510). Устройство, используемое в этих больших арбалетах, было известно в Германии еще в Средние века и называлось *Raubpank* или *Reispankl*. Винтовые механизмы разрабатывались для того, чтобы облегчить натяжение арбалета, а не его спуск. Подтверждение сказанному находим на иллюстрациях в рукописном трактате, написанном Мартином Лоффелгольцем из Нюрнберга в 1505 г., другое изображение встречаем на изображении битвы при Уэрте в Мадриде.

У портативных арбалетов, натягиваемых винтом с помощью ручного механизма, стержень размещался в специальном канале внутри ложи и вращался за специальный вороток на его конце. Сохранились несколько изображений ручных арбалетов данной конструкции, например в книге Вальтурия «Военное искусство» 1472 г. (рис. 77). Основным неудобством подобных винтов и ручных воротов была необходимость их разборки перед прицеливанием и сборки перед следующей зарядкой оружия.

Интересную разновидность такого устройства находим в книге *Bellifortis*. Винтовой стержень пропускался сквозь металлический корпус со специальной разъемной гайкой внутри, наподобие коробки с прицелом. Передняя часть стержня свободно поворачивалась в основании длинного двойного крючка, зацеплявшегося за тетиву лука. С другого конца на винте находилась удобная рукоятка, чтобы поворачивать винт и отводить тетиву в нужное положение.

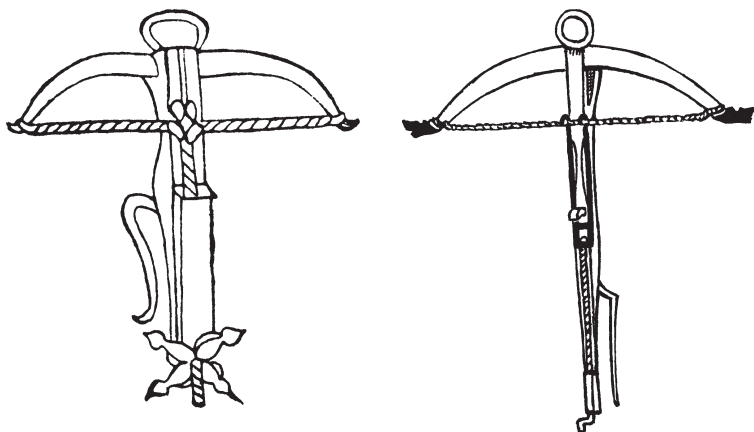

Рис. 77. Завинчивающиеся и ручные арбалеты.
 Слева: рисунки из книги Вальтурия «Военное искусство».
 Справа: из книги К. Кизера Bellifortis (ок. 1405)

При выстреле гайка разъединялась, и тетива высвобождалась (рис. 77). При такой конструкции винт почти равнялся луку, который он «обслуживал», и все приспособление получалось достаточно тяжелым для переноски.

Таковыми устройствами оснащали и небольшие арбалеты (итальянское название — балестрины) с пистолетными рукоятками. Они обычно делались полностью металлическими, а взводились с помощью барашковой головки. В Королевском арсенале в Турине находятся три прекрасных образца такого оружия. Вполне справедливо, что их считали оружием убийц.

Более удобным и портативным приспособлением для взведения арбалета был домкрат с зубчатой рейкой. Кроме того, такая конструкция работала намного быстрее винтовой. Ее действие основано на принципе реечной передачи. К одному концу зубчатой рейки прикреплялся захват для тетивы, а другой конец проходил через металлический корпус, внутри которого находились рабочие шестерни. Чтобы снизить необходимое усилие, обычно применялись две шестерни, маленькая и большая, скрепленные с приводной рукояткой. Устройство прикреплялось к ложе прочной ве-

ревочной петлей или двумя хомутами, стянутыми болтами, расположенными на расстоянии 4—6 дюймов.

Как и в случае с другими военными приспособлениями, о происхождении такого устройства нам не известно почти ничего. Само слово представляет собой прямую кальку с французского, в Германии те же устройства называются *armbrustwinge*, в Швеции — *stalbagekran*, в Англии XVI в. их называли *gask*. Современные авторы иногда обозначают их как немецкие лебедки, а в словаре Гея они названы «нюрнбергской зубчаткой». Однако в самом раннем упоминании — списке припасов английской армии, стоявшей в Руане в 1435 г., — употреблено название «галльская зубчатка». Приведем этот отрывок: «...пять инструментов, называемых галльскими зубчатками».

Среди шотландцев, служивших во Франции в 1450 г., названы «зубчаточники». Первые изображения зубчатого натяжителя арбалета появились в XIV в. В рукописном переводе книги Леви *La Prima decia in Volgare*, датируемом 1373 г., изображен солдат, держащий в руках арбалет с зубчатой планкой, а рукоятка заткнута у него за пояс. В немецкой рукописи *Feuerwerke Buch* (ок. 1440), хранящейся в лондонском Тауэре, изображен арбалетчик, использующий зубчатку с длинной прямой рукояткой (рис. 78).

На рисунке «Алтарь святого Себастьяна» Ганса Гольбейна-старшего, находящегося в Старой пинакотеке в Мюнхене, изображен арбалетчик, натягивающий лук зубчаткой, рукоятка которой изогнута полукругом (рис. 78). Похожий процесс зарядания лука изображен на алтарной картине «Мученичество святого Себастьяна» (1514), до недавнего времени находившейся в церкви Святой Елизаветы в Марбурге (Пруссия).

Хотя само устройство было довольно тяжелым — его вес колебался между 3 и 6 фунтами, все же это было достаточно быстрое и компактное приспособление, что практически сразу оценили охотники. Оно оказалось достаточно сильным натяжным устройством, поэтому его стали использовать в мощных охотничьих арбалетах, получивших особое распространение в XVI в.

Для более удобной переноски устройство можно было снять с арбалета и привесить к поясу, о чем свидетельству-

Рис. 78. Натяжители тетивы. Слева: с зубчатой рейкой, XV в. Справа: с изогнутой рукояткой, по рисунку Ганса Гольбейна-старшего, ок. 1516 г. Старая пинакотекa, Мюнхен

ет изображение охотников, отстреливающих птиц, на прекрасной иллюстрации, помещенной в книге П. Креченци *De omnibus Agriculturae*, изданной в 1548 г. Держащих такие приспособления слуг, помогающих во время охоты, можно увидеть и на картинах таких мастеров, как Лукас Кранах, например, в «Охоте эрцгерцога Фредерика Мудрого на оленя» (1529).

Предпринимались и попытки упрощения конструкции путем помещения зубчатой рейки внутрь арбалетного ложа или в рукоятку арбалета. На иллюстрации из «Словаря» Гея, выполненной по рисунку из французской рукописи XV в., изображен такой арбалет с оригинальным захватом; для того чтобы повернуть его небольшую рукоятку, требовалось приложить особую силу.

Встречаемся и с другой разновидностью большого стального арбалета, изготовленного лондонским оружейником Г. Делани (ок. 1715—1745) и хранящегося в коллекции мар-

киза Батца в Лонглите. У него механизм встроен в ложе, а съемная рукоятка вставляется сбоку через специальное отверстие. Кроме того, к спусковому механизму добавлено усовершенствование в виде предохранительной защелки.

Заметим, что современный термин «рычаг козья нога», использован для обозначения устройства, известного в Англии в XVI в. как *bender* (клещи). Название происходит от французского «козья нога» или «сукина нога». Отмечаются две основные разновидности рычагов: толкающие и тянущие.

В первом случае клещи состояли из деревянного рычага, который с одного конца сгибался крючком и прикреплялся к кольцу на луке, расположенному на месте стремени. Примерно на трети длины на ложе располагался шарнир с коротким рычагом, заканчивавшимся вилкой, которая и цеплялась за тетиву лука. Длинный рычаг соединяли с ним и, поворачивая на шарнире, подтягивали тетиву лука к спусковому механизму. Хотя приспособление устроено очень просто, рычаг позволял преодолеть сопротивление даже достаточно толстой тетивы.

Вторая разновидность клещей, в большинстве случаев изготавливавшаяся из металлических конструкций, имела небольшой основной рычаг, заканчивающийся двумя большими изогнутыми зубцами. Над ними располагался захват, изготовленный из двух крюков. Когда захват прикрепляли крючком к тетиве, то два зубца рычага размещались за выступающими концами болтов, прикрепленных крест-накрест вдоль ствола, за головкой. Такой рычаг встречается на картине «Мученичество святого Себастьяна», хранящейся в пинакотеке Читта ди Кастелло в Италии.

Однако, несмотря на простоту и удобство, рычажный натяжитель требовал приложения значительной силы. Поэтому его использовали в основном в самых легких охотничьих арбалетах, прежде всего тех, что метали камни (об этом мы еще поговорим). В Описи имущества, хранившегося в Комнате арбалетов в Кале, составленной в 1547 г., указаны «клещи для взведения небольших арбалетов».

Одним из первых механиков, понявшим, что шарнирный рычажный механизм можно встроить в ложе арбалета, оказался Леонардо да Винчи. Ко второй половине XVI в. уже

был широко известен тип легкого охотничьего арбалета с поднимающимся рычагом, прикрепленным к верхней части ложа, в нем крючок захватывал тетиву лука сложным замком, соединенным со спусковым механизмом. Такое устройство использовали во многих арбалетах для метания камней начиная с XVIII и вплоть до XIX в.

Сегодня этот механизм используется для взведения легких арбалетов и обычно именуется штангой (prodd) или рычагом (latch). Первое слово является искаженным термином XVI в. rodd, а последнее неправильным переводом. Следует также заметить, что в уже упоминавшейся нами Описи 1547 г. Комнаты арбалетов в Кале названы следующие изделия:

арбалеты, называемые штанговыми;
арбалеты, называемые рычажными;
лебедки для них.

Предположительно примененные в описи слова использовались для понятных современникам обозначений различных по размеру арбалетов, а позднее изменили свое значение.

БОЛТЫ И СТРЕЛЫ ДЛЯ АРБАЛЕТОВ

Слово «стрела» происходит от французского *quatre*, которое, в свою очередь, образовано от *saige*, означающего «квадратный». Последнее обозначение следует отнести к тяжелым стрелам с квадратными головками, которые предпочитали многие арбалетчики, нападавшие на воинов в доспехах. Такая квадратная стрела и тяжелый остроконечный болт составляли основное вооружение арбалетчиков в большинстве европейских армий. Гораздо большее разнообразие отмечается в моделях стрел, предназначенных для охоты. Их можно разделить на три основных класса, похожие по своему действию на те, что использовались в ручном луке, с зубцами, вилкообразные и тупые.

Большие стрелы или болты с зубцами, известные как *angel-hedde* (голова ангела), считались наиболее распространенными и использовались против крупной дичи на-

подобие оленя и кабана. С таким типом стрел встречаемся в «Книге об охоте» XV в. Гастона де Фуа. Он же провел соответствующие измерения подобных головок с зазубринами и установил, что они составляли пять пальцев в длину и четыре в ширину.

Для второй группы стрел с вилкообразными головками общего стандарта не существовало. Некоторые образцы представлены в виде двух широко расставленных разветвленных головок вогнутым заостренным концом, расположенным между ними. У других отмечаются небольшие и заостренные вилки. Форма имела двойное значение. Во-первых, стрела с такой головкой не могла соскользнуть с кожи животных, во-вторых, форма оказывалась идеальной для подрезания сухожилий дичи.

Скажем, на картине Лукаса Кранаха «Охота эрцгерцога Фредерика Мудрого на оленя», хранящейся в Историко-художественном музее в Вене, можно увидеть эрцгерцога, спрятавшегося в зарослях в ожидании оленей, которых гонят на стрельбище через реку. Он держит в руках арбалет с вилкообразным болтом. На другой гравюре из Weisskunig его изобразили стреляющим разветвленной стрелой со спины лошади (рис. 79). Оказавшийся большим поклонником Максимилиана I Генрих VIII, несомненно подражавший ему, также располагал определенными запасами стрел указанного типа. Встречается множество документов от мастера, поставлявшего Генриху VIII стрелы. В августе 1530 г. список личных расходов его королевского величества включал в себя следующие пункты. Отметим пункт XIX, в котором предписывалось «выдать плату женщине, которая предоставила королю вилкообразные головки для его арбалета».

Часто использовалась и другая разновидность стрел для подрезания сухожилий у дичи с заостренной головкой. Ее также использовали и для охоты на больших птиц типа диких гусей. В итальянской рукописи *Taquinum Sanitatis* конца XIV в. встречается иллюстрация, на которой изображен арбалетчик, стреляющий в журавлей стрелами с заостренными головками. Арбалетные стрелы с крестообразными головками до фута длиной скандинавские охотники на лис применяли в самострельных ловушках на протяжении XVIII и XIX вв.

Рис. 79. Император Максимилиан, стреляющий из составного лука вилкообразной стрелой. Фрагмент гравюры из книги Weisskunig (1526)

Обычно против птиц и мелкой дичи, прежде всего кроликов, использовали обычную разновидность стрел, то есть с прямыми или куполовидными головками. Во Франции они были известны с незапамятных времен как «ворчуньи», они глубоко втыкались и убивали добычу, не разрывая плоть и не повреждая мех и перья.

Авторы XV и XVI вв. рекомендовали применять на охоте магию и заговоры, и похоже, что именно такие стре-

лы оказались самыми подходящими для этого предметами. В книге Bellifortis (ок. 1405) Конрад Кизер описывает три стрелы с затупленными головками, предназначенные для арбалетов. Как он советует, в первой следует выдолбить полость, наполнить ее колесной смазкой и залепить яичным желтком, «и тогда ты сможешь сразить любого».

Далее он считает, что если в древко второй стрелы поместить сердце летучей мыши, «то все, на что ты помотришь, тотчас падет ниц после попадания в него стрелы». Третья стрела — это так называемая свистящая стрела, в головке которой проделывались дырочки, «чтобы она могла заглатывать воздух». Не только сам Кизер, но и другие охотники верили в то, что свистящая стрела оглушает животных, заставляет их застыть на месте, поворачивая свою голову в сторону звука. Ее можно было также использовать и против неуязвимых лучников.

В книге «Искусство изготовления арбалетов и охота на крупного зверя», опубликованной в 1644 г., французский оружейник Алонсо Мартинес де Эспинар описывает и другие разновидности стрел: «Самые лучшие стрелы называются ясеневыми, поскольку они изготавливаются из этого дерева. Они могут поражать цель на расстоянии в 150 шагов или более. Их смазывают ядом, называемым «трава арбалетчика». Такую стрелу мажут соком этого растения от горловины железного наконечника и примерно на пять или шесть пальцев по ширине вниз. Затем стрелу покрывают небольшой полоской очень тонкой льняной ткани, оборачивая ее вокруг древка, закрепляя таким образом смазку, не прибегая к дополнительной обвязке. Головку такой стрелы делают из стали квадратной формы и остроконечной.

Встречаются также стрелы, называемые «южными», предназначенные для ночного использования. По виду они большие и тяжелые, поэтому ими нельзя стрелять на дальние расстояния из арбалетов, и поэтому также, когда их выпускают в кроликов и зайцев при лунном свете, то они легко их находят. Они также используются вместе с потайным фонарем, чтобы ночью убивать голубей в местах их ночлега, обычно на деревьях.

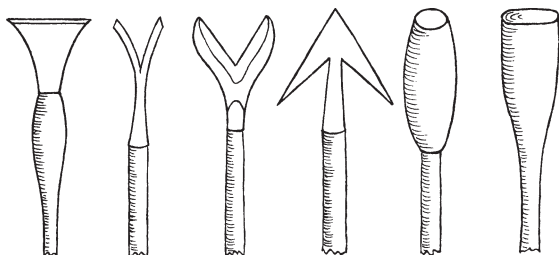

Рис. 80. Головки арбалетных болтов. Слева направо: с долотообразной головкой, подрезавшей подколенные сухожилия; с вилкообразными головками; со стреловидной головкой, две тупые головки из дерева, первая с железным колпачком

Отметим еще и другие стрелы, предназначенные для убийства куропаток, длиной в руку и имеющие железный нарост на головке».

Другие стрелы называются «арбалетными», они толще, чем обычные. Некоторые стрелы известны как *gallone*, их концы похожи на скребок или долото. Стрелы *saettone*, для охоты на зайчат или молодых кроликов, по форме длиннее обычных стрел и очень острые, в середине рукоятки находится небольшой прут, так что, когда поражают кролика, он не может спуститься в свою нору. В заключение Эспинар приводит рецепт яда, который готовили из корней белой чемерицы. Его следовало применять на охоте против таких опасных хищников, как волк, вепрь или дикий кот.

Оперения арбалетных болтов были такими же разнообразными, как формы головок. Для него использовались такие материалы, как пергамент, дерево, кожа, кость и медь, менялись форма и толщина оперения, а также угол, под которым он устанавливался в древко, чтобы придать ему необходимое вращательное движение.

В рукописи Люффелгольца 1505 г. приводится рисунок машины, соединяющей функции строгального и токарного станков, предназначенной для нанесения насечек на древки арбалетных болтов, куда затем устанавливалось оперение. Для переноски болтов применялись специальные колчаны, обычно они делались цилиндрической фор-

мы, расширяющимися к основанию, и имели плоское дно, чтобы во время использования колчан стоял на земле без поддержки.

Колчан состоял из деревянного каркаса, обтянутого снаружи кожей, поверхность нередко оставалась необработанной, для большей прочности на ней оставляли мех (рис. 74). Почти всегда колчан закрывался крышкой для защиты болтов от влаги. Иногда на нем делали кожаную отделку или раскрашивали. В некоторых случаях его украшали такими же металлическими накладками, как и арбалет. Колчан был необходимым приспособлением ко всем арбалетам, даже самым большим. Поскольку в большинстве случаев на нем отсутствовала отделка, ему не придавали такого значения, как дорогим видам оружия, и поэтому он редко сохранялся.

РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬЕГО АРБАЛЕТА

В XIV и XV вв. модели охотничьих арбалетов практически не изменялись, за исключением отделки. По форме они напоминали боевые образцы, использовавшиеся в армии, имели длинную прямую ложу, изящно приподнимавшуюся вокруг головки и суживающуюся к ней (фото 70). Изготовленный из рога или стали лук дополнялся стремянем или небольшим подвесным крючком для натяжительного приспособления.

О том, что захваты использовались реже, чем поясной крюк или лебедка, свидетельствует стальной стержень, пропущенный через ложу. Верхняя поверхность ложи нередко покрывалась полоской кости, которая иногда дополнялась накладками из рога на боковые части, отличавшиеся простой отделкой. В Коллекции Уоллеса (в Лондоне) находится стальной немецкий арбалет примерно 1450—1470 гг., его ствол полностью покрыт роговыми пластинками с изображениями мифологических и охотничьих сцен. Сразу же отметим, что перед нами скорее исключение из правил.

В той же самой коллекции нам удалось обнаружить прямой арбалет приблизительно той же самой величины, но с роговым луком. Интересно отметить, что последние веси-

ли только 4 фунта 12 унций (около 1,5 кг), в то время как вес арбалета со стальным луком составлял примерно 9 фунтов 11 унций (около 4,5 кг).

Хотя в большинстве случаев ложа оказывалась достаточно длинной и ее можно было разместить на плече во время выстрела, все же ее удерживали около щеки. В анонимной английской поэме XVII в. так описана стрельба из арбалета:

Приложи рукоятку крепко к щеке
И плотно прижми ее конец к телу,
Спокойно и уверенно найди нужную цель,
При выстреле не дыши и стой твердо, как скала.

Чтобы удобно разместить пальцы правой руки, удерживавшие ствол, и в то же время продолжать манипулировать спусковым крючком, последний изготавливали в форме длинного железного рычага, от середины станины доставшего почти до конца. Такая длина спускового рычага, выполненного как единое целое с курком, позволяла стрелять, крепко зафиксировав положение арбалета на плече.

В первых образцах арбалетов спусковой рычаг вращался свободно, и известно множество случаев, когда неумелый стрелок мог спустить курок раньше времени или сильно дергал арбалет при спуске. Чтобы повысить надежность конструкции, курок стали закреплять на отдельной оси. Значительно позже к ней добавили предохранительную защелку, а также промежуточный рычаг.

Во второй половине XVI в. огнестрельное оружие постепенно заменило арбалет как боевое оружие, однако конструкторы продолжали его совершенствовать как оружие для охоты. Отмечаются два направления развития. В странах Центральной Европы, и прежде всего в Германии, мастера продолжали дорабатывать старые конструктивные схемы. Отказавшись от лебедок в пользу рычажных механизмов, изготовители арбалетов смогли уменьшить длину ложи и расширить плечевой упор, получив достаточно места для размещения натяжного устройства. При этом проявили особую изобретательность, скажем, в одном арбалете станина повернута так, чтобы охотник мог стрелять с правой стороны, используя только левый глаз.

Теперь производители арбалетов начали копировать приемы отделки, использовавшиеся оружейниками, и прежде всего роскошные накладки из рога или слоновой кости, гравированные классическими образами и охотничьими сценками (фото 71). Подобное смешение двух ремесел также привело к необычному соединению ружей с колесцовыми замками и арбалетов.

Любопытно, что на этих комбинированных ружьях встречаются отдельные образцы первых датируемых колесцовых замков. Одним из ранних изделий считается ружье с арбалетом, изготовленное для эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Возможно, его изготовили в Нюрнберге между 1521 и 1526 гг., сегодня оно хранится в Баварском национальном музее в Мюнхене. Вероятно, к более раннему времени относится другая группа таких же арбалетных ружей, она находится во Дворце дождей в Венеции.

Наверное, самым сложным по конструкции следует считать комбинацию ружья и лука, хранящуюся в Историко-культурном музее в Вене, где колесцовый замок управляется изогнутым спусковым рычагом арбалета. В 1543 г. в Описи арсенала Гонзага, находящегося в Мантуе, встречается следующий занимательный пункт: «Арбалет, полностью из железа, с четырьмя пистолетами в нем, раздвижной клик и четыре стрелы, каждая со своей головкой».

Механические усовершенствования конструкции арбалетов прежде всего проявились в усложнении пускового механизма. Мастера пытались ввести огромное разнообразие замковых механизмов с плавающими или вторичными спусковыми рычагами, работавшими с собачками, требующими слабого нажима, или промежуточными рычагами. В Бернском историческом музее хранится арбалет, датируемый 1599 г., спусковой механизм которого состоит из шести поворачивающихся рычагов.

Конструкция, пользовавшаяся особой популярностью среди английских, французских и испанских изготовителей, имела совсем другие пропорции. Она отличалась длинной, прямой и изящной ложей, обычно прямоугольного сечения, к которой прикреплялся стальной лук меньшего размера.

Старомодный фиксатор и Z-образный рычаг спускового крючка изменились незначительно. Подобная разно-

видность лука была не такой мощной, как короткие конструкции центральноевропейского типа, и ее можно было натянуть с помощью рычажного или зубчатого натяжителя. Станины не отличались особой отделкой, но стальные луки часто гравировались и золотились. Прекрасный образец французского лука находим в Музее Баргелло во Флоренции. У луков испанского образца часто встречается подпись и отметки изготовителей (некоторые образцы хранятся в Коллекции Уоллеса).

Хотя в XVI в. отмечаются значительные достижения оружейников, арбалет остается эффективным и распространенным охотничьим оружием, по крайней мере среди состоятельных членов общества, которые могли позволить себе заплатить за него и получали законодательные права на владение им.

Королевские дома Европы с равной щедростью выдавали свои патенты и лицензии изготовителям арбалетов и оружейникам. Так, во времена правления Генриха VIII его мастерами-арбалетчиками являлись Гильоме де Грант и позже Джон Рассел. Жиль Черчилль выполнял обязанности конюшего, а Вильям Арбери — хранителя королевских арбалетов. Всем им выплачивалось дневное жалование и щедро выдавались деньги на расходы.

Полученный в конторе арбалетов в 1546 г. счет проясняет характер расходов на спортивные забавы: «Мастеру по арбалетам за новый рычаг для одного из французских луков 14,4 пенса за болт и другой ремонт позолоченного лука, преподнесенного его величеству мистером Симбарбом, отдано 2 фунта королем».

В счет включен и другой интересный пункт: «Присланный Грином (Уильямом Грином), изготовителем сундуков, образец футляра для хранения и переноски королевских арбалетов с замками и ключами, колчанов и прочего — 4 фунта 10 шиллингов».

На охоте арбалеты обладали определенными преимуществами по сравнению с огнестрельным оружием. Они производили меньше шума, легко перезаряжались, даже если стрела не попадала в цель, она легко возвращалась и использовалась в будущем. Обычно стрелы искали и приносили мальчишки. В известной книге Олафа Магнуса 1555 г.

Рис. 81. Собаки, обученные находить арбалетные вилкообразные стрелы. Из книги О. Магнуса «История готы, шведов и вандалов» (1555)

приводится прелестная гравюра на дереве, где изображена гончая, приносящая охотнику стрелы (рис. 81). В 1540 г. леди Лисл из Кале писала своей подруге мадам де Бур: «Я послала в Англию за пуделями, поскольку я не могу достать их в этом городе, кроме одного, что посылаю твоему сыну. Он очень хорош, легко приносит стрелу, отыскивая ее как на воде, так и на суше. Ему можно бросить теннисный мяч или перчатку, надетую на конце палки, и проделывать другие штучки».

Очевидно, что более легкий тип арбалета идеально подходил для охотницы из рода Тюдоров. Когда в 1591 г. королева Елизавета I посетила Коудри в Суссексе, то в парке построили беседку. Местная девица, одетая в наряд нимфы, преподнесла ей покрытый серебром арбалет, исполнив при этом льстивую песню, соответствовавшую вкусам Елизаветы. «Затем, — говорится в описании, — ее величество убила трех или четырех оленей, а леди Килдер одного».

Напомним еще одну историю. Когда герцог Фредерик Вюртембергский посетил в 1592 г. королеву Елизавету, английский лорд вызвался сопровождать его во время охоты на оленей в Виндзоре. Его секретарь Ратджеб описывает, что произошло дальше: «Они долго преследовали оленя, перемещаясь вперед и назад вместе с прекрасными гончими по необычайно прекрасной местности. В конце концов

его высочество выстрелил прямо в животное из своего английского арбалета и собаки окружили и поймали этого оленя».

Очевидно, что герцог плохо управлялся с арбалетом английского типа, в течение дня ему удалось только ранить оленя, которого сначала пришлось гнать собаками до тех пор, пока тот не устал от погони.

Другим монархом, также большим приверженцем охоты с арбалетом, был Яков I, о котором венецианский посол написал следующее: «Похоже, он забыл, что является королем, ибо преследует оленей не зная удержу, и этому занятию он совершенно до одури предан». Известно, что когда он еще был юным принцем Шотландским, то в 1580 г., в возрасте 13 лет, не расставался, как отмечали, с арбалетом, который таскал повсюду, куда отправлялся.

В 1604 и 1614 гг. Яков I посылал подарки Филиппу III Испанскому. В первом случае в число подарков входили «два арбалета с колчанами стрел», во втором — «шесть арбалетов, три прямых и три массивных, покрытых золотом». Два арбалета с клещами из последней партии подарков можно определить как те, что с золотыми накладками, сегодня они хранятся в Королевском арсенале в Мадриде (фото 79).

Наряду с другими луками, один из которых находится в коллекции Скотта в Галерее искусств Глазго, а другой хранится в коллекции Марка Динлея (фото 72), они являются прекрасными образцами арбалетов западноевропейского типа, отличавшихся длинным прямым стволом и длинным спусковым рычагом.

В то время как английские изготовители арбалетов, из которых остались только несколько семей, таких как Расселы и Билларды, продолжали выпускать арбалеты традиционных форм, немецкие, австрийские и шведские мастера главным образом конструировали свои луки по образцу современных ружей с колесцовыми замками, также стрелявшими от щеки.

Большинство этих луков оснащались специальной роговой пружиной, установленной на захвате и удерживающей стрелу в нужной позиции. Развитие идеи проявилось

в новом устройстве головки. Отметим также металлический упор, который фиксировал натянутую тетиву на стреле. К середине XVII в. у многих немецких арбалетов появилась расширяющаяся ложа с широкими нащечниками и защитной скобой на спусковом рычаге, напоминавшая ружья с колесцовым замком (фото 76). С подобными луками захват уже не использовался.

Некоторые из этих легких арбалетных карабинов, которые натягивались с помощью деревянного рычага с клещевым захватом, имели также деревянное покрытие, укреплявшееся поверх деревянного ограничителя стрелы, так что образовывалось подобие ствола со щелью для тетивы (фото 75). Из арбалета такого типа можно было стрелять как болтами, так и пулями.

Одну из таких конструкций описывает Дж.Б.Л. Карре в книге *Raportie* (Париж, 1795). Для этого арбалета он приводит различные типы стрел с зубцами или с вилкообразными головками, а также стрелу с закругленной головкой, которую он называет матрас (стрела с железным наконечником) или гаррот (закругленной формы). Для зарядки пуль использовался короткий железный шомпол, пуля укреплялась в его чашеобразном конце. Такая разновидность арбалета сегодня часто называется «щелевой».

В 1599 г. такие арбалеты впервые включили в *Опись лондонского Тауэра*, встречается помета, что «у них отсутствуют клещи». Любопытная подробность отмечается и в описании запасов стрел, говорится, что здесь находились «длинные арбалетные стрелы», «мушкетные стрелы», «один сундук, полный двойных стрел», «арбалетные стрелы» и «стрелы для щелевого арбалета, зажигательные». Высказываемое некоторыми исследователями предположение, что стрелы могли использоваться на флоте или в войсках, подтверждается тем фактом, что в 1588 г. двадцать таких арбалетов по цене 25 пенсов каждый с дюжиной зажигательных стрел ценой 5 шиллингов за дюжину применялись на кораблях под командованием сэра Фрэнсиса Дрейка.

Получается, что в то время термином «щелевой» обозначали арбалет, конструкция которого отличалась от современной. Возможно, у него был и специальный спусковой механизм, напоминающий норвежский гарпунный лук.

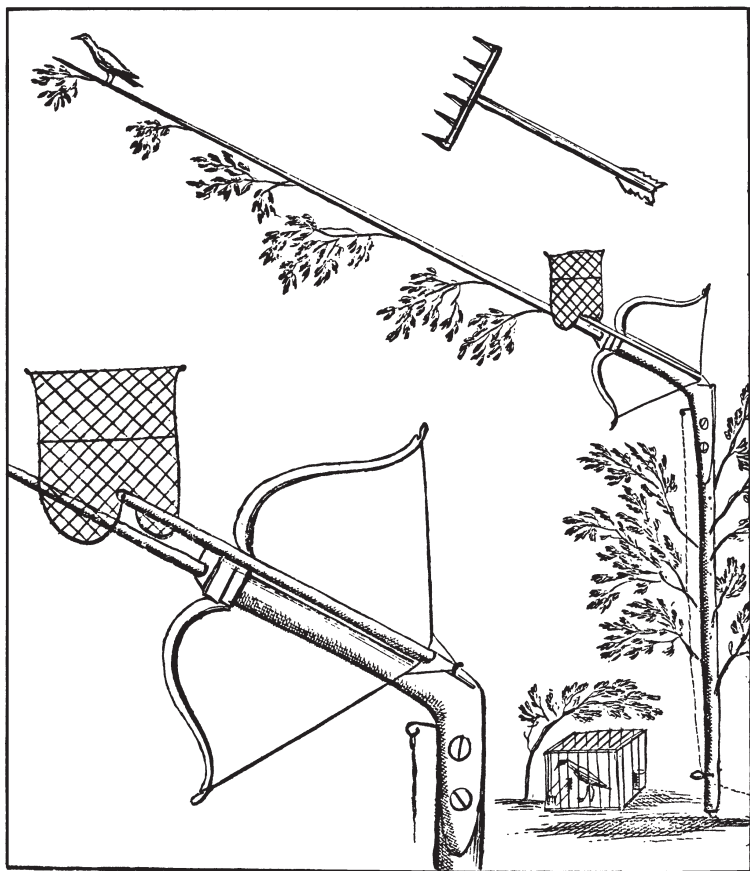

Рис. 82. Ловушка для птиц в виде арбалета, замаскированного под дерево и управлявшегося дистанционно. Садящиеся на «ветки» птицы попадали в сети или сбивались болтами. Иллюстрация из книги Дж. Мителли «Охотничья страсть» (1739)

Слово *slug* обозначало конек в ткацком станке, который не допускал чрезмерного подъема или опускания нитей.

К середине XVII в. оружейники настолько усовершенствовали оружие с кремневыми замками, что теперь оказалось возможным отстреливать летящую птицу, причем на

дальних расстояниях и достаточно эффективно. Охотничьи арбалеты начали уступать место новейшим ружьям. Правда, относительно бесшумно действовавшие арбалеты сохраняли свои преимущества и продолжали применяться в ряде оригинальных капканных устройств. Отметим ловушку, замаскированную под дерево, предложенную Дж. Мителли в книге «Охотничья страсть» 1730 г. Стрела с множеством зубцов или прикрепленной сетью выпускалась арбалетом, когда птица садилась на ветку фальшивого дерева (рис. 82).

Однако некоторые авторы продолжали восхвалять достоинства арбалетов, называя их лучшим охотничьим оружием. В 1644 г. испанский оружейник и изготовитель арбалетов (иногда один и тот же человек владел обеими профессиями) Алонсо Мартинес де Эспинар с горечью писал о тех, кто заменяет арбалеты ружьями: «До введения аркебуз арбалеты использовались широко. Ими пользовались охотники и на мелкую, и на крупную дичь, за исключением необходимости стрелять быстро или сбивать высоко летящую птицу. Заметим, что использование арбалетов требовало особого мастерства.

Теперь арбалетами почти не пользуются, и одновременно ушло племя опытных стрелков, теперь больше не сбивают птиц на лету стрелой и не гонятся за животными, поскольку аркебузы облегчили процесс убийства, и повсюду видны застигнутые смертью птицы и звери.

Когда один или двое стрелков устаиваются чести признания их мастерами охотниками, то тогда их называют «баллестеро», то есть арбалетчик, используя таким образом название оружия, с помощью которого он убивает свою добычу.

Разговаривая о знатоках искусства стрельбы, даже если речь идет о царственных особах, например принцах, обычно говорят «король — великий арбалетчик», то есть особая часть отдается тем, кто стреляет из арбалетов.

Тот, кто стремится называться арбалетчиком, должен быть универсальным охотником, как уже говорилось, и это справедливо, поскольку нельзя так называть того, кто не-искусен в своем мастерстве. Отсюда и различные наименования других охотников, которые преследуют дичь, и эти имена зависят от той функции, которую они выполняют.

И только универсальные охотники называются «баллестерос». Именно они охотятся на красного зверя и на оленей, это те, кто знает, как преследовать, ведаёт обо всех путях и привычках всех диких животных и о том, где их следует убить. Баллестерос устраивают охоты для каждого отдельного вида животного, представляя, как следует организовать погоню, зная о привычках каждого, соответствующих его природе. И имеют представление также обо всем, что связано с искусством гона по лесу и самой охотой.

По своему устройству арбалеты более безопасны, поскольку не бывает несчастных случаев, приводящих к гибели из-за поломок лука или разрыва тетивы арбалета, хотя эти опасности постоянно грозят охотнику, они могут вызывать увечье, но не приводят к серьезным повреждениям.

Во многих отношениях арбалет превосходит аркебузу. При выстреле он почти не производит шума, не приносит вреда убитой им дичи. Кто умело им пользуется, тот наносит только глухой удар. Это не аркебуза, от которой много шума, а от ее выстрела все буквально разбегаются. Кроме того, арбалет не требует особого ухода и не очень дорог стоит. Он более эффективен, чем аркебуза, и, если его правильно подготовить для выстрела, никогда не подведет. Аркебуза, напротив, допускает больше промахов. Очевидно, что с помощью арбалета можно охотиться как на крупную, так и на мелкую дичь».

АРБАЛЕТЫ, СТРЕЛЯЮЩИЕ ПУЛЯМИ ИЛИ КАМНЯМИ

Несмотря на мнение Эспинара, к концу XVII в. арбалет практически повсеместно вытесняется охотничьими ружьями. Ему отдают предпочтение прежде всего те, кто охотится на крупную дичь. Для мелкой дичи и некоторых видов птиц сохранился особый тип арбалета, стрелявшего пулями. Он был известен во Франции как *arbalette-a-jalet*, в Германии как *kugelschnepper* (пулевой) и по многим особенностям существенно отличался от обычного арбалета. Так, его тетива изготавливалась из двух параллельных веревок, удерживаемых отдельными костяными или деревян-

ными насадками, как и у каменных луков. В середине ве-
ревки находился кожаный захват, удерживавший снаряд, в
качестве которого использовались камешек, свинцовый
или терракотовый катышек, выбираемый в зависимости от
пристрастий охотника.

Арбалеты для метания камней упоминаются в Европе
с начала XIV в. В одной из первых копий «Книги об охо-
те» XV в. Гастона де Фуа охотящемуся на серну охотнику
сначала советуют в тех местах, где проходят животные, ус-
троить завалы из сена или установить сети. Затем, когда
сернам придется подняться на высокие скалы, его помощ-
ники «должны бросать в них камни из арбалетов так, что-
бы они оставались на местах... или сделать все от них за-
висящее, чтобы те начали уклоняться от камней и скакать
по скалам».

Правда, сохранились только образцы, относящиеся к
XVI в. В 1547 г. в Описи арсенала Генриха VIII отмечен
«один лук, стрелявший камнями». В 1583 г. Клод Гоше
публикует поэму «Удовольствие от охоты», где посвящает
несколько строк каменному луку:

И тогда я приближаюсь с арбалетом в руках,
Я натягиваю его и ядро в пращу вставляю,
Подняв его и прицелившись,
Я вижу дрозда или другую птицу.
Я нажимаю на рычаг, отпуская тетиву,
И лук со страшной силой распрямляется,
Выпускает в воздух пулю прямо в поднявшуюся птицу.

Упоминаемый им «страшной силы лук», с помощью ко-
торого выпускалась свинцовая пуля, оказывается не чем
иным, как катапультой, а не полноценным арбалетом. Тем не
менее и каменные арбалеты отличались меткостью попада-
ния. В своей книге «Собрание любопытных фактов» 1682 г.
барон Хохберг описывает, как в 1638 г. он наблюдал, как
князь Маттео Медичи в Бремене стрелял из каменного лука
в мяч, подбрасываемый пажом таким образом, что оба мяча,
изготовленные из обожженной глины, разлетелись вдребез-
ги. Каменный арбалет, некогда принадлежавший королеве
Франции Екатерине Медичи, сегодня хранится в Музее ар-
мии в Париже. Он относится к популярной модели, распро-
страненной в Италии и Франции.

Художник Ян ван дер Страат (1523—1605), известный как Страдан, написал большинство своих лучших работ, когда работал по приглашению герцога Козимо Медичи во Флоренции. Тогда он делал рисунки для гобеленов дворца в Педжо-а-Кайяно. На большинстве рисунков изображены мужчины и женщины, охотящиеся на птиц, кроликов и другую дичь с помощью итальянской разновидности каменных арбалетов.

У этих арбалетов была длинная прямая станина со слегка изогнутой передней частью между луком и стволом. К луку был прикреплен прицел с острием. Сам ствол часто отделялся прекрасной резьбой по дереву с изображениями животных или рыб. Простой шарнирный спусковой механизм приводился в действие длинным крючком, освобождая кожаную прашу. Две веревки легко натягивались руками. Небольшая мощность лука доказывается тем фактом, что на всех рисунках, сделанных Страданом, вооруженным такими луками охотникам приходилось подкрадываться к добыче как можно ближе.

Иногда им приходилось применять специально устроенные укрытия (рис. 83). Часто встречается изображение коро-вы, покрытой попоной, доходящей до земли, она использовалась как составляющая для прикрытия во время охоты с немецким колесцовым ружьем, сделанным около 1580 г. Скажем, как тот экземпляр, что хранится в лондонском Тауэре.

Другой флорентийский художник Антонио Темпеста (1555—1630) гордился своими изображениями охотников с каменными луками. В книге Дж. Олины «Древности», опубликованной в Риме в 1622 г., напечатана гравюра, на которой изображены охотники, вооруженные каменными луками и подобием сети или сачка с длинной рукояткой, позволявшими охотиться на птиц ночью при свете фонарей.

Олина предполагает, что «используемые для этой цели арбалеты должны были иметь мягкий лук с покрытием, чтобы не производить никакого шума при выпуске стрелы. Следовательно, если кто-то случайно промахивался, то птицы не пугались и не взлетали, и можно было снова попытаться в них выстрелить».

Иными по форме делались немецкие и шведские каменные луки. Об одной из разновидностей, так называемом

Рис. 83. Охотник, подкрадывающийся к птицам с каменным арбалетом под прикрытием модели коровы (показаны ноги прячущегося человека). Из книги Страдана *Venationes* (1570)

щелевом арбалете, уже шла речь выше. В стихотворении, выцарапанном на серебряной пластинке ствола, описывается этот тип лука, вероятно с магазинным устройством:

В моем чреве двадцать четыре пули,
Я извергаю их одну за другой,
Быстро и последовательно,
И тот, кто попытается остановить их,
Сам получит пулю.

В большинстве немецких каменных луков имелся стальной прут, выполнявший функции ствола, на который приделывался подвижный рычаг, прижимавшийся зажимом к головке. На шарнирном рычаге поворачивалась коробка с замком, в которую входили складной прицел, крючок и система рычагов, соединявших все это с подобием спуско-

вого крючка. Такой прут или рама, удерживающие рычаг и замок, иногда заканчивались деревянной головкой, предназначенной для щеки (фото 79). В более поздних образцах она дополнилась стволом, похожим на ружейный, характерным для конкретного производителя (фото 81).

Отметим, что луки изготавливались разного размера — от игрушечных для детей до больших луков для стрельбы по мишеням. У некоторых имелась съемная платформа или подставка, располагавшаяся в середине лука так, что можно было стрелять и стрелами. Интересный образец комбинированного оружия находится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Он состоит из карабина с колесцовым замком, ствол которого выполняет функцию станины для каменного арбалета.

В Англии каменный арбалет продолжал оставаться любимым охотничьим оружием. На вышитой шпалере XVI в., хранящейся в усадьбе Хардвик-Холл в Дербишире, известной как «Охотник на дичь», изображены два арбалета, предназначенные для охоты на птиц. Один из них является арбалетом с прямым стволом, стрелявшим стрелами, другой можно считать образцом итальянского каменного арбалета. Он представляет собой каменный лук со встроенным клещевым натяжителем, пользовавшийся популярностью именно в Англии.

Изготовленный лондонским оружейником Эндрю Доле-ром примерно в 1695 г. арбалет из коллекции Кинбуша имеет ствол итальянского типа, но действует путем его сгибания. Именно такую разновидность лука и начали усовершенствовать английские изготовители арбалетов в конце XVIII и начале XIX в. Изготовленный Джозефом Эггом примерно в 1820 г. покрытый серебром каменный лук хранится в лондонском Тауэре. У него имеется встроенный рычажный механизм, прикрепленный к обычному ружейному прикладу так, что из него можно было стрелять с плеча. Он также располагал прицелом с отверстием и тонкими проволочками в поле зрения, облегчавшими прицеливание.

В «Сельской охоте» 1807 г. У.В. Даниэль писал об этих луках следующее: «Стрелявшие пулями луки современной и достаточно аккуратной конструкции. Что же касается точности, то она просто удивительна, с их помощью можно сбить мяч, поставленный на кончик ножа. И самое примечатель-

ное в том, что это может проделать и абсолютный новичок на расстоянии от 15 до 20 ярдов, причем шары всегда вылезают из него с одинаковой точностью».

В XIX в. арбалеты шире всего использовались в Восточной Англии и Ланкашире. По крайней мере, известно одно исследование, посвященное сторонникам этого вида охоты. Хотя имелись заявления об уникальных выстрелах, сделанных в кроликов и даже большую по размеру дичь, каменные луки продолжали использоваться в основном для охоты на птиц.

В Англии оживили старую итальянскую традицию — охоту на птиц ночью при свете фонаря. В издании 1845 г. Джона Майера «Советы охотникам» приводится следующее описание: «Пусть двое или трое отправятся с фонарями и зажженными свечами, вытянув их в руках, в другой руке несут небольшую сеть наподобие сачка, но меньшую по величине, закрепленную на конце длинного шеста, чтобы сбивать ею птиц, когда они усаживаются на ночлег. Удивившись от прямо бьющего на них света, они не успеют и пошевелиться, как тотчас окажутся сшибленными наземь. В данном случае весьма полезен лук, поскольку он позволяет сбивать птиц, когда они сидят».

Правда, сами охотники не очень ценили стрельбу по сидящей мишени, днем же такой вид стрельбы давал достаточно забавные результаты.

В «Ежедневной книге» Хоуна на 1848 г. появился следующий анекдот: «Некоторое время назад в саду позади здания церковного суда росли несколько больших вязов, где поселились множество грачей, построивших свои гнезда. Обитавший на чердаке юный джентльмен невольно стал их близким соседом и часто забавлялся тем, что стрелял в них из своего арбалета. На противоположной стороне того же сада жил любопытный старичок врач. Он терялся в догадках, видя из окна своего кабинета, как грачи внезапно падали на землю без всяких видимых причин, «сваливаясь гроздьями» с веток в полной тишине. Не жалея сил, он тратил свое время на совершенно бесполезные наблюдения. Наконец, собрав, как ему казалось, достаточно сведений, врач снова и снова обдумывал происходящее, пока наконец не пришел к выводу, полностью его устроившему, что

совершил великое орнитологическое открытие, ибо, по его мнению, птицы умирали, отдавая жизнь своему потомству в соответствии с принципом «*Volito vivus per ora vivum*» («Живой долетает до границы жизни»).

Решив, что публикация сведений об этом открытии принесет известность, он написал об этом сообщение в один из журналов. Когда же наконец выяснилась истинная причина столь потрясшего его явления, наш старичок тронулся умом, не вынеся обрушившегося на него потрясения».

В 1849 г. Ричард Эдвард Ходж получил патент на «усовершенствования в механических приспособлениях». Изготовленный по этому патенту катапультиный арбалет внешне походил на ружье, за исключением того, что его ствол был разрезан двумя продольными щелями, через которые проходила эластичная тетива. Ходж описывает его как «сконструированный по подобию обыкновенного арбалета для охоты на дичь, который можно было приспособить и для охоты на оленей, его можно легко переносить на длительные расстояния и стрелять не производя ни шума, ни запаха».

В лондонском Тауэре хранится другая разновидность катапульти Ходжса, имеющая ружейный ствол и жесткий арбалет с эластичной тетивой (фото 84). Однако ни одна из этих катапульти не составила серьезной конкуренции стальным натяжным каменным лукам.

В Италии продолжали применять каменные арбалеты для охоты на самых маленьких птиц, точно так же, как и на рыбу, поскольку использование коротких ружей могло привести к повреждению нежной плоти. В «Иллюстрированной охоте» 1868—1869 гг. приводится изображение ночной охоты в Италии, из него становится ясно, что она проводилась точно таким же образом, как и в XVI в.

АРБАЛЕТЫ НА ВОСТОКЕ

Каменные арбалеты изготавливали и в Китае. Отчасти они напоминали итальянские изделия, у которых передняя часть станины имела изгиб между замком и луком. Отли-

чия заметны в форме головки ствола, не прямой, как на европейской модели, а изготовленной со сложным изгибом, замок выведен на своеобразный мостик.

Отличается и прицел, превратившийся в экзотическую вариацию европейского механизма. В середине тетивы, протягиваемой через вертикально расположенную проволочную раму, устанавливали жемчужину. Простой замок состоял только из двух частей: крючка и спускового рычага, чаще всего изготовленных из кости. Пружины не было, обе части спускового механизма точно подгонялись и держались благодаря силе натянутой тетивы, когда спусковой крючок отпускался. Обычно луки делались из бамбука, поэтому тетива приделывалась не очень мощная.

Познакомившиеся с первыми арбалетами китайские мастера, скорее всего, не смогли в дальнейшем достичь уровня мастерства своих европейских коллег. В китайской книге «Дянь Гун Гай-у» (1637), посвященной технологии изготовления луков, описаны ручные арбалеты, изготовленные из трех, пяти и семи слоев бамбуковых пластин. Автор утверждает, что «стрела, выпущенная из сильного лука, летит более чем на 200 шагов, тогда как стрела, пущенная из самого сильного ручного арбалета, сможет пролететь только 50 шагов, а на большем расстоянии она не пробивает даже кусок эпонжа»¹.

На рисунках XVIII в. изображены арбалеты, натягивавшиеся руками с помощью ноги или колена (рис. 85). Охотясь, китайцы широко применяли отравленные стрелы, яд для которых приготавливался из отвара клубня аконита.

Арбалеты самых больших размеров именовались шень би-ну — «могучая рука», арбалет ко ди-ну («победитель») мог выпускать одновременно две или три стрелы. Один из таких больших луков описан в трактате Мяо-цзе, хранящемся в Музее народной культуры в Берлине, он использовался в охоте на тигров. Чтобы зарядить лук, требовались три человека, обычно его использовали как ловушку, спрятанную за стволом дерева.

В китайской литературе встречаются множество историй о легендарных арбалетах, которые могли пробить толстую

¹ Эпонжем называли кусок китайского небеленого шелка. (*Примеч. пер.*)

Рис. 84. Стрельба в сидящих птиц с помощью фонаря и каменного арбалета. Из журнала «Иллюстрированная охота», 29 августа 1868 г.

стену на большом расстоянии или пронзить трех лошадей одновременно на расстоянии в 3 ли, умевших быстро стрелять десятью железными стрелами и т. д. Приведенная выше оценка китайских арбалетов кажется более реалистичной.

Самым интересным с технической точки зрения был арбалет, именуемый чжу-ко и имеющий магазин, в котором удерживались десять стрел. У образцов, хранящихся в Национальном музее в Вашингтоне и в Национальном музее в Копенгагене, имеются магазины, вмещающие двадцать стрел, установленных попарно. В этой конструкции тетива лука проходила вдоль дна магазина. После выстрела магазин продвигался вперед поворотом рукоятки таким образом, что тетива попадала на заднюю часть очередной пары стрел.

Обратным ходом рукоятки магазин автоматически отходил назад, оттягивая тетиву лука. В заднем положении магазин оказывался прямо над стволом, вертикальный стержень освобождал тетиву лука, и происходил выстрел. Для перезарядки арбалета требовалось всего полминуты, но его радиус действия не превышал двадцати шагов. Японцы изготовили копию этого лука, назвав его докуи, но его действие не было таким плавным и быстрым, как у китайского аналога.

Перезаряжаемый арбалет, возможно более древнего происхождения, описан в книге «Ву-бэй-цзы». Он представляет особый интерес для историка, потому что имеет внешнее сходство с греческим гастропетом (о нем мы писали выше). Его спусковой механизм состоял из подвижного стержня и напоминал европейские изделия XV в.

Если принять как гипотезу, что именно Китай стал местом рождения арбалета, непонятно, почему не сохранились бронзовые замки периода династии Хань. Следовало ожидать, что китайская разновидность должна была распространиться по всей Юго-Восточной Азии, но в арбалетах соседних стран не отмечается ни один из признаков этой модели.

Скажем, японцы, предпочитавшие ручной лук и почитавшие его больше, чем арбалет, изготовили облегченную модель, предназначавшуюся для охоты на мелкую дичь и

Рис. 85. Китайский охотник, натягивающий свой арбалет руками и коленкой (отметим листовой лук)

для развлечений. Прямая станина чуть более 2 футов длиной и лук той же самой длины изготавливались из двух кусков рога или китовой кости, вставлявшихся в углубления, находившиеся с обеих сторон станины.

В Сиаме и Бирме арбалет (тхами) имел более простую конструкцию. Лук изготавливался из дерева и составлял приблизительно 5 футов в длину, он протягивался через отверстие, вырезанное в прямой, но более короткой деревянной ложе. Этот арбалет обладал более мощным дей-

ствием и натягивался ногами и руками. Однако его редко использовали для выстрелов на большие дистанции, превышающие 50 ярдов, охотник продолжал верить в отравленные стрелы, с помощью которых и убивал свою добычу. Недавно изготовленный яд оказывался необычайно действенным и позволял поражать большую дичь: слонов, носорогов и тигров, находившихся в нескольких сотнях ярдов от охотника. На Никобарских и других островах южных морей часто обнаруживают арбалеты, известные как «фойн».

В Индии с арбалетом познакомились в XV в., но ему не суждено было приобрести тот же самый статус охотничьего или спортивного оружия, как происходило это повсеместно. Однако он продолжал использоваться в различных частях континента и как ручное оружие, и в ловушках на больших животных типа тигра. В Южной Индии, прежде всего на Малабарском полуострове, его даже применяли весьма необычным образом, для охоты на рыбу в ручьях и протоках.

В данной конструкции части лука изготавливались из двух или четырех досочек примерно 4 футов длиной, скрепленных вместе наподобие листовых автомобильных рессор (рис. 86). Такой лук из пластинок с деревянной ложей во многом напоминал старый китайский арбалет, но замок состоял из простой поворотной головки и короткого спускового рычага, изготовленного по европейскому образцу XV и XVI вв. Стрелы арбалета напоминали миниатюрные гарпуны: съемные стальные головки соединялись с веревкой, намотанной на цилиндрический валик, расположенный под концом станины, или имели копьевидные головки с одним или тремя зубцами. Подобная разновидность арбалета иногда использовалась при охоте на птиц, но для этого применяли тупую деревянную стрелу (рис. 86).

В Африке арбалеты распространились в основном на западном побережье, и в настоящее время они используются племенами мпонгве, проживающими в долинах рек Габон и Огове. Этот арбалет называется найин, он создан по образцу европейских моделей, привезенных португальскими, голландскими и английскими исследователями, появившимися на побережье в XV и XVI вв. Матросы впол-

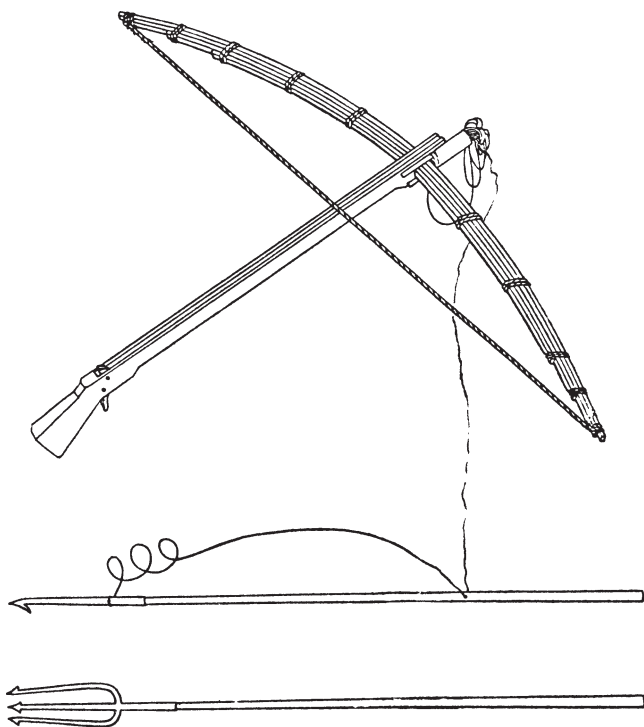

Рис. 86. Арбалет для отстрела рыбы из Малабара (Южная Индия). Когда вилкообразная или крючкообразная стрела находится в позиции на луке, то веревка помещается в цилиндр, находящийся на конце основания

не могли использовать деревянные арбалеты, похожие на те, что применяли норвежские китобои.

В Британском музее хранится бронзовая пластина из Бенина, на которой изображен воин с арбалетом в руках. У него хорошо различима характерная расщепленная станина. Практически во всех отношениях на норвежский тип похожа фанская разновидность арбалета, за исключением только того, что ее станина изготавливалась из одного куска, а спусковой нижний рычаг образовывался путем отщепления от ложи, в задней части он оставался целым.

Встречалась и другая разновидность восточноафриканского лука, где дерево расщеплялось спереди, а его задний конец был единым. Иногда между частями вставлялся поперечный колышек. В некоторых племенах Мандинго и Бенина существовали практически точные копии норвежских арбалетов, причем спусковой рычаг устанавливался на шарнире перед отверстием для курка.

Арбалет фан, хранящийся в Музее Питта Риверса в Оксфорде, имеет лук с размахом почти 70 см и длиной станины более 1 м. Его натягивали сидя, с использованием силы обеих ног. Стреляли из него небольшими отравленными копьями из тонких деревянных полосок около 30 см длиной, они оказывались такими легкими, что для их удержания желобок намазывали липким соком растений.

Итак, обобщим сказанное. В последние годы арбалет, имеющий почти тысячелетнюю историю, снова привлек внимание охотников. Во многих странах продолжают создавать и выпускать разнообразные типы мощных луков для стрельбы в цель и охоты. В США даже предприняли попытку популяризировать охоту с помощью арбалета. Однако даже самые современные изделия имеют прицельную дальность стрельбы не более 50 м.

Глава 6

РУЖЬЯ

ЛИЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И МУШКЕТЫ С ФИТИЛЬНЫМ ЗАМКОВ

Артиллерийское вооружение впервые упоминается в постановлении Совета Флоренции в 1326 г., а его изображения появляются в двух рукописях, относящихся к тому же времени, написанных Уолтером де Мильметом, капелланом Эдуарда III. Появившиеся в английских, французских и немецких документах второй половины XIV в. упоминания о том, что можно назвать ружьями, не содержат подробных описаний, но все же свидетельствуют о том, что ружья становятся известны повсеместно. В Описи английского частного гардероба 1388 г. указано «личное огнестрельное оружие».

Правда, несмотря на все сказанное, речь не идет о ружьях в современном значении этого слова. Первые ружья представляли собой не что иное, как миниатюрные пушки, установленные на подставках или шестах. Чтобы произвести выстрел, их следовало поддерживать одной рукой, в то время как в другой держали трут или горящий фитиль для поджигания пороха.

Само ружье можно было развернуть по направлению к мишени, хотя это не гарантировало прямого попадания. Однако к концу XV в. ружейный ствол начали устанавливать на деревянную станину, ставшую предшественницей приклада, а горящий фитиль уступил место фитильному замку, не требовавшему постоянного поджигания. Теперь ружье можно было твердо удерживать в двух руках, направляя на мишень, и в нужный момент производился выстрел давлением указательного пальца на спусковой крючок.

Великий охотник император Максимилиан I, восхищавшийся артиллерией и ручным огнестрельным оружием, не одобрял их использования на охоте. Он с сожалением говорил о применении крестьянами «дьявольских ружей», постоянно вводя жесткие ограничения на их использование. Максимилиан получал настоящее удовлетворение, когда на расстоянии 200 ярдов ему удавалось убить с помощью своего арбалета серну, чего не смог сделать охотник с помощью ружья.

Парадокс заключается в том, что на одном из первых известных изображений, свидетельствующих о применении огнестрельного оружия на охоте, как раз изображен сам Максимилиан, стреляющий в серну. Такое же изображение находим в «Книге о рыбалке в Тироле», которую Георг Колдерер из Инсбрука проиллюстрировал для него в 1504 г. Скорее всего, ружье Максимилиана относится к тому же типу, который находился на вооружении в его войсках. Это было ружье с поворотным фитильным замком, расположенным с одной стороны приклада. Более подробно, вплоть до мельчайших деталей, такое ружье изображено тем же Колдерером в сделанной для Максимилиана «Книге припасов» 1507 г.

Для своей армии Максимилиан собрал огромные запасы личного огнестрельного оружия, но он умер прежде, чем оружейные мастера начали превращать простые ружья в прекрасно отделанные художественные изделия, достойные помещения в личный арсенал короля. Протеже и друг Максимилиана Генрих III в первые годы своего правления не менее сдержанно относился к использованию личного огнестрельного оружия для охоты.

Однако в январе 1531 г., когда он получил в качестве годового подарка такое «ручное ружье», то начал его использовать, а уже через год его оружейник Эразм Киркенар получил денежную награду «за уход за ружьями его величества». Тогда не считали необходимым назначать королевского мастера по изготовлению ружей. Эти обязанности исполнял смотритель королевских арбалетов Жиль Черчилль, который также заботился и о королевской заслонной лошади¹.

¹ Заслонной лошастью называли животное, с помощью которого охотник подкрадывался к дичи. (Примеч. пер.)

Тем не менее основным охотничьим оружием в то время продолжали считать арбалет. Упоминание о сооруженных в Гринвиче и Виндзоре мишенях, чтобы «король мог стрелять в них из своего личного оружия», появляется в документах не ранее 1536—1537 гг. На следующий год уже появился первый хранитель личных ружей и ястребов его величества. Из составленной после его смерти в 1547 г. Описи следует, что за относительно короткий промежуток времени он приобрел несколько ружей прекрасного качества. Описание представляет особый интерес, поскольку в нем скрупулезно перечислены все детали, одновременно можно составить представление о том, насколько изменилась конструкция ружей.

Среди обозначенных в Описи предметов «итальянские ружья с позолотой и крытым бархатом прикладом с фляжками, кошельками и коробками». Заметим, что приклады королевских ружей традиционно отделывали бархатом аналогично сабельным ножнам, хотя в данном случае он оказывался самым непрактичным материалом из всех возможных. Таким же образом отделано и помповое ружье XVI в. из Ливрусткаммере в Стокгольме и фитильное ружье из Исторического музея в Вене.

У последнего ружья примерно 1530—1540 гг., итальянского производства отмечаем украшенные золотом замок и ствол, черный бархат приклада покрыт серебряными шишечками. Похожую отделку находим у «итальянского ружья», принадлежавшего Генриху VIII. Большая часть ружей короля были украшены более помезно. Их приклады «золотистые», «покрыты зеленым бархатом», «ярко-красным», «отделаны слоновой костью» или «камнями». Некоторые ружья дополнялись «огненными замками», одни с казенной части, другие — с дула. Такие разновидности удалось обнаружить в лондонском Тауэре.

РУЖЬЯ С КОЛЕСЦОВЫМ ЗАМКОМ

Возможно, эти «огненные замки» на самом деле были не чем иным, как колесцовыми замками, в которых пороховой запал воспламенялся искрой, вызываемой зубчатым колесом,

скребушим кусок железного колчедана. Именно такой механизм представлен на рисунках из «Атлантического кодекса» Леонардо да Винчи примерно 1500—1510 гг.

В поэме кардинала Андриана де Сен-Хрисогона, опубликованной в 1505 г. в Венеции, изящной латынью описано «чудесное ужасное оружие, силой молнии мечущее свинец, который поражает дичь».

Самым ранним датированным образцом оружия с колесцовым замком следует считать карабин, хранящийся в Королевском арсенале в Мадриде. Его изготовил в 1530 г. аугсбургский мастер Бартольме Маргарт для императора Карла V. Примерно в 1540 г. содержимое его арсенала и гардероба было своеобразно описано в серии акварелей, известных как *Inventario iluminado*. После смерти Карла V, произошедшей в 1558 г., составили настоящую опись, получившую название *Relacion*. Именно из нее нам стало известно, что король отдавал предпочтение простым ружьям. Большинство из них обозначены как аркебузы, некоторые малые (аркебузильо), другие предназначались для стрельбы с седла. Поскольку мушкеты с фитильным замком выделены в особую группу, остальные можно отнести к ружьям с колесцовыми замками. Традиционно они украшались позолоченной гравировкой, ложи инкрустировались или покрывались пластинками из слоновой кости. Из Описи также видно, что большинство ружей, использовавшихся и во времена Генриха VIII, хранились в футлярах или сумках из цветного бархата.

Отметим и образец карабина с колесцовым замком, датированный 1533 г., на котором изображены гербы и инициалы Отто-Генриха, пфальцграфа Рейнского, хранящийся сегодня в Баварском национальном музее в Мюнхене. В том же самом музее находится и деревянная столешница, разрисованная охотничьими сценками. На одной из них изображена охота на кабана, где охотник стреляет в животное из ружья. Более длинный образец колесцового ружья примерно 1535 г. со стволом в 37 дюймов находится в лондонском Тауэре. Видимо, ложа данного охотничьего ружья была покрыта пластинками из грубо выделанного оленьего рога.

Широкое использование огнестрельного оружия на охоте начинается лишь со второй четверти XVI в. В 1535 г. в

Неаполе появилась книга Пабло дель Фукара «Арбалеты, мушкеты и аркебузы», посвященная личному охотничьему оружию. Книга настолько редкая, что известна прежде всего библиографам, автору этих строк не удалось завладеть ее экземпляром.

Когда царствующие особы и знать Европы начали собирать охотничьи ружья для своих арсеналов и поощрять усилия оружейников по созданию ружей прекрасного качества, они стали делать все от них зависящее, чтобы не дать своим подданным превзойти их. На то существовало несколько причин. Прежде всего, любое ружье, находившееся вне правительственного арсенала или не под контролем властей, угрожало их безопасности. Поэтому на долгие годы именно пистолеты оказались объектом строжайших запретов.

В Англии существовала другая причина, связанная с сохранением традиции стрельбы из лука. Начиная с 1500 г. и далее с этой целью выпускались различные законы и постановления. Самым значительным считается Закон об огнестрельном оружии, принятый в 1541 г., в котором высказывалось сожаление, что «разные джентльмены, йомены и служивые мало занимаются достойными и похвальными упражнениями с длинным луком, который всегда был самым надежным, верным и длительным по времени использования средством защиты в Англии, внушавшим неодолимый страх и ужас врагам страны». Примечательно, что враги Англии также настаивали на широком применении личного огнестрельного оружия.

Когда возникла угроза войны, английское население быстро овладело искусством стрельбы из ружей, в том числе и из засады. Снятие угрозы обусловило возвращение ограничений. В 1546 г. вышло постановление, направленное на «ограничение в стрельбе из ручных ружей». В нем указывалось, что в мирное время вводятся ограничения на пользование огнестрельным оружием в соответствии с Актом от 1541 г. и что оружие следует использовать по лицензии. И только в том случае, если оно соответствует определенным ограничениям (длина ствола не должна была превышать 2,5 фута).

Владельцы ружей, получившие первые разрешения в 20—30-х гг. XVI в., отличались скорее энтузиазмом, чем умением. Хотя в 1533 г. появились сообщения об удачных

выстрелах, например говорится об убитой из ружья лысухе, можно привести все же одну типичную историю «о неискусном обращении с ружьем». В ней рассказывается о йомене из Вестминстера по имени Джон Гейниш, который в 1539 г. прицелился в ворону, сидевшую на бакене на реке Темзе, но промахнулся и убил женщину, полоскавшую белье на Вестминстерском мосту. Поскольку никакого преступного умысла не нашли, неудачливый стрелок отделался штрафом.

Правда, последствия оказались более суровыми, в 1540 г. специальной прокламацией ограничили применение личного огнестрельного оружия стрельбой по мишеням, поскольку указывалось, что охотники даже с лицензиями «стреляли без оглядки, не учитывая, куда их пули летают, и что они могут поджечь вокруг них». Поэтому принятие этого закона объяснялось и «сильным беспокойством за их жизнь».

Другим источником волнения для охотников, использовавших иные методы, стало исчезновение дичи, уходившей из насиженных мест, испугавшись шума и запаха ружей. Похоже, что жаловались не только охотники. Написавший трактат о полевой охоте в землях, окружавших Рим в 1548 г., Доминик Бокамацца жаловался, что использование аркебуз распугало и заставило разбежаться всех животных и оленей, так что охотникам частенько приходилось возвращаться домой без всякой добычи. Хуже всего приходилось сокольничим.

В том же самом году писавший графу Бата сэра Эдмунд Бединфильд жаловался: «Из-за того, что вокруг ежедневно стреляют охотники, выбивающие дичь, теперь почти не осталось дичи в сельской местности, тот же, кто захочет поохотиться с помощью ястребов, должен пройти много миль, прежде чем встретит дичь, на которую и сможет поохотиться, в то время как во все прошлые годы в тех же местах встречались стаи птиц... Если все это не исправить, то знати больше не придется вскармливать и обихаживать охотничьих птиц».

Заметим, что в платежных поручениях на предлагаемые покупателям елизаветинские ружья и в выдаваемой лицензии оговаривалось, что оружие не должно использоваться «ближе 5 миль от любых владений и домов ее королевско-

Рис. 87. Охотники с ружьями с колесцовыми замками охотятся на цапель и уток. Гравюра из книги *Venatus et Ancupium* (1582)

го величества, а также от ручьев, рек и пустошей, где охотятся с ястребами».

Однако, несмотря на все эти факты, законодательные акты и прокламации, поддержку шотландского закона 1551 г., согласно которому никакая облава не «могла проводиться с помощью ружей, кулеврин или пистолетов на оленей, косуль и другую летающую или бегающую дичь, все же в диких животных и птиц продолжали стрелять в любое время под страхом смерти и конфискации всех ружей за нанесенный ущерб». И личные ружья получали все большее распространение.

Из гравюр, сделанных по рисункам таких мастеров, как Йост Амман и Страдан, очевидно, что обычно к дичи подкрадывались пешком или стреляли в нее из естественных или искусственных укрытий, которые устанавливались там,

где это оказывалось возможным. Излюбленной мишенью на озерах и реках продолжала оставаться водная птица, но там требовалась специально обученная охотничья собака (рис. 87). В лицензии, выданной в 1567 г. Генри Макуильямсу, отставному джентльмену, перечислены тридцать семь разновидностей птиц, на которых разрешалось охотиться. Обозначены и животные: собаки, кошки, выдры и лисы. Особо указано, что на оленей не разрешалось охотиться без разрешения хозяина.

Из оружия с колесцовым замком и коротким стволом стреляли от щеки, тяжелый ствол принимал на себя большую часть отдачи от довольно слабого пороха, применявшегося в оружии самых состоятельных людей XVI в. Обычный охотник довольствовался простым и достаточно ненадежным фитильным ружьем, нередко выдававшим себя дымящимся запалом.

Заметим, что большинство ружей можно было зарядить одной или несколькими пулями по желанию стрелявшего. В 1524 г. Бенвенуто Челлини писал о «прямом ружье для охоты на птиц, которое сам изготовил и настолько тщательно отделал снаружи и внутри, что равных ему не было». В отличие от прочих современных изделий Челлини аккуратно заряжал свое ружье одной круглой пулей и стрелял в дичь и павлинов. Он хвастался, что, «применив заряд в пятую часть шара, он может точно попасть в цель на расстоянии в две сотни шагов».

Большинство охотников вовсе не ожидали достичь такой же точности попадания, как Челлини, используя только одну пулю. На самом деле они вскоре обнаружили, что, зарядив свои ружья несколькими небольшими шарами и направив их в сторону цели, они могут почти наверняка убить дичь.

Вначале свинцовая пуля величиной с градину изготавливалась из листа свинца, который разрезали на небольшие кубики, а затем округляли и грубо обрабатывали. Затем пули стали отливать в специальной форме, состоявшей из ряда небольших полостей. Только в последней четверти XVII в. изобрели способ капельной отливки, пропуская расплавленный свинец через решето с дальнейшим падением капель в воду. В 1547 г. в Описи арсенала Генриха VIII насчитывались

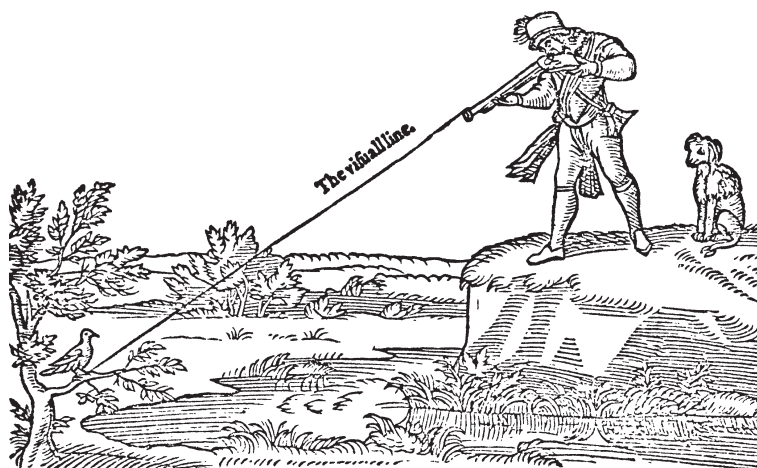

Рис. 88. Как правильно прицелиться (в точку ниже цели) с удобного расстояния. Из книги К. Лукара «Три книги бесед» (1588)

порядка сорока «круглых пуль», возможно предназначенных по своему калибру для стенных ружей, и одна пуля к «аркебузе величиной с градину».

Трудно сказать, чем эта аркебуза отличается от других аркебуз, отмеченных в той же Описи. Однако повсеместное использование «градин» (дробь) вскоре натолкнулось на официальное неодобрение. В Акте 1548 г. высказано сожаление, что «при стрельбе дробью в большое количество дичи множество птиц гибнет, что никому не приносит выгоды». Указывалось также, что «использование дроби полностью подрывает доверие к использованию ружей и не является необходимым». Далее говорится о том, что следует запретить стрельбу «более чем одной пулей за выстрел».

Изложение основ баллистики в книге К. Лукара «Три книги бесед» (1588) показывает, как мало было известно об искусстве стрельбы в XVI в. Если также учесть низкое качество изготовления самих ружей и прицелов к ним, то легко прийти к выводу, что вряд ли стоило многого ожидать от обыкновенных охотников. Имея всего лишь одну пулю, они не могли даже поразить обычную птицу или кролика на рас-

Рис. 89. Охотник на пернатую дичь с фитильным ружьем. Обратим внимание на интересное положение стреляющего. Фрагмент гравюры, сделанной на основе рисунка Страдана, ок. 1570—1580 гг.

стоянии более чем в несколько ярдов. Таким образом, на содержание Акта 1548 г. практически никто не обращал внимания, и каждый поступал в соответствии со своими разумениями и конкретными правилами охоты.

В Акте также запрещалось стрелять «около любой церкви, дома или голубятни», удивительно, что такие ограничения стрельбы около построек сохранялись и спустя пятьдесят лет после принятия закона. В 1598 г. была подана жалоба, в ней говорилось, что во французскую церковь в Норидже вошел мужчина, «у которого было ружье и который начал убивать на водостоке голубей, не заботясь ни о том, что осквернил священное место, ни о том, что его стрельба создавала реальную угрозу пожара в храме и перепугала всех, кто в нем находился».

Однако не только в городах и деревнях ощущали распространение оружия. Очевидно, что тот, кто спокойно искал большую дичь, используя стрелу или арбалетный болт, обнаруживал, что мог полностью набить сумку, всего лишь совершив несколько выстрелов по местам, где пряталась дичь.

21 декабря 1600 г., точно в то время, когда уже готовились рождественские обеды, в Англии была выпущена новая Королевская прокламация, в которой запрещалось использование дробовых ружей для охоты на птиц, поскольку охота с ними мешала «наслаждению охотой ее величеству, знати и другим представителям высшего света».

В то время для охоты на птиц обычно использовали фистульные ружья примерно 5—6 футов длиной, изображенные на гравюрах Страдана (рис. 89).

В XVII в. ради удовлетворения потребностей «людей высшего света» удалось полностью усовершенствовать ружье с колесцовым замком. Национальные особенности проявились в контуре ствола и замка. Французские оружейники разработали особую разновидность ружья с колесцовым замком, где спусковая пружина отделялась от замка и прикреплялась к стволу.

У итальянских колесцовых механизмов была ярко выраженная элегантная форма, они также оказывались гораздо легче, чем солидные немецкие аналоги. Они были закрыты кожухом, часто причудливых форм, позволявшим добывать некоторой надежности в суровых условиях охоты (фото 89). Встречались также замки со специальными трубками, защищавшие от ожога при горении порохового запала.

Самовзводные замки устраивались таким образом, что после выстрела их не надо было заводить отдельным ключом, который раньше требовалось постоянно доставать. Встречались и замки с превосходной по качеству отделкой чеканкой и позолотой, они имели ценность сами по себе, не говоря уже об их механическом устройстве.

Не меньшим многообразием отличалась отделка ружейных стволов и деревянных частей. Они украшались накладками и инкрустациями из слоновой или обыкновенной кости, в Германии и России делали накладки из перламутра, в Италии, Испании и Сардинии — из серебра. Обычно в качестве основы для рисунков использовались библейские, мифологические и охотничьи мотивы (фото 99).

Немецкий художник Израиль ван Мехенем относился к тем мастерам, которые гравировали сказочные мотивы, например, известны изделия с изображениями истории о зайце, поймавшем своих заклятых врагов — человека и лисицу. С тем же самым персонажем перекликаются и сценки, где заяц поджаривает охотников, они выгравированы на прикладе ружья с колесцовым замком, изготовленного для Леопольда I (1640—1705), хранящегося сегодня в коллекции Джорджа Ф. Хардинга в Чикаго.

Рис. 90. Охотник на пернатую дичь с ружьем с колесцовым замком, пересекающий реку с помощью пояса из надутых шкур. Его ноги утяжелены свинцом и оснащены лопатками. Из книги *Sonderbahre und Bissher Verborgene-Gewesene Geheime Kunste* (1722)

В определенных пределах допускался и непристойный юмор. Скажем, итальянское ружье с колесцовым замком и фитильное ружье, хранящееся в Коллекции Уоллеса, украшены гравировкой с эротическими сценами, на задней стороне изображены наклонившиеся обнаженные женщины. На французском оружии типа «не забудь меня» примерно 1590 г., хранящемся в лондонском Тауэре, спусковой крючок сделан в форме фаллоса, выступающего из фигурки обнаженного мужчины.

КРЕМНЕВЫЕ ЗАМКИ

В начале XVII в. появился новый тип замка, превосходящий даже самые лучшие замки с колесцовым механизмом. Этой новинкой был кремневый замок, в котором искра для воспламенения запала получалась от удара кремня по стальному огниву, расположенному над запальным отверстием.

Установить точное время появления первых кремневых замков невозможно. Большинство из встречающихся в XVI в. упоминаний и названий («самовоспламеняющиеся», «каменные ружья», «ружья с мертвым огнем») могут в равной степени относиться как к ружьям с кремневым замком, так и с колесцовым. Но поскольку последние из сохранившихся колесцовых замков датируются 30-ми гг. XVI в., самые первые образцы колесцовых замков можно отнести к 50-м гг. того же столетия.

Кремневый замок состоял из курка с кремнем, вращающегося на оси, проходящей через замочную доску, врезанную в ложу; на одной оси с курком, но по другую сторону доски закинена лодыжка, вращающаяся вместе с курком; в вырез лодыжки упирается длинное перо боевой пружины, а ее короткое перо прикреплено к доске. При отводе курка назад боевая пружина сжимается, взводится и стремится опрокинуть курок вперед, приближая кремень к огниву. Во взведенном положении курок удерживается концом крючка, заскакивающим в вырез (взвод) лодыжки. Чтобы спустить курок, надо нажать на хвост спуска, который выведет конец крючка из взвода лодыжки; курок, ничем не удерживаемый,

Рис. 91. Портрет сэра Томаса Саутвилла (ок. 1630) в наряде для охоты и с шапханом. Коллекция distinguished Джона Рассела

под давлением боевой пружины ударяет кремнем по стальному огниву, служащему продолжением крышки, прикрывающей полку с порохом; крышка открывается, вращаясь на оси, искры воспламеняют порох на полке и через затравку передают огонь заряду. Для удержания крышки закрытой и оказания огнем сопротивлением удару курка (последнее необходимо для получения искры) имеется подогнивная пружина, верхнее свободное перо которой подпирает огниво. Первые кремневые замки оказались не намного удобнее колесцовых, но стоили намного дешевле, поскольку не требовали такой точности подгонки и отделки деталей.

Ружья с такими замками были достаточно громоздки и неудобны для стрельбы с рук. Сегодня их называют английским термином «шапхан»¹, имея в виду замки с отдельным стальным огнивом. Сэр Томас Саутвилл на портрете 1630 г. изображен в охотничьем наряде с большим ружьем, размером и отделкой похожим на мушкет, и стоящим у его ноги ретривером (рис. 91). Большим удобством в обращении отличался английский петронель — короткое и легкое ружье с прикладом для удобства прицеливания. Экземпляр 1584 г. из Тойгусмузеума в Копенгагене имеет украшенный накладками ствол из рога с перламутром, а замок и ствол украшены узорами из золота и серебра.

Оружейники достаточно быстро обнаружили, что весь механизм кремневых замков можно упростить, соединив стальное огниво с крышкой полки в одну металлическую деталь. Тогда удар кремневого курка по стали высекал искру и открывал полку. По мере того как производство замков развернулось в разных странах Европы, стали появляться изделия, отличавшиеся местными особенностями. Так, на севере, в Скандинавских странах, появилось оружие с внутренней спусковой пружиной, действовавшей на курок и открывавшей крышку запальной полки. По месту изготовления такое устройство называли балтийским замком.

¹ Слово образовано от датского или фламандского «шапхан», то есть «быстрая курочка». Войдя в язык, оно также стало означать вооруженного грабителя. Так, в 1544 г. посланники короля в Нидерланды, Бельгию, Люксембург подали прошения с просьбой выделить охрану для перемещений по дорогам, которые, как рассказывают, были «опасны из-за шапханов».

Русские оружейники, напротив, использовали конструкцию шапхана, от которой уже отказались английские и голландские мастера, создав на ее основе «самопальное ружье», или самопал. У него были колесцовый замок и приклад, так что можно было стрелять уперев самопал в плечо.

На юге, в Италии и Испании, а также в странах Средиземноморья с самого начала доминировало короткое кремневое ружье, известное как микуэлет (от *исп.* микуильо — малец, пацан). Замок располагался снаружи и не требовал углубления в деревянной части ствола, что оказывалось немаловажным для стран, где не так легко было достать хорошие по качеству логи из орехового дерева.

Несмотря на ненадежность конструкции, первые кремневые замки были просто даром Божиим для охотников. Давая советы по поводу выбора ружья для охоты на дичь, Жервес Маркхем в книге «Безопасная охота» 1621 г. замечает следующее: «Лучше всего использовать ружье с кремневым замком или шапхан, чем с фитильным замком, поскольку они безопасны и более надежны, всегда оказываются наготове, ибо позволяют держать порох сухим в любую погоду. В то время как дымок от фитильных ружей (медленно заряжающихся) много раз приводил к тому, что дичь или животное, которых собирались подстрелить, попросту убежали».

К сожалению, кремневые замки продолжали оставаться достаточно громоздкими и ненадежными. Поэтому, например, английские оружейники первыми приспособили цельную крышку с огнивом к старым замкам. Они проводили эксперименты с различными типами спусковых крючков, но неудачно, а также снабдили замок задвижкой, которая надежно удерживала его, пока ружье перезаряжали.

Отдельно следует отметить французских оружейников, которым удалось улучшить конструкцию кремневого замка. Они предложили расположить спусковой рычаг таким образом, чтобы он подходил к углублению на внутренней части поворотного кулачка. Произошло дальнейшее упрощение механизма кремневого замка, и небольшие, аккуратные французские замки первой половины XVII в. стали

полной противоположностью большим, неуклюжим замкам других изготовителей.

Особым стимулом для французских оружейников стал интерес, который проявлял к оружию король Людовик XIII. В 1611 г., когда ему было всего девять лет, он уже гордился тем, что стал счастливым обладателем семи ружей. К 1614 г. количество ружей увеличилось до пятидесяти, ко времени же его смерти, в 1643 г., количество экземпляров в коллекции измерялось сотнями. Оружейники Германии, Италии и Швеции пытались скопировать французские замки, хотя далеко не у всех появился вертикальный спусковой рычаг. Вслед за небольшими замками уменьшились и размеры всего оружия, что значительно улучшило условия стрельбы.

ОТСТРЕЛ ЛЕТАЮЩЕЙ ДИЧИ

Обычно охотник не довольствовался сидящими мишенями, а стремился попасть в летящую илидвигающуюся по земле дичь. Трудно назвать точную дату, когда охотники впервые начали стрелять по движущимся мишеням. Автор малоизвестной охотничьей книги, напечатанной в Риме в 1669 г., заявляет, что в момент написания его труда искусство стрельбы по летящим птицам было известно в Риме примерно восемьдесят лет. Однако его высказывание не удалось подтвердить иллюстрациями или описаниями из других книг. Рисунки Страдана, умершего в 1605 г., его современника Ганса Боля и самого плодовитого из всех художников, рисовавших охоту, Антонио Темпесты, умершего в 1630 г., изображают охотников, стреляющих в неподвижную дичь.

Специальный раздел, посвященный обучению заслонных лошадей, которые использовались в качестве укрытия при охоте на неподвижную дичь, включен в книгу «Кавалерия» — стандартное руководство по обучению лошадей и наездников различным формам верховой езды, опубликованное в 1625 г. (рис. 92).

В поэме «Удовольствие от охоты» Клода Гоше, впервые опубликованной в 1583 г., описаны несколько приемов

Рис. 92. Охотник с ружьем с колесцовым замком (обратите внимание на дым, исходящий из запальной полки), тренирующий свою лошадь, чтобы она служила ему укрытием во время охоты на водную дичь. Фрагмент из книги «Кавалерия» (1624)

стрельбы из аркебузы. Так, куропаток следовало отстреливать на снегу, диких уток — на воде, оленя убивать в стоячем положении, дикого кабана — из укрытия. Видя лису, уносящую зайчонка в свое логово, поэт советовал следовать за ней, выжидая тот момент, когда животное остановится, чтобы лучше перехватить добычу, и тогда выстрелить. Он также описывает случай, когда стрелял в бегущего кабана и прошил его «насквозь и еще раз насквозь с помощью двух быстрых свинцовых пуль».

Похоже, что первым изображением охотников, стреляющих в летящую дичь, является гравюра Джакомо Франко, на которой венецианские охотники стреляют уток из лодок в лагуне. Она появилась в его книге «Деяния человеческие» 1609 г.

Первым серьезным исследованием по данному вопросу стала книга В. Бондафини «Охота с аркебузой» (Болонья, ок. 1640). О том же предмете идет речь и в «Искус-

стве охоты на крупного зверя» 1644 г. испанского оружейника Мартинеса де Эспинара. В нетехническом исследовании, опубликованном в 1644 г., встречается интересный отрывок, в котором описывается, как американский поселенец по имени Хилтон из Паскатавея застрелил огромную хищную птицу.

«Находясь на берегу моря, он почувствовал над своей головой огромную тень, хотя солнце сияло ярко. Подняв глаза, он увидел громадную птицу, парящую в воздухе. Тут неожиданно все утки и цесарки (которых к этому времени собралось достаточно много) нырнули под воду, оставив торчавшими только хвосты. Перезарядив свое оружие, мистер Хилтон выстрелил и сбил птицу на землю. Мне неизвестно, как он смог все устроить, но ему удалось доставить птицу живой в Англию».

В отличие от других стран английские авторы не спешили описывать новый вид развлечений. В том же самом году Николас Кокс опубликовал «Отдых джентльмена», но не упомянул об отстреле летающих птиц. Скорее всего, первым об этой разновидности охоты написал Ричард Блум, его книга имеет то же самое название и издана впервые в 1686 г. В нее входят две прекрасные гравюры, озаглавленные «Подкрадывание» и «Стрельба влет», где показано, как стреляют со спины лошади и стоя на земле (рис. 93).

Новый метод стрельбы пропагандируется Блумом следующим образом: «Наш опыт показал, что это самый лучший и безопасный способ, ибо летящая дичь легко уязвима. Но если вам с одного выстрела удастся попасть в любую часть расправленного крыла, то птица может потерять равновесие и упасть, но это еще не значит, что вы убили ее. Победителем может выступить ваш спаниель. Если он одрессирован соответствующим образом, то сможет вам ее принести».

Блум также советует использовать оружие «длиной примерно 4 фута и полфута в ствольной части, с достаточно широким прикладом, как у мушкета». Главное при стрельбе влет — правильно прицелиться. По этому поводу высказывались различные мнения. Вот что об этом пишет Блум: «Некоторые полагают, что следует выпустить пулю поверх дичи, иначе она пролетит мимо и не заденет ее,

Рис. 93. Стрельба в летящих птиц из кремневого ружья. Фрагмент гравюры «Подкрадывание». Из книги Р. Блума «Отдых джентльмена» (1686)

однако это — самая вульгарная ошибка из всех возможных. Дичь не обладает такой же скоростью, как выпущенная пуля. Выстрелом вы направляете пулю, если правильно организовывать стрельбу, то я лично придерживаюсь такого мнения: если дичь летит как бы над вашей головой, то и цельтесь прямо по курсу, если она удаляется от вас, то направьте свое ружье как бы ей в живот. Лучше всего было бы позволить дичи немного отлететь от вас, и тогда ваша пуля сможет попасть ей прямо в живот».

В 1727 г. и Джордж Макленд посвятил данному предмету свою книгу «Птериплегия, или Искусство стрельбы влет». Он приводит подробные инструкции о прицеливании при разных углах полета. С его точки зрения стандарты английской стрельбы редко сопоставлялись с французскими. «Не часто случается так, что профессиональный французский охотник не попадает в дичь, как это случается с отечественным стрелком». Возможно, поэтому в поздних изданиях «Отдыха джентльмена» Ричард Блум продолжает давать инструкции, как следует «с помощью искусственных ма-

шин подобраться поближе к дичи и отстрелять ее». Упомянутые им «искусственные машины» представляют собой не что иное, как разнообразные укрытия.

СТРЕЛЬБА ИЗ УКРЫТИЙ

Чтобы сделать точный выстрел, охотникам приходилось подкрадываться к дичи как можно ближе, употребляя все подручные средства для укрытия. Использовались любые естественные прикрития: кусты, деревья и даже животные. Страдан, например, часто показывает в качестве такового корову. Хорошо обученная и «обстрелянная» лошадь становилась верным компаньоном охотнику. На гравюре XVIII в., «Стрельба из-за «охотничьей» лошади», выполненной великим художником, Иоганном Элиасом Ридингером, часто изображавшим охоту, показан охотник с ружьем с колесцовым механизмом, стреляющий в птицу из-за привязанной лошади, такое же изображение встречаем и в «Кавалерии» 1644 г.

Интересны также наблюдения сэра Джона Шардена, сделанные им во время путешествий в Персию в 70-х гг. XVII в. Он пишет: «Охота на дикого козла интересна тем, что эти животные легки на подъем и чрезвычайно быстроноги. Обычно в них стреляют из мушкетов следующим образом: берут верблюда и двигаются на нем, медленно приближаясь к козлу. Затем охотник прячется за верблюда и, когда подобрется к козлу совсем близко, стреляет в него. Затем он гонится за ним на верблюде и, когда тот падает, добивает его, если же охотник промахнется, то козел убежит в сторону от него».

В своей книге Блум предложил искусственные укрытия, скопированные с природных объектов, таких как дерево или изгородь. Одну такую весьма изысканную версию предлагает и публикует Джузеппе Мителли в «Охотничьем листке» (Нюрнберг, 1739) (рис. 94). При этом он не скрывает, что птицы пугаются «этих неживых машин, которые не похожи на настоящих живых существ... и, увидев такую двигающуюся мертвую конструкцию, опасаются их и боятся, находя в них реальную опасность».

Рис. 94. Рисунок для изготовления прикрытия в виде дерева.
Из книги Г.М. Мителли «Охотничья страсть» (1739)

Среди прочих приспособлений он лично отдавал предпочтение «искусственной заслонной лошади». Она изготавливалась из раскрашенного каркаса, набитого соломой, затем конструкция прикреплялась к костылю, который можно было упереть землю до тех пор, пока охотник не начинал перемещаться к дичи. Преследуя благие намерения, Блум набрасывает и схему устройства ловушки с ружьем, которую следовало устанавливать вблизи мест обитания лисиц, бобров и волков.

По-прежнему для тех, кто не мог стрелять в летящих пернатых, оставались возможности охоты на «сидевших фазанов». И снова источником информации становится все тот же Блум: «Вам следует позаботиться о хорошем спаниеле, который станет рыскать повсюду, и когда загонит фазана на дерево, то станет громко лаять, чтобы удержать того на месте. Заслышав его лай, подкрадитесь к фазану как можно бо-

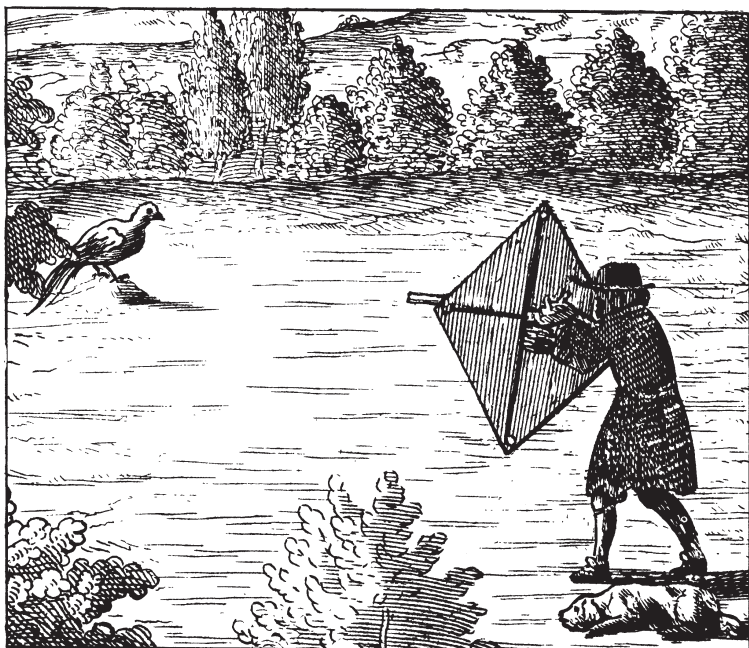

Рис. 95. Фрагмент гравюры «Подкрадывание к фазану» из книги Р. Блума «Отдых джентльмена» (1686). Показано применение «наклонного одеяния»

лее осторожно и, наконец, разглядев его, сделайте свой выстрел. Затем, поощряя собачье рвение, позвольте ему принести вам птицу и всячески одобрите его».

Фазана отстреливали также из прикрития, которое Блум назвал «соломенным полотном». Сделанное из холстины и покрытое соломой, оно напоминало по конструкции воздушного змея, который обычно делают мальчишки. Оно было квадратной формы величиной примерно в ярд. Иногда в центре проделывали дыру, через которую можно было просунуть ствол ружья. Во время охоты полотно просто держали перед собой, как замечает тот же Блум, выжидая, когда любопытные фазаны «подлетят близко и настолько обнаглеют, что начнут летать над охотником» (рис. 95).

ВОСТОЧНЫЕ РУЖЬЯ

Во второй четверти XVIII в. фитильные замки в Европе практически исчезли, а колесцовые остались, в основном для воспламенения тяжелых ружей, применявшихся в Германии и Австрии. За исключением районов Средиземноморья, почти повсеместно использовались простые и надежные кремневые замки французского типа.

Однако эти перемены практически не сказались на производстве оружия в странах Востока. Возможно, фитильные ружья, сделанные в Индии, на Цейлоне, в Китае и Японии, происходят от тех изделий, что привезли с собой португальские купцы конца XV и начала XVI в. Со временем они практически не изменились, хотя каждый век привносил свои особенности, основные отличия наблюдались в форме ствола.

Рассмотрим местные ружья более подробно. У индийских фитильных ружей имелся длинный, узкий прямой приклад, поэтому из такого ружья можно было стрелять с плеча, как было принято в Европе. Сингальские ружья имели приклад с двойным упором, как показано на древних фресках и скульптурах, такие ружья обязательно следовало установить на опору и стрелять упреж в грудь.

Еще одна любопытная особенность сингальского ружья связана с положением замка, который часто устанавливался с левой стороны ствола. Несмотря на столь нестандартное решение и кажущуюся неуклюжесть, ружье было легко переносить, и оно имело удивительно точный бой. В 1688 г. португальский священник и ученый Фернан де Кейрош сообщал, что сингалы способны стрелять ночью и могут даже погасить пулей зажженную спичку. На расстоянии в шестьдесят шагов они способны расщепить лезвие ножа или послать пять пуль одну за другой в одну и ту же точку мишени.

Конечно, ночная стрельба имела свои недостатки. В одной из историй говорится о возбуждавшемся при наступлении ночи охотнике. Нацелив свое ружье в свинью, он шепнул своему другу, держащему спичку, чтобы тот «поднес ее к фитилю». Слово *капа* на сингальском означает и запал и ухо. Не менее возбужденный друг поднес горячую спичку к уху стрелявшего.

Как у китайских, так и японских ружей имелись небольшие изогнутые приклады, не превышавшие по объему пистолетные рукоятки, во время стрельбы их брали правой рукой и прицеливались, прижав к щеке или груди. Что же касается европейских ружей с колесцовыми замками, то большая масса приклада поглощала сильную отдачу.

Меньшие по величине китайские ружья, составлявшие примерно 3 фута длиной, назывались птичьими пистолетами. Сун Иньсин, автор книги «Дянь Гун Гай-у» 1637 г., описывает один из них: «Железный ствол, куда засыпается порох, помещается в деревянный приклад, который можно удобно взять в руку. Ствол изготавливается из трех отдельно выкованных кусков раскаленного железа, каждый из которых обертывается вокруг отрезанного в величину палки холодного железного прута. Получившиеся три железные трубки сваривают концами вместе для получения единого ствола. Канал ствола обрабатывается четырехконечной стальной разверткой величиной с воловий хрящ, так что в конце концов получается исключительно гладкая поверхность, необходимая для легкого скольжения пули. Казенная часть, где размещаются черный порох и пуля, имеет больший диаметр, чем дульный конец. Каждый пистолет заряжается железной пулей весом в 0,2 унции и зарядом не более половины массы пули (0,1 унции).

Вместо запала в пистолете используется зажигательный фитиль (в Южном Китае и сегодня по-прежнему используют пороховой запал). Чтобы выстрелить во врага, стрелку пришлось держать пистолет в левой руке, а правой приводить в действие спусковой рычаг, который перемещает зажженную коноплю к верхнему концу запальной полки, куда насыпан черный порох. С расстояния в 30 шагов пуля разрывает птицу на куски, а с расстояния более чем в 50 шагов просто убивает, некоторых удается убить и на расстоянии 100 шагов.

Для сравнения приведем такой факт: пули, выпущенные из птичьего ружья (няо чжан), могут пролететь более 200 шагов. Птичье ружье длиннее и содержит большее количество черного пороха, чем птичий пистолет, хотя внешне по форме и конструкции они похожи».

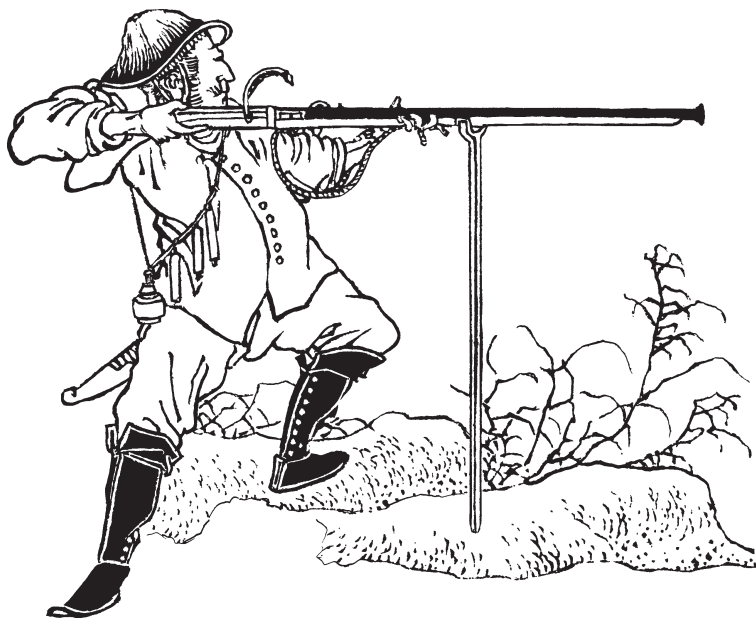

Рис. 96. Представление японского художника Хокусаи о китайском охотнике. Ружье и фляжка для пороха японского образца, стрелок передыхает и держит свой запальный фитиль на европейский лад. По гравюре, приведенной в книге «Мангва», ок. 1834 г.

Японские фитильные ружья всегда оказывались лучшего качества, чем китайские образцы, их стволы отличались невероятным мастерством обработки и изяществом отделки, как и клинки японских мечей. Все они значительно отличались друг от друга по величине, некоторые были короткими и тяжелыми, в то время как другие — длинными и узкими (рис. 96).

В начале XVIII в. длина стволов у европейских ружей уменьшается с 48 до 42 дюймов. Как только оружейники обнаружили, что длина ствола никак не влияет на бой, но облегчает обращение с оружием, они уменьшили ее до 40 дюймов. Некоторые даже свели размеры стволов до минимума. 7 ноября 1729 г. лондонский оружейник Джон Харман помещает в «Ежедневном журнале» следующее

объявление: «Я подтверждаю сообщение в нескольких газетах, что короткие ружья со стволом в 2 фута и 6 дюймов в длину, сделанные мной, Джоном Харманом, кузнецом его королевского высочества принца Уэльского, прошли испытания на охоте наряду с ружьями на фут длиннее. Итак, информирую досточтимую общественность, что мои короткие ружья превосходят другие ружья, что длиннее моих на 5—12 дюймов при стрельбе на расстоянии от 40 до 60 ярдов. В целом все длинные ружья проявили себя хорошо, равно как и порядка сотни коротких ружей, что были сделаны для дворян и джентльменов, всем была дана хорошая оценка.

Но оказалось, что оружия в 2 фута и 6 дюймов в ствольной части не могут быть такими же надежными, как и те, что в полфута длиной. Если оружие длиннее, с ним следует обращаться иначе. Должен признаться, что все мои длинные ружья превосходят изготовленные мною же короткие. Чтобы доказать, что точность полностью зависит от возможностей и искусства исполнителя, я подкорректировал несколько ружей, изготовленных другими, и они стали действовать точно так же, как и мои».

Со временем менялась и методика изготовления стволов. Вначале плоские полоски металла сгибались вокруг подходящего сердечника, затем молотком проходили по всей длине, формируя ровную трубку. Такую методику взяли на вооружение испанские и португальские мастера, из соединенных вместе пяти или шести коротких трубок они делали только один ствол.

В большинстве других европейских стран оружейники постепенно приняли так называемые дамасские, или перекрученные, стволы. В соответствии с данной технологией плоские полоски металла закручивались по спирали вокруг прочного стального прута, а затем сваривались, образуя ствол. Спиральный шов выполнял функцию каркаса, в результате чего получалась легкая и прочная конструкция. Дополнительно ствол стягивали несколькими манжетами. Принятые в начале XVII в. округлые завершения ложи постепенно уступили место овальному прикладу. В большинстве видов оружия цевье делалось во всю длину дульной части ствола.

ПЕРВОЕ ОРУЖИЕ, ЗАРЯЖАВШЕЕСЯ С КАЗЕННОЙ ЧАСТИ, И МНОГОЗАРЯДНЫЕ ВИНТОВКИ

После того как в XVIII в. определилась общая схема ручного оружия, оружейники начали его усовершенствовать. Прежде всего они стали повышать надежность спускового механизма, добиваться слаженной работы всех его частей. В первую очередь они укрепили механизм затвора и добавили полочки к двум основным частям замка, то есть к курку и огниву. Одновременно оружейники занялись созданием системы с заряданием через казенную часть.

Первые ружья, заряжавшиеся с казенной части, появились в начале эпохи Генриха VIII, но из-за трудностей соединения новой казенной части с колесцовым или фитильным замком они оказались ненадежными и даже опасными.

Только после появления в XVIII в. кремневых замков оружейники смогли добиться определенных положительных результатов. Появилось множество ружей с поворотными патронниками или подвижными стволами, извлекаемыми или вывинчивающимися затворами. Одним из самых удачных изобретений оказался винтовой затвор, надежный и быстро закрываемый спусковым рычагом. Его придумал в 1704 г. французский механик Исаак де ла Шоме, а в 1776 г. усовершенствовал шотландский офицер Патрик Фергюсон. После всех нововведений оказалось, что заряжающиеся с казенной части ружья с таким затвором в случае необходимости могли производить четыре выстрела в минуту.

Однако охотники обычно не нуждались в подобных ружьях, более востребованными оказались изделия с набором перезаряжаемых металлических патронов. Такие ружья, заряжавшиеся с казенной части, имели поворачивающиеся стволы или раскрывались в казенной части, наподобие современных ружей.

Одним из прекрасных образцов такого типа считается ружье, изготовленное в 1736 г. Джозефом Кано из Мадрида, сегодня оно хранится в Королевском арсенале в Мадриде. На нем видны гербы Филиппа V в золотом обрамлении с брильянтами, имеется также комплект перезаряжаемых металлических патронов, которые носили в специальном подсумке. У каждого патрона имелись свои собственные запал и огни-

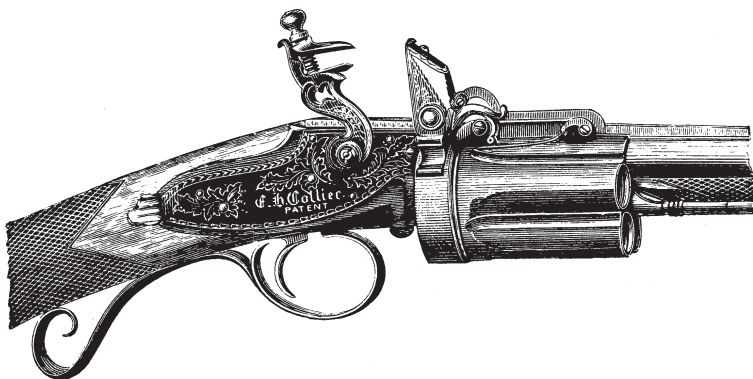

Рис. 97. Ружье Элайши Колиера с револьверным магазином, запатентованным в Англии в 1818 г. На некоторых моделях механизм вращался автоматически с помощью часовой пружины

во, что позволяло сэкономить время перезарядки при каждом выстреле, хотя добавляло вес и увеличивало риск самовоспламенения.

Большинство охотников продолжали использовать ружья, заряжавшиеся с дула, боясь от осечки тем, что запал обновлялся при каждом перезаряжении. Пытаясь создать безопасное и безотказное оружие, мастера предпринимали самые разнообразные попытки. Например, в одном ружье размещались несколько патронов друг за другом, и каждый из них воспламенялся своим спусковым механизмом или одним затвором, двигавшимся вдоль ствола. Однако такая система оказалась достаточно ненадежной и требовала такой тщательности заряжания, что не получила распространения.

Другой способ заключался в устройстве магазина, из которого пули и порох подавались в казенную часть ствола. В одной хорошо известной механической системе применялся вращающийся магазин, размещенный в прикладе, специальным рычагом его поворачивали и подавали в казенную часть пулю и пороховой заряд. Впервые подобные изделия изготовили в XVII в. такие известные оружейники, как Мишель Лорензони, Джакомо Берселли и Бартоломео Котель. Первые магазинные винтовки широко копировались на протяжении

XVII—XVIII вв. английскими оружейниками, самым известным из которых был Джон Коксон, представивший свои собственные образцы примерно в 1690 г.

Более удобной оказалась взрывобезопасная система Калхоффа. Вращающийся затвор, изготавливавшийся в Дании, Голландии, Англии и России членами известной в XVIII в. семьи оружейников Калхофф, приводился в движение спусковым крючком, при нажатии которого магазин поворачивался к передней части замка, где производилось зарядание.

В другой системе, предположительно изображенной в Италии, использовались два вращающихся на одной оси магазина с порохом и пулями, размещенные под стволом и приводимые в движение спусковым рычагом. Механизм подобного типа действия сделал в XVIII в. французский оружейный мастер Шалембром, работавший в Индии.

Нашли своих сторонников и разнообразные системы револьверов, оснащенные или вращающимися рядами стволов, или вертящимися цилиндрами, содержащими несколько зарядов, поочередно подававшихся в ствол. Самые первые из таких револьверов датируются XVI в., тогда разработали множество искусных приспособлений, чтобы они могли действовать с колесцовыми или кремневыми замками.

Правда, у каждой из отмеченных нами групп оказались свои недостатки. Первая разновидность замков оказалась слишком тяжелой и поэтому не очень практичной, вторые могли вызывать негативные последствия, если патронник и ствол не выравнивались соответствующим образом. Все же отмеченным разновидностям магазинных ружей было суждено со временем сойти со сцены, они оказались слишком дорогими и превратились в диковинки, выставленные в арсеналах богатых коллекционеров.

МНОГОСТВОЛЬНЫЕ РУЖЬЯ

Однажды оружейники решили, что, для того чтобы произвести более одного выстрела, достаточно установить несколько стволов. Многоствольные ружья были известны уже в начале XV в. Возможно, они походили на короткий

карабин или пистолет для седла, как тот, что имелся у Карла V Испанского, показанный в «Иллюстрированной описи» 1540—1550 гг. В конце XVIII в. во Франции появились ружья с четырьмя стволами, четырьмя кремневыми замками и четырьмя спусковыми крючками. Самой популярной разновидностью многоствольных ружей оказался вариант с двумя стволами, размещенными рядом или один над другим. Первые образцы таких ружей с колесцовыми замками и двойными курками появились в XVI в., но предшественники двустольных коротких ружей появились не ранее второй половины XVII в.

Прекрасным образцом подобного изделия является легкое двустольное ружье с кремневым замком, в котором стволы располагаются рядом. Это ружье, подписанное мастером Фрачино, раньше находившееся в коллекции Спитцера и выставившееся в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже. У подписанного «Абрахам Муньер из Женевы» ружья с кремневым замком примерно 1650 г., хранящегося в копенгагенском Тойгусмузеуме, стволы располагаются один над другим.

Множество ружей такого типа имели поворотные или вращающиеся стволы, так что одного замка оказывалось достаточно, чтобы поочередно стрелять из каждого ствола. На рисунке, опубликованном в книге «Лучшие образцы аркебуз» французского оружейника Франсуа Марко в 1657 г., изображен образец ружья такого типа, заряжавшегося с казенной части. Независимо от того, как располагались стволы этих ружей XVIII в., один над другим или рядом, они отделялись узким деревянным цевьем.

В 20-х гг. XVIII в. появилась технология сварки ружейных стволов. После этого начало развиваться производство ружей с расположенными рядом стволами и деревянным цевьем. Удобное расположение привело к росту популярности таких изделий. Любопытный образец двустольного ружья, изготовленного в 1750 г., находится в коллекции Скотта в Глазго и многими деталями напоминает английские пистолеты того же периода.

Установленные рядом стволы имели отдельные замки для заряжания, а единый кремневый замок позволял стрелять из любого ствола, открывая соответствующий запал

скользящей заслонкой. Замок с похожим действием установлен на прекрасном двуствольном ружье, хранящемся в Оружейной палате в Москве, его изготовил для императрицы Екатерины II Иван Лялин. Правда, у него было два замка и для заряжания оно разламывалось пополам. Врезной замок был удобен для карманных пистолетов, а у ружей не прижился, поскольку его было трудно чистить после стрельбы.

Вначале в Англии двуствольные ружья встретили настроенно, как все, что привозилось из-за границы. Даже в 1781 г. они продолжали считаться новинкой, о чем свидетельствует книга доктора Джона Эйкинса, называвшаяся «Описание двойных ружей». По мнению Р.В. Торнхилла, изложенному в «Руководстве по стрельбе» (Лондон, 1804), такие ружья придумали французы «наряду с множеством других глупых вещей». Сам он называет следующие причины, препятствующие использованию двух стволов: второй ствол часто не использовался, а лишний вес на охоте оказывался вовсе ни к чему; перезарядка всегда проводилась в спешке, поэтому два заряда легко помещались в один ствол. Писавший об охоте полковник Томас Торнтон объявил их «довольно забавными игрушками».

Однако дело обстояло не так-то просто. Когда все наконец выговорились, английские оружейники, такие как Генри Нок, Иезекия Бейкер, Джон и Джозеф Ментоны, выпустили превосходные образцы двуствольных кремневых ружей, сразу же вызвавшие покупательский интерес. Стволы еще больше укоротились, распространенной стала длина в 30 дюймов. Торнхилл и здесь не обошелся без колкости: «Различие стволов в 10 дюймов слегка ухудшает бой, но все же в силу определенных обстоятельств предпочтение следует отдать коротким стволам».

ПАТЕНТНЫЕ РУЖЬЯ

Кремневые ружья начала XIX в. мало напоминали те, что выпускались в предшествующие столетия. Хотя их устройство практически не изменилось, они отличались более быстрым и мягким боем, оказались менее восприимчи-

Рис. 98. «Водная тренога», или «водяная лошадка». Показано пересечение речного потока с помощью поплавка и водяных лопастей. Из книги Дж. Бедкока «Домашние забавы и философские размышления» (1823)

выми к полумкам и осечкам. И все же большинство охотников соглашались с Торнтоном, который писал: «Оружейники сумели добиться такого совершенства в производстве ружей для дичи, что даже трудно сказать, возможны ли какие-либо дальнейшие усовершенствования».

С другой стороны, находилось множество оружейников, как профессионалов, так и любителей, которые полагали, что нет предела совершенству и всегда можно внести собственные изменения, пусть даже небольшие. Так началась эпоха патентов, связанная с усовершенствованием ружья. Некоторые из изобретений действительно имели огромное практическое значение, в частности придуманная Генри Ноксом в 1787 г. казенная часть, принятая целиком или с небольшими усовершенствованиями большинством английских оружейников.

Некоторые мастера намного опередили свое время. Множество механических новаций ввел Джон Андерсон (1726—

1796), прирожденный философ и основатель университета в Стречдейле. К его изобретениям относились шестифунтовое ружье с пневматическим поглотителем отдачи, ружье с кремневым замком для охоты на дичь, действующее по тому же принципу.

Другие нововведения оказались всего лишь занимательными игрушками, наподобие замка, запатентованного Джозефом Ментоном в 1813 г., который при спуске издавал «забавный музыкальный звук». В 1823 г. Джон Бедкок рекламировал разновидность пневматического устройства, называвшегося «водная тренога», — удивительное приспособление, позволявшее охотнику пересекать ручьи и озера, преследуя добычу (рис. 98).

Даже самые восторженные охотники начали осознавать абсурдность ситуации. В 1788 г. Уильям Мейнард из Лондона опубликовал карикатуру «Патентное ружье, убивающее во всех направлениях». 16 апреля 1817 г. некий мистер Дигнум на 38-й годовщине «Охотничьего клуба старомодных простаков» исполнил «Только что запатентованную охотничью песню» собственного сочинения, своеобразно подведя итог всему произошедшему.

Патентуют все вокруг —
Каждый болт и каждый звук,
Курок, крючок, затвор и мушку —
Любую, словом, безделушку,
Вот только взять патент нельзя
На твердость рук и меткость глаза,
Иные, не попав ни разу,
Себя охотниками мнят.

ОТДЕЛКА ЛИЧНОГО ОРУЖИЯ

Если одни ружья выделялись механическими усовершенствованиями и приспособлениями, другие отличались красотой отделки. Кажется, что несколько мастеров специально оттачивали на изделиях свое мастерство, поскольку привлекались специалисты по резьбе, гравировке, обработке дерева, железа, кости и драгоценных металлов. Вначале, в первые годы создания личных ружей, мастера

довольствовались случайными мотивами, близкими к народному искусству.

Затем изготовители ружей начали использовать рисунки профессиональных художников или известные охотничьи сценки и мифологические сюжеты, вводя некоторые детали в свою гравировку в виде чеканки или специальных накладок. Скажем, приклад немецкого ружья с колесцовым замком 1550 г., хранящийся в городском художественном музее в Сент-Луисе в США, украшен сценками из подвигов Геракла, скопированными с гравюр Ганса Зебольда Бехана.

Затем мастера перешли к разработке обычных форм и декоративных сенок, которые могли бы заполнить пространство замка и приклада, боковых пластинок. Предназначенные для оружейников гравированные рисунки были опубликованы в XVI в., но получили распространение только не ранее первой четверти XVII в. К концу XVII в. общие тенденции стали настолько очевидными, что по особенностям декора практически невозможно определить место изготовления ружей, по крайней мере на тех изделиях, что произведены в северо-западной части Европы.

Самыми значительными из опубликованных в XVII в. рисунков считались работы Филиппа Д'Обиньи (1634—1644), Франсуа Марко (ок. 1657), Жана Берьена (ок. 1650—1667), С. Жакине (1660) и Клода Симонена (1685). Некоторые рисунки Берьена были навеяны итальянскими оружейными мастерами, работавшими по полированной стали.

Альбомы Симонена впервые опубликовали во Франции в 1685 г., в то время, когда французские колесцовые замки начали свое триумфальное шествие по всей Европе. Факсимильное издание появилось в Амстердаме в 1692 г., и примерно в то же самое время Якоб фон Сандрарт издал эту книгу в Нюрнберге. В самом начале XVIII в. созданы рисунки Клода Жило, Никола Жерара и де Лаколомба, опубликованные в разных изданиях.

Иногда оружейник использовал целиком только один рисунок из книги. В качестве примера можно привести серебряную накладку на стволе охотничьего ружья, изготовленного в Туле в 1752 г. для императрицы Елизаветы и хранящегося сегодня в лондонском Тауэре, где точно воспроизведена одна из гравюр Жерара.

Рис. 99. Гравировка на пластине ложи немецкого ружья с колесцовым замком ок. 1580 г., хранящегося в лондонском Тауэре. Следует отметить два тяжелых пистолета с шарообразными рукоятками, находящиеся в седельной кобуре

В других случаях оружейники искусно соединяли мотивы, взятые из нескольких источников. Так, отделка ружья с колесцовым замком, хранящегося в Виндзорском замке и изготовленного Якобом Вальстером из Саарбрюкена примерно в 1760 г., представляет собой образец именно такой компиляции. Накладка из серебряной проволоки на стволе скопирована из книги де Лаколомба «Новейшие рисунки для аркебуз» 1700 и 1730 гг., чеканка по стали и золотая инкрустация на стволе основываются на гравюре его ученика де Марто, опубликованной в Париже в 1744—1749 гг.

В середине столетия получили распространение узоры из асимметричных завитков в стиле рококо, что позволило полностью нивелировать всяческие местные или национальные особенности в декоративном стиле. Конечно, большая часть столь изящно оформленных изделий никогда не предназначались для использования по назначению и занимали свое место в кабинете хозяина, где и выставлялись на всеобщее обозрение. Скажем, трудно представить на реальной охоте тот экземпляр ружья с колесцовым замком, что был изготовлен для императора Леопольда I (1640—1705). Его ствол полностью покрыт каменными камнями и инкрустирован гранатами, аметистами, бирюзой и жемчугом.

РАЗВИТИЕ РУЖЕЙ С КРЕМНЕВЫМ ЗАМКОМ

Вплоть до конца XVIII в., прежде всего в Великобритании, стремление к декорированию нередко перевешивало практическую ценность охотничьих ружей. Как мы уже успели заметить, это привело к увеличению числа запатентованных механизмов и приспособлений. Несмотря на комические последствия, отраженные в соответствующих историях, попытаемся отойти от этого и по достоинству оценить достижения оружейников и практическое использование коротких ружей с кремневыми замками.

Источники того времени и современные исследования едины во мнении, что данные ружья оказывались достаточно эффективными. В самом начале 1727 г. Джордж Макленд в книге «Птериплегия, или Искусство стрельбы влет» выступает сторонником стрельбы по крайней мере на расстояние в 40 ярдов:

Подберитесь к птице на расстояние в сорок ярдов,
И вы легко попадете в нее из обычного ружья,
Но при стрельбе влет подойдите еще ближе,
И тогда у вас есть шанс не промахнуться.

Похоже, что при желании сам Питер Хокер мог выстрелить на такое расстояние, но он предпочитал более длинные дистанции. В сентябре 1819 г. в канун «осеннего

равноденствия» он стрелял весь день и был вынужден стрелять навскидку издали, однажды он попал в голову птицы, находившейся на расстоянии в 72 шага. В своем «Руководстве по стрельбе» 1804 г. Торнхилл зафиксировал удачный выстрел на расстоянии в 120 шагов.

Последний из упоминаемых нами авторов руководил рядом экспериментов по определению лучшего расстояния для стрельбы и убойной силы на определенном расстоянии. Во время опытов использовались ружья с кремневыми замками со смесью заряда № 1 и № 2 (730 шариков), мишень площадью примерно 4 квадратных фута (около 1 кв. м). Чтобы показать рассеивание дроби, использовали листы из коричневой бумаги.

У. Гринер сообщает, что похожую серию испытаний провели с современным ружьем 12-го калибра со стволом, заряжавшимся с казенной части. Стреляли по круглым мишеням диаметром 30 дюймов (75 см). Отчет о результатах теста, проведенного Гринером, позволяет сопоставить его результаты с использованием заряда № 1 с результатами Торнхилла. Правда, Торнхилл не приводит сведений о весе, но, поскольку количество дроби у него совпадает с данными Гринера, можно предположить, что и заряд был таким же и составлял 3,5 драхмы пороха на 1,4 унции дроби. Также трудно определить толщину и плотность коричневой бумаги Торнхилла, а затем сопоставить ее с теми пластинами из соломы, которые Гринер использовал для своих тестов на пробивную способность. Оба отчета показывают, что только на длинных расстояниях кремневые замки не имели себе равных.

Сравним данные в таблице.

	Радиус в ярдах	Кол-во дрожинок, попавших в цель	Число непробитых листов	
Торнхилл 1804	40	240	32	Коричневая бумага
	60	43	14	
Гринер 1910	40	100	30	Соломенные пластины
	60	50	21	

Следовательно, приходится поверить рассказам охотников XVIII в. об огромных сумках с убитой ими дичью, а также об армиях загонщиков, нанимаемых, чтобы загонять дичь под ружье. В Богемии в 1753 г. император Франциск I, владевший 23 ружьями, за 18 дней охоты произвел 116 209 выстрелов. За это время он убил 19 545 куропаток, 18 273 зайца, 9499 фазанов, количество другой дичи составило в целом 47 950 штук.

Возможно, самый большой объем дичи, когда-либо отстрелянной за один день, отмечался в Австрии в октябре 1797 г., когда во время охоты князь Лихтенштейнский вместе с 11 гостями за 14 часов набили приблизительно 39 000 голов дичи, в основном зайцев и куропаток.

Не совсем удачной оказалась большая охота на кроликов, организованная Александром Бертье, начальником штаба армии Наполеона I, чтобы польстить своему императору. С чисто военной дотошностью, Бертье организовал все вплоть до мельчайших деталей, включая и пышный завтрак, предшествовавший всем этим событиям, а также группу барабанщиков и держателей ружей, сопровождавших охотников.

Чтобы обеспечить достаточные запасы дичи, когда она понадобится, Бертье пришлось предпринять определенные меры предосторожности, сотни кроликов держались наготове, спрятанные до поры в укромном месте. К сожалению, к моменту отстрела они стали слишком ручными. Когда Наполеон выступил вперед, чтобы начать стрелять, кролики окружили его. Они по ошибке приняли царственного охотника за егеря, который ежедневно кормил их салатом. Конюший напрасно пытался отогнать голодную стаю. Наконец императорский двор и охотники были вынуждены вернуться в Париж, разгневанные кролики продолжали бежать рядом с каретами.

Если Наполеону не удалось особенно преуспеть в изменении правил французской охоты, теперь уступившей догматам английских охотников, он смог достичь успеха в другом, поощрив выпуск нескольких роскошно отделанных коротких ружей. Их изготовили на государственной фабрике оружия в Версале под руководством художника Никола-Ноэля Буте. Изделия отличались роскошными накладками из двухцветного золота и серебра, великолепной скульптурной отделкой

Рис. 100. Диана, богиня охоты. Слева: рисунок для скобы спускового крючка работы Ренессона, ок. 1807—1808 гг. Справа: рисунок скобы ружья, хранящегося в лондонском Тауэре, изготовленного французским оружейником Никола-Ноэлем Буте для Карла IV Испанского, ок. 1805 г.

и гравировкой в стиле ампира, похожей на гравюры Ренессанса, выполненные в 1807—1808 гг. под руководством Дж.Ф. Лукаса (рис. 100).

Заметим, что ни необычайная отделка ружей, ни обжорство после массового отстрела дичи не отвечали вкусам английских охотников довикторианского времени. Больше всего они гордились техническими свойствами личных ружей и умением стрелять в сложных условиях. Так, Питер Хокер отмечал в своем дневнике от 4 сентября 1837 г.: «Мне сегодня повезло в стрельбе, поскольку я попал два раза из трех и снял вторую птицу с одного выстрела. Стрельбу следует признать самым совершенным и сложным видом искусства».

Необходимо признать, что Питер Хокер всегда отрицал массовое убийство, хотя и любил стрелять. Однажды, 26 октября 1825 г., когда он стрелял как одержимый и сделал из своего ружья 500 выстрелов в небо, на него посыпался «настоящий дождь пепла».

В то время спортивные пари заключались постоянно. Некоторые из них позволяют судить о мастерстве стрелков. В декабре 1823 г. заключили пари на 100 гиней, что сэр Роберт Пил не сможет убить в течение дня фазана, красноногую куропатку, обычную куропатку, бекаса, болотную курочку, вальдшнепа, дикую утку, кролика и зайца. Тогда Пил начал стрелять в 10 часов утра и выиграл пари до часу дня. Один из лучших стрелков тех дней сквайр Освальдестон был вызван на состязание по стрельбе в голубей лордом Кеннеди, ставка была 2000 гиней. Они стреляли с вышшения в 20—25 ярдов, Освальдестону удалось выиграть, убив 438 птиц против 418 у его соперника.

Многие английские состязания в охотничьем мастерстве основывались на использовании ружей большого калибра. Один из участников «бартонской охоты» иронически отмечает в своем письме: «Возможно, не столько мистер Освальдестон достоин награды, сколько его ружье, из которого он обычно отстреливает голубей. Однако нельзя считать его игру честной, поскольку у ствола его ружья увеличена казенная часть». Чтобы этого не было, многие охотники предпочитали использовать двойные стволы. Заслуживает внимания некролог, посвященный Джону Хопу из Тотенхэма, умершему в 1831 г. в возрасте 85 лет, в ко-

*Рис. 101. Обучение стрельбе по движущейся мишени.
Из книги барона де Беренгера «Помощь и советы» (1835)*

тором он восхваляется как «истинный любитель честной игры, которую он сыграл, считая недостойным использование двуствольных ружей».

В начале XIX в. дробовые ружья с кремневыми замками еще не утратили своих лидирующих позиций, хотя и по убойной дальности, и по скорости стрельбы уступали заряжавшимся с казенной части пулевым. Отмечались и другие недостатки. Когда кремневый замок давал искру, появлялся дым от горения запала, закрывавший цель, кроме того, проходило значительное время между искрой и взрывом основного снаряда.

Некоторым охотникам удавалось преодолеть данный недостаток, нацеливаясь на движущуюся мишень. Одним из величайших стрелков начала XIX в. считался Ричард Тумер, который, как и Бенвенуто Челлини (об этом мы говорили выше), предпочитал стрелять одной круглой пулей. Таким образом ему удавалось поразить шесть голубей

из десяти. Однажды на площадке для крокета близ Хартфорда, пока Харрис, один из самых быстрых мастеров в Англии, прогонял мяч между воротами, Тумеру удалось попасть в него двенадцать раз.

В 1889 г. Р.У. Гриффите провел несколько сравнительных испытаний, чтобы установить время, необходимое для перезарядки ствола после спуска затвора для каждого типа оружия. Показатели оказались следующими:

Кремневый замок	от 0,0750—0,1050 секунды	в среднем 0,094 секунды;
Ружье 12-го калибра, заряжающееся с казенной части	от 0,0039—0,0063 секунды	в среднем 0,005 секунды

УДАРНЫЕ ЗАМКИ

Многие изобретатели пытались справиться с недостатками кремневых замков. Прежде всего изменили форму запальных отверстий, облегчив процесс воспламенения пороха, спрятанные или прикрытые кожухом замки в некоторой степени маскировали горение запала. Однако продолжались осечки и задержки во времени, иногда приводившие к пропускам вспышки.

В 1807 г. произошло необычайное событие: шотландский священник Александр Форсайт получил, пожалуй, один из наиболее значимых патентов в истории огнестрельного оружия. Он изобрел замок, в котором пороховой заряд воспламенялся от детонации гремучей ртути.

О взрывной силе солей гремучей ртути или нитрила нитроусусной кислоты знали начиная с XVII в., но ее соли на основе серебра и золота были настолько взрывоопасны, что все проводившиеся во времена Форсайта опыты были направлены на то, чтобы найти менее чувствительное вещество. Воспользовавшись возможностью создания соли на основе ртути, Форсайт провел свои собственные опыты и разработал методику ее получения, соединив ртуть, спирт и азотную кислоту. Спустя короткое время в лондонских артиллерийских мастерских ему удалось разработать удовлетворительную

методику использования гремучей ртути, преобразовав кремневый замок в ударный.

В этом замке небольшое количество гремучей ртути помещалось на запальную прорезь и взрывалось от удара молоточка, воспламеняя запал. Хотя замок отвергла гильдия оружейников, посчитавших, что их невозможно использовать в военных целях, Форсайт смог начать свое собственное производство ружей в Лондоне, составив капитал на своем открытии.

Патентная ружейная компания Форсайта открылась в Пикадилли (лондонском районе) в 1808 г., в Шотландии ружья маркировались эдинбургским оружейником Джеймсом Инном. 6 мая 1809 г. последний размещает объявление в «Эдинбургских вечерних новостях», где заверяет «дворянство и джентльменов» в преимуществах нового замка: «Запал непроницаем для сырости, с помощью мгновенного воспламенения легче добиться попадания в цель. Благодаря полному воспламенению заряда удастся увеличить силу боя ружья примерно на треть».

Проведенные испытания показали, что притязания оружейников не лишены оснований. Сложность заключалась в том, что необходимо было сконструировать замок с такой точностью, чтобы он функционировал безупречно, кроме того, следовало добиться совершенства и в производстве пороха. Хотя Форсайт попытался помешать распространению своего патента, другие оружейники начали самостоятельные опыты с альтернативными формами детонаторных, или ударных, замков.

Как в Англии, так и на континенте совершенствование запального механизма развивалось по нескольким направлениям: одни пытались подавать гремучую соль из вращающегося магазина, другие предлагали использовать шарики из этого материала, соскальзывавшие на запал по специальной трубке, третьи делали бумажный диск или ленту, подаваемую под ударник. Все системы обуславливали появление собственных разнообразных механических форм, с помощью которых они детонировали, но у каждой имелись свои достоинства и недостатки. Самым удачным вариантом оказался медный колпачок, заполненный гремучей ртутью.

Примерно с 1825 г. он становится самым надежным и безопасным воспламенителем запала. Его предложил английский мастер Джошуа Шоу, импортировавший в 1819 г. свое изобретение в Америку, поскольку именно тогда он получил большое денежное вознаграждение за это открытие. В Англии его первыми применили оружейники Джозеф Эгг, Джозеф Ментон и Джеймс Парди, во Франции Прелат, в 1820 г. получивший на него патент.

По форме медный колпачок напоминал миниатюрную верхушку шляпы, заполненную детонирующим веществом. Его надевали на специальный ниппель на запальном отверстии, куда закладывался порох. Спусковой механизм был достаточно простым, ибо для воспламенения требовалось только ударить колпачок специальным молотком.

В 1823 г. Джон Дей из Барнстейпла (Англия) запатентовал настолько маленький ударный замок, что его легко можно было вставить в рукоятку прогулочной трости. Так начался период напряженных экспериментов с разнообразными видами ружей, заряжавшихся с казенной части. Через неполные двадцать лет появляется простой и надежный револьвер Кольта, стрелявший пятью или шестью пулями и вытеснивший ненадежный револьвер с кремневым замком, некогда изготовленный Колиером (рис. 97).

Перед мастерами, трудившимися над улучшением казнозарядных ружей, стояла более сложная задача. Используя все старые методы создания шарнирных или отдельных патронников, подвижных затворов, они создали систему, в которой порох и пуля заворачивались в бумагу, кожу или резиновый патрон. Однако ускорение заряжания не решило проблему воспламенения заряда.

ЗАРЯДНЫЕ РУЖЬЯ

В 1812 г. шведский изобретатель и воздухоплаватель Самуэль Иоганн Паули заложил основы методики изготовления современного оружия, заряжавшегося с казенной части, когда запатентовал ружье, в котором использовались бумажные гильзы с основанием из мягкого металла

Рис. 102. Французские охотники, вооруженные казнозарядным ружьем Фузиля Роберта в костюмах от Беноиста и Дегремана. Из книги «Мода Парижа», ок. 1845 г.

или дерева, в центре которого устанавливался капсюль с детонирующим составом. Сконструированные по такому принципу охотничьи ружья начали изготавливать в Лондоне и Париже, но они были достаточно дороги, и при перезарядке возникали сложности из-за того, что было трудно извлечь остатки заряда.

Другой мастер, Дж.А. Роберт, запатентовал усовершенствованную версию ружья Паули, но, хотя и изготовили несколько прекрасно отделанных образцов ружей его системы, так и не удалось полностью решить проблему зарядного устройства (рис. 102, фото 112). В 1826 г. Антонин Гали-Газалат запатентовал первое ружье, в котором воспла-

менение заряда происходило от удара специального бойка по капсюлю, расположенному на патроне. Мастеру удалось опередить свое время.

В 1832 г. французский оружейник Казимир Лефосе получил патент на возрождение старого, известного еще в XVII в., принципа разламывающегося ствола. В его системе, как в других казнозарядных ружьях, использовался традиционный патрон, к которому был добавлен капсюль с выступающей ударной шпилькой. Однако эти патроны оказались небезопасными в обращении и не получили широкого распространения. Вторая проблема заключалась в сложности извлечения патрона после выстрела.

Однако Лефосе не отступил и в 1835 г. запатентовал практически новый патрон. Воспламеняющий состав у него был утоплен в основание так, чтобы он смог сдетонировать только от удара иглы, расположенной под правильным углом. Так и стал известен патрон.

Вскоре его усовершенствовали с помощью металлического основания, что сделало процесс выброса еще более легким. Не случайно патрон приобрел необычайную популярность среди охотничьих сообществ Франции и Бельгии, в Британии он распространился не так широко, здесь его разработкой в основном занимался лондонский оружейник Джозеф Ланг.

В Германии использовался унитарный патрон системы Паули, доработанный в 1827 г. его сотрудником Дрейзе. Патрон Дрейзе состоял из бумажной гильзы, в основание которой впрессовывалась лепешка воспламеняющего состава, поверх нее располагался пороховой заряд, прикрытый бумажным шпигелем, и пуля. Патрон оказался популярным не только среди охотников (фото 115), но и был введен в вооружение прусской армии в 1840 г.

В 1852 г. английский оружейник Джозеф Нидхем запатентовал казнозарядное ружье с поворотным затвором, и тогда же была изготовлена первая партия двуствольных ружей. Вместе с тем обе системы продолжали подвергаться критике. Патроны с игольчатым воспламенением оказались неудобными в обращении, а кроме того, через отверстие в казенной части происходила утечка газов при выстреле. Сам игольчатый механизм часто ломался, по-

скольку болт или иголка, проходившие через порох, подвергались воздействию взрыва.

В 1847 г. во Франции Бурсье запатентовал казнозарядное ружье центрального боя, у которого отмечаются несколько черт, встречающихся и сегодня: ударяющая по диагонали игла и автоматический эжектор. Но, как и во всех системах того времени, достоинства его ружья блокировались недостатками патрона.

Окончательные штрихи в устройство патрона внес французский оружейник Ротте, запатентовавший в 1855 г. патроны с улучшенной формой детонатора. Внесенные Франсуа Шнейдером незначительные усовершенствования купил и привез в Англию Джордж Дау, лондонский оружейник. Суперинтендент королевской лаборатории в Англии полковник Е.М. Боксер внес свою лепту, запатентовав небольшое усовершенствование в виде печати на новом патроне и добившись внедрения новинки в вооружение британской армии в 1866 г.

Несмотря на отдельные зигзаги в истории развития патронника, в 1900 г. Дж.Т. Тисдейд-Баккел подытожил все сделанное и написал: «С 1834 по 1857 г. с охотничьим ружьем не случилось ничего нового, кремневый замок перестал использоваться, его использовали только самые закоренелые охотники, тогда из Франции покойный мистер Джозеф Ланг ввез казнозарядную систему. Прошло еще десять лет, прежде чем ее стали использовать повсеместно, и, по правде говоря, большинство новых ружей оказались замеченными благодаря утечке газов из казенной части, а не из-за их убойной силы».

Период с 1860 по 1880 г. оказался тем временем, когда охотничье сообщество использовало самые разнообразные системы ружей, как кремневые, так и патронные ружья всех видов. Некоторые охотники продолжали использовать старые ударные дульнозарядные ружья, которые, когда не имела значения скорость зарядки, могли превзойти те, что заряжались с казенной части. Кроме того, в любой части мира не встречалось проблем со снабжением: капсули, пули и порох можно было легко достать повсюду.

Другие охотники оказались более прогрессивными и старались попробовать все виды зарядов с казенной части.

Так, обсуждая различные модели в первом издании своей книги «Охотничьи земли Старого Света» (1860), охотник и писатель Х.А. Ливсон пишет: «Оружие по-прежнему находится в переходном состоянии, правда, не приходится сомневаться в том, какой принцип считается лучшим». Сам он не колеблется, признавая преимущества ружей, заряжающихся с казенной части, и предпочитает их ружьям, заряжавшимся с дула.

Как отмечает Ливсон, такое ружье оказывалось легче заряжать и чистить, заряд легко было переменить и зарядить. Поскольку ружье так быстро перезаряжалось, находившиеся на сафари охотники больше не нуждались в батарее ружей и тех, кто их переносил. «Теперь, — продолжает Ливсон, — он может бродить по лесу один, не опасаясь, каких животных встретит, поскольку знает, что, совершив только первый выстрел, добьется смертельного эффекта, кроме того, он мгновенно может перезарядить ружье и продолжать вести беглый огонь, против которого никто не сможет устоять...»

К этому времени английские спортсмены восприняли европейскую традицию преследования дичи и записывания результатов. Прекрасным образцом охотника своего времени может служить маркиз Рипон, его фанатическая страсть к охоте, похоже, преобладала над всеми другими увлечениями. Начиная с 1867 г. он вел записи убитых им животных и птиц. За всю жизнь общий расчет оказался таковым:

Шотландские куропатки	97 503
Серые куропатки	124 193
Фазаны	241 234
Вальдшнепы	2560
Бекасы	2926
Дикие утки	3569
Тетерева-глухари	95
Глухари	45
Зайцы	31 934
Кролики	40 138
Различные животные	12 616
В с е г о	556 813

Записи обрываются 22 сентября 1923 г. В тот день восторженный пожилой охотник находился на болоте Дэллоухилл близ Рипона, в 3.15 пополудни он застрелил 165-го гуся и одного бекаса и упал замертво, ему в ту пору шел семьдесят второй год.

Столь жестокий вид охоты вызывал соответствующие комментарии в американской прессе. Несколько ранее, 3 сентября 1904 г., напрочь забыв о том, как устроили резню бизонов в Америке, газета *New York world* писала: «Кому могла прийти в голову такая охотничья забава! Грубая и животная ментальность «правлящего класса», получающего удовольствие от подобного убийства, может объяснить экспедиции Тиббета и других хладнокровных исследователей, охотящихся не за шотландскими куропатками, а за людьми».

Французы были известны двумя необычными видами охоты, где слыли специалистами: охотой на чибисов с помощью белого платка и ловлей жаворонков посредством движущегося зеркала. В обоих случаях охотники полагались на любопытство пугающихся выстрелов птиц, заставляя их спускаться на землю и исследовать необычный предмет. В первом случае охотник размещал на земле белый платок, предпочитая, чтобы главным действующим лицом становилась собака (рис. 103).

Во втором случае в качестве предмета, привлекающего птиц, использовалась деревянная болванка, сделанная в виде птицы с вытянутыми крыльями, покрытыми зеркальцами. Обычно она устанавливалась на подставку, а укрывшийся по соседству охотник держал конец веревки. В «Отдыхе джентльмена» 1686 г. Ричард Блум описывает и демонстрирует с помощью рисунков две разновидности этой приманки.

Одна представляла собой кусок дерева, похожий на линейку, раскрашенный красным цветом и оснащенный небольшими зеркальцами. Другую разновидность он назвал «дерзкой» или «отчаянной», она походила на использующуюся и сегодня приманку и имела изогнутый держатель для зеркала.

Действие этих двух типов приманки было тем же самым, что и других, использовавшихся в XIX в., но во времена Блума их использовали для того, чтобы подманить птиц как можно ближе, а затем поймать с помощью сети

Рис. 103. Стрельба в чибисов с помощью белого платка и белой собаки. Из книги Т. Дейе «Старый охотник» (1850)

(рис. 104). Следовательно, отстрел птиц начался не ранее XVIII в., сама же охота такого типа стала популярной лишь к середине XIX в. И несут за нее ответственность исключительно поклонники быстро перезаряжавшихся с казенной части ружей.

Английский птицелов и сторонник применения арбалетов и в XX в. Даниэль Хигсон дает следующее описание «вращения жаворонков», переводя отрывок из книги «Практическая охота на жаворонков с помощью зеркала, свистков и ружей» Леона Реймонда: «Жаворонок, летящий на высоте от 40 до 50 ярдов, бросается вниз на зеркало. Ничего нет грациознее этого падения. Вытянув лапки, птица складывает крылья и камнем падает с небес, где-то на расстоянии руки перед зеркалом расправляет крылья, зависая, как очарованная, над зеркалом, являя собой образ Свято-

го Духа, который украшает картины старых мастеров. Шум, движение, выстрел — ничто не может помешать этому восторгу, который длится несколько минут. Тогда в нее легко попасть, и, немного потренировавшись, любой не допустит промаха.

Когда проход открыт и жаворонки оживленно, добровольно, как замороженные устремляются к зеркалу, следует запастись тачкой, наполненной патронами. Можно стрелять все утро, испытывая только одну трудность — как перезарядить ружье, стволы буквально обжигают руки. Обычно кончают, когда полностью гложнут от выстрелов, а глаза уже не видят. И хотя все время спокойно сидят на торфяной кочке, как на складном стуле, все же пот ручьем струится по лицу, как будто выполняли сложные упражнения. На земле разбросаны трупы, перья летят во все стороны — такова сценка, доставляющая огромное удовольствие и радость любому англичанину, страдающему от хандры».

Конечно, не многие англичане могли согласиться с автором, хотя и не приходится сомневаться в том, что они были действительно одержимы охотой. Приведем еще один пример, свидетельствующий об увлеченности таким видом ловли: «В осенние месяцы, в октябре и ноябре, по выходным в пригородах Парижа предлагается забавное зрелище. Все стрелки, владельцы мелких магазинчиков из больших городов, набиваются в первые утренние поезда, идущие в деревню, чтобы начать смертельную войну против жаворонков. У каждого из них в сумке для охоты находится зеркальце. Затем охотники размещаются один за другим, и первая птица, которая осмеливается попасть в середину столь отважной армии, приветствуется огнем, которым можно свалить и носорога.

Двадцать стрелков обсуждают хромого зяблика, раненый жаворонок преследуется бандой отпетых стрелков, каждый из которых претендует на то, что именно он сделал тот выстрел, который сбил крошечное существо. Неутомимые своры, состоящие из бассетов, пуделей, терьеров и прочих собак, бегут на каждый выстрел, притаскивая куски беззасудных ласточек, попытавшихся преодолеть линию зеркал. Зеленые леса гудят от свистков и палящих ружей, мечутся перепуганные птицы.

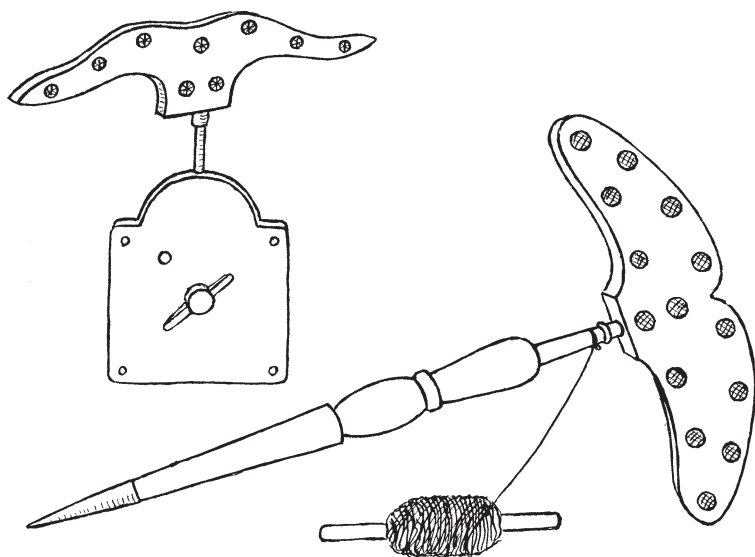
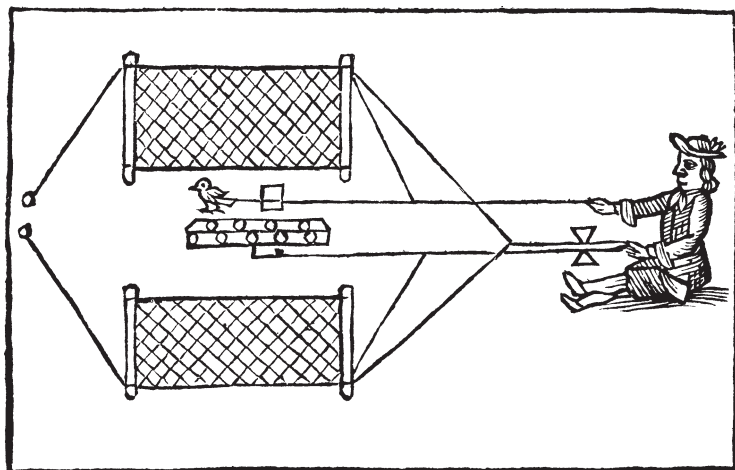

Рис. 104. Наверху: заманивание птиц с помощью системы вращающихся зеркал, живой приманки и сети. Из книги Р. Блума «Отдых джентльмена» (1686). Внизу: механические и ручные французские вращающиеся зеркала в форме жаворонка, XIX в.

В полдень все стихает, маскарад состоялся, стрелки увенчиваются лаврами. Из уст в уста передаются истории о наиболее достопримечательных утренних выстрелах, хвастаются те, кому повезло, неудачники топят печаль в еде.

И вечером, сосчитав потери, качают головой.

Таков великий охотничий день, суббота в предместьях Парижа».

Столь быстрая и неистовая стрельба связывается с применением патронов центрального огня, которые чрезвычайно быстро повлияли на механизм заряжания с казенной части. Постепенно прекращаются разнообразные эксперименты со стволами, шедшие на протяжении 50—60-х гг. XIX в., когда их перемещали вперед или поворачивали в разные стороны. Самой популярной разновидностью становится заряжавшееся с казенной части оружие с разламывающимся стволом.

Правда, впереди был долгий путь усовершенствования оружия, хотя вряд ли приходится говорить о его окончательной конструкции. В 70-х гг. XIX в. оружейники Европы и Америки соперничали друг с другом, чтобы добиться создания лучших конструкций стволов, замков и казенных частей. Интерес подстегивался общественными судами, организованными такими периодическими изданиями, как «Поле» в Великобритании, «Скачки, поле, ферма» в Америке.

Достаточно давно сумели оценить преимущества ружей без внешних механизмов. В XVIII в. начали изготавливать заряжающиеся с дула двустольные ружья с потайным действием кремневых замков, но они не пользовались особой популярностью, оказавшись слишком деликатными.

После введения ударных механизмов практически перестали существовать препятствия в изготовлении незаметных замков, однако оставалась проблема соединения их с казенной частью. Свой шанс оружейники получили после введения металлических патронов. Первые охотничьи ружья, заряжавшиеся с казенной части патронами Дрейзе, указывали на начавшиеся перемены. Ствол отводился вниз при зарядке ружья, а при закрывании игольные ударники автоматически взводились.

Когда Дрейзе перешел к изготовлению патронов центрального боя, он использовал устройство, заряжающееся с

казенной части, с рычагом, который отводился в сторону, и достигался такой же эффект. Другие оружейники начали использовать действие рычага, который открывал заднюю часть, чтобы взводить курки. Некоторые из них, как и Джозеф Ланг, используя общепринятые боковые замки, оставляли макеты курков, чтобы указать, когда ружье заряжено. Третьи довольствовались полубезопасными ружьями, где не имевшие головок курки двигались по наружной части замковых пластинок.

В 1862 г. Джордж Дау, а в 1866 г. Грен создали казнозарядные ружья, открывавшиеся и заряжавшиеся движением верхнего рычага. Почти все они оказались неудобными при эксплуатации. Только Теофилу Муркотту удалось изменить ситуацию, запатентовав в 1871 г. свое ружье, заряжавшееся с казенной части. После этого безопасное ружье, заряжавшееся с казенной части, стало приносить какую-то коммерческую выгоду.

Следующей задачей стало уменьшение веса стволов, поскольку от этого зависел характер открывания замков при зарядке. С этим удалось справиться Джозефу Нидхему, создавшему в 1874 г. свой экземпляр оружия, заряжавшегося с казенной части. Оно примечательно автоматической эжекторной системой. Но самые первые из современных безопасных коротких ружей создали Энсон и Дили и запатентовали в 1875 г., они имели простые и быстрые бескурковые механизмы.

Великие оружейники эпохи Гринер, Парди, Ланкастер, Уинсли, Ричардс, Холланд получали один патент за другим за улучшения замковой системы и за способ запираания казенной части с помощью болтов. Сразу же привлекла к себе внимание эжекторная система, в которой пустая гильза ружейного патрона выбрасывалась из ружья; нужная мощность получалась от сжатия пружины при закрытии ствола, силы спусковой пружины и иногда от действия особого замка, спрятанного в передней части. Отметим и еще одно интересное изобретение, связанное с разработкой однокуркового спускового механизма.

Сама идея давно носилась в воздухе. Многие ружья XVI—XVII вв. с двумя или большим количеством замков стреляли с помощью одного спускового крючка. Делавший

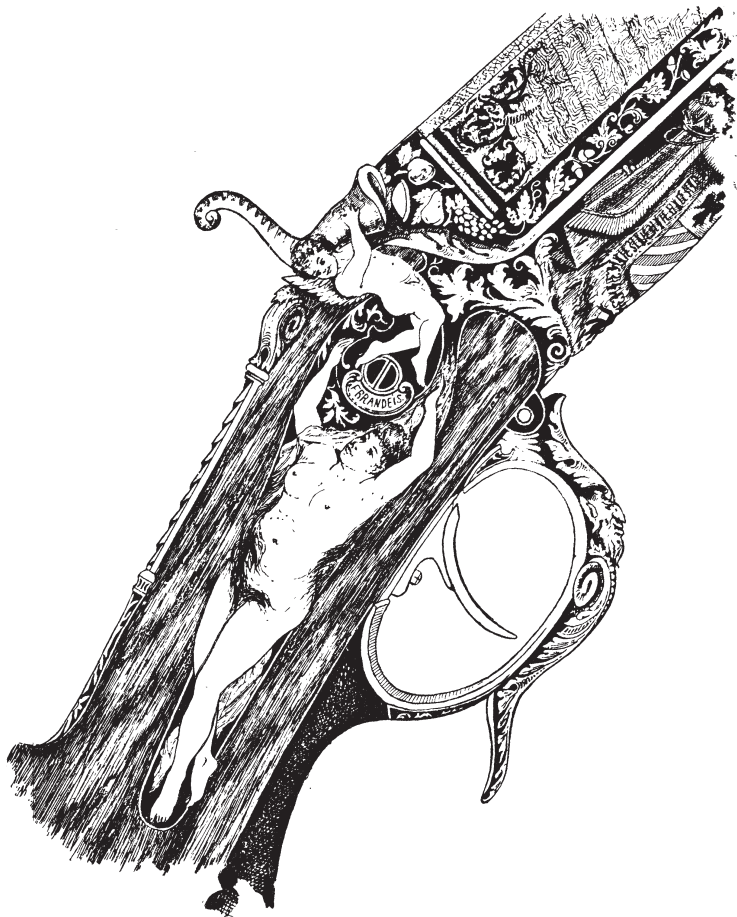

Рис. 105. Богато отделанные казенная часть и замок ружья Ф. Брандейса. Из книги Р. Корнелиса «Охота и снаряжение в описаниях и изображениях» (1884)

два выстрела карабин с колесцовым замком данного типа находится в коллекции Франка Е. Бивена-младшего и датируется 1556 г. Более тяжелая модель, датируемая 1606 г., хранится в Королевской коллекции в Виндзорском замке и имеет самое оригинальное устройство спускового рыча-

га, позволяющее производить выстрел сначала с помощью переднего замка, а затем заднего посредством одного и того же спускового устройства.

Главное преимущество единого спускового крючка заключалось в последовательном разряжении двух стволов. Начиная с 1864 г., когда был выдан первый патент на единичное спусковое действие, были зарегистрированы порядка сотни патентов, но почти каждое действие зависело от скрытой пружины. Об участившихся случаях выхода оружия из-под контроля говорил Х.А.А. Торн (Чарльз Ланкастер) во время процесса в 1906 г. Тогда он заметил, что вовсе не считает, что на любой однокурковый спусковой механизм можно положиться, не опасаясь, что он даст сбой при применении.

К тому времени вряд ли существовала необходимость усложнения коротких ружей только ради достижения дополнительной скорострельности. Так, 30 августа 1888 г. между 5.15 утра и до 7.30 пополудни, используя четыре ружья, заряжающиеся с казенной части, и 1510 патронов, лорд Валсингем убил 1070 гусей на болоте Блаббермур. Иначе говоря, в течение более 14 часов он вел огонь из расчета в среднем 108 выстрелов в час. Такой подвиг, конечно, сопровождался определенной поддержкой нескольких помощников, помогавших ему, перезаряжая ружья.

Приведем еще одно свидетельство. У. Гринер заявлял, что из одного из своих обычных двуствольных выпускающих коротких ружей сумел произвести в цель 26 выстрелов менее чем за одну минуту, испытание пришлось прекратить, когда стволы раскалились настолько, что ружье нельзя было удержать в руке.

Примечательно, что именно в Америке, где магазинные ружья не пользовались особой популярностью, оружейники разработали многозарядные ружья, хотя громоздкие картонные емкости с патронами оказались достаточно неудобными во время стрельбы. Один из первых удачных образцов был запатентован С.М. Спенсером и С.Х. Ропером в 1882 г. Пять патронов устанавливались в трубчатый магазин, размещавшийся под стволом. Движением специальной рукоятки, приводимой в действие левой рукой, они поочередно подавались в ствол. В модели Винчестера 1887 г. перезарядка осуществ-

лялась движением короткого рычага предохранителя, отводившегося вниз правой рукой. Такое движение руки и предплечья при перезарядке ружья, безусловно, придавало устойчивость и способствовало попаданию в цель. Только в 1905 г., когда компания «Ремингтон армс» начала производить автоматическое короткое ружье Джона Браунинга, охотник смог наконец произвести серию выстрелов несколькими патронами без перезарядки, всего лишь нажимая спусковой крючок.

Охотники продолжали хранить верность традиционному двустольному ружью, правда продолжая указывать на общий недостаток всех ружей, позволявших стрелять только из одного ствола. Однако из-за размера не удавалось изготовить конструкцию, позволявшую стрелять дуллетом. Все зависело от методики сверления стволов. В большинстве случаев эффективность ружья зависела не столько от скорости огня, сколько от боя на определенную дистанцию.

Проблемой для оружейников оставалось предотвращение широкого разлета дробы в разные стороны или бесконтрольной стрельбы на более длинные расстояния, чем планировалось. С давних пор раздавались голоса, спорившие о том, как это сделать. В своем трактате «Искусство баллистики и охоты» 1644 г. испанский оружейник Мартинес де Эспинар пришел к выводу, что расширение дульной части снижает дистанцию нормального выстрела.

Оружейники более позднего времени согласились, что расширение дула позволяет сделать выстрел точнее. Французский автор Дж.Ф. Магне де Мароль в книге «Охота из ружья», написанной в 1788 г., заметил, что некоторые изготовители ружей сужают ствол в середине, другие постепенно уменьшают его от казенной части к дулу, достигая того же самого эффекта. Полковнику Хокеру нравилось заряжавшееся с дула ружье, у которого «плотно сжата» казенная часть, а дуло «расширилось или было цилиндрическим».

Конечно, основная часть стволов оказывалась цилиндрической формы. У многих изготовителей ружей, прежде всего тех, что находились в Америке, существовала определенная методика сверления ствола, когда он сужался или «сдавливался» около дула.

Рис. 106. Охотница времен Эдуарда и заряжающий.
Из книги Ч. Ланкастера «Искусство стрельбы» (1906)

Одно из таких ружей со стволом, просверленным подобным образом, изготовил Иеремия Смит из Смитфилда (Род-Айленд). Правда, в 1866 г., Уильям Пейп, оружейник из Ньюкасла (Англия), взял временный патент на методику сверления стволов, когда дуло оставлялось немного меньшим

по диаметру, чем остальная часть (чок). Он не стал развивать эту идею, но два других английских оружейника У. Скотт и Е.С. Грин изготовили ружья, просверленные таким образом, и провели испытания в Нью-Йорке в 1873 г. Успешная стрельба этого и других ружей, также высверленных в чок, проведенная при полевых испытаниях, привела к тому, что спустя два года в Англии не осталось скептиков-экспертов, сомневавшихся в достоинствах сужения дульной части при изготовлении ружей.

Последняя стадия в развитии ружей связана с возрождением трех- и четырехствольных ружей. В 1881 г. запатентовали четырехствольное ружье Ланкастера, в 1883-м — трехствольное ружье с расположенными в ряд стволами, тремя спусковыми крючками и отдельными выбрасывателями, его представили Диксон и Мюррей. В 1902 г. глостерская фирма компании «Е.С. Грин и сыновья» запатентовала другое трехствольное ружье со стволами, расположенными наподобие листка клевера.

Правда, в английских охотничьих кругах самым популярным оставалось двуствольное ружье, позволявшее охотникам выбрать ствол в чок или цилиндрический. На континенте, где особенности охоты на дичь обуславливали использование двуствольного ружья, к нему часто добавляли третий нарезной ствол небольшого калибра, такая разновидность получила название «штуцер».

РУЖЬЯ

Точная дата появления нарезок в стволе неизвестна, скорее всего, это произошло во второй половине XV в. Самые ранние упоминания о нарезном оружии содержатся в реестре Туринского арсенала 1476 г., а второе — в описи арсенала Нюрнбергского замка 1479 г.

В первом случае оружие описывается как «железное перекрученное», во втором случае — с «кромкой, образующей спираль». Как полагают, во втором случае четыре ствола делались с кромками, образующими спирали. Возможно, именно нарезы упоминаются в описаниях соревнований в стрельбе по мишени, сделанных в Лейпциге в 1498 г. Не-

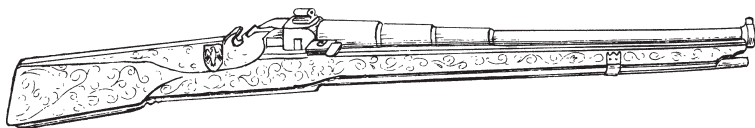

Рис. 107. Одно из первых нарезных ружей из коллекции В.Г. Ренвика, изображены гербы Максимилиана I (между 1493—1508), раньше находилось в коллекции Мейрика. Из книги Дж. Скелтона «Гравированные иллюстрации» (1830)

мецкое ружье, датируемое примерно 1500 г., имеет следы насечек вдоль ствола.

И все же совершенно точно о насечках следует говорить в связи с немецким ружьем с колесцовым замком, хранящимся в Копенгагене, его ствол с насечками датируется 1547 г. Вскоре после этого, в 1556 г., муниципальный совет в Берне в Швейцарии запретил использование ружей, перекрученных спиралью или другим способом, для стрельбы по мишеням. Возможно, это было сделано исключительно потому, что к тому времени достоинства нарезных ружей признали повсеместно. Об их достоинствах поэты начали слагать свои оды.

Сведения о стабильности полета вращающегося снаряда относятся к XV в., по этой же причине у арбалетных болтов часто отгибали оперение. Правда, трудно сказать, насколько оружейники оценили преимущества вращения сферической пули по оси, соответствующей линии траектории. Они четко осознавали потребность плотной подгонки пули к каналу ствола, чтобы минимизировать прорыв газов.

К сожалению, забивание тщательно подогнанной пули, нередко завернутой в кусок материи, в канал ствола при зарядании оказывалось физически невозможным после нескольких выстрелов из-за загрязнения каналов пороховыми газами. Возможно, вначале нарезание каналов диктовалось простой потребностью избежать засорения, отсюда и появление прямых нарезов у некоторых ранних ружей.

Однако на самом деле, по крайней мере в Германии, существовала одна причина, благодаря которой делались каналы спиралевидной формы. Лукас Кранах, деливший с

герцогом Иоганном-Фридрихом плен в Иннсбруке в 1547—1552 гг., оставил записки, в которых упоминается, что обычно они коротали время стреляя из длинного или короткого нарезного ружья.

В охотничьем дневнике лесничего герцога Альбрехта V Баварского отмечено, что в 1555—1579 гг. герцог убил 4783 оленя из личных ружей, у большинства из которых существовали насечки. Герцогиня, предпочитавшая охотиться с лошадью, которую она использовала в качестве прикрытия, была обладательницей двух легких нарезных ружей, специально сделанных для нее. Заметим, что, бесспорно, во всех ружьях использовались колесцовые замки.

К концу XVI в. все оружейники настолько продвинулись, что стали экспериментировать с двуствольными ружьями, где стволы располагались друг над другом. Прекрасный немецкий образец такой конструкции с колесцовым замком хранится в Королевской коллекции в Виндзорском замке и датируется 1588 г. Другой образец, ранее находившийся в замке Бенатек в Богемии, датируется 1592 г. Такие компактные, но тяжелые ружья весили до 15 фунтов, но в среднем обычное одноствольное ружье с колесцовым замком весило от 8 до 10 фунтов.

Некоторые ружья старались максимально облегчить по весу, чтобы их могли использовать мальчики или женщины, тогда их вес достигал 6 фунтов. Стволы ружей с колесцовыми замками доходили в длину до 48 дюймов, а калибр не превышал 0,75 дюйма. В Музее искусств в Вене хранятся два очень легких ружья с колесцовыми замками, их калибр составляет примерно 0,22 дюйма.

На протяжении первой четверти XVII в. в Силезии и Богемии изобрели еще более легкие ружья с колесцовыми замками, известные под названием «шанке». Их предназначали для охоты на дичь, прятавшуюся на земле или деревьях (фото 88). Примечательные своими скошенными прикладами и колесцовыми замками с наружными спусковыми пружинами, они имели калибры обычно не превышающие 0,3 дюйма. По весу они варьировались от 4 до 8 фунтов.

В течение XVII в. усовершенствовалась конструкция гладкоствольных ружей с колесцовыми замками, но наря-

ду с этим проводились эксперименты с зарядами с казенной частью. Интересное усовершенствование, которое удалось встретить только в ружьях, относится к дополнительному нарезному стволу, который можно было ввинтить в основной ствол, таким образом заставив охотника сделать выбор между разными по калибру пулями. Хранящееся в Оружейной палате Московского Кремля оружие с такой арматурой подписано «Каспар Зоммерфельд в Бреслау, 1668». Более ранние экземпляры изготовлены Зигмундом и Корнелиусом Клеттами из Зальцбурга. По крайней мере два из них подписаны «Зигмунд Клетт, изобретатель, 1652». Одно находится в Виндзорском замке, другое — в Венском музее искусств.

Появление кремневого замка французского типа уже в начале XVII в. не оказало на конструкцию нарезных ружей такого влияния, как на конструкцию гладкоствольных. Очевидно, что французские оружейники практически не интересовались нарезными ружьями. Так, испанский специалист Алонсо Мартинес де Эспинар считает колесцовый замок лучшим и так пишет о нарезном оружии: «Существуют и другие ружья с внутренними спиральными нарезами на пол-оборота, один или полтора оборота по длине ствола в соответствии со вкусом мастера. Некоторые нарезы просто замечательные, одни расположены близко, другие порознь друг от друга, они шире и глубже. Последние лучше, однако повторим, что количество зависит исключительно от пристрастий оружейника.

В лучших ружьях делаются семь или девять нарезов в стволе, из которого стреляют зарядом весом от трех с половиной до пяти драхм. Такого количества оказывается вполне достаточно, чтобы убить птицу с помощью пули, однако при зарядании приходится прикладывать большую силу.

Следовало изготовить несколько шариков из войлока с отверстием, приспособленным к отверстию ствола, просмолив греческой смолой, воском и салом. Когда все это расплавится, обмакивают шарики и после того, как они пропитаются смолой, оставляют охлаждаться, постепенно они становятся жесткими и маслянистыми на ощупь. Такие снаряды необычайно удобны для ружей с насечками,

Рис. 108. Конный стрелок. Из книги Г. де Тапия и Сальеда «Упражнения и забавы» (1643)

потому что способствуют прохождению пуль, когда их двигают шомполом к заряду.

При выстреле шарики уносят с собой весь нагар от пороха, оставляя ствол чистым и смазанным смолой. Иначе ружье приходилось чистить после каждого двух выстрелов из-за грязи, оставляемой порохом, тогда как с шариками этого можно избежать и сделать не менее дюжины выстрелов. Поскольку они входят в ствол под давлением, то препятствуют прорыву газов, в результате увеличиваются дальность стрельбы и скорость полета пули.

Другие европейские оружейники продолжали изготавливать традиционные ружья с колесцовым замком и коротким прикладом, который прижимали к щеке во время выстрела. Во второй половине XVIII столетия большую

популярность приобретают ружья с кремневым замком и нормальным прикладом с большой скобой на спусковом крючке, иногда со специальной выделкой для пальцев.

Отмеченные нами новации проводились исключительно ради усиленного использования спусковых крючков двойного действия, как для кремневых, так и для колесцовых ружей. Впервые столь деликатный спусковой механизм появляется в арбалетах в начале XVI в. Он позволяет предположить, что стволы изготавливались достаточно точно. Подтверждением сказанному становится тот факт, что ряд ружей снабжались оптическими прицелами (в понятиях того времени).

Сохранились всего несколько подобных прицельных приспособлений. Некоторые австрийские императоры страдали плохим зрением, в Музее истории искусства в Вене сохранился комплект ружей с колесцовыми замками, изготовленных Джозефом Хамерлемом из Вены (1725—1738), отдельные экземпляры из которого снабжены прицелами с линзами.

В Розенборгском замке в Копенгагене хранится ружье с колесцовым замком, принадлежавшее Фридриху III (1609—1670). За шейкой приклада на нем установлен комплект из позолоченных линз (оптически рассчитанных на +0,75), они и действовали как прицел. Снаружи большинство стволов XVII в. имели восьмиугольную форму. Возможно, она определялась числом нарезов в канале.

Чаще всего использовали число восемь. Правда, следует говорить об огромном разнообразии нарезов как по количеству, так и по форме. Отметим, что в сечении нарезы могли быть квадратными, вогнутыми, заостренными, глубокими или мелкими. Трудно сказать, насколько широко использовались такие ружья с применением при стрельбе черного пороха.

В то время оружейники еще не могли точно устанавливать прицел на определенное расстояние, как это делали позже. В Германии, Австрии и Чехии, где в XVI и XVII вв. проводились ставшие весьма популярными стрелковые состязания, построили полигоны, чтобы можно было стрелять на расстояние от 125 до 200 шагов. Вероятно, большинство охотников вполне справлялись с этими дистанциями.

К XVII в. состоятельным охотникам уже не надо было заранее заботиться о загоне разнообразной дичи под ружья, как это было принято раньше. На обширных территориях усадеб в Центральной Европе были специально отведенные земли, откуда можно было сгонять и, наконец, пропускать перед охотничьими укрытиями стада разнообразных животных. При этом стрелки располагались с удобствами на специально выстроенных трибунах.

Так начался культ больших охот. Двумя самыми известными охотниками, а фактически фанатичными убийцами дичи считались эрцгерцоги Саксонии Иоганн-Георг I (1611—1656) и Иоганн-Георг II (1656—1680). Приведем записи, свидетельствующие об их охотничьих достижениях:

	I	II
Благородные олени	35 421	43 649
Лани	1045	2062
Косули	11 489	16 864
Дикие кабаны	31 902	22 298
Медведи	238	239
Волки	3872	2195
Рыси	217	191
Зайцы	12 047	16 966
Лисицы	19 015	2740
Бобры	37	597
Барсуки	930	1045
Выдры	81	180
Дикие коты	149	292

В литературе XVII в. практически не встречаются свидетельства о том, что думали оружейники и спортсмены о нарезном оружии, в частности о величине и форме пуль, типах нарезов и степени их кривизны. Похоже, что скорее стремились разузнать об особенностях оружия соседа и о подходящем заряде. Если перемены касались разновидностей оружейного замка, то в устройстве нарезного ствола варианты практически не встречаются.

Вплоть до XVIII в. в Германии продолжали делать ружья с колесцовыми замками в старом стиле. У художника Ридингера встречаются изображения охотников, вооруженных ко-

Рис. 109. Приклад датского ружья с колесцовым замком, датируется 1636 г. На серебряной пластинке увековечен подвиг владельца Кристофера Линденова, убившего двух оленей с помощью одной пули в 1652 г. Тойгусмузеум, Копенгаген

лесцовыми или кремневыми ружьями, иногда в одной и той же сцене встречаются те и другие, скажем, как на картине «Стойка на оленя». В книге Х.Ф. фон Флеминга «Немецкая охота» 1719 г. приведены изображения трех ружей с колесцовыми замками: заслонное, крупнокалиберное для охоты на кабана и длинное ружье с прямыми нарезками, которое можно было использовать как для пули, так и для дробы.

Ряд колесцовых ружей, сохранившихся в хорошем состоянии, оснащены кремневым замком (фото 98), некоторые оружейники пошли дальше и переделали его на ударный. Так начался период использования новой разновидности ружей, продлившийся почти два столетия. В коллекции герцога Сатерлендского, хранящейся в замке Блэр в Шотландии, находится ружье с колесцовым замком, которое только в 1820 г. переделали в оружие с кремневым замком, но также снабдили удлиненным прикладом, так что из него можно было стрелять с плеча. Скорее всего, прежде чем добиться столь впечатляющего результата, оружейники долго и упорно размышляли над его конструкцией.

Однако к середине XVIII в. ружье с кремневым замком стало доминировать. В Северной и Центральной Европе делали тяжелый восьмиугольный ствол от 2 до 3 футов длиной и большого калибра от 0,6 до 0,75 дюйма. Оно устанавливалось в полный ствол, в прикладе вырезались вместилище для аксессуаров и впадина для щеки. Образующая своеобразный пистолетный захват рукоятка (фото 97) располагалась позади спускового механизма. Такие ружья обладали точностью попадания на 200 ярдов, их тяжелые пули с первого выстрела валили даже крупное животное. Именно из-за таких ружей королевская охота превратилась в зрелище полномасштабной бойни, когда, не подвергаясь каким-либо неудобствам или опасности, охотник устраивал настоящую резню.

ПРИДВОРНАЯ ОХОТА

У всех королевских семейств Европы имелись огромные охотничьи усадьбы, по своей величине и архитектурному изяществу они скорее походили на дворцы, вспомним, например, о замках Нимфенбург близ Мюнхена или Губертсбург близ Дрездена. Именно там в честь именитых гостей или в связи с каким-либо праздником владельцы организовывали роскошные показательные охоты.

Каждый князь стремился превзойти своего соседа числом и разнообразием убитых животных и великолепием зрелища. Для этого огораживались обширные лесные территории, куда загоняли животных, которых затем и убивали, они становились забавой во время отдыха специально приглашенных охотников, находившихся в разукрашенных павильонах. Зрители находились на специально отведенных стоячих местах. После завершения охоты все это с гордостью описывалось в книгах и рисунках членами «зрелища».

Проходившая в 1666 г. поблизости от Вены придворная охота в честь свадьбы императора Леопольда I и Маргариты Испанской увековечена в серии из шести гравюр, выполненных Мельхиором Касселем (1622—1683). Организованная в честь встречи Наполеона I с русским императором Александром I близ Веймара большая охота на оленей описана и проиллюстрирована в книге «Описание праздничной охоты». В

книге «Немецкая охота» 1749 г. Х.Ф. фон Флеминг дает подробные советы, рассказывая, как лучше всего следует проводить подобные мероприятия.

Похоже, что во время таких состязаний не шла речь о мастерстве стрельбы. В сентябре 1737 г., чтобы позабавить короля Фредерика I Шведского, организовали охоту на медведей: «Тщательно обошли пространство в 27 600 шагов и медведей согнали к скарме, или охотничьему домику, где их уже ожидал король. Один сильный медведь отказался идти по намеченному пути и всячески сопротивлялся тому, чтобы попасть под дуло королевского ружья.

Естественно, что король страшно рассердился, и главного охотника строго наказали. Проявив особое мужество, один из помощников смог захватить медведя живьем. Его привязали к слеге и доставили на двор королевского охотничьего домика, где освободили, затем он был убит монархом в упор. Так были удовлетворены честолюбивые помыслы власть предержащего».

Другой часто встречающейся патологией охотников считалась водная охота на оленей, когда оленей гнали в озера или реки, где в удобном месте устраивались лодки, использовавшиеся в качестве опорных стоек для стрельбы. На гравюре Ридингера «Водяная охота» показана прикрытая охотничья стойка, сооруженная между двумя лодками, стоящими на якоре в ручье.

Оленей гнали таким образом, что им приходилось бросаться в воду и проплывать достаточно близко от охотников, палящих из ружей. Самой экстравагантной была охота, состоявшаяся на берегах озера Старемберг около Мюнхена примерно в 1730—1760 гг. Здесь огромная баржа, точная копия знаменитого венецианского буцентавра со ста десятью гребцами, доставила королевских стрелков и зрителей к тому месту, где загнали в воду оленя. Оленей убивали, когда они плыли или когда истощенное животное поднимали на борт, причем делали это в весьма изощренной форме, как будто один придворный стремился превзойти другого.

Не менее эксцентричным зрелищем стала праздничная охота, которую устроили в 1748 г., чтобы отметить свадьбу герцога Карла Вюртембергского с Елизаветой, графиней Бранденбург-Байррейтской. На хранящейся в Немецком

Рис. 110. Известный швейцарский охотник на серн Иоганн Хейтц. Отметим раздвоенный приклад ружья и шипы на обуви. Из книги Рейхарда «Красочное путешествие по Швейцарии» (1805)

музее охоты в Мюнхене акварели показано искусственное прямоугольное озеро, сооруженное в горах. С одной стороны находится стена с триумфальными воротами, образующими вход, через который гонят стадо испуганных оленей. На другой стороне озера выстроен ряд террас и лестниц с декоративными арками, ведущими к горе с ложным укрытием, но олени не могут спастись. Как только сбитые с толку животные пытаются переплыть озеро или захотят устремиться вниз по террасам, как их тотчас настигают пули охотников, спрятавшихся в центральном павильоне.

Конечно, далеко не всегда охота проводилась подобным образом, в большинстве случаев охотники стремились проявить свое мастерство, иногда подвергая опасности собственную жизнь. Некоторые виды охоты на серн, связанные с риском и опасностью, проводились в горных районах австрийского Тироля, Швейцарии и Италии.

Со времен великих дней правления Максимилиана I эти проворные существа отступили далеко, в самые недоступные части гор, где их трудно было выследить и убить. Если охотник не попадал с первого выстрела, у него не оставалось времени, чтобы перезарядить ружье. Тогда изобрели две разновидности ружей, специально предназначенные для охоты на серн.

Одно представляло собой двуствольное ненарезное ружье, в каждый ствол заряжались две или три пули, другое одноствольное ружье с двумя зарядами, расположенными друг за другом, и двумя замками (фото 90). Последняя разновидность оружия оказалась самым легким изделием в мире. Отличительной особенностью всех ружей был шип, выступавший из задней части приклада, размещавшийся во время стрельбы в верхней части плеча. Ружье можно было использовать в качестве альпенштока во время подъема на гору (рис. 110).

АМЕРИКАНСКИЕ РУЖЬЯ

Эмигрировавшие в Америку в начале XVIII в. немецкие и шведские охотники захватили с собой и ружья, что позволило наладить на новом месте мастерские и начать

применять ружья уже в Новом Свете. Прошло совсем не-много времени, как возникла потребность в ружьях, соответствующих местным условиям. Тогда восьмиугольный ствол удлинени, и его величина стала составлять от 3 до 4 футов, иногда они оказывались даже длиннее. Таким образом удавалось увеличить время горения пороха, что, в свою очередь, привело к увеличению точности попадания.

Стремясь свести вес изделия до минимума, калибр уменьшили, и он стал варьироваться от 0,45 до 0,60 дюйма, а к концу века его величина составляла от 0,40 до 0,45 дюйма. Уменьшение калибра заставляло охотника брать с собой большой запас пуль, изготовленных из свинца. Из 1 фунта свинца можно было изготовить 48 пуль диаметром 0,45 дюйма, идентичных по действию 16 пулям калибра 0,70 дюйма. Поэтому так долго применяли флягу для пороха: ее использовали те охотники, что оказывались вдали от цивилизации.

Прямой приклад уступил место более изящной конструкции с направленным вниз изгибом и выпуклой частью для щечного упора. Сохранилась и элегантная скоба на спусковом крючке, а также медная отделка ложи. Это было изящное и смертоносное оружие (фото 100).

Длинные американские винтовки, изготавливавшиеся в основном в Ланкастере и Бакс-Каунти (штат Пенсильвания) и в соседних штатах Виргиния и Нью-Йорк, оказались более точными, чем европейские образцы. Во времена Гражданской войны появилось множество историй о людях, павших от выстрелов, сделанных на расстоянии 400 ярдов, поскольку условия для стрельбы оказывались почти идеальными.

Чтобы удостовериться в правдивости этих историй, в 1924 г. некий Джон Диллон устроил испытание, используя три ружья, изготовленные в Кентукки. Первое из них было со спиральными, второе с прямыми каналами, а третье гладкоствольное. Из каждого ружья выстрелили на расстояние в 100, 200 и 300 ярдов в мишень в виде человека. Результаты четко подтвердили превосходство обычного гладкоствольного ружья и позволили сделать вывод о его точности при стрельбе на длинные расстояния.

Приведем сравнительные данные.

Расстояние	Ружья	Число попаданий
100 ярдов	с желобками спиралью	10
	прямыми нарезками	10
	гладкосверленные	10
200 ярдов	с желобками спиралью	10
	прямыми нарезками	5
	гладкосверленные	4
300 ярдов	с желобками спиралью	5
	прямыми нарезками	2
	гладкосверленные	1

Дальнейшие испытания показали, что пули небольшого калибра могут проникать на 2,5 дюйма в каштановое дерево на расстоянии в 50 футов и на $\frac{3}{4}$ дюйма в каштановое дерево на расстоянии в 300 ярдов, вызывая смертельный ужас и поражая небольшую или средней величины дичь на более длинных дистанциях.

Перед Гражданской войной в Америке водилось много разнообразной дичи. Во время охоты и в южных штатах попытались использовать отдельные способы охоты, применявшиеся в Европе. Примерно в 1760 г. в окрестностях замка Помфрет очистили кусок земли и таким образом образовали центр круга с диаметром в несколько миль. В него постепенно загнали лающих, рычащих и мычащих животных.

Ринувшаяся через круг сторожей группа буйволов позволила скрыться нескольким сотням животных, но все же, когда закончили стрельбу, количество оставшихся убитыми животных, вошедших в перечень, оказалось значительным. Результаты зафиксировали следующим образом: 41 пантера, 109 волков, 112 лисиц, 114 горных кошек, 17 черных медведей, 1 белый медведь, 2 лося, 198 оленей, 111 быков, 1 выдра, 12 росомых, 3 бобра и почти 500 штук мелкой дичи.

Конечно, такое случалось не часто. Традиционной охотой в разбросанных по территории страны сообществах оказалась стрельба по индейке: птицу закапывали в землю или прятали за бревном, так что торчала только голова, она и становилась мишенью.

АНГЛИЙСКИЕ РУЖЬЯ

По мере вырубки лесов и огораживания пустошей в Англии XVIII в. стада диких оленей изгонялись на бесплодные торфяники Девона и Шотландии, где возможности использования ружей практически сходили на нет. Когда во времена американских войн потребность в оружии начала резко увеличиваться, Английская комиссия артиллерийско-технического и вещевого снабжения с трудом смогла найти в стране оружейников, способных произвести нарезные ружья в нужном количестве.

Успешное применение в войне ружья Фергюсона вызвало необходимость в создании охотничьих версий такого казнозарядного ружья, и мастера Дарс Эгг и Генри Нок изготовили несколько прекрасно отделанных серебром образцов. Нок, сделавший в 1780 г. для военно-морского флота знаменитые семиствольные залповые ружья, также получил дополнительные распоряжения по поводу изготовления семиствольных охотничьих ружей. Главным исполнителем многоствольного ружья, стрелявшего всеми зарядами, оказался полковник Томас Торнтон.

Если прислушаться к его высказываниям, то окажется, что он обладал «самым большим количеством ценных и любопытных ружей, чем любой другой охотник в Англии». Особенно он был одержим идеей выстреливания большого количества тяжелых пуль одним залпом. Известно, что Торнтон заряжал свои семиствольные ружья тремя пулями в каждый ствол. На его портрете, сделанном Филипом Рейналем и Соури Гулпином в 1796 г. и хранящемся в Музее оружия в Льеже, он стреляет в самца косули в лесах Клермонта, используя двенадцатиствольное ружье (рис. 111). Самое любимое оружие Торнтон из четырнадцати стволов состояло из двух связок по семь стволов.

Хотя количество дичи в Британии было небольшим и не могло повлиять на развитие моделей ружей, благодаря энтузиазму добровольцев процветавшее в период Наполеоновских войн движение усилило интерес к ружьям. Пикантность ситуации придало принятие на вооружение в британской армии в 1800 г. ружья, разработанного лондонским оружейником Иезекией Бейкером. Оно имело ствол длиной в 30 дюй-

Рис. 111. Известный охотник полковник Томас Торнтон (1776—1823) со своим двенадцатиствольным ружьем. По гравюре М.Н. Бата, отпечатанной в 1810 г. по картине Рейналя и Гулпина, выполненной в 1796 г.

мов и семь нарезов в соответствии с современным убеждением, что нарезы должны быть обязательны.

Однако постепенно внимание оружейников и стрелков стала занимать проблема изгиба, отразившаяся на спиралевидной внешности винтовки. Бейкер следовал принципу, заложенному в 1742 г. Бенджаменом Робинсом, полагавшим, что «уменьшение трения в частях ствола ружья одновременно делает их более удобными в обслуживании». В его ружьях нарезы поворачивались только на четверть. Не приходится сомневаться в том, что во время опытов из ружья Бейкера на расстоянии 100 м удавалось достичь точности и верности попадания. Правда, встречались и другие точки зрения. В большинстве случаев приходилось стрелять на 300 ярдов, на таком расстоянии точность попадания из оружия Бейкера явно снижалась.

В книге *Scloppetaria*, опубликованной в 1808 г., Генри Бефуа приводит неопровержимые доказательства улучшения точности попадания, достигнутой путем поворота нарезов на три четверти или полный оборот. Если на 200 ярдов Бейкеру удалось всадить все свои пули в манекен человека во весь рост, то из ружья с измененным поворотом, изготовленного Уильямом Муром, как сообщает Бефуа, удалось сделать 40 удачных выстрелов в 18-дюймовый круг на той же самой дистанции.

Правда, последние действия удалось осуществить при оптимальных условиях. Находящийся в полевых условиях охотник не мог прочищать стволы между выстрелами, кроме того, расстояние между ним и мишенью определялось приблизительно. Образовавшееся при изгибе сопротивление могло привести к разрыву ствола или сильной отдаче. Если охотник уменьшал заряд пороха, чтобы избежать побочных эффектов, то он ослаблял бой пули за счет энергии, расходуемой на трение.

В любом случае круглая пуля, попадавшая в яблочко на расстоянии 200 или 300 ярдов, обладала необходимой скоростью. Проблема оставалась в том, что существовали противоречия между британскими охотниками, жившими в колониях, и британскими оружейниками. Одни настаивали на усилении боя ружья при стрельбе на близкие расстояния, а вторые поощряли стрельбу на дальние дистан-

ции и достижение точности попадания во что бы то ни стало.

Для охотников Южной Африки, испытывавших потребность в гладкоствольных или нарезных ружьях, оружейникам пришлось найти необычайно удачный компромисс, снабдив ружье длинным стволом, нарезанным прямыми желобками, которые достаточно удачно стреляли дробью или пулями. Такие «кейптаунские» ружья выделялись среди прочих изделий относительно архаическим внешним видом с длинными стволами и сильно углубленным прикладом, похожим на ружья первых голландских поселенцев.

ПУЛИ И НАРЕЗЫ

Множество разнообразных точек зрения, всегда существовавших по поводу идеальной формы нарезов, отражено в анализе, опубликованном Гансом Баском в 1860 г., сделанном на основе обзора коллекции ружей, хранящихся в Музее армии в Париже.

«Из них 311 экземпляров калибра 68, в случае высверливания отмечаются и экземпляры, превышающие данный калибр. У 32 стволы не превышают в длину 19—50 дюймов. Длина 167 от 19,5 до 39 дюймов. У 19 прямые нарезы, у 321 наклонные, у 131 нарезы наклонены равномерно. В 81 система нарезов уменьшается от казенной части к дулу, в 29 меняется в том же самом направлении, но, не превышая 83-й калибр, система нарезов меняется примерно к середине высверленной части.

В ружьях калибра 0,67 дюйма нарезы делались (например, Энфилдом) в один полуоборот или меньше от казенной части к дулу. В 219 нарезы делались от одной половины до полного оборота. В 55 — от одного до двух полных поворотов. 226 имеют четное число нарезов, 117 — нечетное. У 79 имеется от 2 до 6 нарезов, у 232 от 7 до 12 таковых.

175 имели нарезы с закругленными краями. У 33 отмечались нарезы треугольной формы, у 9 — прямоугольные, у 26 вид нарезов не определен. 296 имели нарезы 0,11 дюйма и меньшие в ширину. В 47 других нарезы оказались шире чем

0,11 дюйма. 153 имели нарезы шириной 0,0197 или меньше. 179 обладали нарезками от 0,0197 до 0,0394 дюйма в ширину, и у 14 нарезки были более 0,394 дюйма шириной».

Баск отмечает, что не встречаются нарезки, которые уменьшались бы по глубине или оказывались эллиптической или овальной формы.

Последняя разновидность определяется Бефуа как «очень старое изобретение, совершенно вышедшее из употребления в наше время». Согласимся с первой частью его заявления. Хранящееся сегодня в лондонском Тауэре охотничье ружье 1700 г. с кремневым замком, изготовленное Мартином Пелтье из Реймса, имеет нарез с двумя насечками, которые были сглажены, образуя овальное сечение.

В той же самой коллекции находится ружье примерно 1770 г., изготовленное И. Жераром из Порентри с каналом ствола овальной формы. В 1735 г. русский оружейник Иоганн Георг Лейтман ратовал именно за такую форму нарезков. Вскоре после этого Бефуа так откровенно отверг овальную нарезку, что европейские оружейники снова начали экспериментировать с формой нарезков. Между 1834 и 1836 гг. в армиях Ганновера, Брауншвейга и Великобритании ввели ружья овального калибра или с двумя насечками. Чтобы облегчить зарядку ружей, часто использовали шар с поясками, таким образом удавалось избегать деформации при стрельбе.

Хотя брауншвейгские ружья, как часто бывало в Британии, позже осудили как «неудачу», именно такой тип нарезки нашел своих приверженцев в охотничьих кругах того времени. Так, в арсенале сэра Самуэля Уайта Бейкера, охотника и писателя, хранились пять ружей с двумя нарезками. О его авторитете среди специалистов говорит такой факт. Своеобразный дайджест анализа ружей, использованных Бейкером и описанных в его сочинениях, был опубликован Е.Н. Бакли в «Рекордах отстрела большой дичи».

Определенное суждение о некоторых особенностях ружья можно составить по внешнему виду самого большого из ружей, изготовленного в 1840 г. Гиббсом из Бристоля, оно весило 21 фунт и стреляло треххунцевыми круглыми пулями или четыреххунцевой конической пулей с зарядом в 16 драхм пороха. Коническая пуля с зарядом приблизи-

тельно в одну треть своего веса обладала удивительной проникающей силой, но нередко с ее помощью не удавалось свалить крупное животное. Однако с помощью круглой пули с пояском, как и следовало ожидать, можно было поразить любого, кто перемещался на четырех ногах, дважды удавалось убить двух бизонов с одного выстрела.

Круглая пуля с пояском была принята на вооружение несколькими европейскими армиями и многочисленными охотниками во второй четверти XIX в., и это привело к тому, что оружейники занялись проблемой изменения формы пули, которая оставалась неизменной на протяжении последних пятисот лет. Конечно, отдельные испытания проводились и ранее.

На одном из многочисленных рисунков примерно 1505—1510 гг., оставленных Леонардо да Винчи, изображено нечто похожее на пулю цилиндрической формы с остrokонечной передней частью и суженной к основанию. В 1687 г. Исаак Ньютон в своей книге пишет, что тело цилиндрическо-конической формы создает меньшее сопротивление, проходя через жидкую среду. В другой книге, принадлежащей Робинсу и датированной 1742 г., рекомендована яйцевидная или слегка заостренная пуля, центр тяжести которой расположен около передней части. Рассчитывали, что она более точно достигнет желаемой траектории. Получив возможность экспериментировать, оружейники практически не ограничивали своих фантазий и изготавливали стволы для охотничьих ружей в виде трилистника, ромба или сердечка.

Все образцы изделий находятся в коллекциях европейских музеев. Так, ружья с колесцовыми замками, сделанные Андреа Нидхардом из Эльсинора в виде клевера и лапчатки, хранятся в Копенгагене, ружья с колесцовыми замками с секциями в виде сердечка, произведенные Якобом Вальстером примерно в 1760 г., — в Королевской коллекции оружия в Виндзорском замке. Те, что сделаны Филиппом Хессом, находятся в Баварском национальном музее в Мюнхене.

В 1823 г. британский офицер капитан Джон Нортон представил удлиненную пулю, составлявшую примерно 4 дюйма в длину, предназначенную для мушкета. Выглядела она следующим образом: нижняя часть содержала заряд, который имел выступавшее основание, чтобы плотно вхо-

дить в канал ствола, конец был заряжен взрывной головкой. Сложность заключалась в том, чтобы добиться удара пули именно передней частью. Полагают, что свою идею Нортон заимствовал от духовой трубки, применявшейся коренным населением Южной Индии, из которой выпускали стрелу с выдающимся основанием в виде лотоса, предварительно просмоленным.

Теперь поиск более эффективной формы пули соединился с желанием военных создать пулю, которую можно было легко загнать в ствол с нарезками. В то же время она должна была точно прилегать к каналу ствола, чтобы избежать прорыва газов во время выстрела, таким образом скорость перезарядки мушкета соединялась с точностью боя. Капитан Густав Дельвинь (1826) и полковник Луи Тувенен предложили так называемое стержневое ружье: продолговатая свинцовая пуля калибром 7 линий ложилась своим основанием на стержень, ввинченный в дно канала. Сильными ударами шомпола пуля осаживалась на стержень, который производил ее расширение, достаточное для заполнения нарезов ствола. В 50-х гг. капитан Клод Минье усовершенствовал эту систему, настолько упростив зарядание нарезного ружья, что ею вооружили всю пехоту. Пуля Минье имеет сзади коническую выемку, в которую вставляется коническая железная чашечка, не достигающая до дна выемки; при выстреле чашечка, будучи значительно легче пули, получает большее ускорение и доходит до дна выемки, расширяя пулю и вгоняя ее в нарезы.

В пуле яйцевидной формы, придуманной Гринером и запатентованной в 1849 г., расширение достигалось с помощью определенной формы затычки, которую помещали в основание пули. Пули Минье широко применялись во время Крымской войны (1854—1855), но в охотничьих ружьях использовались редко, только в тех, которые были специально под них изготовлены. Яйцевидную пулю вытеснили полые в основании снаряды, изготовленные Дельвином и Джеймсом Бартом в арсенале Харпера Ферри.

Продолжались и эксперименты по достижению большей точности стрельбы на дальних дистанциях: пули удлинители, калибры постепенно уменьшили. После нескольких лет испытаний в Индии генерал Джон Джакоб разработал дву-

ствольное ружье, из которого можно было стрелять коническими оболочечными пулями на расстояние до 2 тысяч ярдов. Быстрая пуля, формой напоминающая головку сахара, прекрасно соответствовала потребностям охотничьего сообщества, Парди из Лондона смог приспособить эту модель к очень эффективному ружью, которое он успешно позиционировал и производил. Овальной формы калибр возродили соответственно в Дании Н.С. Йессен и в Англии Чарльз Ланкастер.

Разработанная инженером Джозефом Уитфордом шестигранная форма ствола и пули произвела огромное впечатление на охотников, стремящихся во что бы то ни стало попасть в мишень. Вскоре под патронажем британского правительства появилась модель ружья Энфилда, стрелявшая на расстояние, превышающее 1 тысячу ярдов. На расстоянии 500 ярдов пули ложились в 12-дюймовый круг. Такие возможности казались одинаково привлекательными как воину, так и торговцу.

Когда имели дело с ружьями Уитфорда, траектория полета была настолько высокой, что пуля поднималась на несколько дюймов выше линии стрельбы на каждые 100 ярдов. Хотя многие охотники обладали острым зрением, все же они редко стреляли дальше чем на 150 ярдов и даже при выстреле в большое животное нуждались в точном прицеле, чтобы смертельно ранить дичь (рис. 112). В сообщении от 23 марта 1861 г. Самуэль Бейкер подтверждает эти данные.

Часто они не могли точно определять расстояние, в то время как отклонение в несколько дюймов могло быть критичным. В «Охотничьем ружье» (1863) лейтенант Джеймс Форсайт заявляет, что на самом деле охотники нуждались в ружье для горизонтальной стрельбы. Для них достаточна максимальная дальность 150—200 ярдов, для чего вполне подходит ружье 14-го калибра с неглубокими широкими нарезами.

Если учесть многочисленные технические испытания, проводившиеся в то время, то рекомендации Форсайта могут показаться шагом назад. Но он напоминает своим читателям, что аборигены Индии, вооруженные длинными гладкоствольными ружьями, стреляя с близкого расстоя-

ния, обычно убивали с одного выстрела, в то время как многие европейские охотники, использовавшие лучшие ружья, имевшиеся в их распоряжении, оказывались не такими удачливыми.

Руководствуясь теми же обстоятельствами, конные охотники на бизонов в Северной Америке в 50-х гг. XIX в. часто предпочитали гладкоствольные ружья нарезным. Вот как описывает охоту путешественник Рудольф Курц: «Во время охоты на бизонов они [охотники] не берут нарезные ружья, ибо считают, что их перезарядка займет слишком много времени, что оказывается неприемлемым при стрельбе на близкие расстояния, более того, они находят пули слишком маленькими. Обычно охотник преследует бизона, пустив лошадь вскачь со всей силы, разряжая и заряжая свои оружия с удивительной скоростью. Происходит все следующим образом: охотник держит свое ружье как можно ближе, согнув левую руку. Взяв пороховницу, сделанную из рога, он зубами вытаскивает пробку, встряхивает, насыпает необходимое количество пороха в левую ладонь и снова закрывает пороховницу. Затем берет ружье правой рукой, удерживая его в вертикальном положении, высыпает порох в ствол и встряхивает ружье левой рукой, стремясь пропихнуть порох через отверстие капсюля к запальной полке. Охотники в этих местах (речь идет о форте Унион, расположенном вблизи устья Йеллоустона) не используют ударные капсюли, как непрактичные.

Совершив все указанные действия, охотник левой рукой вынимает пулю изо рта и помещает ее в ствол. Они приближаются к бизонам так близко, что не нужно даже прицеливаться, легко подняв ружье двумя руками, его направляют в область сердца животного и стреляют».

В первой половине XIX в., пока ударный замок вытеснял кремневый, а ствол и пули подвергались постоянной модернизации, ствол и механика охотничьих нарезных ружей упрощаются, а декоративная отделка сводится до минимума, раньше это же произошло с дробовыми ружьями.

Однако в Америке встречаются несколько интересных разработок. Укажем на длинное пенсильванское ружье небольшого калибра со сверленным стволом, продолжавшее оставаться эталонным для жителей Восточного побережья,

Рис. 112. Охота на слонов в африканском лесу. Охотник, караулящий слона, ждет, чтобы можно было совершить выстрел с близкого расстояния. Из книги Х.А. Ливсона «Охота в разных странах» (1877)

охотившихся на небольшую дичь в лесистой местности и в основном преследовавших ее пешком.

Когда Дикий Запад открылся для поселенцев и охотники начали перемещаться верхом на длинные дистанции, во время поездок они часто встречались с крупной дичью — бизонами и медведями гризли. Тогда длинный ствол, оказавшийся помехой при движении на лошади, укоротили, доведя его до 28 и в ряде случаев до 38 дюймов, калибр также изменили, в среднем он был от 0,50 до 0,55 дюйма.

Одновременно приклад укрепили, чтобы использовать более тяжелый заряд, усилили и ствол, обычно составлявший половину длины.

Все изменения привели к увеличению веса вплоть до 12—15 фунтов. Известные современникам как «горные ружья» или «ружья Хокинса» (искаженное имя братьев Хокен, прославленных оружейников из Сент-Луиса) сегодня называют «прямые ружья» (фото 102).

РУЖЬЯ, ЗАРЯЖАВШИЕСЯ С КАЗЕННОЙ ЧАСТИ

Длинные и короткие ружья, переделанные под ударные замки, оставались популярными вплоть до 1860 г. К этому времени лидирующие позиции стали занимать казнозарядные ружья. Магазинные ружья Генри и Винчестера стреляли пистолетными пулями, причем с поразительной скоростью. Так, Винчестер заявлял, что его модель 1876 г. стреляет со скоростью два выстрела в секунду. Но калибр и вес пуль в основном были приспособлены для мелкой дичи.

Обычно бизонов предпочитали преследовать с помощью мощных однозарядных ружей Шарпа (фото 127). Впервые «шарпы» стали популярны, когда еще продолжали использовать бумажные или льняные патроны вместе с отдельным ударным капсюлем. После американской Гражданской войны «шарпы» наряду с ружьями других фирм переделывали, подстраивая их под металлические патроны различных калибров.

Самая типичная модель «шарпа», предназначенная для охоты на буйволов, весившая 16 фунтов и имевшая ствол 32-го калибра, была устроена таким образом, что в ней размещался длинный патрон с зернистым порохом и 550-грановая пуля 45-го калибра (таким образом, параметры оказывались следующими: 45—120—550).

Отметим и другие мощные ружья, способные выпускать тяжелую пулю на длинные расстояния: однозарядные «балларды», «стивенсы» и «винчестеры». Самый известный из профессиональных охотников на бизонов Уильям Годи, или Билл Бизон, использовал ружье Спрингфилда и выиграл мировой чемпионат по стрельбе на бизонов в 1867 г.

Рис. 113. Очищение железнодорожного пути. Пассажиры и команда поезда, окруженные стадом бизонов, отгоняют их огнем из револьверов, ружей и магазинных винтовок. Из книги Доджа «Охотничьи земли на Великом Западе» (1877)

Генерал Кастер оказался одним из тех, кто отдавал предпочтение однозарядному ружью Ремингтона. В 1873 г. он проинформировал изготовителей, что с помощью их 50-калибровой модели ему удалось убить антилопу на расстоянии 630 ярдов.

Конечно, действие таких мощных новых ружей приносило значительные опустошения в животном мире. Так, бизон — одно из самых часто встречавшихся крупных животных — страдал от всяческих разновидностей личного оружия (пистолетов, гладкоствольных ружей, однозарядных

и многозарядных ружей) до тех пор, пока не был полностью уничтожен.

В Европе в 90-х гг. XIX в. постепенно начинают распространяться ружья, заряжавшиеся с казенной части. Так, ревностный сторонник сферической пули Джеймс Форсайт заканчивает свою книгу «Охотничье ружье» (1863) постскриптумом, в котором рекомендует локфастовскую систему зарядки с казенной части, правда продолжая настаивать на том, что более удобна круглая пуля. Заметим, что многие охотники из колоний соглашались с Форсайтом.

И в 1883 г. во втором издании «Большая и малая дичь в Бенгалии и северо-западных провинциях Индии» капитан Дж.Х. Болдуин по-прежнему ратует за ружье, заряжавшееся с казенной части, использование ружья Форсайта и сферической пули.

В Англии одним из ревностных сторонников охоты оказался принц Альберт. В Королевской коллекции в Виндзоре хранится обширная коллекция его ружей, куда входят короткие, заряжавшиеся с дула патронные ружья, а также первые мощные патронные ружья. На прикладах некоторых ружей Альберт запечатлел в виде серебряных точек число выстрелов, сделанных им в течение года (фото 118). Кроме того, он ввел множество континентальных обычаев и поощрял многих консервативно настроенных охотников. Он охотился в черном вельветовом жакете, надев длинные ботинки из ярко-алой кожи.

Прекрасно осведомленный в технических вопросах, принц Альберт внимательно наблюдал за испытаниями, проводившимися Энфилдом и Уитфордом. После проведения испытаний он писал в 1861 г. лорду Балморалу, рекомендуя использовать для кавалерии карабин Уэстли Ричардса: «Мы испытали его здесь на оленя и нашли, что он необычайно хорош. В этот год я почти все время стрелял из ланкастерского ружья, заряжающегося с казенной части (подарок королевы), и признаю, что его преимущества в сто раз превосходят ружья с дульной зарядкой, и я их не использую».

В этот период, параллельно со своими американскими коллегами, английские оружейники пытались использовать металлические патроны, чтобы изменить мощность заряда.

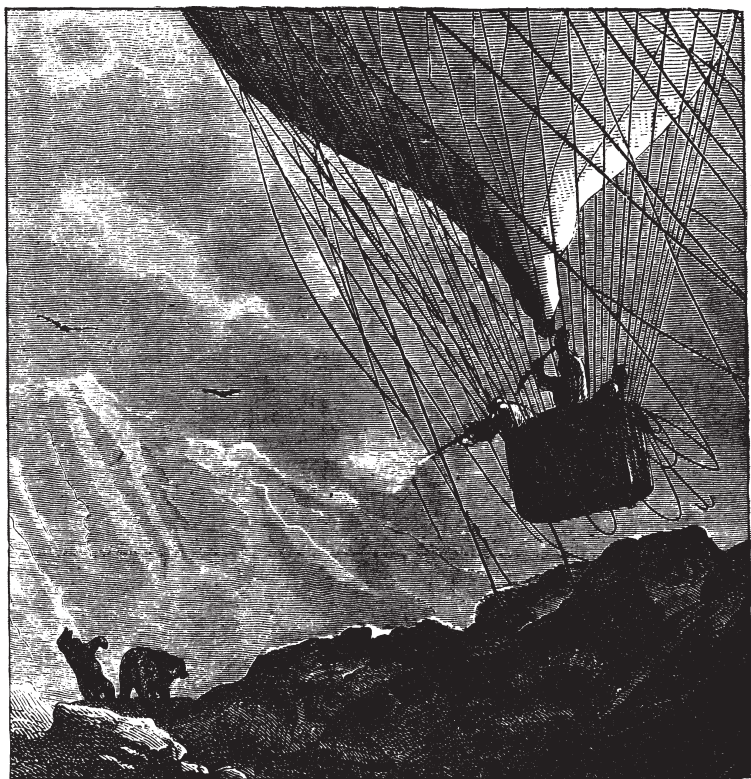

Рис. 114. Американские воздухоплаватели Фергус и Томпсон стреляют в медведей. В журнале «Иллюстрированная охота» (1868), откуда взята гравюра, дается следующий комментарий: «Американцы славятся своей страстью к совершению эксцентрических поступков. Вот один из них»

Осуществляя задуманное, они стали рассверливать патронник шире ствола. В 60—70-х гг. XIX в. разработали сильные однозарядные ружья, заряжавшиеся с казенной части. У некоторых был рычажный механизм, наподобие тех, что изготавливали Джон Фергюсон, Александр Генри и Уэсли Ричард (фото 132—134). Они приспособились к длинным охотничьим патронам и вскоре заполнили рынок боеприпасов.

В начале 1856 г. лондонский мастер Парди сравнил свое последнее необычайно мощное ружье с поездом-экспрессом, и вскоре термин «экспресс» вошел в употребление для обозначения всех ружей, обладающих высокой скорострельностью. В 1883 г. на полевых испытаниях, проведенных в Патни близ Лондона, в стрельбе на 150 ярдов выиграло двухствольное ружье 45-го калибра компании «Холланд и Холланд», со средним отклонением от траектории всего лишь 1,45 дюйма. В высшей точке траектории пуля поднималась только на 4,68 дюйма.

Изобретение в 90-х гг. XIX в. бездымных порохов стимулировало оружейников еще больше увеличить скорострельность ружей. Вскоре оказалось возможным создать ружье для охоты на оленей 303-го калибра, которое нуждалось только в одном прицеле для стрельбы на расстояние 300 ярдов, настолько плоской была траектория полета его пули. Из небольших ружей, предназначенных для охоты на грачей и кроликов, можно было попасть в монету в полкроны на расстоянии 50 ярдов. Почти во всех ружьях использовались цилиндрическо-конические пули с покрытием.

Однако сохранялась потребность в ружье, стреляющем на короткое расстояние массивной пулей с большим проникающим действием, чтобы произвести значительные разрушения. С поставленной задачей удалось справиться 600-калибровому нитроэкспрессу, но такое тяжелое ружье подходило далеко не каждому. В 1885 г. некий Дж.В. Фосбери получил английский патент на гладкоствольное ружье с нарезной дульной частью ствола. Их стали выпускать под разными названиями: «Парадокс», «Голиндиан» и «Космос», охотники могли стрелять дробью или большими пулями из одного ствола.

Пуля для «Парадокса» и короткого ружья делалась пространенного размера, ее калибр варьировался от 10 до 20. Это было легкое сдвоенное ружье, которое выглядело как обычный дробовик, позволявший охотнику (и здесь воспользуемся рекламным определением) «произвести смертельный выстрел в тигра с такой же легкостью и уверенностью, как и в несущегося зайца». Хотя в компании «Холланд и Холланд» изготовили модель этого комбиниро-

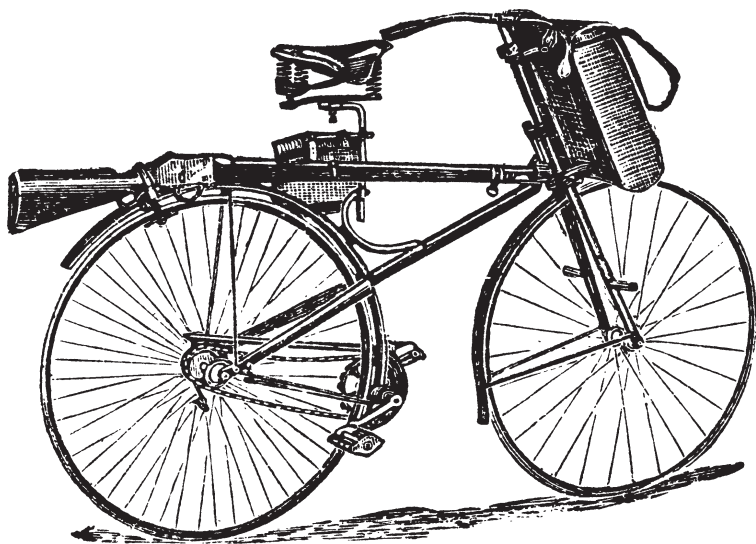

Рис. 115. Велосипед с прикрепленным к нему ружьем. Из объявления компании Хиллмана, Герберта и Купера, помещенном в журнале «Спорт и охота» (1889), об их «военном или охотничьем надежном велосипеде»

ванного ружья с радиусом действия до 300 ярдов, однако на практике из него было трудно попасть в цель, находящуюся на расстоянии дальше 150 ярдов.

Описанное нами двойное ружье получило особенно широкое распространение в Южной Африке. Одноствольные капские ружья с кремневыми замками уступили место двухствольным ружьям с одним гладким и одним нарезным стволом. После появления металлического патрона такие оружейники, как У. Гринер, начали изготавливать ружья, стрелявшие дробовым патроном 12-го калибра или солидной 480-граммовой пулей на расстояние до 700 ярдов. Такое двухствольное ружье отличалось солидным весом, составлявшим более 9 фунтов. Для тех охотников, которые предпочитали более легкие разновидности, оставалась лондонская фирма С.У. Сильвера, получившая патент на ружье под названием «Трансвааль», с механизмом Мартини

и сменными нарезным и гладким стволами, предназначавшимися для разных боеприпасов.

После 1900 г. производители стремились создавать мощные и долговечные стволы невысокой стоимости. С применением металлических патронов скорострельность ружей перешла на новый уровень, благодаря использованию самозарядных систем и магазинов Маузера, обеспечивавших надежное перезаряжание. С помощью телескопических прицелов удавалось достичь точной стрельбы на безопасном расстоянии от цели.

Лучше всего смертоносные возможности ручного огнестрельного оружия подтверждает официальный список дичи, отстрелянной в Австрии в 1892 г.:

Рыжие олени	12 385	Глухари	5143
Лани	2788	Тетерева	9458
Косули	68 110	Рябчики	10 851
Серны	8144	Белые куропатки	2075
Дикие кабаны	3509	Фазаны	141 264
Зайцы	1 309 688	Серые куропатки	1 036 836
Кролики	95 803	Перепела	94 995
Сурки	647	Вальдшнепы	26 057
Медведи	33	Бекасы	147 56
Волки	69	Дикие гуси	1245
Рыси	31	Дикие утки	52 440
Лисицы	26 553	Орлы	510
Городские ласточки	11 281	Соколы, канюки,	
Хорьки черные	30 668	ястребы	101 960
Водяные выдры	1267	Совы	30 855

ДЛИННОСТВОЛЬНЫЕ РУЖЬЯ

Большие ружья всегда вызывали особый восторг у охотников. Приобретенная просто из желания иметь нечто большее по размерам и лучшее по качеству, чем у соседа, престижная игрушка не только привлекала, но и требовала особых навыков обращения.

В самом начале использования ружей искренне верили в то, что дальность выстрела зависит от длины ружья. От-

части это было верно, не приходится отрицать, что чем большим был калибр ружья, тем большую дичь удавалось поразить, от диаметра отверстия зависело и количество убитой дичи.

Иногда даже использовали «ружья на тележках», появившиеся еще в XV в. как одна из форм легкой артиллерии. Они заряжались с казенной части и стреляли зарядом до фунта весом, обычно их устанавливали по одному или попарно на двухколесные крытые повозки. В изданном 19 октября 1456 г. шотландском Акте предписывалось «баронам, которые владели обширными землями, поставить для военных действий двухколесные тележки, в каждой из которых должны были находиться два ружья, два патронных ящика и остальное соответствующее оборудование, кроме того, следовало выделить человека, умеющего стрелять из этого оружия».

Множество таких тележек использовал Генрих VIII во время осады Булони в 1544 г. Их изображение встречается в книге «Военные древности» Ф. Гроуза. С ними легко управлялись и местные жители, поэтому уже в начале 1514 г. на одном из фламандских плакатов содержался призыв, запрещавший населению использовать «пищаль» для охоты на красную и черную дичь (олений и диких кабанов), зайцев, кроликов, куропаток, фазанов, цапель и другую дикую птицу. Позже термином «пищаль» стали называть длинную пушку, но упоминавшиеся в данном контексте ружья, скорее всего, по длине совпадали с величиной настенных ружей. Немного подробнее об этом мы поговорим дальше.

Первые длинные ружья появились в начале XVII в. Один из ранних образцов, представленный в Музее Кертиса в Олтоне, имеет общую длину 6 футов и 4 дюйма, пятифутовый ствол диаметром более 0,5 дюйма, или приблизительно 24-го калибра. В стандартной комплектации ружье имело кремневый замок «английского» типа с собачкой, датируемый приблизительно 1620—1640 гг.

Из такого ружья можно было стрелять практически всеми видами снарядов — и небольшими, и несколькими маленькими пулями одновременно или одной пулей примерно на расстояние 100—200 ярдов. Во время стрельбы ружье

следовало установить на какую-нибудь подставку, так что при необходимости его можно было использовать и в наступательном бою, и при атаке укрепленных позиций. Вот что писала во времена осады Бейсинг-Хаус газета «Городской скаут» 11 октября 1644 г.: «Генерал-лейтенант Кромвель продолжает успешно и последовательно выступать против защитников Бейсинга, они же настроены так решительно, что готовы сражаться до последнего. Все они являются выдающимися стрелками и с помощью своих длинных ружей могут разнести полголовы любого».

В 1621 г. Эдвард Винслоу из Плимута, штат Массачусетс, писал домой будущим эмигрантам, давая им советы по поводу снаряжения, которое могло им пригодиться в Новом Свете. Вот его рекомендации по поводу ружей: «Возьмите длинноствольные ружья и не обращайтесь внимания на их вес, поскольку в большинстве случаев стрельба ведется с подставки».

На следующий год один из колонистов по имени Джон Томпсон привез в Америку ружье длиной примерно в 7 футов. Сохранилось и его оружие, и то, что принадлежало Джону Форбсу, который поселился в Западном Хартфорте в Коннектикуте в 1640 г. Такие длинноствольные ружья широко использовались жителями долины реки Гудзон в штате Нью-Йорк, где каждый год проходили мощные миграции гусей и уток.

В Англии о максимальной длине использовавшихся охотниками ружей можно судить из определения охотничьего ружья, данного Рендлом Холмом в своей «Академии оружия» в 1688 г.: «Охотничье ружье может иметь длину ствола от ярда с четвертью до 7 футов или двух с половиной ярдов. Обычно ствол меньше обычного калибра».

С достигавшими 8 футов в длину ружьями (фото 93) возникали транспортные проблемы. Когда не удавалось поохотиться поблизости от города, возникала необходимость в приспособлении для перевозки ружей. На рисунке в книге Г.Ф. фон Флеминга «Полное руководство по охоте», опубликованной в 1724 г., представлено большое «тележное ружье» для охоты на уток с фитильным замком и лафетом.

В XVIII в. стенное, или окопное, ружье стало использоваться во многих армиях. В «Мечтаниях» 1757 г. маршал

Сакс ратует за данное оружие, которое он называет «забавным». В 1761 г. в «Ежегодном журнале» сообщалось об одном из подобных ружей, стрелявшем шаром в 0,5 фунта на расстояние 800 ярдов во время испытаний в Дублине.

В качестве крепостного оружия оно активно использовалось обеими сторонами во время Войны за независимость в Америке. Генерал Чарльз Ли подтверждает эффективность этих ружей в письме Джорджу Вашингтону от 10 мая 1776 г.: «Я также использую четырехунцевые ружья, которые могут выстрелить на невероятное расстояние, поскольку двухунцевое ружье попадает в половину листа бумаги на расстоянии в 500 ярдов».

Для охотников, которые собирались стрелять в большую дичь с безопасного расстояния или попасть в птицу, летевшую под облаками, также требовались соответствующие ружья. В большинстве больших королевских арсеналов Европы в охотничьи разделы входили несколько крупных ружей с колесцовыми замками. Одним из самых причудливых изделий считается огромное пневматическое ружье, конструкцией напоминающее небольшое полевое ружье, которое мастер Иосиф Галлермейер изготовил в 1763 г. для охотничьего домика герцога Максимилиана III, находившегося в Нимфенбурге близ Мюнхена.

В 1804 г. Георг IV, тогда еще принц Уэльский, купил огромное семиствольное ружье у лондонского оружейника Иезекии Бейкера за 31 фунт 10 шиллингов. Оно представляло собой копию семиствольного ружья для охоты на гусей, вошедшего в моду после принятия таких ружей на вооружение британского флота в 1799 г. Неясно, что собирався делать с ним принц — отражать нападение на свой дом, Карлтон-Хаус, или охотиться на оленей в Виндзорском большом парке. В 1808 г. его установили на подставку, и сейчас это ружье хранится в Виндзорском замке.

Одним из самых ярых сторонников крупных ружей оказался полковник Питер Хокер. В своих «Наставлениях начинающему охотнику» (девятое издание вышло в 1844 г.) он посвятил главу «Артиллерия для охоты». Именно он ввел в обиход повозку с колесами и сиденьем, на котором должен был сидеть охотник, чтобы не слишком отклоняться назад при сильной отдаче (рис. 116).

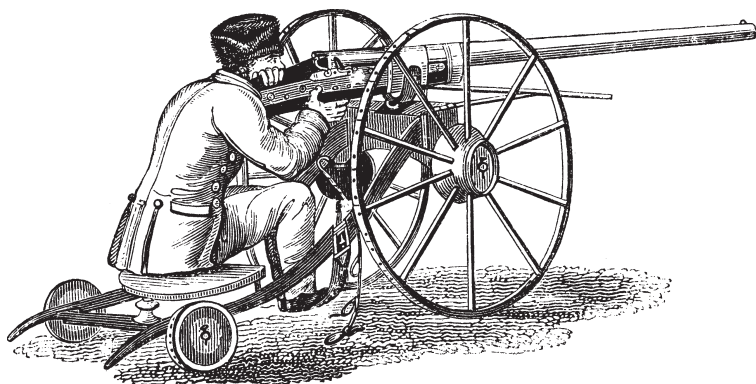

Рис. 116. «Пушка для охоты на птиц», или «ружьё с опорой», полковника Питера Хокера. Планка перед стволом предназначена для маскировки кустами или ветками. Из книги «Наставления начинающему охотнику» (1844)

Размещавшаяся в передней части горизонтальная перекладина предназначалась для закрепления веток, маскировавших охотника. Для «скрытого приближения» к дичи Хокер разработал машину, выглядевшую как лодка на колесах, в которой охотник лежал под маскирующим его прикрытием. Хокер представляет выразительные рисунки маскировочных сетей из мешковины с прикрепленными к ней ветками. Но кому-то ведь приходилось вывозить тележку с тяжелой ношей на позицию. Сам Хокер замечал по этому поводу: «Хотелось бы увидеть человека, который изобретет приспособление для размещения ружья на подставке на мягкой земле».

Поскольку крупные ружья оказывались достаточно тяжелыми и их было сложно перевозить, сохранились немногочисленные упоминания об их использовании. Однако Джон Аткинсон в «Полевой охоте за границей» (Лондон, 1814) описывает охоту на слона, во время которой охотник использовал «большое фитильное ружье на лафете», весившее 30 фунтов. С его помощью удалось убить с первого выстрела слона, попав прямо в середину его черепа. Другому слону не так повезло: в него выстрелили шестнадцать

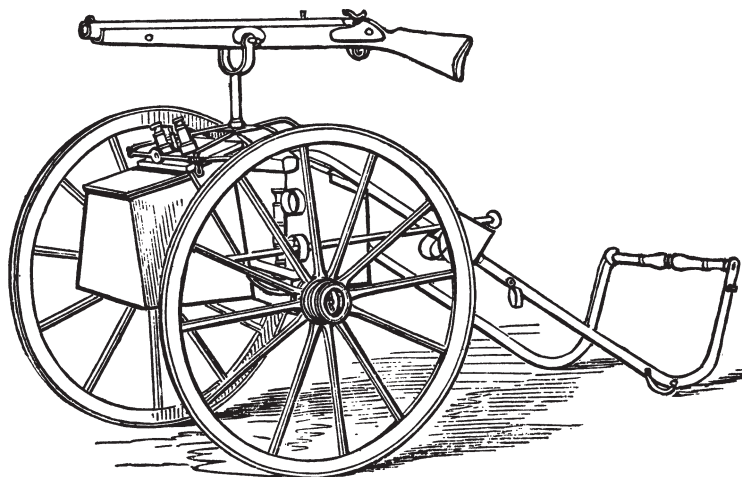

Рис. 117. «Сплетник». Ружье на колесах, построенное Генри Холландом для Старого Шекари (Х.А. Ливсон) для его службы в Центральной Африке. Стреляло цилиндро-коническими пулями, весившими примерно полфунта. Из книги Х.А. Ливсона «Ценные советы охотникам и путешественникам» (1874)

раз, пока его «внутренности не обагрились кровью». И все же ему удалось убежать.

Ливсон, видевший гораздо больше других и знавший о множестве других технологий, в «Записках старого бродяги» дает эскиз тележки, похожей на ту, что использовал Хокер во время своей службы в Центральной Африке, но его ружье предназначалось не для птицы, а для «человека или зверя». Ружье сконструировал Генри Холланд, и оно оказалось относительно небольшим по длине, его заряжали пороховым составом весом в 12 граммов и стреляли цилиндрическо-конической пулей, весившей 1,5 фунта.

Как отмечает Ливсон, ружье легко было транспортировать по любой местности вместе с вигвамом и боеприпасами или разобрать на части и перевозить упакованным на одном муле. Его владельцы прозвали ружье «сплетником» или «прикольным», поскольку, несмотря на утверждения изобретателя, никому из тех, кто его использовал, не удалось прославиться своими охотничьими подвигами.

Возможно, самым известным из всех охотников оказался сэр Самуэль Бейкер, который взял с собой в экспедицию по Нилу одноствольное ружье, изготовленное компанией «Холланд и Холланд», весом 20 фунтов и стреляющее полфунтовой пулей с зарядом в 12 драхм. Хозяин называл его «малышкой», а арабы прозвали «дитя пушки», поскольку оно никогда их не подводило, но, к сожалению, каждый раз отбрасывало охотника назад, как «флюгер в ураган».

РУЖЬЯ ДЛЯ СТРЕЛЬБЫ С ЛОДОК

Громоздкие крупные ружья было достаточно сложно использовать на земле, но при охоте на воде все было по-другому. Повсеместно вдоль побережья Британии, куда ни кинь взгляд, встречались прибрежные эстуарии или болотистые низины с множеством заливчиков, буквально кишевших дикими птицами, манящими к себе тех охотников, кто сумел бы до них добраться.

Начиная с XVII в. эти места стали излюбленным местом охоты с длинноствольными ружьями, использовавшимися на земле. Чтобы сохранить маневренность, охотники на дичь размещали их на любых средствах передвижения по воде от небольших лодок, гребных шлюпок, плоскодонных яликов и каноэ. Специально для такой разновидности охоты оружейники разработали две группы ружей, которые для многих стали единственным средством добычи пропитания. Из них можно было стрелять как с плеча, так и используя любую временную подпорку.

Учитывая их вес, приходится только удивляться, как некоторым охотникам удавалось с ними справляться. Хокер рассказывает, что одно ружье для охоты на уток, изготовленное Джозефом Ментоном и весившее 19 фунтов, оказалось настолько хорошо сбалансированным, что ему удалось убить двух чибисов и двух стрижей на лету, сделав пять одиночных выстрелов. Используя другое тяжелое ружье для охоты на уток, он сбил лесного голубя, летевшего у него над головой на высоте «никак не меньше 120 ярдов».

Для охоты с таким ружьем подходила любая лодка, способная преодолеть узкие каналы и обладавшая устойчи-

Рис. 118. Охотники на дикую птицу в каное из Пула. Она представляла собой плоскодонку, погружавшуюся в воду всего лишь на 2 дюйма и остроконечную с обеих сторон. Весила примерно 100 фунтов и оказывалась идеальным подспорьем для охоты в протоках и болотах. Из книги «Наставления начинающему охотнику» (1844)

востью к морской волне. Однако большие ударные ружья со стволами от 7 до 10 футов длиной и весившие порядка 200 фунтов требовали особого обхождения.

Первые ружья для плоскодонок обычно поддерживались опорой, установленной на носу лодки, а маленькие приклады имели упоры, смягченные подушкой из дерюги или соломы. Обычно охотник лежал ничком на дне плоскодонки, упираясь ногами в борта, так что отдача распределялась более или менее равномерно, и после выстрела лодка просто отплывала назад.

Ружья для стрельбы с лодок XVII и XVIII вв. редко имели калибр, который встречался в великие дни Питера Хокера и его предшественников, обычно он колебался от полудюйма до дюйма. Ружья стреляли дробовым зарядом примерно 1—1,5 фунта за раз на расстояние 50—100 ярдов.

В начале XIX в. джентльмены-охотники, равно как и профессиональные охотники, обратили свое внимание на оружие для стрельбы с плоскодонок. В 1814 г. Питер Хокер опубликовал первое издание «Наставлений начинающему охотнику». Помимо всего прочего он считался фанатом охоты на пернатую дичь, поэтому отдавал особое предпочтение оружию для плоскодонок, изобретая различные усовершенствования то для самих ружей, то для гарнитур, то для плоскодонок и даже для тележек, с помощью которых плоскодонки доставлялись к воде.

Но если говорить серьезно, то одной из главных проблем, связанных с ружьями для плоскодонок, оказался

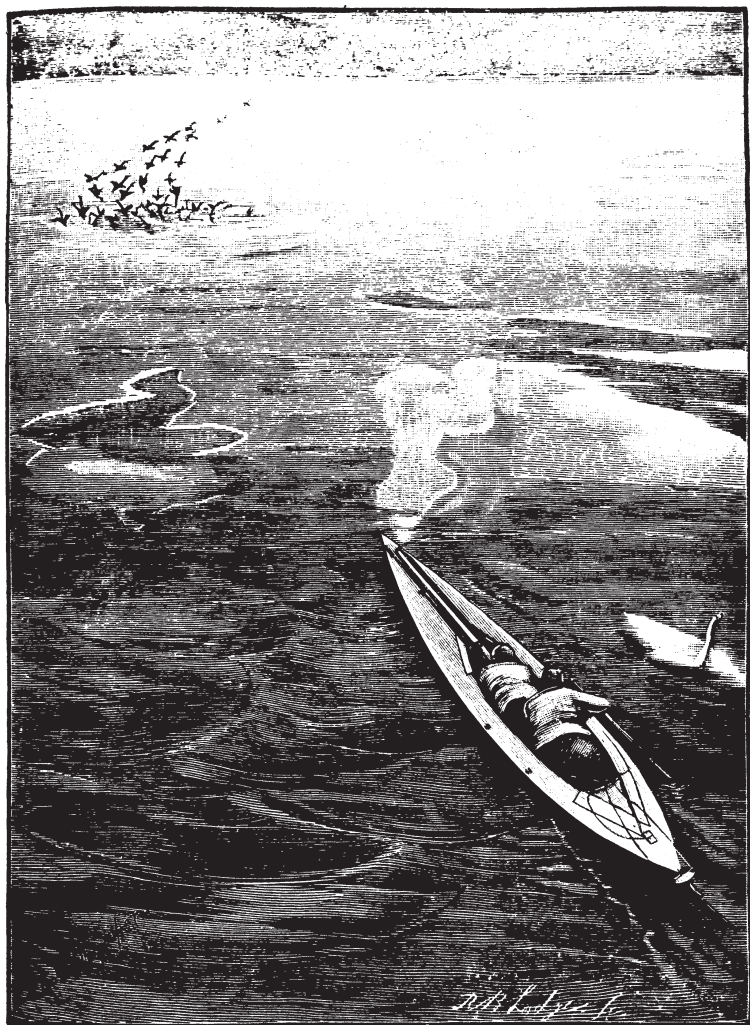

Рис. 119. Охота на мелководье из двухместной плоскодонки, один человек управляет ружьем, другой лодкой. Из книги «Стрельба: торфяники и болота» (1886)

контроль за отдачей. Обычно отдачу гасили, привязывая ложу ружья веревкой к носу лодки, тогда стрелок получал относительную свободу движений, ибо дульная часть ствола опиралась на пиллерс (опорный столбик). По другому способу ружье прикреплялось в середине к специальной поворотной опоре, так что стрелок мог перемещаться внутри лодки, а отдача гасилась движением самой лодки. Когда охотники, стремившиеся поразить дичь с большого расстояния от лодки, увеличили массу порохового заряда, доведя ее до 2 фунтов, отдача стала такой сильной, что могла привести к серьезным последствиям и для лодки, и для охотника.

Тогда в 1824 г. Хокер изобрел вертлюг — шарнирное приспособление, в котором большая часть силы отдачи поглощалась амортизирующим спиральным рычагом. Вскоре механизм Хокера стал стандартной частью оснащения большинства ружей, использовавшихся на плоскодонках.

В своих «Наставлениях» Хокер описывает разновидности лодок, использовавшихся для охоты. Среди них отмечаются плоскодонки для одного или двух человек, каноэ длиной от 15 до 25 футов. Самой популярной оказалась плоскодонка, рассчитанная на двух человек, она легко управлялась с помощью весел, причем можно было грести и обычными, и парными веслами и устанавливать ее на позицию стрельбы с помощью шеста.

Происходило все следующим образом. Находившийся спереди стрелок справлялся с оружием, в то время как его компаньон стремился удержать лодку в неподвижном положении, установив ее в нужную позицию. Если использовали плоскодонку, рассчитанную на одного человека, то ружье часто укрепляли неподвижно. Перемещая лодку, стрелок наводил ружье на цель.

Во время всех перемещений стрелки стремились пригнуться как можно ниже, иногда они надевали специальную маскировочную одежду, чтобы незаметно подобраться как можно ближе к птицам. Некоторые совершенно удивительные лодки конструировались таким образом, чтобы могли перемещаться по илу. Напомним, что во время отливов иногда оказывалось проще и быстрее приблизиться к стае птиц, перебравшись через илистые берега, чем про-

бираться к морю извилистым маршрутом и затем подкрадываться к птицам по открытой воде.

Перенося обыкновенное оружие для охоты на дичь, охотники обычно пересекали илистые участки с помощью «илистых галош», или «мокроступов», — тонких деревянных дощечек примерно 18 дюймов квадратной формы, прикреплявшихся на ноги наподобие лыж. Генри Алкину удалось написать акватинту, на которой он запечатлел забавную сценку, изобразив охотника в таких приспособлениях, застигнутого приливом.

Если такая «хэмпширская плоскодонка» легко маневрировала в чистой воде, то при движении по илистому дну, да к тому же с сидящим в ней охотником с ружьем, она оказывалась слишком тяжелой. Охотнику приходилось вылезать из лодки и двигаться за ней, проталкивая ее вперед изо всех сил. Гораздо легче передвигаться можно было на «суссекской лодке для ила», напоминавшей небольшое каноэ, так что для передвижения в трудных условиях охотник становился на одно колено, толкая свою лодку другой ногой, на которую надевал специальный «мокроступ». Приблизившись к цели, он ложился в лодку и начинал толкать ее последние несколько ярдов небольшими веслами, похожими на лопатки. Еще одно приспособление, применявшееся не только на илистых участках, но и на моховых болотах, представляло собой всего лишь легкие деревянные санки, позволявшие перевозить ружье и дать опору охотнику, оказывавшемуся в воде при наступлении прилива. Большинство читателей охотно соглашались с Хокером, заявлявшим: «Я не могу даже представить, что большинство охотников когда-либо думали о том, чтобы принять данную методику».

Когда Хокер начал свои эксперименты, охотники продолжали использовать во время охоты с лодок заряжавшиеся с дульной части ружья, стрелявшие с помощью кремневого замка, что было очень неудобно. Чтобы зарядить длинный ствол, в него надо было засыпать порох посредством специальной мерной лопатки. Очевидно, что это было нелегко сделать, равно как и ввести затем пыж и пулю, а также насыпать порох на запал, и все это нужно было делать в качающейся лодке.

Рис. 120. Истребление птиц. Стрелок на плоскодонке добивает раненых птиц после выстрела в них 2,5-фунтовой дробью. Из книги Р. Пейн-Галуэя «Охотник в Ирландии» (1882)

Понятно, что ружья с кремневыми замками, обладавшие несколько большей защищенностью от воды, не вызывали столько проблем при зарядании, хотя вначале различные типы детонирующих замков были встречены весьма прохладно. Когда стали вводить ружья, заряжавшиеся с казенной части, и патронные, то легкость зарядки патронами вскоре привела к тому, что даже консервативно настроенные охотники стали отдавать предпочтение именно им. Для стрельбы с лодок мастера стали делать различные типы каззарядных ружей, например, Снидер сделал винтовой затвор и специальный выбрасыватель.

Из некоторых ружей для лодок удавалось эффективно стрелять на 200 ярдов, во время опытных стрельб Хокеру удавалось добиваться и с 300 ярдов, однако оптимальный

результат достигался на расстоянии 100 ярдов. И сегодня, даже имея в распоряжении самые современные ружья, редко добиваются таких же результатов. Необходимые для плоскострельных ружей большая масса дробы и вес заряда иногда приводили к массовым забоям дичи. И тогда море буквально усеивалось дюжинами мертвых и раненых птиц, последние обычно добивались с близкого расстояния ударом специальной колотушки (рис. 120).

Вот как описывает один день «хорошей охоты» на побережье Голландии 22 октября 1889 г. сэр Ральф Пейн-Галуэй: «Сегодня мы отправились в плавание в 12 часов, и к трем часам я выстрелил четыре раза. Я убил за эти четыре выстрела не менее 132 диких уток! За каждый раз соответственно 33, 14, 40 и 45 штук! Несомненно, третий выстрел был самым лучшим из тех, что были у меня, и если бы я целился лучше, то мог бы попасть 80 раз из 100! Когда я стрелял в этот раз, то сотни уток сидели так плотно, что между ними нельзя было протянуть и нитку, казалось, что они покрывают половину акра земли.

Я подошел к ним на расстояние в 50 ярдов, и они сидели большой кучей на широкой песчаной отмели. И это был (хотя я отвратительно его организовал) лучший охотничий день такого рода, который лично мне доводилось видеть или слышать о таком за последнее время! За три выстрела я убил 119 уток! Второй выстрел кажется мне не таким значительным, но факт остается фактом, я сбил 25 птиц из 30 во время него, правда, проделав это, я не задержался и не стал собирать их из-за великолепного выстрела номер 3, что совершил на расстоянии в четверть мили. А также потому, что Гуд следовал за мной в другой лодке, чтобы подбирать тех, кого я не убивал, а только задевал.

Сделав свой последний выстрел, третий по счету, я увидел новое скопление уток на расстоянии в несколько сотен ярдов. И я тотчас туда отправился и свалил 45! К тому же времени, как я вернулся к месту моего второго выстрела, много птиц уже было унесено отливом. Я испытал сложное состояние восторга и усталости от тяжелого труда, кроме того, когда торжествуя оглядывался вокруг, то я чувствовал (и это ощущение преобладало), что убил больше птиц, чем делал раньше».

Похожим образом охоту в плоскодонке, как самое лучшее развлечение, сравнимое с поеданием самого вкусного пирожного, описывает Х.С. Фолкард, объясняя, как можно свалить одним выстрелом шестьдесят уток из ста.

Конечно, не всякому так везло. Иногда погода подстраивала охотнику всяческие сюрпризы, море раскачивало его «скорлупку», так что нередко охотник возвращался из тяжелой поездки с пустыми руками. Часто рассказывали о том, как ружье взрывалось в руках охотника. Так, в своих дневниковых записях от 19 февраля 1818 г. Хокер описывает, как его ружье буквально разлетелось на куски и он загорелся, поскольку в его карманах оставался порох.

Однако охотников трудно было насытить, и сам Хокер, и Пейн-Галуэй, к зависти своих современников, являлись обладателями двуствольных ружей для стрельбы с лодок. Сегодня оружие Хокера находится в Музее бирмингемской пробирной палаты. Оно выглядит следующим образом: один ствол стреляет с помощью кремневого замка, другой ударным способом. Идея заключалась в том, что, поскольку кремневый замок работал медленнее, заряд из этого ствола вылетал немного позже, чем у его «напарника».

Следовательно, из одного ствола удавалось поразить птиц, сидевших на воде, с помощью второго — тех, что поднимались, расправив крылья. Другой охотник, Льюис Клемент, использовавший плоскодонку, предпочитал двустволки с горизонтально вытянутыми эллиптическими стволами, таким образом добываясь лучшего разлета дробы над водой.

Методика охоты на плоскодонках мало чем отличалась в разных частях света. Интересно заметить, что китайские охотники также предпочитали двуствольные ружья. По форме они представляли собой весьма грубую конструкцию и стреляли с помощью медленного запального фитиля. Поскольку последний пугал птиц, китайцы часто погибали один ствол, добываясь того же эффекта, что от оружия Хокера.

Чтобы избежать возможности промаха на длинные расстояния, специально изготовили семиствольное шарнирное ружье (рис. 121), с ним мечтал отправиться на охоту лю-

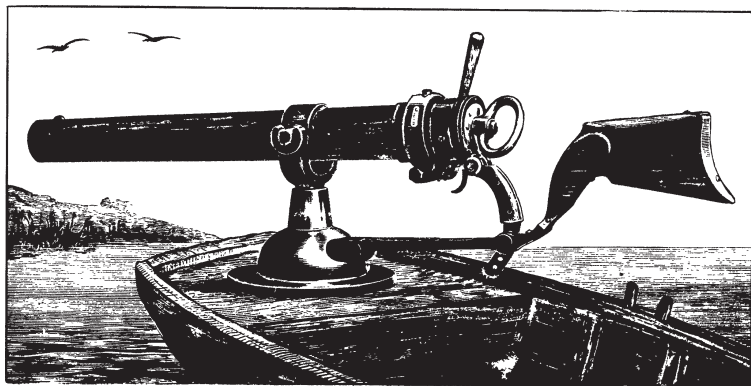

Рис. 121. Заряжающееся через казенную часть семиствольное ружье для лодки, приспособленное для стрельбы на длинные дистанции. Из книги Р. Корнелиса «Охота и снаряжение в описаниях и изображениях» (1884)

бой стрелок. Оно оказалось большим братом митральезы Пиппера, предназначенной для охоты на гусей, могло стрелять семью длинными патронами одновременно, попадая в трехфуттовую мишень на расстоянии 125 ярдов.

Отсюда оставался один шаг до использования на охоте пушек. Поэтому неудивительно, что для предотвращения уничтожения популяции птиц в 1916 г. в США запретили охоту из плоскодонок. В Британии после выхода Закона об охране диких птиц калибр ружей ограничили $1\frac{3}{4}$ дюйма в дульной части.

РУЖЬЯ ДЛЯ ОХОТЫ НА КИТОВ

В разряд самых больших ружей, несомненно, попадают те, что предназначались для охоты на самых крупных животных, то есть ружья для китов. В предыдущих главах мы описали разнообразные копья, гарпуны и пики, которые метали в китов. Первоначально показалось странным, что из оружия следует выпускать подобие копья. Однако напомним, что одно время большие копья выпускались из осадных ружей Древнего мира, катапульт и баллист.

Когда функцию таких форм артиллерии стало выполнять ручное огнестрельное оружие, вначале потребовалось разработать те же самые снаряды. Поэтому на самых первых изображениях ружей, появившихся в рукописях У. де Мильмета 1326—1327 гг., показаны стрелы, выпускаемые из их стволов.

Во времена испанской армады английский морской флот напал на захватчиков, используя мушкеты, стрелявшие зажженными стрелами, такая форма снарядов упоминается в книгах XVII в., посвященных ружьям и пиротехническим устройствам. В тот же самый период, когда торговые компании Англии и Шотландии соревновались между собой за право вести в Арктике охоту на китов, начинает ощущаться недостаток в обученных мужчинах, способных управляться с ручным гарпуном.

Возможно, что именно тогда делались попытки усовершенствовать стрельбу, изменив форму гарпуна, трансформировав его из небольшого наклонного ружья или корабельного мушкета. Первые описания подобных опытов относятся, наверное, только к 1731 г., когда Северная морская компания, занятая китобойной деятельностью, попыталась ввести гарпунное ружье.

Как и все новинки, оно было встречено гарпунерами с недоверием, ведь они относились к той группе людей, которые получали большие деньги за свое опасное мастерство, требовавшее большой силы и огромного опыта, приобретавшегося в сложных условиях. Когда позже Дж. Менби попытался ввести новую форму гарпунного ружья, то столкнулся с определенным сопротивлением. Тогда он сам принял участие в китобойной операции, намереваясь руководить испытанием новых ружей и одновременно выявлять все недостатки. Менби искренне верил в то, что китобои приветствуют новое ружье, которое облегчит их тяжелый труд.

Вместо этого он встретился с огромнейшими трудностями, убеждая кого-либо начать применять его ружье. К своему удивлению и даже ярости, Менби часто сталкивался со случаями саботажа в самые ответственные моменты. Вернувшись домой и немного успокоившись, он описал отношение гарпунеров как неразумное, но со временем пришел к выводу, что «если ружье примут, то, возможно, оно при-

несет больше пользы, и каждый человек, кто сможет направить его должным образом, сам сможет стать гарпунером».

История, к счастью, завершилась благополучно, в 1733 г. корабль, оснащенный компанией Элиаса Берда, взял на борт гарпунное ружье. Китобои сумели подтвердить его достоинства, добившись попадания в двух случаях из трех. Убитые киты со временем были благополучно доставлены домой.

Определенные сложности вызывали технические приспособления. Велись постоянные опыты по прикреплению первых ружейных гарпунов к веревке. Обычно веревка продевалась через кольцо, размещенное рядом с головкой или в середине вдоль ствола, но, как только гарпун выходил из ствола, веревка начинала тянуть его за собой. В 1771 г. кузнец Абрахам Стагхолд представил Обществу по поддержке искусств в Лондоне модель гарпуна с разрезанным вдоль стволом, через который кольцо могло свободно проходить до основания. Такой гарпун вылетал из ствола с максимальной скоростью, разматывая веревку, затем летел не меняя курса.

На следующий год Общество наградило изобретателя нового гарпунного ружья 20 гинейми и распорядилось, чтобы шесть ружей с четырьмя гарпунами каждое отправили в места рыболовства на «Левиафан» и «Восходящее солнце». В течение некоторого времени Общество продолжало поощрять тех, кто успешно применял гарпунные ружья. Так, например, в 1789 г. в протоколах Общества отмечены шесть гарпунеров, которых их хозяева уполномочили отстреливать китов с помощью ружей. В сертификате, выданном Джорджу Лиши с «Британики», описывается отстрел одного из двух китов, которых он взял в Девисовом проливе в Атлантическом океане на 71° северной широты в 10 фатмах (саженях) к северу от судна: «Он выстрелил и попал с 6 футов в тело кита, он нырнул на длину веревки и всплыл наверх примерно через двадцать минут, истекая кровью и сильно измотанный. Через несколько минут кит был убит гарпунерами с других лодок. Когда его подтянули, то мы смогли вытащить гарпун с помощью крюка. Он был сделан из кости 10 футов и 9 дюймов в длину».

Как с удовлетворением замечало Общество в своем отчете: «В кита попали на дистанции, которую совершенно невозможно было преодолеть с помощью ручного гарпуна. Каждый, кто поступает именно так, приносит пользу своему отечеству». В 1793 г. Общество наградило Джона Белла, сержанта королевской артиллерии, 20 гинейми за его модель нового гарпунного ружья. Как и следовало ожидать, по величине оно напоминало небольшую пушку, но имело усовершенствованный патрон с веревкой в специальной емкости, смежный расходящийся прицел и два кремневых замка. Японский художник Хокусаи в одиннадцатом томе книги «Мангва» (ок. 1834) изображает в полную величину пушку европейского образца, из которой стреляют в кита.

Устройство двух хорошо защищенных замков, воспламенившихся из одного и того же контактного отверстия, оказывалось естественной необходимостью, к которой прибегали большинство оружейников, разрабатывая ружье, стрельба из которого велась в суровых условиях. В 1820 г. капитан китобойного судна Уильям Скорсби так описывает ружье, которое, как он утверждает, имело радиус действия до 40 ярдов: «В своей современной усовершенствованной форме, изготовленное мистером Валлисом, оружейником из Гулля, гарпунное ружье состояло из шарнирного соединения, имевшего кованый железный ствол длиной до 26 дюймов и 3 дюйма в диаметре и $1\frac{7}{8}$ -дюймовое просверленное отверстие. Он оснащен двумя замками, которые действуют одновременно, чтобы устранить возможность осечки. Ствол гарпуна двойной, заканчивается цилиндрической головкой, приспособленной к просверленному отверстию ружья.

Между двумя частями ствола расположено кольцо из проволоки, прикрепленное к веревке. Когда гарпун вставлен внутрь ствола, кольцо с прикрепленной веревкой остается снаружи, около входного отверстия гарпуна, но в момент, когда оно стреляет, кольцо отходит назад.

Некоторые такие гарпуны недавно стали изготавливать с одним стволом, похожим на распространенный «ручной гарпун», но расширенный на конце, чтобы придать толщину просверленному отверстию. Плотная обкрученная вокруг ствола веревка скользит к входному отверстию гар-

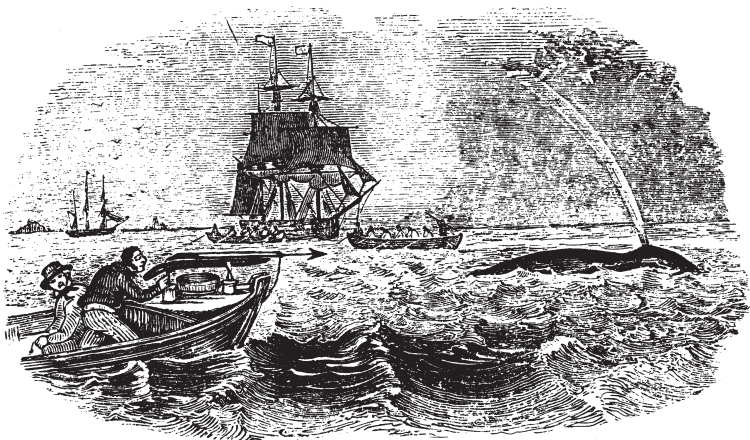

Рис. 122. Охота на китов с помощью гарпунного ружья. Из книги У. Гринера «Артиллерийское дело» (1858)

пуна, если ее размещают в ружье, а когда стреляют, то предохраняют от того, чтобы она отцепилась от выпуклой части».

Пока кремневый замок оставался единственным средством зажигания, всегда оставались сомнения, не отсыреет ли капсюль и не даст ли осечку, поэтому многие гарпунеры предпочитали старый добрый ручной гарпун. Но как только появился усовершенствованный ударный замок, ситуация изменилась, и к середине XIX в. большинство гарпунеров использовали ружья. Одно из типичных гарпунных ружей так описывается в «Оружии»: «Для удобства прицеливания оно имело рукоятку из ясеня или вяза. Для гашения отдачи использовался шарнир с мощной пружиной, прикрепленной к стволу и прикладу. Диаметр сверленного ствола составлял $1\frac{1}{2}$ дюйма, замок простой формы, похожий на тот, что используется в седельных пистолетах. Замок с ударником надежно защищены от морских брызг или ударов медной крышкой.

Сам замок защищен надежным предохранителем, когда он отодвигается, из ружья можно стрелять, дергая за веревку, прикрепленную к спусковому крючку. Длина ствола со-

ставляет 3 фута, вес ружья со всеми приспособлениями примерно 75 фунтов. Гарпун весит примерно 10 фунтов вместе с соединительной скобой и стреляет вместе с однодьюмовой веревкой.

Заряд пороха никогда не превышает 6 драхм, поскольку большее количество уменьшает точность попадания. Его редко используют на расстоянии, превышающем 25 ярдов, но он прекрасно и точно попадает и на 40. Покойный У. Гринер, чьи гарпунные ружья оказывались намного лучше прочих, изготовленных в его время, достиг на публичном соревновании в Лондонском доке в 1845 г. предела в 120 ярдов.

Меньшие по размеру гарпунные ружья иногда изготавливаются для отстрела белых китов, дельфинов, моржей».

Заметим, что это описание немногим отличается от того, что дается У. Гринером в его «Орудиях».

Одновременно с усовершенствованием гарпунных ружей модифицировалась и конструкция гарпунов. Когда Джордж Менби отправился в путешествие по Гренландии в 1820 г., он взял с собой не просто новое ружье, но абсолютно революционную для того времени модель гарпуна.

Головка гарпуна представляла собой оболочку, внутри которой размещались раздвигающиеся при ударе усы, или гарпун можно было оснастить взрывной головкой. Он имел 9 дюймов в длину, 2 дюйма в диаметре и весил примерно 5¹/₂ фунта. Поскольку к оболочке гарпуна прикреплялась веревка, в ствол вставляли стержень, а его передняя часть защищалась цилиндрическим колпаком из дерева. При выстреле гарпун летел вперед, увлекая за собой веревку, по крайней мере, изобретатель на это надеялся.

За гарпунными оболочками Менби последовало множество других подобных конструкций, которые обычно прикреплялись к стержню. Так, в 1857 г. во Франции свою версию запатентовал Девизм. Доктор Фирслен изобрел и использовал оболочку, наполненную ядом на основе стрихнина и кураре. Американские китобои предпочитали ружье, выбрасывающее короткий дротик, в котором соединялся традиционный ручной гарпун с взрывающейся головкой. Когда гарпунер бросал это орудие в кита, дротик выстреливался, посылая бомбу в глубину тела животного. Она разрывалась,

PATENT ROCKET HARPOONS AND GUNS.

FASTEN TO AND KILL INSTANTLY WHALES OF EVERY SPECIES.

**WITH PROPER LINES AND BOATS,
SUCH AS WERE USED BY THE OFFICERS OF BARK REINDEER IN 1864,
ALL WHALES ARE SAVED.**

N. B —Two Months' notice required to fill an Order for the Season of 1865.

— FOR SALE BY —

G. A. LILLIENDAHL, - - - - - NEW YORK

Рис. 123. Объявление из Реестра китобойных и торговых судов 1865 г. о ракетном гарпуне Лилиендаля. На рисунке гарпунер пускает ракету из трубы со щитком

поражая жизненно важные органы. В большинстве случаев смерть была мгновенной.

Современные китобойные промыслы начались примерно с 1880 г., когда стала повсеместно применяться гарпунная пушка, изобретенная норвежским матросом Свеном Фойном. Первая модель его устройства представляла собой небольшую пушку примерно в 4 фута длиной с радиусом действия в 20—25 ярдов. Особое значение имел, возможно, тот факт, что сама пушка отражала новые идеи охоты на китов.

Старая методика китобойного промысла с небольших лодок была хороша для того, чтобы охотиться на небольших китов. Киты большого размера — кашалоты, гренландские, белые — всплывали на поверхность после того, как их убивали. Самые быстрые и сильные киты из перечис-

ленных выше оказывались слишком опасными для охоты, потому что тонули после того, как их убивали, и могли утянуть с собой китобойное судно или утащить его за собой в океан.

Пушки Фойна размещали на носу небольших паровых судов. Они стреляли гарпуном с длинными шарнирными усами, которые раскрывались, как зонтик, внутри кита и удерживались в нем наподобие якоря. Гарпун имел накопник с литой железной оболочкой, наполненной порохом. В процессе раскрывания усиков разбивалась стеклянная бутылочка с серной кислотой, которая воспламеняла фитиль и взрывала заряд уже внутри животного.

Таким образом удавалось соединить в одном действии функции гарпуна и копья. Когда мертвый кит начинал тонуть, пароход оказывался достаточно мощным, чтобы удерживать его вес. Тогда запускали компрессор и с его помощью закачивали воздух внутрь кита, так что он оставался на плаву, и можно было дальше производить все необходимые действия. С этого времени начинается пора технических новаций, изготовления больших по водоизмещению и лучших по мореходным качествам кораблей и оптимальных ружей.

До того как гарпун утвердил свое превосходство, предпринимались попытки применить для китобойного промысла реактивные снаряды. В британской армии и военно-морских силах их успешно применили в бомбардировке Копенгагена в 1801 г. В октябре 1821 г. в «Журнале джентльмена» сообщалось о благополучном возвращении китобойного корабля «Слава» из Гулля с девятью китами, причем все были убиты военными ракетами.

Особое значение в заметке придавалось тому факту, что один из китов достигал длины в 100 футов, и такое животное нельзя было убить с помощью обыкновенных средств. Указывалось также, что значение ракеты заключается в том, что «все разрушительные усилия с помощью 6- или даже 12-фунтовых орудий в той части, что связана с проникновением, взрывной силой и внутренним взрывом, приводящим к смерти животного, могут быть заменены аппаратом не тяжелее, чем мушкет, причем не вызывая никакого повреждения для корабля».

Бесспорно, с помощью ракет китов не только убивали, но и сильно разрушали их туши. Это и стало причиной отказа китобоев от их использования. Вот почему в «Списке китобойных и торговых судов» от 8 августа 1865 г. встречается объявление о патенте на орудийный гарпун, причем подчеркивается, что он действует с «соответствующими веревками и лодками» и что «все киты не повреждаются при охоте».

Завершая описание охоты на китов, мы не можем удержаться и не заметить, что только человек мог нападать на них, используя такие разнообразные и грубые орудия.

ПИСТОЛЕТЫ

Если не учитывать небольшой вес и портативность, одной из существенных характеристик пистолетов являлась возможность произвести мгновенный выстрел. В то время как ружья зажигались с помощью фитиля, который держали в руке или помещали в замок, в пистолете это было невозможно. Поэтому и неизвестны европейские фитильные пистолеты.

Однако после изобретения колесцового замка, примерно в 1500 г., началось усовершенствование пистолетов, занявшее много времени. Прежде всего использовали их небольшой размер, позволявший «тайно под одеждой» носить заряженное оружие, что вначале даже привело к негласному запрету на малогабаритные колесцовые механизмы. В 1517 г. император Максимилиан I запретил использовать «самоударные ручные ружья» в Нижней Австрии. Такое указание распространилось на всю территорию империи уже в 1518 г. Согласно изданному в 1532 г. герцогскому вердикту запрещалось использование ружей, которые «были настолько маленькими, что их можно пронести под одеждой, так что никто их и не заметит».

Похожее состояние дел наблюдалось в Англии и Шотландии. В 1541 г. актом Генриха VIII подтверждались предыдущие ограничения, а также формировалась основа последующих законов, связанных с легким огнестрельным оружием, включая и те, что собирались создавать. В нем выступали против использования «небольших коротких ручных ружей и

небольших аркебуз». Как отмечается, они являлись оружием, с помощью которого «злые и злонамеренно настроенные личности... совершают преднамеренные и бесчестные поступки, противозаконные и ведущие к совершению отвратительных и постыдных убийств, ограблений, уголовных преступлений, нарушений общественной тишины и порядка и погромов».

В последующих прокламациях, принятых в Англии в 1579 г. и в Шотландии в 1598 г., содержались запрещения, направленные против изготовления или починки «ручных кинжалов», «больших пистолетов, дагов, иначе называемых просто пистолями» и «пистолетов». В конце 1613 г. в английской прокламации предписывалось, что следует пользоваться только ружьями с длиной ствола не менее чем в 12 дюймов. Очевидно, что вначале власти рассматривали пистолет скорее как оружие разбойников, и никак иначе.

Самые ранние из сохранившихся пистолетов из личного арсенала императора Карла V находятся сегодня в Королевском арсенале в Мадриде. Первое по времени появление пистолетов датируется 1534 г., другие — примерно 1540 г. Несмотря на все ограничения, с середины XVI в. начало быстро развиваться производство пистолетов в разных странах. В те дни они редко составляли менее 18 см в длину, использовавшееся в Испании понятие для их обозначения «небольшие седельные аркебузы» указывает на их предназначение.

Впрочем, военные деятели быстро осознали возможности нового личного оружия и начали вооружать пистолетами кавалерию. В моду вошла новая тактика боя, известная под названием караколь: выстроившаяся в линию кавалерия с близкого расстояния стреляла в скопление пеших неприятельских пикинеров, выпустив все пули, она разворачивалась и отступала, позволяя следующей линии повторить маневр.

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы догадаться заменить одного противника другим, и вскоре конные охотники, которые до этого преследовали дичь с помощью сабли, копы и арбалета, начали гоняться за ней, вооружившись пистолетами. Этому способствовали бумажные патроны с зарядами пороха и пулями, которые переносили в небольшой сумке или коробке, закрепленной на

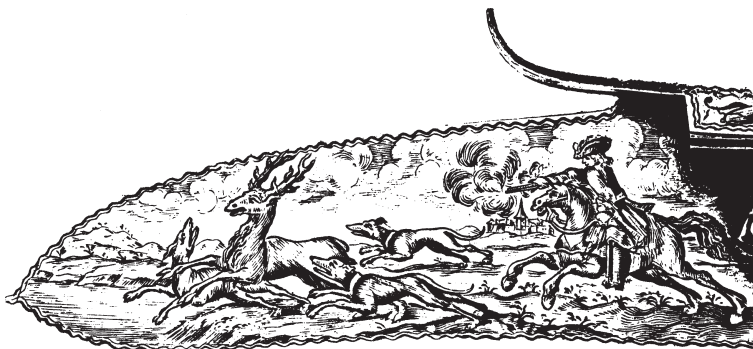

Рис. 124. Охота на оленя с пистолетом. Гравированная пластинка, прикрепленная к прикладу ружья с колесцовым замком. Коллекция автора

поясном ремне. Так что оказывалось возможным, находясь на спине лошади, легко перезарядить пистолеты, заряжавшиеся с дульной части.

Основным неудобством, затруднявшим более широкое использование пистолетов, в XVII в. оставался их вес. Сам по себе колесцовый механизм оказывался слишком большим, сложным и тяжелым, вместе с большим стволом и неуклюжим прикладом он не позволял охотнику быстро перемещаться, держа в руке пистолет, весивший примерно 4 фунта.

Одно из первых изображений охотника, использующего пистолет, встречается на декоративном диске на покрытой серебром коробке для письменных принадлежностей, выполненной Гансом и Элиасом Ленкерами в Нюрнберге примерно в 1585 г., сегодня она хранится в Сокровищнице в Мюнхене. На ней изображен человек, стоящий за деревом и стреляющий из пистолета в какое-то крупное животное.

К первой четверти XVII в. пистолет с колесцовым замком значительно изменился, и сам замок, и ствол были значительно уменьшены по величине, широкий старомодный ствол заменили более изящной конструкцией. В середине века неуклюжий кремневый замок точно так же превратили в аккуратный компактный механизм, так что

удалось создать седельный пистолет, весивший всего 2 фунта.

В течение первой половины XVII в. и большую часть XVIII в. на охотничьих картинах часто изображаются охотники, стрелявшие в оленей, волков, медведей. Такие сцены становились излюбленным сюжетом гравировок на затворных пластинках ружей (рис. 124). Так, на рисунке неизвестного мастера примерно 1740 г., хранящегося в Немецком музее охоты в Мюнхене, изображены мужчины со сворой гончих, преследующие самца молодого оленя. Изображен охотник, стреляющий с близкого расстояния из относительно небольшого пистолета с кремневым замком.

Похоже, некоторых влекло особое ощущение опасности, когда охотник скакал на лошади всего в нескольких ярдах от потенциальной дичи. Иногда охотник не мог выстрелить, пока дичь не выбивалась из сил. Так, в описании охоты в Лайме, организованной герцогом Йоркским в 1676 г., читаем, что олень (высотой в 14 локтей и 4 дюйма) «бежал, и погоня длилась долго, и первым, кто преследовал его, был сам Д., который, когда тот подбежал к заливу, убил его из пистолета, проделав в ту ночь 36 миль, из-за чего вернулся домой почти в восемь часов».

Чтобы удовлетворить запросы охотников, предпринимались попытки сделать пистолет, который при необходимости мог превратиться в карабин, которым стреляли от плеча. Тогда, получая удовольствие от непритязательного пистолета, охотник попадал в дичь с большого расстояния. В карабинной модели пистолетов XVIII в. делались выдвижные или защелкивающиеся наплечные приклады.

Одним из самых интересных образцов такого типа пистолетов является английская модель 1640 г., хранящаяся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. В ней имеется не только прикрепляемый на специальном болте приклад, но и дополнительный ствол, который можно привинтить на конец ствола пистолета. С помощью двух аксессуаров пистолет превращался в полнотольное ружье для охоты на дичь. Сам ствол покрыт черной кожей, выделанной под грубую древесину.

В конце XVIII в. особое внимание стали уделять нарезным пистолетам, они оказались необычайно полезными и

привлекательными благодаря добавлению съемного приклада. В некоторых европейских странах для кавалерийских подразделений приняли на вооружение двуствольные пистолеты со съемными стволами.

В частности, в 1793 г. английская королевская конная артиллерия была вооружена пистолетами, у которых стволы размещались рядом, причем один был нарезным, другой гладким. Вскоре они вошли в моду в охотничьих кругах, и великие лондонские оружейники Джозеф и Дарс Эгги начали производить прекрасные по качеству пистолеты с двумя стволами, расположенными один над другим, и аккуратным съемным прикладом.

Пистолеты отличались относительной точностью попадания, радиус их действия определяли в 100 ярдов. Правда, отмечаются всего несколько случаев, когда они действительно имели преимущество над обычным ружьем для охоты на дичь, поэтому не встречаются охотничьи истории, где бы рассказывалось о подвигах, совершенных с помощью именно данного вида оружия. Однако двуствольный пистолет с большим высверленным стволом появился при совершенно особых обстоятельствах.

Расскажем об этом подробнее. В Индии преследование такой опасной дичи, как тигр, часто проводилось со спины слона, причем охотник стрелял из ховда, или амари, — коробчатого сиденья, привязанного к спине слона. В описании охотничьей экспедиции, организованной навабом из Уде Асофом уль-Доулой в конце XIV в., говорится об армии слонов (числом от 400 до 500), переносивших на своих спинах ховда с охотниками, вооруженными фитильными ружьями.

Основная опасность во время охоты исходила от тигра, который мог вскочить на спину слона и напасть на находившихся там охотников (рис. 125). Поэтому наваб приказал иметь в каждом ховда заряженный пистолет, обладавший достаточной мощностью, чтобы сбить тигра вниз одним выстрелом. Понятно, что он отдавал предпочтение английским пистолетам.

Когда британские офицеры и чиновники начали принимать участие в такой охоте, стали раздаваться постоянные просьбы, связанные с пожеланием изготовить специальный

Рис. 125. Последствия того, что на охоту отправились без пистолетов для ховда. Лев стащил охотника со слона. Из книги Дж. Гринвуда «Охота на диких животных в разных странах мира»

пистолет, известный сегодня среди коллекционеров как «пистолет для ховда». Его отличительными признаками являются два ствола длиной в 8—9 дюймов, калибр по крайней мере 0,5 дюйма. Таким образом, он оказывался достаточно прочным для размещения в нем большого заряда пороха и крупной пули. Точность боя не требовалась, ибо стрелять надо было с небольшого расстояния. Знаменитый охотник Х.А. Ливсон пишет об этом оружии: «Надо стрелять поднеся пистолет вплотную к голове тигра, и если и не убьешь его, то хотя бы отпугнешь, чтобы он не напал на охотников в ховда».

Только несколько пистолетов с колесцовыми замками, изготовленных такими оружейниками, как Эгг и Ментон, попадают под эту категорию. Расцвет охоты на тигра со

слоном начался с наступлением эпохи ударных взрывателей и первых патронов, он длился с 40-х по 90-е гг. XIX в., и именно в это время были изготовлены большинство пистолетов для ховда.

Образцы ударных пистолетов производили в мастерских почти всех главных британских оружейников, но одними из первых появились образцы, изготовленные семейством Парди. Несколько интересных экземпляров патронных пистолетов были сделаны с игольчатыми патронами или патронами центрального огня. Чаще других в последней группе использовался короткий патрон Боксера калибра 0,577 дюйма. В лондонском Тауэре хранится пистолет, где использовался такой патрон, сделанный Уильямом Муром и Греем, он весит 3 фута и 11 унций.

С 50-х гг. XIX в. изготовители револьверов Колът и компания «Смит и Вессон» в Америке, «Адамс и Уэбли» в Англии вторглись на охотничий рынок. В то время как револьверы привлекали внимание возможностью дополнительных выстрелов, промежутков между стволом и цилиндром почти во всех образцах означал снижение скорости пули.

Ни один из производителей револьверов того времени не смог превзойти в скорострельности крупнокалиберные двуствольные пистолеты. Компромиссное решение удалось предложить после появления четырехствольных пистолетов Чарльза Ланкастера из Лондона и бельгийской фирмы «Брендлин и компания».

У обеих разновидностей пистолетов имелся специальный механизм, исключающий прорыв газов и приводимый в действие одним спусковым крючком. У каждого ствола «митральезы Брендлина», как называли это изделие, имелись отдельный ударник и пружина, переключение на другой ствол происходило благодаря использованию силы отдачи при выстреле. Однако оставалась возможность случайного выстрела из второго ствола.

Чтобы избежать такой ситуации, Ланкастер создал револьвер с одним поворотным ударником. Этот пистолет имел нарезной ствол, так что в случае необходимости можно было использовать патроны 455-го и 577-го калибра или армейские патроны. Стволы устанавливались с сходимением на расстоянии в 40 ярдов, как оптимального для стрельбы пуль.

По мере того как с 1850 по 1880 г. дизайн и техническое устройство револьвера быстро улучшались, тяжелый, достаточно неуклюжий многоствольный пистолет постепенно терял свои преимущества. В Америке в 40-х гг. XIX в. пистолет стал не просто практичным оружием, а вторым оружием каждого охотника. Очевидно, что по крайней мере в одном виде охоты, а именно в охоте на бизонов, он использовался как основное оружие.

Вероятно, профессиональный охотник на буйволов был доволен тем, что ему удавалось убить свою дичь из засады, не испытывая никаких угрызений совести. Но те, кому нравилось соединять развлечение с охотой, следовали обычаю индейцев, преследуя бизонов на лошади. Правда, белый человек использовал вместо лука и стрел револьвер.

Х.А. Ливсон дает следующий совет охотнику, который впервые ради предосторожности запасается хорошо обученной лошадью, наслаждающейся погоней, как и ее всадник: «Если отпустить поводья, тогда, с ушами, отодвинутыми назад, играя хвостом, она скоро доставит вас к дичи и свободной размеренной походкой станет двигаться с той же скоростью, что и бизон, перемещаясь галопом в 10 футах от него. Для того чтобы избежать несчастных случаев, ваш револьвер должен находиться на поясе или в кобуре. Затем, с помощью большого пальца руки, которым вы удерживаете револьвер, взведите курок, ударник поднимется, а пистолет подскочит вверх. Нацелившись как раз в область лопаток и примерно на две трети вниз от вершины выпуклости, стреляйте. Вместе с вашим криком это станет сигналом для лошади мчаться во весь опор».

Все это находили «весьма забавным» (рис. 126).

Даже тот, кто незнаком с правилами подобной езды, может легко представить, какие сложности подстерегали охотника, стреляющего с такой позиции. Расскажем одну историю. В 1871 г. великий князь Алексей Романов посетил фабрику Смита и Вессона в Спрингфилде, которая в то время выполняла большой контракт по выпуску револьверов 44-го калибра для российского правительства. В подарок ему преподнесли элегантный позолоченный револьвер.

Позже, во время путешествия по США, великого князя пригласили на охоту на буйволов, дав ему в проводники зна-

Рис. 126. Охота на бизона с револьвером. Из книги Х.А. Ливсона «Охота в разных странах»

менитого Буффало Билла. Очевидец описывает охотничью одежду великого князя как очень «удобную и практичную». Он был одет в жакет и брюки из тяжелой серой материи, отделанные зеленым кантом, на пуговицах был вытиснен герб Российской империи. Брюки не были заправлены в сапоги, шляпа представляла собой австралийский тюрбан с верхушкой из ткани. С собой он взял русский кинжал и подаренный ему недавно револьвер Смита и Вессона, на рукоятке которого были вырезаны гербы США и России». К сожалению, хотя Алексей выстрелил из своего револьвера шесть раз с близкого расстояния, ему не удалось свалить ни одного животного.

Более удачливым в охоте на дичь оказался полковник Дж.У. Шофилд, который внес несколько полезных усовершенствований в модель оригинального револьвера 44-го калибра Смита и Вессона. Когда он был занят своими экспериментами, то писал Д.В. Вессону 3 января 1875 г.: «...Убивает практически все, индейцы привыкли стрелять из него в любую погоду, причем в самых невероятных условиях. Во время моей последней поездки я дважды стрелял со своей лошади на скаку, и каждый раз мне удавалось паразить буйвола».

Однако излюбленной моделью револьвера для охоты на бизонов, бесспорно, продолжал оставаться точный и мощный кольт «Фронтир». Джордж Кетлин сделал несколько иллюстраций, на которых показал, как использовали револьверы Кольта во время охоты на бизонов и разнообразную дичь. Правда, сам он отдавал предпочтение револьверному карабину, которой можно было зарядить пулей или дробью. Кетлин прозвал его Сэмом, он представлял собой «шестизарядное небольшое ружье, всегда лежавшее передо мной днем и находившееся в моих руках ночью», оно часто упоминается в книгах Кетлина.

Другим убежденным сторонником револьвера Смита и Вессона 44-го калибра оказался известный меткий стрелок Уолтер Винанс. Вспоминая «добрые старые деньки», когда «повсюду бегали бизоны», он дает рекомендации по домашней охоте, во время которой, находясь на лошади, отстреливал из револьвера коричневато-желтых оленей. Охота проводилась в спокойной и утонченной обстановке английского парка. Время от времени Винанс предлагал, чтобы его приятели охотники в Индии попробовали охотиться таким же образом на свиней, но тут же делал оговорку, что это не вызывает особенных эмоций.

Как только огромный калибровый револьвер стал использоваться только в качестве оружия личной защиты, к нему вновь пробудился интерес, особенно в Америке, где он стал использоваться вместе со съёмным или складным стволом. Такое изделие стало известно как «карманное ружье», его изготавливали такие фирмы, как «Стивенс армс» и компания инструментов из Чикопе (штат Массачусетс), делавшие пистолеты калибра от 0,22 до 0,44 дюйма и стволы длиной от 10 до 24 дюймов.

Такие пистолеты действовали достаточно точно на расстоянии до 200 ярдов, позволяя сбивать небольшую дичь. Об их прекрасном бое свидетельствует каталог 1895 г., где рекламировался пистолет 22-го калибра с металлическим плечевым упором, названный «велосипедное ружье». Похожие пистолеты производили и некоторые фабрики в Европе, например, компания «Уэбли и Скотт» выпустила в 1910 г. одноствольный пистолет 410-го калибра для «дичи и хищников» со съёмной деревянной плечевой ложей.

ПНЕВМАТИЧЕСКИЕ РУЖЬЯ

О движущей силе сжатого воздуха знали еще древнеегипетские ученые. Разработанный в Александрии примерно в 250 г. до н. э. камнеметатель Ктезибия действовал при помощи сжатого воздуха. Однако только в эпоху Возрождения начали изготавливать первые пневматические ружья. В своей записной книжке 1500—1510 гг. Леонардо да Винчи описывает устройство пневматического, или духового, ружья с медным поршнем в стволе, которое «стреляло с поразительной силой».

Как отмечает Фелдхаус, Ганс Лобзингер из Нюрнберга в 1550 г. передал на хранение магистратам города описание нескольких изобретений, среди которых было воздушное ружье. Хотя отдельные детали утрачены, сохранилась информация о самом факте передачи. В 1591 г. в «Чудесах природы» Дж.В. Порт приводит описание воздушного оружия, но его устройство трудно понять. Первые изображения пневматического ружья находим у Риво де Флюранса («Основы артиллерии», 1607). Полагают, что это ружье изготовил французский оружейник Марин де Буржуа, оно стреляло на расстояние до 400 ярдов.

Встречаются и образцы ружей, изготовленные до этого времени. Один из них, относящийся к концу XVI в., сегодня находится в Венском музее искусств. Пневматическое ружье специально сконструировано таким образом, чтобы походило на ружье с колесцовым замком. Оружие того же времени, хранящееся в Ливрусткаммере в Стокгольме, полностью покрыто бархатом, не позволяющим составить представление о находящемся под ним механизме.

В обоих типах отмеченных нами охотничьих ружей во внутренний цилиндр помещался поршень с пружиной, отводившийся назад при взведении курка. Благодаря давлению на пусковой крючок поршень освобождался и, двигаясь вперед, направлял сжатый воздух в ствол. Такая разновидность оружия известна как воздушное пружинное ружье. Его мощность была достаточно ограниченной.

Существовала и другая группа воздушных ружей, которые, очевидно, не развивались до начала XVII столетия, пуля в них выбрасывалась сжатым воздухом, находившим-

ся в резервуаре, спрятанном в прикладе. Перед стрельбой его нагнетали туда специальным насосом. Данный вид оружия оказался самым маломощным из всех воздушных ружей и в основном использовался для стрельбы внутри помещений. Поэтому мы не станем его рассматривать.

После изображения воздушного ружья не прекращались попытки, направленные на создание не просто игрушки, а механизма, способного заменить огнестрельные ружья. Изготовителю воздушных ружей удавалось добиться достаточной мощности, чтобы сделать свое изделие конкурентоспособным зарядам с порохом и более эффективным. Оно оказывалось практически бесшумным и не распугивало дичь.

Кроме того, в нем отсутствовал запальный фитиль и от него не появлялся дымок от запала, пугающий птиц и животных, на которых только нацеливался охотник. Замок не приходилось тщательно охранять от погодных условий, и практически не случались осечки. При выстреле не возникало ни облако дыма, ни расхождение по времени между наведением на цель и собственно выстрелом. Так что весь процесс стрельбы оказывался энергоемким, пользуясь современной технологией.

Хотя воздушное ружье и становилось по определению более дорогим ружьем, все же экономия на стоимости пороха вскоре нивелировала разницу в цене. Оставалось только разработать воздушное ружье, которое могло бы сжимать воздух более сильно, чем простое «пружинное ружье».

В течение всего XVI в. проводились многочисленные эксперименты, в частности, создали шарообразные резервуары и другие подходящие контейнеры для сжатого воздуха. К концу столетия количество, как говорится, перешло в качество: успешно проведенные эксперименты повлияли на решимость оружейников начать производить ружье с воздушным резервуаром, обладавшим определенной степенью надежности.

Скажем, ружье Марина де Буржуа 1607 г. имело резервуар в прикладе, куда нагнетался воздух. 13 марта 1625 г. английский путешественник, побывавший в Риме, описывает похожее ружье: «Вчера мне довелось познакомиться с новым изобретением, созданным одним инженером, уроженцем Урбино. Это аркебуза, или ружье, из которого стреляют не с

помощью запального фитиля, а под действием воздуха. Это оружие легко заряжается воздухом и стреляет прямо по курсу, затем можно надеть на него другой ствол и, зарядив пулей, выстрелить с помощью запала. Когда под рукой нет припасов, то стреляют воздухом.

Итак, речь идет именно о том, как можно стрелять воздухом. После того как воздух нагнетают внутрь приклада и затем резко выпускают через ствол, он проталкивает вперед пулю с такой силой, что она проникает практически через любую поверхность, причем весьма точно. Вчера мне довелось увидеть белку, сбитую таким образом с дерева, причем она находилась достаточно высоко.

Известны только три подобных изделия, и все предназначены для высоких лиц, два отправили в Испанию, а третье осталось у нас в стране. Сам приклад и все оружие в целом сделаны из бронзы общим весом в 4 фунта, длинной же оно примерно в 6 ладоней. Оружие настолько бесшумно, что во время стрельбы звери не распугиваются.

Если держать руку перед стволом, когда его разряжают и в нем не находится пуля, то ничего не почувствуешь, кроме дуновения ветра. Если зарядить ружье воздухом, оно сохранит свои свойства и из него можно стрелять в течение 24 часов. Но если сохранять воздух дольше, то он исчезнет через невидимые отверстия, и тогда стрельба из него будет сопровождаться большим шумом, кроме того, едва ли удастся выпустить более одной пули»¹.

В большинстве воздушных ружей XVII в., которые заряжались с помощью помпы, стрельба производилась из двух стволов, сначала из одного, потом из другого. Внутренняя трубка изготавливалась в виде цилиндра, пространство между частями использовалось для того, чтобы загнать туда воздух с помощью насоса, встроенного в приклад ружья.

Упомянем два первых воздушных ружья, сходных по конструкции, оба датируются 1644 г. и подписаны Гансом Коблером из Китзинга (рядом с Вюрцбургом в Германии), сегодня они хранятся в Ливрусткаммере в Стокгольме. Еще одно ружье данного типа, изготовленное Иоганном Коком

¹ Добавим к сказанному, что полностью изготовленное из меди ружье сегодня находится в Музее Питта Риверса в Оксфорде.

Рис. 127. Гравировка на прикладе пневматического ружья, изготовленного Иоганном Коком из Кельна, датируется 1654 г. Находящийся слева охотник накачивает воздух насосом, прикрепленным к нижней части приклада

из Кельна в 1654 г. и хранящееся в Скокlostере в Швеции, отличается любопытной охотничьей сценкой, выгравированной на замке.

Приведем описание этого рисунка. На задней стороне показаны охотники, нападающие на зверя с помощью копий, другой охотник занят тем, что наполняет свое воздушное ружье. Он держит его подняв вверх дуло, рукоятка насоса упирается в землю. Около ног охотника разместили двух зайцев и лисицу как подтверждение его охотничьей доблести (рис. 127).

Скорее всего, постоянный процесс усовершенствования воздушного ружья объяснялся тем, что его хотели использовать для охоты на птиц и небольших животных. Во второй половине века внешний вид ружья снова удалось улучшить. Если верить высказываниям Гая, то окажется, что

ему удалось познакомиться с воздушным ружьем, выстрелом из которого пробивалась дверь толщиной в два пальца, находившаяся на расстоянии 30 шагов.

Примерно в то же самое время усовершенствовали и механику воздушного ружья. В первых помповых ружьях воздух из резервуара выходил, когда нажимали на спусковой крючок и открывался клапан. В 1644 г. М. Мерсенн из Парижа приводит чертеж помпового ружья, в котором с помощью одного заряда сжатого воздуха оказывалось возможным произвести несколько выстрелов.

В английском переводе книги Мерсенна, опубликованной в 1648 г., Джон Уилкинсон указывает на мощность «этого искусного изобретения в виде воздушного ружья», а также говорит о том, как «с помощью свинцовой пули, выпущенной из одного из этих ружей в каменную стену на расстоянии в 24 шага от стреляющего, удалось пробить небольшую дырку». Правда, он выражает сомнение, что кому-то удастся «с помощью того же самого воздушного заряда выпустить несколько стрел или пуль одну за другой».

Однако в 1653—1655 гг. Джордж Фехр из Дрездена провел ряд опытов с ружьями и пистолетами, осуществив именно такую операцию. Вскоре многим удалось повторить то же самое. Любопытной особенностью ружей Фехра оказался спусковой крючок в виде львиной головы. Хранящееся в Историческом музее в Вене пневматическое ружье, изготовленное Леонардом Гинднером (Гюнтером), также имеет крючок в виде головы льва. В 1655 г. в памфлете, направленном против Оливера Кромвеля, сообщалось, что он «купил в Утрехте воздушное ружье, которое стреляет пулей на расстояние в 150 шагов, причем семь раз без остановки, заряжаясь только воздухом».

Насосное ружье со ствольным резервуаром продолжало пользоваться популярностью вплоть до XVIII в. В 1694 и 1702 гг. Джон Шоу, придворный оружейник Вильяма III, представил подробные счета за починку королевских охотничьих ружей. В них отмечались следующие моменты:

«За регулировку и починку духового ружья, давшего осечку, пайка ствола в нескольких местах — 10 ф.

Установка и починка духового ружья, изготовление поршней, постановка новой кожи и пайка ствола — 10 ф.».

На основании приведенных выше расценок легко догадаться, что основные сложности были связаны с тем, чтобы обеспечивать герметичность ствольных резервуаров. Самые качественные из всех ружей данного типа изготовлены Иоганном Готфридом Колбе, работавшим в Лондоне с 1730 по 1740 г. для Георга II. У них серебряный инкрустированный ствольный резервуар с насосом, спрятанным в украшенном серебром ореховом прикладе. Тому же самому оружейнику приписывают изобретение магазинного зарядного устройства.

Хотя одного воздушного заряда оказывалось достаточно для производства ряда выстрелов, все же оставалась проблема введения пули в ствол через дуло или через отверстие в казенной части. Добавление магазина позволяло быстро зарядить ствол, неожиданно превратив пневматическое ружье в явно смертоносное оружие.

В английских энциклопедиях появились чертежи магазинных пневматических ружей Колбе, правда, сохранилось только несколько экземпляров. Во всяком случае, более простое ружье с магазинной и порционной подачей удалось изобрести в 1779 г. австрийскому оружейнику Бартоломео Джирардони. Имя мастера также пишется как Джирардо, Жирардони.

У его ружья был съемный металлический приклад, действующий как воздушный резервуар, так что несколько запасных прикладов всегда держались наготове. Заряженные сжатым воздухом, они использовались по мере необходимости. Замковый механизм оказался точным и простым, шаровые пули содержались в трубчатом магазине, расположенном вдоль ствола, и подавались с помощью скользящего блока казенной части.

Заряжаясь с казенной части, ствол оказывался удобным для проделывания нарезов. Требовалось порядка 500—600 качаний ручной помпы, чтобы заполнить один резервуар, из которого обычно производились 30 эффективных выстрелов, соответственно 10 на 150 ярдов, 10 на 120 и 10 на 100 ярдов. По мере того как падало давление, радиус действия уменьшался.

Хотя пневматические ружья Джирардони оказались востребованными, прежде всего в быстродействовавших стрел-

ковых подразделениях австрийской армии, многие превосходные охотничьи ружья изготовили по тому же самому принципу такие мастера, как Контринер и Фрувирт из Вены и Штауденмейер из Лондона.

Изделия Джирардони имели определенные недостатки, прежде всего тяжелый громоздкий приклад в виде конуса. Поэтому для охотников, предпочитавших удобные деревянные приклады, разработали пневматическое ружье с воздушным резервуаром в форме железной или медной сферы, прикреплявшейся под стволом или сверху. Такая разновидность помпового ружья, скорее всего, появилась в Европе в начале XIX столетия. Обычно ссылаются на изобретение доктора Томаса Эллиса из Дублина, однако встречаются и более ранние образцы. Как правило, пневматическое ружье не оснащали магазином, потому что конструкция получалась слишком сложной. Впрочем, нельзя говорить о неудобствах, поскольку многие охотники предпочитали каждый раз заряжать стволы, проявленная осторожность позволяла добиваться большей точности и силы действия.

Пневматические ружья с шарами упоминаются в охотничьей книге 1779 г., где утверждается, что обычно требовалось 300 ходов поршня, чтобы заполнить шар сжатым воздухом, такого заряда оказывалось достаточно для производства 20—24 выстрелов. Для первых шести выстрелов хватало мощности, чтобы поразить оленя на расстоянии в 70 или 80 шагов. Стремясь изменить мощность и, следовательно, радиус действия, полагалось устроить клапан таким образом, чтобы больший объем воздуха проходил в ствол для каждого последующего выстрела.

Часто к ружью приделывали счетное устройство, чтобы охотник смог стрелять с меньшим напряжением. В 1905 г. воздушное ружье из коллекции замка Пфаффроде в Саксонии тщательно испытали на правительственном экспериментальном полигоне в Неймансвальде. Для этого во время отдельных выстрелов свинцовый 9,5-миллиметровый шар заворачивали в тонкую бумагу. Оказалось, что он пробивал доску толщиной 3 см на расстоянии 35 м. Тогда сделали вывод, что крупную дичь можно было убить на расстоянии вплоть до 100 шагов.

В XVII и XVIII вв. только состоятельные охотники могли позволить себе приобрести пневматическое ружье, не только из-за его высокой стоимости, но и благодаря законодательным ограничениям. Так, английские власти опасались, что они действуют слишком тихо, поэтому могли использоваться в подрывных целях, их запрещали время от времени или ограничивали продажу ружей определенным группам населения. Поэтому пневматические ружья достаточно долго продолжали оставаться не более чем любопытной новинкой.

В 1700 г. ландграф Карл Гессенский исследовал несколько пневматических ружей, изготовленных Дж.В. Гюнтером в Базеле. Согласно описаниям, из одного можно было стрелять на расстоянии в 400 шагов, второе, имевшее механизм для заряжания, производило 12 выстрелов на расстояние в 100 шагов. Сообщают, что Гюнтер потребовал 100 золотых пистолетов за последнюю новинку. Для того времени это считалось достаточно солидной суммой. Тогда ландграф удовлетворился покупкой хорошего простого ружья, производившего за один раз один выстрел.

Его преемник Людовик VIII Гессенский (1691—1768) оказался, возможно, самым яростным сторонником охоты с пневматическим ружьем. Его арсенал в Кранингштейне включал и двенадцать пневматических ружей, заряжавшихся с казенной части, имевших калибр в 13—14 мм (приблизительно 0,55 дюйма). Они в основном использовались при охоте на крупную дичь. В 1747 г. на его сумке с этими пневматическими ружьями появились 22 отметки о застреленных оленях, а в 1749 г. ему удалось убить более сотни диких кабанов.

Кроме того, Людовик VIII Гессенский являлся обладателем ряда гладкоствольных пневматических ружей калибра 9,7 мм (0,38 дюйма) для мелкой дичи и стрельбы по мишеням. Они относились к резервуарному типу, насос располагался в прикладе. Отмечаются также три других ружья, которые можно было использовать как пневматические или как обычные огнестрельные ружья, заряжавшиеся порохом.

Не менее яростным защитником пневматических ружей был английский полковник Томас Торнтон. Согласно

«Таймс» от 29 октября 1801 г., он показал себя более искусным охотником, представив коллегам из Северной Англии оружие, с помощью которого выиграл пари. Суть заключалась в следующем: Торнтон прославился тем, что за условное время с помощью пневматического ружья ему удалось убить больше дичи, чем другим охотникам из своих двуствольных ружей.

В 1802 г., во время путешествия по Франции, Торнтон демонстрировал свое пневматическое ружье на Версальской оружейной фабрике, где прострелил дырку в 1 дюйм в центре предоставленной ему мишени на расстоянии в 93 ярда. Из того же небольшого ружья Торнтон застрелил небольшого дикого кабана, попав ему прямо в сердце с дистанции примерно в 50 ярдов.

Сам он описывает, как стрелял в самца косули, когда охотился с гончими: «Пуля раздробила плечо, наткнувшись на кость, повернулась и вышла через кожу у шеи. Думаю, что мой поступок можно посчитать необычным, однако я однажды уже стрелял в оленя из того же самого ружья, в Торнвилле. Я выстрелил, когда олень собирался перепрыгнуть через изгородь, пуля вошла в область плеча как раз напротив сердца, повернулась в желудке между кожей и внутренностями и вышла снаружи у коленного сухожилия».

Возможно, именно Торнтон оказался одним из последних охотников, использовавших пневматические ружья только для охоты. Неясно, почему баллонные или ствольные резервуары постоянно разрывались, зависело ли это от качества изделий или превышения давления. В любом случае случившееся приводило к неприятным последствиям. В ряде случаев ошибался в подсчетах человек, некоторые баллоны требовали для полной зарядки 800 качаний и самовзрывались в случае «передозировки».

Рассказывая в «Современном стрелке» (Лондон, 1842) о том, что испытывали многие охотники, капитан Лейси сообщает следующее: «Однажды я приобрел пневматическое ружье, которое, как и большинство моих ружей, практически сразу же было пущено в оборот. Я привык днем отстреливать из него грачей и кроликов, по ночам гасить свечи на расстоянии в 20 ярдов, и оно отличалось точностью попадания. Сколько раз приходилось мне и моим пяти или

Рис. 128. Владелец пневматического ружья, использующий отдельный насос, чтобы зарядить свое ружье, одновременно его напарник стреляет в птиц, сидящих на дереве. Из книги Т. Дейе «Старый охотник» (1850)

шести приятелям по очереди качать воздух в эти баллоны, сделанные из железа, гораздо более опасные, чем те, что сделаны из бронзы, потому что при превышении давления железные баллоны разлетаются на куски, в то время как бронзовые начинают пропускать воздух около ниппеля, через который выходит воздух, хлюпая маслом, пока мы не падаем от усталости. К счастью, с нами не случилось ничего подобного.

После того как я владел ружьем в течение длительного времени и оно стало как бы частью меня самого, я получил сообщение, что близкий ко мне преданный слуга получил смертельную рану, наполняя один из этих медных шаров воздухом для ружья своего хозяина. Болт клапана вылетел как пуля и пробил тело бедняги. Короче, устрой-

NEW IMPROVED AIR GUN, FOR TARGET PRACTICE, AND SHOOTING SMALL GAME.

By far the best Gun made for the money.

Shoots Darts or slugs with force and accuracy, equal to the more expensive Air Guns made. It can be operated rapidly and with perfect ease. There is no pumping, pulling, or any tedious labor required to load it. The amount of compressed air is equal each time; consequently it shoots alike. A person practicing with it can become a DEAD SHOT! No Caps or Percussion used.

The material and workmanship are of the best. It is made ENTIRELY OF METAL, and so constructed that neither Rubber nor any perishable material is used or required to make it perfect, except the Stock, which is Black Walnut, handsomely finished.

It can also be instantly taken apart, for the convenience of carrying it in your trunk or valise, by simply unscrewing the front piece that holds the Barrel. Proprietors of Saloons and Shooting Galleries will find their profits greatly increased by the acquisition of one or more of these guns.

Each Gun is neatly boxed, with Six Patent Darts, Six Paper Targets, One Hundred Slugs, together with a Combined Claw and Wrench.

Рис. 129. Объявление о продаже пневматических ружей из Каталога 1876 г. Джеймса Боуна из Питсбурга. Пенсильвания

ство этих ружей, как бы научно они ни были разработаны, ненадежно, и, следовательно, даже самые тщательные меры безопасности не обеспечивают их безопасности.

Я тотчас навсегда распрощался с пневматическими ружьями и больше не использую их».

Уже в начале 1768 г. делались попытки использовать силу пороха для зарядки воздушного резервуара. В Турине М. Марти изготовил ружье, где сжатый воздух получался путем взрыва 2 унций пороха в бронзовом цилиндре. Как сообщали с

помощью полученного таким образом заряда воздуха, из ружья производилось до 18 выстрелов на 60 шагов.

Правда, к середине XIX в. воздушное оружие предназначали для выполнения только легкой работы. Как только рынки Америки и Европы начали заполнять дешевые пружинные ружья, изготовленные из белой жести, называвшиеся «ромашками», «глобусом», «бесподобными», воздушное ружье с резервуаром перестают использовать. Только отдельные личности продолжают считать его серьезным оружием.

Во времена Виктории и Эдуарда получает распространение прогулочная трость, являющаяся одновременно и воздушным ружьем. Обычно такие воздушные трубки снабжались помпой, упором для ног, формой для пули и другими мелкими аксессуарами. Изготовители предлагали сменные приклады, различные по форме, нарезные или гладкие стволы. Разнообразное оружие поставлялось вместе с гарпунами, так что охотник мог выстрелить в двигающуюся мишень, например рыбу, и, если ему повезло, вытащить добычу на берег.

В опубликованном в 1850 г. памфлете Е.М. Рейли дает следующий совет будущему охотнику по поводу его экипировки: «Гарпуны с перьями и прочными ободками, не более 60-го калибра по 9 шиллингов за дюжину.

Шипы различной формы от 6 шиллингов за дюжину.

Гарпуны большого размера разные, в том числе с шипами на концах, по разумной цене.

Не рекомендуется заказывать много шипов или стальных наконечников любого рода для гарпунов. Скорость, с которой они двигаются, при ударе о твердую поверхность, например дерево, часто расщепляет его на куски, хотя сам шип и не повреждается. Поэтому четырех шипов (разветвленных, по 1 шиллингу каждый) вполне достаточно для десяти гарпунов».

В 1936 г. итальянский механик Антонио Норди разработал воздушное ружье, которое могло стрелять небольшими гарпунами.

Глава 7

СМЕШАННЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ

ЛАССО И БОЛА

Еще в доисторические времена охотники начали использовать веревку или затягивающиеся петли. Установленные или подвешенные на пути следования диких животных, прикрепленные к концу длинной удочки для дичи или даже для рыбы, подобные приспособления оказывались самыми дешевыми и простыми устройствами для охоты.

Стремясь обеспечить подвижность и увеличить длину петли, изобрели лассо. По форме оно представляет собой веревку с петлей на конце, его обычно бросали верховые. Один из первых примеров использования лассо выгравирован на египетской «Охотничьей дощечке» примерно 3500 г. до н. э., сегодня хранящейся в Британском музее. На ассирийских барельефах из Нимруда видны сценки поимки онагров. На римской мозаике из Утики до нас дошли изображения конного охотника, зааркавившего оленя.

Многочисленные гравированные и нарисованные изображения, расположенные на стенах, встречаются в этруском погребении, известном как «Пещера с рельефами». Среди них и свернутая в клубок веревка, и веревка с петлей, которую можно определить как лассо. В Чертомлыке обнаружили тисненные на сицилийской амфоре фигурки местных жителей, останавливающих лошадей с помощью лассо.

Об эффективности лассо свидетельствует тот факт, что время от времени их успешно применяли и как боевое оружие. Так, Ксенофонт в описании армии Ксеркса при Дорискусе пишет: «Сагарты, кочевой народ, по происхождению и языку персидский. Они носят одежды, представ-

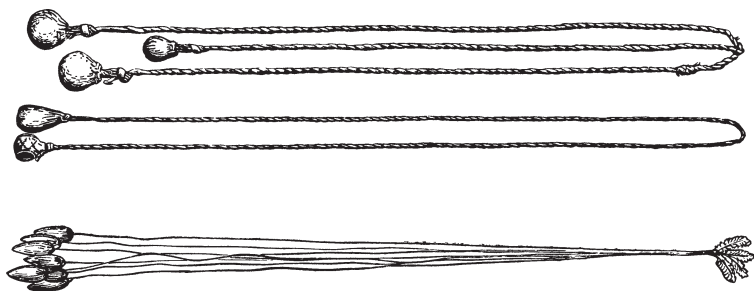

Рис. 130. Наверху: покрытые кожей шары (бола) из Южной Америки. Внизу: эскимосские птичьи бола, изготовленные из кости

ляющие собой нечто среднее между персидской и парфянской модой. Они обучили порядка восьми тысяч лошадей, но еще не приспособились носить оружие из бронзы или железа и используют только кинжалы, а также применяют веревки из переплетенных ремней, настолько доверяя им, что используют их и во время военных действий. Обычно эти люди сражаются следующим образом: когда они встречаются с врагом, то бросают свои веревки, имеющие петли на концах, и когда захватывают кого-либо, не важно, человек это или животное, то подтаскивают их к себе. Они настолько запутываются в веревках, что погибают».

Одним из «пяти прекрасных орудий войны», перечисляемых в сингалезском эпосе Махавансо, оказывается веревка с петлей, проходившая через металлическое кольцо, называемое нарачиана.

Хотя во многих источниках говорится об использовании лассо во время войны, первоначально оно предназначалось для охоты и именно в таком качестве использовалось почти во всех странах мира. Так, скандинавские и лапландские охотники доверяли ему, когда нужно было поймать северного оленя и медведя. Известно, что с помощью лассо охотились и на кутуара, в Непале тяжелые лассо применялись и для ловли слонов. Но именно в прериях Северной и Южной Америки лассо приобрело необычайную популярность благодаря подвигам ковбоев и гаучо, и сегодня оно используется для контролирования состояния стад скота и табунов.

Американское лассо состоит из прочной кожаной веревки 40—65 футов длиной, один конец которой заканчивался кольцом, обычно металлическим, с петлей вокруг него. Материалом служили прочное волокно юкки и конский волос. Сам процесс ловли выглядел очень просто. Охотник делал из веревки петлю длиной примерно в 5—8 футов. Удерживая ее в правой руке, он быстро вращал ее вокруг своей головы и затем бросал на расстояние в 20—25 ярдов так, чтобы петля обернулась вокруг какой-либо части животного — шеи, рогов или ног, затем он обездвиживал животное, собираясь пленить или убить его.

Собственно методика бросания лассо варьировалась, один из способов назывался «невод для загона», тогда «невод» прицеплялся сзади и затем выбрасывался вперед из-под руки. Удивляет та точность, с которой «невод» достигал заданного места, ведь всадник продолжал скакать во весь опор. Сохранились данные, что искусные исполнители на ходу могли обездвижить горных львов и даже медведей.

Однако далеко не все овладевали искусством бросания лассо, поэтому лассо не использовали повсеместно. В похожих обстоятельствах скорее применяли не менее эффективное оружие, обладавшее большим радиусом действия и называвшееся бола (bolas — шарики или шары). Интересно, что его использование ограничилось одной частью света — Южной Америкой. Бола изготавливались тремя разными способами, все зависело от количества шаров: первый вид представлял один шар на отдельном ремне, другая разновидность выглядела как два или три шара, прикрепленные к веревкам с соединенными вместе концами. Изготовленные из сложенной или переплетенной кожи изделия имели длину от 3 до 5 футов, изготовленные из железа, дерева или камня и обернутые кожей шары весили от 1 до 1,5 фунта. Один бола был известен как бола, несущий смерть, двойная форма — как *somai*, утроенный — как бола убивающий (рис. 130).

Чарлз Дарвин описывает методику бросания бола следующим образом: «В руке гаучо держит самый маленький из трех [шаров], закручивая два других вокруг головы, затем, выбрав цель, посылает их вращающейся цепочкой. Шары быстро долетают до цели и, обернувшись вокруг нее, находят друг на друга, таким образом прочно сцеп-

Рис. 131. Охота на диких лам и нанду с помощью бола в Парагвае.
По Бергеру

ляясь. В зависимости от избранной цели меняются величина и вес шаров, когда они делаются из камня, то по величине не превышают яблока, их бросают с такой силой, что они могут даже перебить ногу лошади. В ряде случаев шары изготавливают из железа, тогда их можно запустить на большее расстояние. Основная сложность в использовании состоит в том, что и лассо, и шары приме-

няются во время галопа на полной скорости, и нужно неожиданно повернуться, четко раскрутить их вокруг головы и направить в цель. Правда, пеший легко учится этому искусству».

Другая методика состояла в том, чтобы схватить ремни в месте соединения и закрутить все три шара вместе. В результате создавался заряд приблизительно 8 футов в диаметре, способный опутать и покалечить, а не убить наповал. Похожее по деталям описание приводит Джордж Гатлин в книге «Жизнь среди индейцев» (Лондон, 1861), где заявляет, что каждое ответвление шара могло достигать 8—10 футов в длину. Рисунки автора приводятся и в «Каталоге, описании и инструкциях» Гатлина, «Индийских рисунках» (Нью-Йорк, 1871).

Радиус действия также оказывался разным и варьировался от 30 до 60 ярдов, если они бросались пешими охотниками, и 80—100 ярдов для всадника. Такое оружие оказывалось особенно удобным для быстрого гаучо и широко применялось на всех скалистых землях Патагонии (рис. 131).

Чтобы поймать птиц за крыло, эскимосы использовали похожее, но более легкое оружие. Снаряд для охоты на птиц состоял из четырех—десяти шаров из бивней или кости, прикрепленных к веревкам длиной в 24—30 футов, концы которых соединялись вместе в короткой рукоятке из травы или перьев. Веревки изготавливались из сухожилий или кишок тюленя. Сами грузы, чаще всего сферической или эллиптической формы, выделялись из бивней моржа. Они свободно переносились на шее, обвязываясь вокруг нее, и быстро раскручивались при виде стаи птиц. Рассказывают, что оружие оказывалось эффективным в радиусе примерно 30—60 ярдов. В Пойнт-Барроу (США) шары называли калауитаутин.

ПРАЩА

По мнению большинства исследователей, праща является древнейшей разновидностью охотничьего оружия. В Библии (1 Цар., 7: 40) представлен классический пример обращения Давида с пращой. Впрочем, его искусство нельзя

признать нетипичным, поскольку в Книге судей говорится, что «из всего народа сего было семьсот человек отборных, которые были левши, и все сии, бросая из пращей камни в волос, не бросали мимо» (Суд., 20: 16).

Праща была известна во всех странах Древнего мира, где ее использовали и как военное, и как охотничье оружие. Как отмечает Плиний, ее придумали финикийцы, однако Вергилий приписывает ее авторство жителям Баlearских островов. Действительно, эти острова получили название от греческого слова «метать», так как жители этих островов считались искусными пращниками и пользовались благодаря этому большим почетом как в войсках Аннибала, так и позднее в римской армии.

Как римляне, так и греки смогли пойти дальше и усовершенствовали пращу, бросая из нее свинцовые пули, увеличив тем самым радиус действия своего оружия. По форме они представляли собой желудь или овал, имели подходящие к случаю надписи, например «Убей его». Более подробно о деталях классических пращей и пуль можно прочитать в книге У. Хокинса «Наблюдения об использовании пращи» (1847).

Мы же отметим, что встречались два основных типа пращи. Первый состоял из полоски какого-то гибкого материала, где примерно в середине устраивался «карман». Два конца пращи удерживались в руке, сама она раскручивалась и вращалась вокруг головы. В нужный момент один конец отпускался, мешочек раскрывался и камень устремлялся к цели.

В коллекции Флиндерса Петри, хранящейся в Университетском колледже в Лондоне, находится египетская праща примерно 800 г. до н. э., она изготовлена из шерстяных и сплетенных полосок, в центре находится карман в виде ромба. На одном конце веревки имеется петля, соответствующая размеру пальца и позволяющая осуществить бросок. При современной реконструкции и имитации действия этой пращи удавалось бросить камень на расстояние от 50 до 100 ярдов. Иногда полоску ткани заменяли двумя веревками, в которых также делался карман, он устраивался таким образом, чтобы в него можно было поместить пулю и затем выпустить ее указанным способом.

Рис. 132. Саксонский прашник, нападающий на птиц

Отмеченная нами группа пращей оказалась самой распространенной. Примеры можно найти в стародавние времена, на египетских резных фигурках, помпейских и этруских фресках, таких, в частности, как «Гробница охотника и рыбака», находящаяся в этруском некрополе в Тарквинии.

По иллюстрациям в англосаксонских рукописях можно восстановить достаточно четкую картину действия пращей. В качестве примера приведем картинку VIII в. из Британского музея (рис. 132), на которой изображен охотник, удерживающий пращу после броска за кольцо, надетое на средний палец, точно так же, как это делали когда-то древнеегипетские охотники.

Похожий отпускной механизм изображен на бордюре гобелена из Байе. В одной из первых рукописей, относящихся к XIII в., показана праща, свернутая так, чтобы ее можно было легко отпустить. Интересно и изображение в лютеровской Псалтыри примерно 1340 г., где показан охотник, нападающий на птиц, летящих над пашней. Рисунок интересен тем, что на нем видно, что запас камней охотник хранил в складке своего платья.

Во вторую группу входят римские фустибалы и англосаксонские стафлидеры, в которых метание производилось с помощью палки или дубинки. Вегеций также описывает посох длиной в 4 фута с прикрепленной к нему кожаной пращей. У данной разновидности одна веревка обычной ручной пращи прикреплялась к концу палки, другая веревка делалась достаточно длинной, чтобы удерживать за нижнюю часть палки. Таким образом обеспечивалась дополнительная длина, увеличивался радиус вращения и придавалась большая скорость пуле.

На военной службе, скорее всего, использовалась другая разновидность пращи с палкой, она состояла из прочной палки с сумкой, надежно скрепленной с палкой, с одного конца ее свисала веревка длиной в несколько дюймов. Другая веревка снабжалась кольцом, которое при раскручивании пращи соскальзывало с конца палки. Вставив в сумку шар, двумя руками удерживали палку и раскручивали ее над головой, как будто собираясь вбить молотком деревяшку. В определенный момент кольцо соскакивало, сумка раскрывалась и камень устремлялся вперед. Подобный принцип действия показан в рукописи XIII в. Мэтью Парижского из библиотеки колледжа Тела Христова. Отметим также, что Леонардо да Винчи оставил записи и рисунки различных механизмов пращи, включая и ту, что с дубинкой.

Популярность пращи сказалась в том, что она сохранилась вплоть до настоящего времени, о чем свидетельствуют недавние находки на многих островах Атлантического океана. В 1878 г. оказавшийся в Новой Британии путешественник сообщал, что видел, как местный охотник с помощью пращи сбил птицу с дерева на расстоянии примерно в 100 ярдов.

Традиционно праща состояла из двух веревок длиной примерно в 2,5 фута, удерживающая камень веревка имела также небольшую пуговицу из кусочка раковины, которая мешала ей соскользнуть с пальца. Скользящая веревка заканчивалась конусообразным концом, который при освобождении издавал такой же резкий звук, как и хлопающий хлыст.

Рассказывают, что в конце XIX в. пращу продолжали использовать в разных частях американского континента и

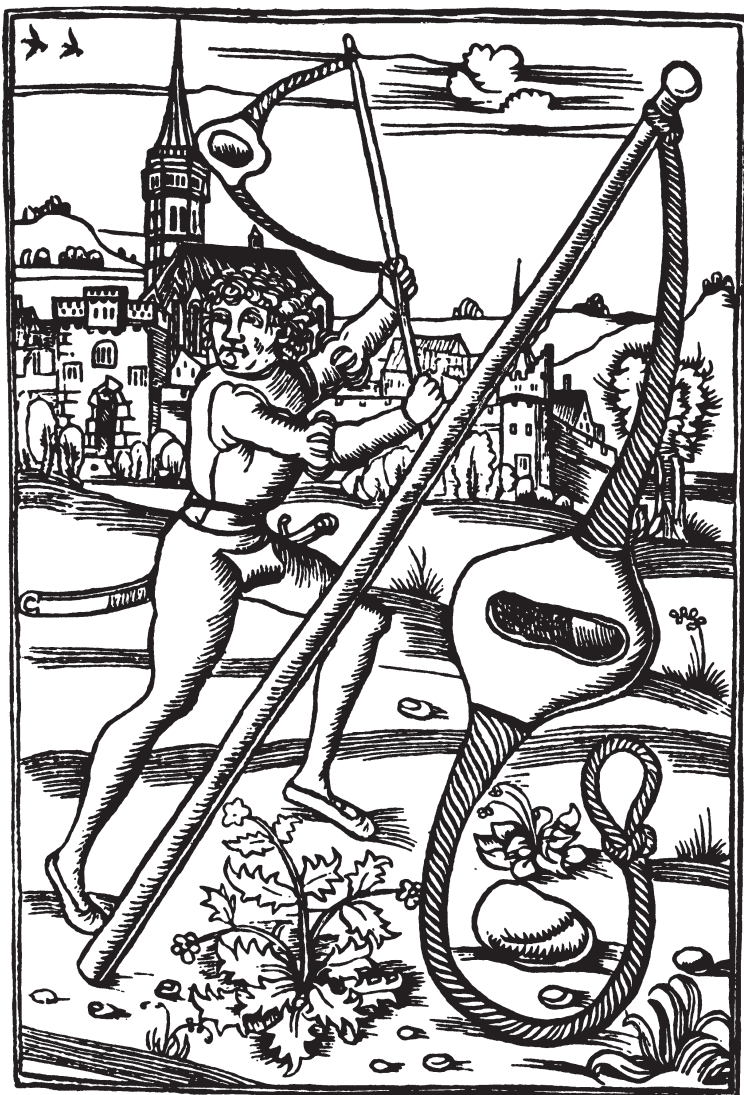

Рис. 133. Праща. Из книги Вегеция «Военное искусство» (1523)

пастухи из Южной Америки настолько овладели искусством метания, что могли поразить любую часть рога быка, подчинив его таким образом. Скорее всего, методика практиковалась повсеместно.

Линдблом приводит несколько случаев подобных действий, которые он наблюдал на Минорке (с быками), в Северной Африке (с овцами и козами) и на Тибете (с яками). Рифианские пастухи могли выпустить камень на расстояние примерно в 200 м. Арабские бедуины были настолько уверены в своем искусстве, что с помощью пращи нападали на льва с дальнего расстояния, стреляя со спины лошади, искусно уклоняясь с пути разъяренного животного, пока удачным попаданием в голову не добивали его. Как отмечает тот же автор, сегодня в основном в Африке праща используется, чтобы отпугивать птиц и не давать им расклеивать урожай.

Пращу продолжают использовать и на Цейлоне, чтобы отваживать от посевов огромных мародеров — слонов и буйволов. Здесь она известна как гал патийя (каменная полоска) или гахи ланува (охотничья полоска), изготавливавшаяся из переплетенной коры или волокна длиной примерно в 3 фута. Во время тренировок удавалось раскрутить пращу таким образом, что камень пролетал 300 ярдов. Полагают, что на самые большие расстояния метали тибетцы, использовавшие пращу как кнут.

МЕТАТЕЛЬНЫЕ ПАЛКИ, ДУБИНКИ И БУМЕРАНГИ

Мастерство изготовления метательных снарядов уходит в далекую древность. В «Энциклопедии» епископа Исихора (600—636 гг.) катейя определяется как «дубинка, которая при броске летит на близкое расстояние из-за своего веса, но при прикосновении мгновенно пробивает, брошенная искусной рукой возвращается тому, кто ее бросил».

Вергилий (70—19 до н. э.) замечает по поводу методики бросания тевтонцев:

Те, на кого с высоты плодоносные смотрят Абеллы,
Все на тевтонский лад бросают кельтские копья.

(Энеида, глава 7, стих 740)

Рис. 134. Бросание палок в горных кроликов кафрскими охотниками. Из книги Дж.Г. Вуда «Человек и его деятельность» (1886)

Наблюдается определенная эволюция метательных орудий. Бросание палки или камня было примитивной формой нападения, в библейские времена оно превратилось в форму наказания, в армиях стало общепринятым военным упражнением и затем сохранилось как разновидность охоты в Европе. В Средние века бросание камней и дротиков превратилось в воскресное развлечение лондонцев и оказалось настолько популярным, что запрещалось во времена Эдуарда III, потому что мешало упражняться в стрельбе из луков.

Однако вплоть до XVIII в. бросание палки или камней в мишень продолжало оставаться популярной масленичной забавой. Она была известна как *squailing* и никогда не

Рис. 135. Древнеегипетский охотник, охотящийся на птиц с помощью изогнутой палки. Фрагмент рисунка из гробницы в Фивах, ок. 1400 г. до н. э.

теряла своей привлекательности для не столь утонченных охотников. 30 ноября 1881 г. «Дейли телеграф» сообщала: «Теперь, когда деревья оголились и листья опали, бездельники в провинциальных городках дружно вооружились дротиками, остроумным приспособлением, состоящим из короткой палки из гибкого тростника и свинцового набалдашника, чтобы гонять безобидную маленькую белку от дерева к дереву и затем укладывать жертву к ногам после удачного выстрела».

Среди племен Африки, Австралии и островов Тихого океана деревянная дубинка или палка, использовавшаяся как метательный снаряд, продолжала считаться вплоть до первой четверти XX столетия как значимым орудием войны, так и эффективным охотничьим оружием.

Деревянные метательные снаряды существовали двух типов: в виде прямых разнообразных палок, обычно с набалдашником с одного конца. Они бросались крутящим движением и должны были оглушить или убить животное. В случае промаха изогнутые палки соответствующей формы возвращались к бросающему.

Прямые палки варьировались по длине, составлявшей от 3 футов и более, длинные варианты использовались некоторыми племенами Западной Африки, чтобы ломать конечности животных на расстоянии всего в несколько шагов. Таковыми были и устрашающие уласы народов Фиджи, составляющие 18 дюймов в длину и имевшие тяжелые шарообразные головки.

Самыми распространенными из бросательных дубинок оказались африканские рунга длиной примерно 2 фута, изготовленные из дерева с узкой, похожей на удочку рукояткой. Некоторые особенно ценимые образцы делались из рога носорога. Как орудие охоты они бросались с невероятной силой и точностью. Особенно эффективно кафры применяли их против даманов, или горных кроликов (рис. 134), и птиц паув, похожих на перепелов.

В обоих случаях методика охоты оказывалась одинаковой: два охотника двигались на расстоянии в 50 ярдов. Когда они выгоняли кролика или птицу, то кидали свои палки таким образом, чтобы добыча, увернувшись от одной дубинки, поражалась другой.

БУМЕРАНГИ

Если быть до конца точным, окажется, что понятие «бумеранг» относится только к изогнутым деревянным метательным палкам австралийцев, но сегодня оно используется для обозначения любого изогнутого метательного орудия, плоского в сечении, использующегося как для войны, так и

для охоты. Далеко не всегда такое оружие обладало способностью возвращаться к тому, кто его бросал.

Действие настоящего бумеранга заключается в следующем: чтобы бумеранг вернулся, его надо запустить наподобие игрушечного пропеллера. Затем, если сила движения гаснет, а деревянное лезвие достаточно быстро вращается, оно движется обратно по воздуху, иногда даже падая за метателем. Чтобы достичь такого результата, бумеранг бросают сильным резким движением, придавая ему нужное вращательное движение. Правда, в этом случае не заботятся о точности и силе броска.

Конечно, бумеранг, обладающий способностью возвращаться, обычно используется для охоты на птиц или для демонстрации возможностей оружия. Интересно, что для создания идеального средства не нужна какая-либо определенная форма, его качества не зависят ни от веса, ни от величины, имеет значение только личный вкус владельца.

Правда, отмечают некоторые общие параметры. Так, приблизительный вес варьируется от 6 до 12 фунтов, в длину бумеранги бывают 16—30 дюймов, в ширину двух—четырех. Самые лучшие из возвращающихся редко достигают 1,5 дюйма в толщину. Такие легкие бумеранги бросают на расстояние до 50 ярдов. Более тяжелые загнутые палки не имеют никаких шансов на возвращение, возможно, они предназначались для того, чтобы только перебить конечности животных. Полагают, что они долетали на расстояние в 150 ярдов.

Конечно, бумеранги использовались не только в Австралии. На египетской «Охотничьей дощечке» примерно 3500 г. до н. э., хранящейся в Британском музее, изображен охотник, несущий орудие, весьма напоминающее бумеранг. Фактографические примеры сохранились также в гробницах Бадари (Египет), датирующихся примерно 4000 г. до н. э. В скульптуре и рисунках более позднего времени отмечается разнообразие палок, использовавшихся и как боевое оружие. Обычно на рисунках изображается птицелов, держащий в руках бумеранг, стоящий в плоскодонном яльнике среди камышей в гуще диких птиц, расположившись на удобном расстоянии. Часто охотник использует нечто вроде утки-приманки.

Традиционно египетский бумеранг слегка изгибался, иногда в виде деликатного завитка буквы S. Среди бумерангов, обнаруженных в гробнице Тутанхамона, примерно 1350 г. до н. э., есть несколько изогнутых под прямым углом. Такая разновидность бумеранга, называвшаяся тромбаш, используется и в наши дни в Эфиопии и в районе Верхнего Нила, они закруглены с одного конца. Во многих районах Индии используют как деревянные, так и железные бумеранги. И снова речь идет о том, что их форма и величина существенно разнятся.

В Мадрасе изготавливалась необычная разновидность, называемая катарри. У нее тонкое плоское закругленное лезвие, заканчивающееся тяжелым набалдашником. Астара встречается повсеместно в Южной Индии и используется для охоты на оленей. Другая разновидность, называвшаяся валаи (изогнутая палка), иногда даже возвращалась.

Итак, разнообразие бумерангов трудно поддается исчислению, но последний тип следует упомянуть, настолько он необычен внешне. Как видно по контуру, палка предназначалась для охоты на кроликов и использовалась индийцами племени хоппи из Северной Америки.

ДУХОВЫЕ ТРУБКИ

Эффективность всех типов оружия, описанных нами выше, зависела исключительно от силы и быстроты рук охотника, а также от остроты его зрения. Иначе обстоит дело с духовыми трубками. Они заслуживают внимания, потому что их эффективность зависит от силы и специальных навыков, в частности умения человека управлять своими легкими и горлом.

В остальном оружие работает по тому же принципу, как и игрушечное оружие из стручка бобовых, только в данном случае упругость сжатого воздуха способствует приданию снаряду прямолинейного движения, вызывающего смертельный исход.

Возникновение такого оружия часто связывают с первобытными культурами, однако в Европе духовые трубки получили распространение в Средние века. Во французской

рукописи примерно 1320 г., хранящейся в Британском музее, изображено изделие, напоминающее духовое ружье, направленное на кролика. Такое же оружие находим и в рукописном трактате, посвященном сельской экономике, он написан Пьетро де Креченци (сегодня хранится в библиотеке арсенала в Париже). Фактически перед нами копия, выполненная примерно в 1470 г. по настоящей рукописи, написанной примерно в 1304—1306 гг.

В другой рукописи XV в. французского происхождения, хранящейся в Библиотеке Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, имеется иллюстрация, на которой изображены рыбаки с сетями и удочками, с копьями для охоты на кабанов, арбалетами и духовыми трубками. Охотники несут арбалеты и трубки, нацеливая их на птиц, сидящих на дереве.

Интересную отсылку, свидетельствующую о реактивном действии духовых ружей, находим в «Автобиографии» Бенвенуто Челлини. Вот как он описывает грозу с градом 1844 г.: «Эти градины оказались больше, чем камушки от духовой трубки, и когда они попали в меня, то я ощутил силу их удара. Понемногу град становился все больше и больше, так что стал напоминать уже пули от арбалета». Заметим, что в некоторых переводах «Автобиографии» итальянское слово *serbottana*, которым обозначались духовые трубки, часто неправильно переводится как «пневматическое ружье».

Среди огромного разнообразия известных в Европе метательных орудий духовые трубки занимали весьма скромное место, они продолжали изготавливаться в небольших количествах для отдельных любителей, питавших страсть к подобным диковинкам. В Историческом музее в Дрездене находятся несколько железных духовых трубок, напоминающих ствол испанского ружья, с медным мундштуком и мушкой. Всего они примерно в 5 футов длиной и дополняются сплюснутыми формами для пули, позволявшими выделывать глиняные шарики калибром примерно 50 дюймов (13 мм).

Во второй половине XIX в. в Британии, когда в моду начинает входить прогулочная трость, начали изготавливать множество подходящих к ней аксессуаров, вставляя в трости часы, флажки для питья, пищевые принадлежности, кинжалы. Не обошлось, конечно, и без ружей. Некоторые трости специально делались полыми, способствуя применению их

как духовых трубок. В 1867 г. в «Земле и воде» приводится цитируемое ниже объявление, оно позволяет составить четкое представление о предлагаемом оружии:

«ПРОГУЛОЧНАЯ ТРОСТЬ В ВИДЕ ДУХОВОЙ ТРУБКИ

Э. Ланг с Кокспур-стрит (дом 22), что в Лондоне, просит обратить внимание на сделанные им последние улучшения в уже используемых оружии и снарядах. Недавно он получил весьма ценное описание этого оружия, используемого индейцами макуши от прославленного путешественника мистера Ватертонна.

Узнав об этом оружии, Э. Ланг внес свои собственные дополнения и теперь предлагает очень мощное и точное оружие для уничтожения хищников, отстреливания птиц. Кроме всех прочих достоинств, оно существенно уменьшилось в длине, став весьма притягательным для развлечения на природе дамам и господам.

Стоимость трубок от 10 шиллингов и выше, дарты идут по 4 шиллинга за дюжину, шары 1 шиллинг за сотню, формы по 2 шиллинга 6 пенни, мишени по 2 шиллинга.

У. Джексон, производитель оригинальных духовых трубок (вместе с покойным Т. Купером с Нью-Бонд-стрит), сегодня находящийся в доме 37 по Брюэр-стрит, изготавливает в настоящее время усовершенствованные изделия по цене в 7 шиллингов. А также превосходные экземпляры из эбенового дерева и трости из ротанга по 19 шиллингов, 6 пенсов 12 шиллингов и 6 пенсов соответственно.

Как сказано в «Поле» от 5 мая и 28 июля, духовые трубки признаны лучшим оружием для охоты на небольших птиц. Джексон предпочитал улучшенные дарты, жесткие и не поддающиеся влиянию сырости, из них можно стрелять на расстояние в 50 ярдов, убивая грачей, голубей, кроликов и тому подобных объектов, они стоят по 4 шиллинга за дюжину. Шары по 1 шиллингу за сотню, шаблоны по 2 шиллинга 6 пенсов, мишени по 2 шиллинга.

С мишенью и дартами вы сможете прекрасно развлекаться на свежем воздухе. Все заказы исполняются мгновенно. Джексон торгует только сам, без посредников. Опасайтесь подделок».

Используя духовые трубки, во время Второй мировой войны американцам удавалось убивать зайцев в радиусе 60 ярдов.

Кроме Европы применение духовых трубок в основном ограничивалось двумя большими территориями, расположенными по обеим сторонам Атлантического океана. Азиатский регион простирался вокруг Малайского полуострова и архипелага вплоть до Борнео и Новой Гвинеи, доходя даже до Японии. Другая территория располагалась в Южной Америке, сконцентрировавшись в Гвиане, Бразилии и Эквадоре. Отсюда оружие распространилось в Мексику и далее к индейцам чероки, проживавшим в юго-восточных районах США.

Хотя все эти территории разделены океаном, отмечается явное соответствие между различными типами духовых трубок, обнаруженных в этих районах, что позволяет говорить об их общем происхождении. Плававший с Магелланом в 1521 г. Антонио Пигафетта сообщал, что на Филиппинских островах видел духовые трубки, оснащенные головками как у копья. В своем описании обзорного типа, посвященном индейцам дживаро из верховий Амазонки, В.М. Стирлинг высказал предположение, что духовые трубки могли ввезти в Южную Америку пленные филиппинские островитяне, бежавшие с испанских галеонов, следовавших через Атлантический океан. Духовые трубки также обнаружены и на Мадагаскаре, лежащем на старинном торговом пути.

Все трубки, встречающиеся в разных местах, можно разделить на три группы в соответствии с особенностями их конструкции: а) высверленные из одного куска дерева или бамбука; б) изготовленные из двух продольных секций, в каждой вырезан желобок, так что, соединяясь вместе, они и образуют трубку; в) образованные двумя полыми камышинками или тростинками, одна из них вставляется в другую.

К первой группе относили баласан с Сумартры, кахук с Тимора, тулуп с Явы, пеот и симпитан с Борнео. Все они имеют одну и ту же конструкцию: вырезаны из прочного куска дерева или тростника, однако значительно отличались по величине и деталям. Тулуп представлял собой легкую духовую трубку примерно 5 футов длиной, иногда его делали из двух кусков бамбука, соединенных вместе. Самым известным

из группы является пеот с Борнео, который напоминал тяжелое оружие от 6 до 8 футов длиной с прикрепленным к нему лезвием, так что в случае необходимости его можно было использовать и как копье (рис. 136). Его вырезали из куска тяжелого дерева яганг, сам процесс высверливания происходил следующим образом: «Выбрав и срубив дерево, часто очень большое, мастера расщепляли его на куски примерно 8 футов в длину. Такие куски гладко обтесывались до тех пор, пока они не становились почти цилиндрической формы, составляя от 3 до 4 дюймов в диаметре. Затем куски переносились домой, где над ними работали в свободные часы или сверлили их. На расстоянии примерно в 7 футов от земли сооружалась платформа, приготовленная «пушка» крепилась вертикально, вытягиваясь вдоль платформы, нижний конец покоился на земле. Верхний конец привязывался к платформе, нижний к паре прочных шестов, связанных вертикально с деревьями, средняя часть похожим образом прикреплялась к другой паре шестов.

Следующая операция заключалась в просверливании дерева, она осуществлялась с помощью прямой железной палки длиной примерно в 9 футов и чуть меньшего диаметра, чем отверстие в трубке, один конец затачивался наподобие долота и заострялся. Происходило все следующим образом: один человек стоял на платформе, удерживая железную палку вертикально над концом дерева, и направлял ее заостренный конец вниз, к центру плоской поверхности. Поднимая палку двумя руками, он повторял свои удары снова и снова, при этом слегка поворачивая ее при каждом ударе.

Чтобы удерживать палку строго вертикально, использовались две или три вилообразные палки, укрепленные горизонтально на различных уровнях сверху и снизу в подставках с раздвоенным концом. Вскоре палка начинала углубляться в дерево. Стоявший на корточках на платформе помощник с полным ведром воды наливал воду в дыру после каждого второго или третьего удара, таким образом заставляя стружку всплывать. Вся операция монотонно происходила в течение примерно шести часов, завершаясь просверливанием отверстия.

При просверливании нижняя часть направлялась мастером таким образом, чтобы получался небольшой изгиб

трубки путем легкого нагибания шеста и связывания его в согнутом положении. Когда шест отпускали, он выпрямлялся и получался необходимый изгиб отверстия.

Оставалось только обточить поверхность, образовав гладкий цилиндр, слегка сужавшийся в сторону дула, а затем отполировать трубку изнутри и снаружи, прикрепить лезвие копья к дульному концу полосками ротанга и закрепить небольшой деревянный прицел на дульной части против лезвия копья».

У законченного оружия получался калибр примерно в 0,5 дюйма, а наружный диаметр превышал 1 дюйм. Использовались дарты размером с иглу для шитья, их длина варьировалась от 6 до 9 дюймов в длину и от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{16}$ дюйма в диаметре. К основанию прикреплялся мягкий шарик, точно соответствующий калибру трубки. Оказываясь необычайно легкими, дарты имели небольшую проникающую способность и почти не причиняли вреда. Их смертоносное действие основывалось на силе яда, который приготавливался из сока дерева ипох или из корней лианы стрихины (*Strychnos tiente*), смешанных с другими отвратительными компонентами.

Ради безопасности стрелка дарты переносились в бамбуковом колчане с плотно закрывающейся крышкой. Во время испытаний их проникающей способности ведущие охотники Борнео попадали шестью стрелами из десяти с расстояния 50 шагов. Они утверждали, что если точно подобрать вес и размер дarta и тщательно смазать его ядом, то им можно убить и носорога.

Вторая группа, иногда встречающаяся на Малайском полуострове, представлена тяжелой зарабатаной, известной у индейских племен Гвианы и Перу, примерно 7 футов в длину и весом 3—4 фунта. Во всех имеющихся в нашем распоряжении экземплярах пальмовый или камышовый стержень расщеплен в продольном направлении, сердцевина вырезана в форме желобка, затем две половинки сложены вместе и обвязаны растительными волокнами. Чтобы из трубки не выходил воздух, ее покрывали снаружи слоем воска или битумоподобного вещества, добавляли деревянный или костяной мундштук. Естественно, что для стрельбы использовали более основательный дарт, оснащенный железной головкой

и коническим образом переплетенным куском коры в качестве уплотнителя (рис. 136). Что же касается яда, то его готовили в основном из вурали (*Strychnos toxifera*) и переносили в плотно закрытой трубке, так как он начинал распадаться при попадании влаги.

В ту же самую группу входит и японская духовая трубка фукидаке. Несмотря на свою длину в 9 футов, она очень легкая, поскольку изготовлена из двух кусков дерева, обвязанных слоями бумаги, называемой миногама. Дарт изготавливался из куска бамбука и оснащался бумажными перьями. Японцы также изготавливали духовую трубку, выдалбливая ее из цельного куска тростника примерно в 5 футов длиной. Она имела необычное отверстие с одной стороны на глубине нескольких дюймов от задней части. После помещения дартса задняя часть закрывалась пробкой с изогнутой рукояткой. Таким образом, можно было не опасаться того, что яд попадет в рот стрелка.

Образцы третьей группы обнаруживают по обеим сторонам Тихого океана. Так, кина с острова Суматра состояла из двух трубок, сделанных из местной разновидности бамбука, одна располагалась внутри другой. Лучшим образцом такой конструкции, впрочем, является пукуна гвианцев. Она представляет собой самую длинную из всех известных трубок для стрельбы, иногда ее длина достигала 11 футов, в то время как собственный вес доходил приблизительно до 1,5 фунта.

Внутренняя трубка пукуны изготавливалась из тонкостенного камыша *Agundinaria shomburgii*. Поскольку стенки оказывались тонкими, их укрепляли, помещая камышовую трубку внутри пальмовой. Промежуток между двух трубок заполняли воском, дульная часть укреплялась цилиндром из ореха *Aquiro*, к казенной части приделывался деревянный мундштук. И в конце добавлялись два передних зуба грызуна акури, выполнявшие функцию прицела.

Имевшие примерно 9 дюймов в длину дартсы изготавливались из стебля листа пальмы, обивались хлопком у основания (рис. 136) и переносились весьма оригинальным образом. Они переплетались как ступеньки веревочной лестницы через две веревки и затем скатывались вокруг палки с деревянным диском сверху, защищая таким образом хрупкие

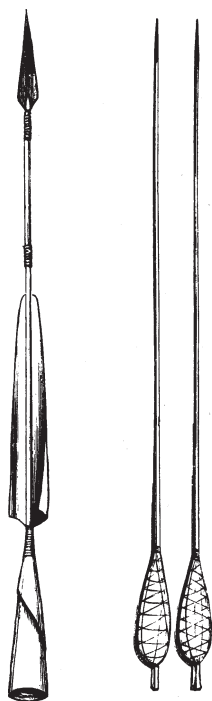

Рис. 136. Слева: охотник из Борнео, вооруженный духовой трубкой сумпитан, оснащенной лезвием с копьём. Справа: гвианский дротик зарабатана с основанием из намотанной коры и два дротика пукуна с основанием, подбитым хлопком

концы. Колчан делали из плотно сплетенного камыша, пропитанного куруманским воском.

Трубка для стрельбы оказалась оружием, которое функционировало в ограниченном пространстве джунглей, где на его полет не могло повлиять дуновение ветра. Добычей охотника в данном случае становились птицы и обезьяны, обычно в них попадали с расстояния 50—60 ярдов. Если их правильно заряжали и дули соответствующим образом, то

из духовой трубки можно было попасть и на расстоянии почти 150 ярдов.

Две интересные разновидности такого оружия встречаются в Индии. Одна из них использовалась малаяяли, она представляла собой миниатюрный гарпун с наконечником с шипами, плотно пригнанный к деревянному древку и соединенный с ним веревочной обмоткой вдоль всей длины древка. Веревка заканчивалась мягким помопоном, служившим в качестве уплотнителя. Ее также использовали для охоты на рыб в ручьях и озерах.

Другая разновидность применялась кадарами, из нее стреляли по птицам глиняными камушками, известными как калиману гунду (шарики из чернозема). Чтобы выпустить шарик с достаточной силой, способной оглушить птицу, требовалось проявить значительную силу. Похоже, что из такой трубки не удавалось преодолеть рубеж в 40 футов.

ТОПОР ДЛЯ ОХОТЫ НА СЛОНА

В эту главу, посвященную необычным охотничьим приспособлениям, следует обязательно включить описание методики, использовавшейся некоторыми отважными племенами Центральной Азии, чтобы убивать или лишать подвижности слонов (рис. 137). Необходимое действие осуществлялось с помощью огромного топора с рукояткой 6—7 футов длиной. Происходило же все следующим образом.

Два охотника начинали искать слона с большими бивнями, один из них нес топор, у другого не было ничего, может быть, иногда он брал копье. Найдя подходящего слона, они разделялись, вооруженный топором человек оставался позади слона, не видимый им, другой же отправлялся далеко вперед.

Когда слон замечал идущего впереди, человек с топором тихо подкрадывался к животному сзади и, когда подходил к нему совсем близко, наносил удар в заднее сухожилие (ахиллесову пяту), находящееся на передней ноге, на расстоянии 5 дюймов от земли. Животное обездвиживалось.

Заметим, что слону, в отличие от многих других животных, для передвижения необходимо пользоваться всеми че-

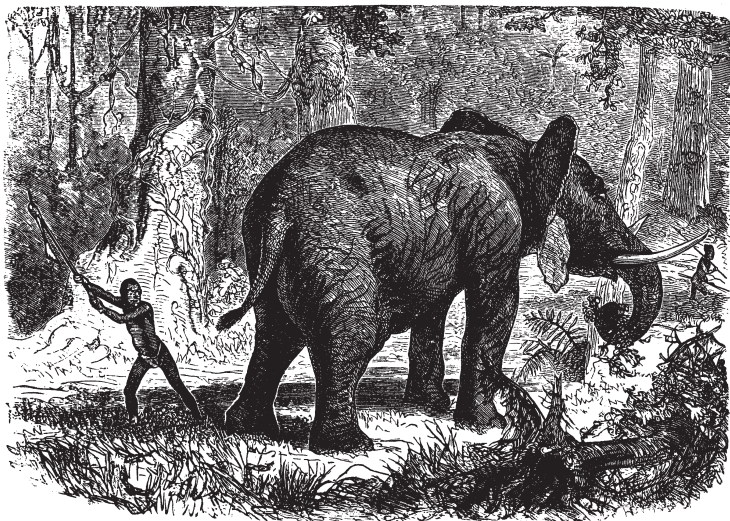

Рис. 137. Подрезание сухожилий у слона. Отметим, что другой охотник, находящийся перед слоном, выполняет отвлекающие маневры. Из книги Д. Ливингстона «Путешествия»

тырьмя ногами, на трех ногах он оказывается беспомощным. Иногда случилось так, что сухожилие не до конца повреждалось от удара. Правда, это не имело особого значения, поскольку из-за большой массы таких животных сухожилие разрывалось, как только испытывало сильное давление.

Как полагает Страдан, таким образом охотились достаточно давно, он сам приводит гравюру, где изображается подобный случай в 1578 г. Вынужденный основываться на охотничьих байках, художник добавляет, что охотники были троглодитами или пещерными жителями, «искусными в установке западней на слонов, могли схватить их за хвост, подрезать поджилки зверей и убить их, таким образом изувеченных».

На гравюре Этъена Делона (1519—1583) изображены первобытные люди, сражающиеся с разными животными. Один человек изображен с топором, прикрепленным к поясу, на спине удивительно покорного слона. Человек показан наизготове, явно собирающийся обездвигить животное.